

UK Praha

E17078

1004152024

217

В.С.Расторгуева

О ПЫТ
СРАВНИТЕЛЬНОГО
ИЗУЧЕНИЯ
ТАДЖИКСКИХ
ГОВОРОВ

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

В. С. Расторгуева

О П Ы Т
С Р А В Н И Т Е Л Ь Н О Г О
И З У Ч Е Н И Я
Т А Д Ж И К С К И Х Г О В О Р О В .

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

М о с к в а 1 9 6 4

ВВЕДЕНИЕ

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ТАДЖИКСКИХ ГОВОРОВ

Интенсивная работа по обследованию таджикских говоров, проводившаяся местными и центральными языковедческими учреждениями за последние 25—30 лет, уже дала положительные результаты. Накопленные за это время многочисленные материалы позволяют составить довольно ясное представление об основных типах диалектных расхождений в таджикском языке. На карте распространения таджикских говоров остается все меньше белых пятен.

В первом выпуске наших «Очерков по таджикской диалектологии»¹ мы дали перечень диалектологических работ, законченных до 1951 г., с краткими их аннотациями. Полный обзор всех опубликованных диалектологических исследований и материалов, вышедших в свет за период с 1900 по 1960 г. (включительно), представлен в нашей статье «История изучения таджикского языка в СССР»². После 1960 г. были изданы еще три монографии: Х. Ҳамроқулов «Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун» (Душанбе, 1961), А. Л. Хромов «Говоры таджиков Матчинского района» (Душанбе, 1962) и Л. В. Успенская «Говоры таджиков Гиссарского района» (Душанбе, 1962).

Нужно отметить, что помимо работ, получивших в том или ином виде публикацию, у различных исследователей-диалектологов накопилось некоторое количество материалов, ими еще вовсе не изданных. Так, Н. Бегбуди защитил в 1956 г. кандидатскую диссертацию на тему «Говор самаркандских таджиков», по которой пока опубликован только автореферат. Т. Н. Пахалиной совместно с Ю. И. Богорад собраны материалы по горонскому говору; А. А. Керимовой собраны материалы по говорам Фальгара и долины р. Фан-Дарьи, а также киплаков: Зебона, Фильмандара, Костароша (долина р. Зеравшан); Б. Н. Ниязмухамедовым собраны материалы по Шаартузу. Не изданы до сего времени материалы по южнокулябским говорам В. Яблонской и материалы покойного Л. Бузургзода по ряду говоров Ферганской долины.

Если принять во внимание все исследования по таджикской диалектологии, как опубликованные, так и неопубликованные, можно с полным правом сказать, что в настоящее время в распоряжении иранистов-диалектологов имеются сведения по говорам большинства основных районов таджикоязычного населения в пределах наших среднеазиатских республик. Сеть пунктов, более или менее изученных, на таджикской диалектологической карте оказывается довольно густой, хотя степень и глубина их изучения не одинакова.

¹ В. С. Расторгуева. Очерки по таджикской диалектологии, вып. 1. Варзобский говор таджикского языка. М., 1952, стр. 3—19.

² См.: «Очерки по истории изучения иранских языков». М., 1962, стр. 33—66.

Приводим обзор тех частей Таджикской и Узбекской ССР, которые были обследованы в диалектологическом отношении (перечисляем, начиная с юго-востока).

1. Горон — небольшая горная местность в пределах Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР, расположенная к югу от Хорога в узком пространстве между Шахдаринским хребтом и р. Пяндж. В диалектологическом отношении в Гороне наиболее изучены кишлаки Авдароб, Вогдз и Козиди. Левобережный Горон находится в Афганистане.

Исследованием горонского говора занимались А. Н. Болдырев, Ю. И. Богорад и Т. Н. Пахалина. Материалы, собранные А. Н. Болдыревым, опубликованы им в статье «Бадахшанский фольклор»³; материалы Ю. И. Богорад — в ее статье «Горонский говор таджикского языка» («Иранский сборник». М., 1963). Остальные материалы еще не изданы.

2. Ванч — долина р. Ванч в Припамирье, входящая в состав Ванчского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР: с/с Рохарвский, Техарвский и Ровандский. Ванчские говоры изучала А. З. Розенфельд, которая проводила диалектологические записи в кишлаках Бихчарвак, Вискрог, Рохарв, Седварг, Сед, Потоу, Мдихарв, Гишхун. Некоторые отрывочные сведения об особенностях фонетики, грамматического строя и лексики говоров можно почерпнуть из небольших статей А. З. Розенфельд «Ванчские говоры»⁴ и «К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях»⁵, а также из ее работы «Дарвазские говоры таджикского языка»⁶. Материалы в целом еще не опубликованы.

3. Дарваз — горная местность на южной окраине Таджикистана, протянувшаяся по правому берегу Пянджа и ограниченная с севера и северо-запада Дарвазским хребтом, с запада — хребтом Хазретиша, с юга — р. Пяндж, с востока — долиной р. Ванч. Крайний восточный дарвазский кишлак по р. Пяндж — Зыгар, крайний южный (точнее — юго-западный) вниз по течению Пянджа — Пошхарв, крайний северный (к северу от Пянджа) — Гишун. В настоящее время советский Дарваз территориально совпадает с Калай-Хумбским районом Таджикской ССР; до революции входил в состав Дарвазского бекства. Левобережный, или южный, Дарваз расположен на территории Афганистана.

Обследование советского Дарваза в диалектологическом отношении велось в основном двумя исследователями — А. З. Розенфельд и Р. Л. Неменовой. А. З. Розенфельд посетила кишлаки Сафедорон, Зев, Хумбивари, Калай-Хумб, Умарак, Зинг, Паткиноу, Ягид, Ризвай и Кеврун. Результаты исследования опубликованы ею в статье «Дарвазские говоры таджикского языка»⁷. Р. Л. Неменова обследовала кишлаки Порйови-Боло, Джорф, Кырговат, Порйови Поён, Умарак, Зинг, Кади-Шекай, Сангевин-Дароз, Дуробак, Ризвай, Кеврун, Хумбивари и местность Хумдара по течению р. Хумбоу, включавшую Калай-Хумбский и Хостский с/с. Собранные ею материалы еще не опубликованы. Благодаря любезности Р. Л. Неменовой мы имели возможность ознакомиться с ними в рукописи и с ее разрешения использовали их в данной работе. Интересные сведения по вокализму дарвазских говоров, вносящие важные уточнения в описание их фонетической системы, данное А. З. Розенфельд, содержатся в статье З. Вохидова и особенно в статье Р. Л. Неменовой⁸.

³ «Советское востоковедение», V. М. — Л., 1948, стр. 278—294.

⁴ «Доклады АН Таджикской ССР», вып. V. Сталинабад, 1952, стр. 49—53.

⁵ «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI, 1956, стр. 273—280.

⁶ Там же, стр. 196—272.

⁷ Там же.

⁸ См.: З. Вохидов. Макоми у ва ӯ дар лаҳҷаи Дарвоз. «Сборник студенческих научных работ Таджикского гос. ун-та», вып. I. Сталинабад, 1954; Р. Л. Неменова. Вокализм таджикских говоров Дарваза. «Иранский сборник». М., 1963.

Некоторые сведения о дарвазских говорах и попытка их классификации представлены в статье С. И. Климчицкого «Дарвазские фахлавийот»⁹.

4. Вахио-Боло — горная местность, расположенная в верховьях р. Хингоу, в тупике между хребтами Дарвазским, Петра I и Академии наук. Дарвазский хребет отделяет Вахио-Боло от Дарваза, хребет Петра I — от Каратегина и Киргизии, хребет Академии наук — от Памира. Вахио-Боло включает в себя Сангворский и половину Лоджирского с/с. Центром является кишлак Сангвор. До революции Вахио-Боло входило в состав Дарвазского бекства.

Исследованием вахио-болинского говора занимался Н. А. Кисляков, проводивший записи в кишлаке Сангвор. Результаты исследования опубликованы им в статье «Описание говора таджиков Вахио-Боло»¹⁰. Кроме того, сведения об этом говоре можно почерпнуть из уже упоминавшейся статьи А. З. Розенфельд «Дарвазские говоры таджикского языка».

5. Чилдара — местность, расположенная на правом берегу р. Хингоу и ее притоках. Населена таджиками группы хлэз (выходцами с верховьев Ях-Су). Входит в состав Комсомолабадского района Таджикской ССР. Исследованием говора Чилдары занималась Р. Л. Неменова. Собранные ею материалы еще не опубликованы.

6. Каратегин — местность, расположенная по долине р. Сурхоб и ее притоков (Сорбух и Камароу) в юго-восточной части Таджикской ССР. До революции на этой территории находилось Каратегинское бекство. А. З. Розенфельд, занимавшаяся диалектологическим обследованием Каратегина, выделяет в нем два основных говора: 1) левобережный, распространенный в сельсоветах Навданакомском, Калайсурхском, Булькосском, Яхакпатском, Лянгарито, Нушорском (на левом берегу р. Сурхоб), а также в г. Хаите, в долине р. Ясман (правый берег р. Сурхоб) и в верхней части ущелья Комароу; 2) правобережный, распространенный в сельсоветах Казнокском, Навдинском, Джафрском, Каланакомском (Хныч — правый берег р. Сурхоб), Шультмаком, Шингличском (долина р. Сорбух), Пингонском (нижняя часть ущелья Камароу), Сарыпульском (Хост — левый берег р. Сурхоб). Диалектологические записи проводились ею: 1) по левобережному говору в кишлаках Яхакпат, Калай-Лаби-Об, Хаит, Язганд (нижнее Вахио); 2) по правобережному говору в кишлаках Бедак, Навди, Лояк, Кочони пойон, Халкарф (Навдинакский сельсовет), Ялдымич, Харбак, Хуфак, Калаимина, Шомирзоён, Каланак (Каланакский сельсовет), Шинглич, Пингон, Сангихо (Хост), Казнак, Хумдон. Результаты исследования опубликованы в ее статье «Говоры Каратегина»¹¹ и в небольшой работе того же названия¹².

7. Куляб — обширная территория в бассейне рек Кзыл-Су и Ях-Су. Территориально совпадала с существовавшей до недавнего времени Кулябской областью Таджикской ССР. Ныне это районы республиканского подчинения. До революции эта территория была разделена между Кулябским и Бальджуанским бекствами. Диалектологическим обследованием Куляба занимались Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад и В. Яблонская под руководством В. С. Соколовой и И. И. Зарубина. Р. Л. Неменова изучала северно-кулябские говоры, которые распространены в Ховалингском, Бальджуанском, Сарихасорском, Муминабадском районах Таджикской ССР. Непосредственно стационарная работа и запись текстов проводились ею: в Муминабадском районе в кишлаках Муминабад, Чарги-Боло (с/с Гофилабад), Кипчак (с/с Деи-Баланд); в Хова-

⁹ «Труды Таджикской базы АН СССР», т. IX. Сталинабад, 1940.

¹⁰ «Труды Таджикстанской базы АН СССР», т. III Лингвистика. М.—Л., 1936, стр. 29—57.

¹¹ «Иранские языки». М.—Л., 1950, стр. 145—168.

¹² А. З. Розенфельд. Говоры Каратегина. «Труды АН Таджикской ССР», т. ХСIII, 1960.

лингском районе в кишлаках Ховалинг, Заргарон (с/с Джонбахт), Мазори-Султон, Дай-Та (с/с Гулистон); в Сарихасорском районе в кишлаках Шайдан (с/с Афарди), Мулокони, Дашти-Шуро (с/с Дашти-Шуро); в Бальджуанском районе в кишлаках Бальджуан, Саталмуш (с/с Саталмуш), Зогнуль, Дарай-Мургон (с/с Хом), Дехбуль (с/с Хазлагат). Результаты работы опубликованы ею в книге «Кулябские говоры таджикского языка (северная группа)»¹³, а также в статьях «Некоторые особенности бальджуанских говоров таджикского языка»¹⁴ и «Изучение юго-восточных таджикских говоров»¹⁵. Ю. И. Богорад занималась исследованием так называемых рогских говоров, имеющих распространение в юго-восточной части Шуроабдского района Таджикской ССР (с/с Ходжагалтон, частично — с/с Джилга и Кодара) вдоль границы с Даштиджумским районом и в одном кишлаке (Афтобзамин сельсовета Йол) в южной части Даштиджумского района. Она побывала в кишлаках Ходжагалтон, Севдара, Новобод, Бадринг — с/с Ходжагалтон, кишлаке Балуч — с/с Джилга, кишлаке Анджиркон — с/с Кодара и кишлаке Афтобзамин — с/с Йол. Результаты исследования опубликованы ею в большой статье «Рогские говоры таджикского языка»¹⁶. В. Яблонская изучала южно-кулябские говоры, имеющие распространение в г. Кулябе и к югу от него в близлежащих селениях в Шуроабдском районе и южной части Даштиджумского района. Ею опубликована лишь небольшая часть собранных материалов в статье «Особенности даштиджумского говора таджикского языка»¹⁷. Некоторые сведения о всей группе кулябских говоров в целом даны в статье В. С. Соколовой «Итоги кулябской диалектологической экспедиции»¹⁸. Характеристика вокализма всех кулябских говоров (а также каратегинских) дается в статье В. С. Соколовой, Р. Л. Неменовой и Ю. И. Богорад «Новые сведения по фонетике иранских языков»¹⁹ (раздел «Юго-восточные говоры таджикского языка»).

8. Гиссар — Гиссарский район Таджикской ССР (часть Гиссарской долины). До революции входил в состав Гиссарского бекства. Изучением двух гиссарских говоров, долинного и горного, занималась Л. В. Успенская, которая вела записи и наблюдения по долинному говору в кишлаках Гиссар, Кончи (Гиссарский с/с), Гачак (с/с Ханака), Туда, Авзикенк (с/с Мирзо-Ризо), Алмасы, Кипчак, Хелисай (с/с Алмасы); по горному говору в кишлаках Ходжичилдиёри-поён (с/с Мирзо-Ризо), Искич, Горная Ханака, Истони (с/с Горная Ханака). Результаты исследования опубликованы ею в работе «Говоры таджиков Гиссарского района»²⁰.

9. Варзоб — долина р. Варзоб (Варзобский район Таджикской ССР), находящаяся севернее г. Душанбе. На территории Варзоба имеется несколько говоров: варзобӣ, вилоятӣ, кулобӣ, каратегинӣ. Упомянув слово «Варзоб» в данной работе без дополнительных пояснений, мы подразумеваем обычно территорию распространения собственно варзобского говора (варзоби), т. е. кишлаки, расположенные по среднему течению Варзоба — Фанфарок, Варзоб-Кала, Оби-Оджук, Оджуки-Дара, Зимчурут, Бегар, Гажни, Гушары, Пугузи и Ходжи-Оби-Гарм, и два

¹³ Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка. Сталинабад, 1956.

¹⁴ «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1954, № 5, стр. 137—146.

¹⁵ «Ученые записки Таджикского гос. ун-та», т. II. Серия гуманитарных наук, 1954, стр. 181—193.

¹⁶ «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI, 1956, стр. 133—195.

¹⁷ «Ученые записки Сталинабадского пед. ин-та». Серия филол., 1954, т. 4.

¹⁸ «Труды Таджикского филиала АН СССР», т. XXIX. История, археол., этногр., язык и лит-ра, 1951.

¹⁹ «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. I, 1951, стр. 154—172.

²⁰ Л. В. Успенская. Говоры таджиков Гиссарского района. Душанбе, 1962.

кишлака в с/с Варзоби-Боло (к востоку от долины р. Варзоб по долине р. Душоха) — Деамалик и Тагоб. Описание варзобского говора (и тексты) представлены в первом выпуске наших «Очерков по таджикской диалектологии»²¹. Кроме того, некоторые сведения по фонетике и морфологии содержатся в нашей статье «К характеристике варзобского говора таджикского языка»²². Непосредственные наблюдения и записи проводились в кишлаках: Варзоби-Кала, Зимчурут, Пугузи и Деамалик.

10. Каратаг — местность, расположенная на южных склонах Гиссарского хребта в долине р. Каратаг (приток р. Сурхан-Дарья). До революции Каратаг входил в состав Гиссарского бекства. В 1947—1948 гг., когда Л. В. Успенская, описавшая каратагский говор, собирала там диалектологические материалы, на территории Каратага было два сельсовета — Каратагский и Пуштимиевский, каждый из которых включал в себя 17 кишлаков. Из них 14 кишлаков с таджикским населением, 17 со смешанным таджико-узбекским (но с явным преобладанием таджиков) и три кишлака с узбекским. Позднее оба сельсовета были объединены в один — Каратагский. Во всех таджикских кишлаках (кроме кишлака Хакими, населенного выходцами из Каратегина) говор однородный. Имеющиеся в настоящее время диалектологические материалы по каратагскому говору собраны в кишлаках Каратаг, Пуштимиев, Патру и Савургон²³. В последнее десятилетие большая часть жителей горных кишлаков переселилась в долину, в хлопководческие колхозы Шахринауского района. Описание говора жителей Каратага дано Л. В. Успенской²⁴.

11. Байсун — местность, расположенная к западу от р. Сурхан-Дарья. По существующему административному делению это Байсунский район Сурхан-Дарьинской области Узбекской ССР. До революции Байсун представлял собою особое Байсунское бекство, входившее в состав Бухарского ханства. Говоря о Байсуне, мы подразумеваем только северо-западную его часть, в которой распространены говоры байсунской группы: собственно байсунский — кишлаки Пасурхи, Кучкак, Сарисий, Авлод и дербентский — кишлаки Дербент, Сайроб, Панджоб. Таджикские кишлаки имеются также в северо-восточной части Байсунского района, но их говоры, сильно отличающиеся от байсунской группы, пока еще не описаны. Изучением байсунского и дербентского говоров занимался Х. Хамрокулов. Результаты исследования опубликованы им в книге «Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун»²⁵. Сведения о предлогах и послелогах в дербентском говоре содержатся в его статье «Пешоянд ва пасояндҳои шеваи Дарбанд (аз ғуруҳи шеваи Бойсун)»²⁶.

12. Матча — местность, расположенная в верховьях р. Зеравшан, граница которой на западе (вниз по течению Зеравшана) проходит западнее кишлака Обурдов. До 1957 г. это был Матчинский район Таджикской ССР, включавший семь сельсоветов: Обурдов, Падрох, Гузи, Эсиз, Матча, Пальдорак, Лангиф. С 1956 г. началось массовое переселение из Матчи на земли вновь осваиваемого Дальверзинского массива (к северу от Ленинабада). До революции на территории Матчи было Матчинское бекство, входившее в состав Бухарского ханства.

²¹ В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 1.

²² «Вестник МГУ», 1948, № 6, стр. 33—39.

²³ Л. В. Успенская. Каратагский говор таджикского языка. Сталинабад, 1958.

²⁴ Там же.

²⁵ Х. Хамрокулов. Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун. Душанбе, 1963.

²⁶ «Очеркҳои оид ба филологияи тоҷик. Маҷмуаи илми аспирантҳо». Ҷилди IV. Сталинобод, 1958, стр. 136—147.

На территории Матчи различаются две группы говоров — верхнематчинские и нижнематчинские. В связи с этим в данной работе в ряде мест мы говорим о верхней и нижней Матче. Верхняя Матча включает в себя сельсоветы Матча, Пальдорак, Лангиф; нижняя Матча — сельсоветы Эсиз, Падрох, Обурдон, Гузн. Матчинские говоры изучал А. Л. Хромов. Непосредственные записи и наблюдения проводились им по верхнематчинским говорам в кишлаках Матча (Мадрушкат), Падаск, Рог, Пальдорак, по нижнематчинским говорам — в кишлаках Пастигав, Гузн, Сурхат, Падрох, Обурдон, Газ, Арсовит, Рувоск, Резгиф. Результаты исследования им опубликованы в книге «Говоры таджиков Матчинского района»²⁷ и статьях «Особенности вокализма матчинских говоров»²⁸ и «Некоторые грамматические особенности говоров Матчи»²⁹.

13. Фальгар — местность в верховьях р. Зеравшан (по течению реки). Восточная ее граница проходит около кишлака Обурдон (к западу от него), восточная — около р. Кштут, притока р. Зеравшан (селение Дашти-Кази). По существующему административному делению это район Айни Таджикской ССР. До революции на этой территории находилось Фальгарское бекство. Изучением фальгарских говоров занималась А. А. Керимова. Непосредственные записи и наблюдения проводились ею в кишлаках Урметан, Дар-Дар, Рарз, Пахурд, Вешаб, Шаватки-Боло. Материалы еще не опубликованы. С разрешения А. А. Керимовой они использованы в данной работе.

14. Долина р. Фан-Дарьи (притока р. Зеравшан). По существующему административному делению входит в состав района Айни Таджикской ССР. До революции на этой территории находилось Фанское бекство. Говоры долины р. Фан-Дарьи изучала А. А. Керимова. Ею были проведены записи в кишлаках Шурмашк, Пети, Пинйон, Такфон. Материалы еще не опубликованы. С разрешения А. А. Керимовой они использованы в данной работе.

15. Город Пенджикент, находящийся на берегу р. Зеравшан в среднем ее течении. В настоящее время — административный центр Пенджикентского района Таджикской ССР. Изучением пенджикентского говора занималась С. Ю. Иванова. Результаты исследования опубликованы ею в автореферате кандидатской диссертации «Говор таджиков города Пенджикента»³⁰ и в статье «Материалы по пенджикентскому говору таджикского языка»³¹.

16. Кишлаки Зебон, Фильмандар, Костарош. Расположены в южной части Пенджикентского района (к югу от г. Пенджикента). Некоторые сведения о говорах этих кишлаков содержатся в уже упоминавшемся автореферате кандидатской диссертации С. Ю. Ивановой «Говор таджиков города Пенджикента» (стр. 10—11) и в ее статье «Материалы по пенджикентскому говору таджикского языка» (стр. 288, 289—290 и 339—342). Более детально их изучала А. А. Керимова (1959 г.), материалы которой, к сожалению, еще не изданы. С разрешения А. А. Керимовой они использованы в данной работе.

17. Город Самарканд (Узбекская ССР). Изучением собственно самаркандско-таджикского говора занимался Н. М. Бегбуди (1951—1953 гг.). Результаты исследования изложены им в кандидатской диссертации «Говор самаркандских таджиков», автореферат которой был опублико-

²⁷ А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962.

²⁸ «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1958, № 1, стр. 7—20.

²⁹ «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1959, № 1/19, стр. 25—68.

³⁰ С. Ю. Иванова. Говор таджиков города Пенджикента. (Автореф. канд. дисс.). М., 1952.

³¹ «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI, 1956, стр. 281—342.

ван в 1954 г.³² Рукопись диссертации была любезно предоставлена им в наше распоряжение и с разрешения автора частично использована в данной работе.

Изучением говора самаркандских евреев, сильно отличающегося от собственно самаркандско-таджикского, занимался проф. И. И. Зарубин (1926—1927 гг.). Результаты исследования опубликованы им в работе «Очерк разговорного языка самаркандских евреев»³³.

18. Город Бухара (Узбекская ССР). Изучением бухарского говора занималась А. А. Керимова (1954 г.). Результаты исследования опубликованы³⁴.

19. Ура-Тюбе, Гончи, Шахристан (Таджикская ССР). Из них Ура-Тюбе — небольшой город, расположенный почти в центре обширной равнины к северу от Туркестанского хребта. В настоящее время — административный центр Ура-тюбинского района Таджикской ССР. Гончи — большой кишлак, находящийся к северу от г. Ура-Тюбе, входит в состав Ура-тюбинского района. Шахристан — большой кишлак, расположенный южнее г. Ура-Тюбе и являющийся административным центром Шахристанского района Таджикской ССР. Описание говоров Ура-Тюбе, Шахристана и Гончи дано в выпуске 4 наших «Очерков по таджикской диалектологии»³⁵.

20. Ферганская долина. Расположена в бассейне р. Сыр-Дарьи (в среднем ее течении) к востоку от с. Беговат. Западная ее часть (Ленинабадский, Канибадамский, Исфаринский, Чкаловский районы), а также — частично — северо-западная (Аштский район) входит в состав Таджикской ССР; северо-восточная, центральная и южная часть (Кокандская, Наманганская, Ферганская области) — в состав Узбекской ССР. Основное таджикоязычное население сосредоточено в западной и северо-западной частях Ферганской долины (Ленинабадский, Канибадамский, Исфаринский, Чкаловский районы Таджикской ССР), хотя и здесь таджикские кишлаки чередуются с узбекскими. В северо-восточной, центральной и южной частях Ферганской долины (Кокандская, Наманганская, Ферганская области Узбекской ССР) таджикские кишлаки являются как бы островками среди сплошной массы узбекоязычных селений. В западной части Ферганской долины диалектологическому обследованию подвергались Ленинабад, Канибадам, Исфара. Материалы по канибадамскому говору с краткой характеристикой его фонетики и грамматического строя представлены в работах Л. Бузургзода «Чорбайтҳои халқи ва хусусиятҳои шеваи Конибодом»³⁶ и Б. Н. Ниязмухамедова «Канибадамское наречие таджикского языка»³⁷. Сравнительное описание ленинабадского, канибадамского и исфаринского говоров (с образцами разговорной речи) даны в третьем выпуске наших «Очерков по таджикской диалектологии»³⁸. Кроме того, покойным Л. Бузургзодой были собраны материалы по говорам кишлаков Чильгазы и Воруха (Исфаринский район), но они, к сожалению, пока еще не изданы. В северо-западной и северо-восточной частях Ферганской долины диалектологическому обследованию подвергались кишлаки: Хиштхона, Шайдан и Ашт — в Аштском районе Таджикской ССР, Кассансай — в Кассансайском районе На-

³² Н. М. Бегбудия. Говор самаркандских таджиков. (Автореф. канд. дисс.). М., 1956.

³³ «Иран», т. II, Л., 1928, стр. 95—180.

³⁴ А. А. Керимова. Говор таджиков Бухары. М., 1959.

³⁵ В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 4. Южно-ферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры ура-тюбинской группы. М., 1961, стр. 125—221.

³⁶ «Известия Таджикского филиала АН СССР», 1946, № 1.

³⁷ Б. Ниязмухамедов. Канибадамское варечие таджикского языка. Сталинабад, 1951.

³⁸ В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 3. Ленинабадско-канибадамская группа северных таджикских говоров. М., 1956.

манганской области Узбекской ССР и г. Чуст — в Чустском районе Наманганской области Узбекской ССР. Материалы по чустскому говору с краткой характеристикой его фонетики и грамматического строя помещены в книге О. Джалалова «Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному языку»³⁹. Сравнительное описание говоров Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста и Кассансая (с образцами разговорной речи) дано во втором выпуске наших «Очерков по таджикской диалектологии»⁴⁰. Данные по кассансайскому говору, кроме того, имеются в статье А. К. Боровкова «Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков»⁴¹. В южной части Ферганской долины диалектологическому обследованию подвергался кишлак Риштан, являющийся административным центром Куйбышевского района Ферганской области Узбекской ССР (на карте значится под наименованием «Куйбышево»). Описание риштанского говора (с текстами) содержится в четвертом выпуске наших «Очерков по таджикской диалектологии»⁴². Изучением этого говора занимался также Л. Бузургзода, но его материалы, к сожалению, еще не изданы.

21. Сох — местность, расположенная по долине р. Сох (приток Сыр-Дарьи) в среднем ее течении. Территориально равняется Сохскому району Узбекской ССР. Помимо сохского говора, тут имеются также говоры южного типа, на которых говорят переселенцы из южных районов Таджикистана (главным образом из Каратегина). Говоря о Сохе, мы подразумеваем лишь ту его часть, где распространен собственно сохский говор, т. е. кишлаки Раван (районный центр, на карте значится как «Сох»), Сари Канда, Янги Арык, Кала, Чумокча, Мургон, Пидирган, Демурсат, Оби Шир, Чоркуча, Сафедкон, Чашма, Лембур, Газнау. Сбор диалектологических материалов проводился в кишлаке Сари Канда. Описание сохского говора (с текстами) содержится в четвертом выпуске наших «Очерков по таджикской диалектологии»⁴³.

22. Верховья р. Чирчика. Употребляя это название, мы подразумеваем место распространения так называемых верхнечирчикских⁴⁴ таджикских говоров. Это сельсоветы Брич-Мулла, Нанай, Узун, Пскем, Богустан, расположенные между Пскемским и Угамским хребтами по левому берегу р. Пскем (приток р. Чирчик, впадающей в него в самой верхней его части). По существующему административному делению они входят в состав Бастандыкского района Узбекской ССР. Описание всех верхнечирчикских говоров (бричмуллинский, богустанский, нанайский) дано в работе К. Т. Тагировой «Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР»⁴⁵. Бричмуллинский говор, кроме того, описан в кандидатской диссертации Н. С. Аделунга «Бричмуллинский диалект таджикского языка», автореферат которой был опубликован в 1953 г.⁴⁶ Сведения по фонетике богустанского говора содержатся в статье Н. С. Аделунга «Фонетический строй богустанского говора таджикского языка»⁴⁷.

³⁹ О. Джалалов. Отношение чустского диалекта к таджикскому литературному языку. Сталинабад, 1949.

⁴⁰ В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан—Ашт—Чуст—Кассансай. М., 1952.

⁴¹ «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. IV. М., 1952.

⁴² В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 4, стр. 5—52, 66—193.

⁴³ Там же, стр. 53—65 и 104—122.

⁴⁴ К. Т. Тагирова. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР. Сталинабад, 1959.

⁴⁵ Там же.

⁴⁶ Н. С. Аделунг. Бричмуллинский диалект таджикского языка. (Автореф. канд. дисс.). Сталинабад, 1953.

⁴⁷ «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1959, № 1/19, стр. 35—44.

УСЛОВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ТАДЖИКСКИХ ГОВОРОВ

Таджики — один из древнейших народов Средней Азии. Завершение процесса формирования таджикского народа Б. Гафуров, известный таджикский историк, относит к периоду образования Саманидского государства, т. е. к IX в. н. э. Начало этого процесса он датирует VII в. н. э. Примерно к середине IX в. н. э. относится образование литературного языка фарси (или фарсии дари, как его иногда называли в то время), который впоследствии на длительное время стал общим литературным языком для всех ираноязычных народов, населяющих территорию современной Средней Азии, Афганистана и Ирана. Расхождение и обособление персидского и таджикского литературного языков, как известно, относится к очень позднему времени.

Территория, на которой живут таджики, на протяжении всей их истории являлась ареной многих кровопролитных войн, феодальных междоусобиц, набегов, неоднократно опустошалась полчищами иноземных захватчиков (Александра Македонского, арабов, монголов). Государственные границы, в пределах которых жили таджики и их предки, соответственно очень сильно менялись. В VI—IV вв. до н. э. Средняя Азия входила в состав огромной империи Ахеменидов, включавшей в себя, помимо этого, территорию современного Ирана, Армении, Ирака, Сирии и др. В дальнейшем эта территория неоднократно то дробилась между отдельными государствами, то вновь объединялась. Так, в состав государства Саманидов (X в. н. э.) входил Мавераннахр, Хорасан, ряд областей современных Ирана и Афганистана. При Тимуре (XIV в. н. э.) в состав образованного им государства входили: Мавераннахр, Хорезм, прикаспийские области, территории современных Ирана, Афганистана, часть Индии. При Тимуридах (XV в. н. э.) опять происходит распад этого огромного государства, в частности Мавераннахр, Хорасан, Герат разделяются, войдя в состав разных государств.

В XV в. образовалось Бухарское ханство, в которое вошла большая территория, заселенная таджиками в пределах нашей Средней Азии. Феодальная раздробленность все более усиливается. В частности, южные районы современного Таджикистана постоянно сохраняют относительную самостоятельность в пределах Бухарского ханства (Дарвазское, Кулябское, Бальджуанское, Гиссарское бекства). Относительно самостоятельными остаются также районы верховьев р. Зеравшан и ее притоков — Ягноба и Фан-Дарьи (Матчинское, Фальгарское, Ягнобское, Фанское бекства). В 1866 г. Бухарское ханство было присоединено к России.

В настоящее время таджики расселены в Средней Азии на весьма обширной территории. Основная их масса живет в Таджикистане. Кроме того, они расселены в ряде районов Узбекистана (в Бухарской, Самаркандской, Ташкентской, Сурхандарьинской, Наманганской, Кокандской, Андижанской и Ферганской областях) и в значительно меньшем количестве — в Киргизии и Казахстане. Самые крайние северные таджикские кишлаки расположены в верховьях р. Чирчик около горного хребта Чаткал. Предельным пунктом выдвижения таджиков на север считают кишлак Бискан (42° северной широты). На западе крайние таджикские кишлаки находятся в Бухарской области Узбекской ССР. На востоке таджикские кишлаки подходят к восточным границам Таджикистана (на Памире). На юге расселение таджиков в пределах СССР ограничивается р. Пяндж, по которому проходит государственная граница. Далее к югу, в Афганистане, таджики заселяют северные склоны Гиндукуша и прилегающие к ним долины (Восточный Бадахшан), а также значительную часть Гератской провинции и некоторые селения в районах, прилегающих к Кабулу. К юго-востоку от Гиндукуша

таджикские селения вкраплены местами среди других иноязычных народностей и по мере приближения к границе Афганистана с Индией встречаются все реже и реже.

Большая часть территории, заселенной таджиками — это горная страна. Жизнь сосредоточена здесь главным образом в долинах рек. Более или менее обширные равнины имеются лишь в северных районах Таджикистана и в Узбекистане. Некоторые районы в южной и центральной частях Таджикистана (Горон, Ванч, Дарваз, Вахио-Боло, Матча, Фальгар), а также — частично — в Узбекистане (таджикские кишлаки в верховьях р. Чирчик — Брич-Мулла, Нанай, Узун, Пскем, Богустан) отделены от соседей высокими горами. Даже сейчас, когда построено много новых дорог и открыт воздушный путь, сообщение с ними все же сильно затруднено, особенно зимой, когда перевалы бывают закрыты. В дореволюционное время они целыми месяцами бывали отрезанными от остального мира. Это обстоятельство в значительной степени способствовало консервации говоров, их обособленности друг от друга.

Северные районы Таджикистана, а также большинство таджикских населенных пунктов в Узбекистане, Киргизии и Казахстане расположены в более ровной местности. Горы здесь хотя и имеются, но они не такие высокие, много широких, плодородных равнин. Сообщение между кишлаками хорошее. Но таджикские районы, а иногда и отдельные кишлаки в этих местах зачастую значительно удалены друг от друга и отделены иноязычными районами или кишлаками, а кое-где представляют собою островки в массе иноязычного населения. Это также способствовало изоляции говоров.

Основными хранителями наиболее традиционных черт говоров в дореволюционное время (а в известной мере и сейчас) являлись женщины, которые в силу специфических особенностей восточного мусульманского семейного уклада очень редко выезжали за пределы своего родного кишлака. Основными проводниками инодialeктного (и иноязычного) влияния были молодые мужчины, уходившие в другие районы на отхожие промыслы.

Обширное пространство, на котором разбросаны таджикские селения, как мы уже видели, отнюдь не все заселено таджиками. Сплошное таджикское население есть лишь на территории, простирающейся к югу от Туркестанского хребта и прилегающей к нему части Алайского хребта вплоть до р. Пяндж. Далее к югу оно продолжается уже за пределами СССР, в Афганистане. Однако и на этой территории имеются иноязычные народы. Это главным образом узбеки, в меньшем количестве арабы, киргизы, а в центральных районах Таджикистана (Варзоб, Ягноб, часть долины Зеравшана) — ягнобцы. Далее на север и на запад таджикские кишлаки либо чередуются с узбекскими (Бухарский, Самаркандский, Ура-Тюбинский, Ленинадский, Канибадамский, Исфаринский районы), либо сами вкраплены в территорию, сплошь заселенную другими народами — узбеками (Риштан), казахами (Брич-Мулла), киргизами (селения вблизи г. Ош).

На большей части территории своего расселения таджики непосредственно соприкасаются со многими иноязычными народами: на юго-востоке — с памирцами, говорящими на родственных, но все же далеких от таджикского языка восточно-иранских языках, в центральных районах — с ягнобцами, на севере — с различными тюркоязычными народами — узбеками, казахами, киргизами.

Во всех северных селениях таджиков (к северу от Туркестанского хребта и на западе — в Бухарской и Самаркандской областях Узбекской ССР) широко развито двуязычие. Большинство таджиков, жителей этих мест, с детства владеет двумя языками — таджикским и уз-

бекским. Степень распространения двуязычия среди северных таджиков и его формы не одинаковы в различных областях и районах. Особенно яркие формы приобрело двуязычие среди таджиков в Чустском и Кассансайском районах Узбекской ССР и таджикских кшплагах Бастандыкского района Узбекской ССР, где все таджики одинаково хорошо владеют обоими языками — таджикским и узбекским. В несколько меньшей степени двуязычие развито в Ленинабадском, Канибадамском и Исфаринском районах, где некоторые женщины и дети плохо владеют узбекским языком или даже вовсе его не знают. В Бухаре и Самарканде также далеко не все таджики владеют узбекским языком, многие женщины, особенно пожилые, понимая узбекский язык, не говорят по-узбекски. Многолетнее соседство с узбеками и массовое двуязычие не прошли бесследно для таджикских говоров. Они в сильной степени подверглись влиянию узбекского языка. Вопросы влияния других языков тюркской группы (казахского, киргизского) на таджикские говоры в настоящее время изучены очень мало.

Для того чтобы уяснить всю сложность обстановки, в которой формировались таджикские говоры, необходимо упомянуть еще об одном весьма важном обстоятельстве. Дело в том, что в ряде мест таджики ассимилировали иноязычные, преимущественно восточно-иранские, народности. На территории Согдианы, как известно, еще в VIII в. имел широкое распространение согдийский язык. В настоящее время его потомок — ягнобский язык — сохранился лишь по долине р. Ягноб и в некоторых кшплагах Варзобского района. В других местах он был вытеснен таджикским языком. Известно также, что еще совсем недавно, лет 200—300 тому назад, в долине р. Ванч был распространен исчезнувший теперь ванчский язык, относившийся к числу памирских. Наличие этого языка в прошлом на территории долины р. Ванча было установлено в 1916 г. И. И. Зарубиным, нашедшим тогда там старика и старуху, которые еще помнили, что когда они были детьми, в их семье пользовались другим языком — не таджикским. Они знали из этого языка несколько слов, которые были записаны И. И. Зарубиным. На основе этих записей можно было установить, что старый ванчский язык относился к числу памирских.

Все эти факты говорят о наличии в ряде мест у таджикских говоров иноязычного субстрата.

Для характеристики условий, в которых бытуют таджикские говоры, весьма важное значение имеют вопросы передвижения, переселения самих таджиков из одних районов в другие. Нам известны переселения старее, трудно датируемые (200—300 лет тому назад) из южных районов на север, как результат различных феодальных междоусобиц, войн и т. п. Довольно большое число переселенцев с юга (из Куляба, Каратегина, Дарваза) живет в настоящее время в Ферганской долине (вблизи Ферганы, Оша, Коканда, Андижана), а также в ряде районов, находящихся вблизи Душанбе (Варзобский, Гиссарский районы).

В наше время, уже в течение многих лет идет массовое переселение таджиков из горных районов в плодородные, хлопководческие равнины. Так, начиная с 30-х годов, интенсивно заселялась Вахшская долина, а с 40-х годов — районы Пархара, Колхозабада, Курган-Тюбе, Шахринау и др. Интересно отметить, например, такой факт, что Л. В. Успенская при издании своей книги «Каратагский говор таджикского языка», вышедшей в свет в 1956 г., была вынуждена сделать оговорку, что сведения о территории распространения каратагского говора, приведенные ею в книге по данным 1948 г., теперь уже неверны, так как большинство каратагцев за это время переселилось в другие, более удобные для жизни районы. В последние годы идет переселение таджиков из района Матчи.

Влияние литературного языка на таджикские говоры в дореволюционный период было минимально, так как основная масса таджиков была неграмотной. В настоящее время, когда грамотность стала всеобщей, оно значительно возросло. В первую очередь это влияние сказывается на лексике. Морфология, синтаксис и особенно фонетика в говорах обнаруживают большую устойчивость. Общий процесс нивелировки говоров под воздействием литературного языка проходит относительно медленно. Это объясняется, с одной стороны, по-видимому, глубиной и многообразием диалектных расхождений, свойственных таджикскому языку, с другой стороны, недостаточной разработанностью норм разговорной речи.

ЗАДАЧИ ДАННОЙ РАБОТЫ

Приведенный выше обзор литературы по таджикской диалектологии и перечень районов, подвергавшихся диалектологическому обследованию, наглядно показывает, как велики достижения науки в этой области. Однако нужно отметить, что изучение таджикских говоров все еще не вышло за рамки диалектографии, т. е. работы чисто описательного характера. Само описание в большинстве случаев велось лишь путем отображения замкнутых систем отдельных говоров или групп говоров без широкого их сопоставления и без попытки их исторического осмысления. Такое положение дел уже не может удовлетворять исследователей. Сейчас накоплено достаточно материалов, и настала пора для некоторого, хотя бы предварительного, их обобщения.

Данная работа ставит целью положить начало сравнительному изучению таджикских говоров. В ней две основные, тесно связанные между собой задачи: 1) проследить, как отразились в разных говорах языковые явления, унаследованные ими от исходной общей для них системы, и на базе сравнения выявить некоторые тенденции и закономерности их развития; 2) установить изоглоссы отдельных явлений и пересмотреть, таким образом, существующую классификацию таджикских говоров.

Попутно с решением этих двух основных задач затрагиваются частично и такие вопросы, как следы иноязычного (главным образом узбекского) влияния в таджикских говорах и отдельные явления междиалектного взаимодействия.

В основу данной работы положены извлечения из существующих монографических описаний таджикских говоров, полный список которых см. на стр. 163—164. Помимо этого в ней использованы любезно предоставленные в наше распоряжение неопубликованные материалы Р. Л. Неменовой по Дарвазу и Чилдаре, А. А. Керимовой по Фальгару (район Айни) и кишлакам Зебону, Фильмандару и Костарошу, Т. Н. Пахалиной по Горону и кишлаку Нюту, а также рукописи кандидатских диссертаций Н. М. Бегбуди «Говор самаркандских таджиков» и С. Ю. Ивановой «Говор таджиков города Пенджикента». В исторической части работы при упоминании фактов исходной фонетической и грамматической системы и рассмотрении предшествующих этапов развития языка, на базе которых сложились современные таджикские говоры, использованы материалы древнеперсидского и в меньшей степени авестийского языка — для древнего периода, среднеперсидского языка — для среднего периода и так называемого «классического новоперсидского», т. е. языка классиков таджикско-персидской литературы X—XV вв. — для нового периода.

Большие затруднения при оформлении данной монографии возникли в связи с транскрипцией. В ирановедческих работах, русских и зарубежных, приблизительно с 30-х годов прошлого столетия закрепились так называемая «международная иранская транскрипция», базирующаяся на латинской графике с дополнением нескольких знаков, заимствованных из чешского алфавита (č, š, ž), и нескольких греческих букв (γ, δ,

θ или θ, β). Она использована, в частности, во всех основных исследованиях по древне- и среднеперсидским языкам и в том числе по древнеперсидскому, авестийскому, материалы которых мы привлекаем в исторической части нашей монографии. В 20—30-х годах нашего столетия И. И. Зарубин очень удачно применил эту транскрипцию и для таджикских диалектологических записей, а следом за ним ею стали пользоваться и другие исследователи-диалектологи (А. З. Розенфельд, В. С. Соколова, А. Н. Болдырев, Н. А. Кисляков и др.). Однако за последние 2—3 десятилетия, главным образом в связи с некоторыми полиграфическими трудностями, стали издаваться диалектологические материалы, записанные иными средствами: 1) при помощи специальной транскрипции, созданной на базе русской графики с включением нескольких букв из современного таджикского алфавита и ряда диакритик⁴⁸; 2) при помощи современной таджикской графики⁴⁹; 3) при помощи таджикской латиницы.

Извлекая материалы для сравнения таджикских говоров из работ разных авторов и сопоставляя их с фактами языков древнего и среднего периода, мы не могли, естественно, оставить в неприкосновенности весь этот разноречивый в транскрипции, так как это затемнило бы звуковую сторону языка и затруднило бы понимание. Мы отдали предпочтение международной иранской транскрипции как наиболее распространенной и общепринятой в среде иранистов всех стран, добавив знаки ɛ(ʼ), ʔ, ʔ̄, ʔ̄̄, ʔ̄̄̄, ʔ̄̄̄̄. Для правильной ориентации читателей приводим таблицу соответствий знаков международной иранской транскрипции знакам русской транскрипции, современной таджикской графики и таджикской латиницы (см. стр. 16).

Поясним некоторые знаки, данные в таблице: *h* — верхнефарингальный глухой щелевой согласный (арабское ح), *ī* — долгое или устойчивое *i*; *i* — гласный среднего ряда верхнего подъема открытый (типа узбекского *и* в словах *келди*, *кетти*); *ō* — долгое закрытое *o*, развившееся в среднеперсидском языке из древнего дифтонга *au*, в классическом языке — звук на месте так называемого *vāv-i majhūl*; в таджикских текстах этот знак мы не используем; *ū* — гласный смешанного или задне-смешанного ряда, лабиализованный, являющийся в ряде таджикских говоров отражением среднеперсидского и классического *ō* (*vāv-i majhūl*); *ū̄* — долгое *u*; *ū̄̄* — гласный переднего ряда, в таджикских говорах обычно несколько отодвинутый назад; *ū̄̄̄* — гласный заднего ряда, несколько продвинутый вперед; *u* — неслоговое *u* (в дифтонгах *au*, *ou* и пр.); *v* — губно-зубной щелевой согласный (типа русского *в*); *w* — губно-губной щелевой согласный с плоской щелью; *γ* — увулярный, звонкий, щелевой согласный (равен арабскому غ); *x* — увулярный, глухой, щелевой согласный; *ŋ* — заднеязычный, смычный, носовой согласный; *ə* — редуцированный гласный, вариант гласного *a* в безударном открытом слоге; *q* — увулярный глухой смычный согласный (равен арабскому ق); *ʔ* — краткий неллабиализованный гласный заднего ряда, верхнего подъема, развившийся в южных и юго-восточных таджикских говорах из исторически краткого *u*⁵⁰.

Долготу мы обозначаем черточкой над буквой (*ū*, *ī*, *ē* и т. п.); краткость — знаком ˘ над буквой (*i*, *u*), закрытый характер гласного точкой под буквой (*e*), продвинутость гласного вперед знаком ˆ, отодвинутость назад знаком ˜.

⁴⁸ См.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 1—4, а также диалектологические работы Р. Л. Неменовой, Л. В. Успенской, А. Л. Хромова и др.

⁴⁹ См. диалектологические работы Б. Н. Ниязмухамедова, О. Д. Джалалова, Л. Бузургбаева.

⁵⁰ А. З. Розенфельд обозначает этот звук в своих работах знаком *ə*. Мы предпочитаем знак *ʔ*, используемый для этой цели В. С. Соколовой, поскольку знаком *ə* принято обозначать редуцированное *a*.

Знаки междуна- родной иранской транскрипции	Знаки русской транскрипции	Знаки совре- менной таджик- ской графики	Знаки таджикской латиницы	Знаки междуна- родной иранской транскрипции	Знаки русской транскрипции	Знаки совре- менной таджик- ской графики	Знаки таджикской латиницы
a	a	a	a	ɾ	p	p	ɾ
ä	ä	—	—	s	c	c	s
b	b	b	b	š	ш	ш	š
č	č	č	c	t	t	t	t
d	d	d	d	u	y	y	u
e	e	э (в начале слова), е (пос- ле согласного)	e	ū	ū	ū	ū
f	ƒ	ƒ	f	ā	ā	—	—
g	g	g	g	ū	—	—	—
h	ħ	ħ	h	ɣ	y	—	—
ħ	x	—	—	v	v	v	v
i	u	и (в конце слова под уда- рением ī)	i	w	w	—	—
ī	ū	—	—	z	z	z	z
ı	ū	—	—	ž	ж	ж	ž
j	č	č	ç	y	й	й (только после гласных)	j
k	k	k	k	x	x	x	x
l	l	l	l	γ	ɣ	ɣ	ɣ
m	m	m	m	q	q	q	q
n	n	n	n	ʔ	ʔ	—	—
o	o	o	o	ə	ə	—	—
ō	—	—	—	ʕ	ʕ	—	—
p	p	p	p	ε (')	—	—	—

К работе приложено 19 карт: 17 карт распространения отдельных диалектных явлений, 1 сводная карта изоглосс тех диалектных явлений, на которых базируется наше деление таджикских говоров на 4 группы, и 1 карта иллюстрирует нашу классификацию таджикских говоров.

Карты — схематические. На них нанесены только самые главные горные хребты и реки. Населенные пункты нанесены только таджикоязычные, причем не все, а лишь те из них, которые в той или иной мере подвергались диалектологическому обследованию. Для ориентации нанесены также города — Ташкент (столица Узбекской ССР) и Душанбе (столица Таджикской ССР).

Населенные пункты на картах обозначены номерами. К картам (на стр. 166) приложен список населенных пунктов. В этом списке по номеру и по индексу, указывающему на квадрат, в котором помещается данный пункт на карте (А-4, В-3 и пр.), можно найти его название.

При составлении карт мы обращались за консультацией к С. С. Высотскому и О. Н. Мараховской, имеющим большой опыт работы в области лингвистической географии (по говорам русского языка). Пользуемся случаем для того, чтобы выразить им самую искреннюю признательность за ценные советы.

ВОКАЛИЗМ

ИЗ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО ВОКАЛИЗМА

При всем относительном многообразии диалектных разновидностей таджикского вокализма в них легко обнаруживается общность. Все они представляют собою различные типы, а иногда и различные ступени развития одной и той же исходной древнеиранской вокальной системы. Поэтому, прежде чем приступить к непосредственному рассмотрению системы гласных в таджикских говорах, мы напомним вкратце их историю.

Одной из отличительных особенностей фонетики древних иранских языков было, как известно, четкое фонематическое различение гласных по длительности. Так, в древнеперсидском языке, дающем нам прототип современного таджикского и персидского вокализма, было три пары гласных фонем, противопоставляемых друг другу по длительности: *i*—*ī*, *a*—*ā*, *u*—*ū*. Помимо этого там было четыре дифтонга: *ai*, *āi*, *au*, *āu*⁵¹.

Дальнейший этап развития этой системы вокализма нашел отражение в среднеперсидском языке. Отличие его от предшествующего этапа заключается лишь в монофтонгизации дифтонгов: *ai* и *au*: дифтонг *ai* перешел здесь в долгий гласный *ē*, *au* — в закрытый долгий гласный *ō*. Таким образом, в среднеперсидском языке стало уже не шесть, а восемь гласных фонем: *i*, *ī*, *ē*, *a*, *ā*, *u*, *ū*, *ō*⁵².

Точно такой же состав гласных фонем в значительно более позднее время мы обнаруживаем в языке персидских и таджикских авторов так называемого классического периода (Рудаки, Фирдоуси, Саади и пр.; IX—XV вв. н. э.). О значении длительности гласных в этот период свидетельствует хотя бы тот факт, что именно на чередовании долгих и кратких слогов было построено стихосложение. Фонематическое противопоставление долгих и кратких гласных нашло известное отражение и в арабской графике. Долгие гласные обозначались особыми буквами: *ī*, *ē* — буквой *ی*, *ū*, *ō* — буквой *و*, *ā* — буквой *ا*; краткие гласные могли быть обозначены лишь подстрочными и надстрочными знаками (которые в обычной скорописи опускались): *i* — кесрой (ـ), *u* — даммой (ـُ), *a* — фатхой (ـَ). Фонематическое противопоставление гласных *ī*—*ē*, *ū*—*ō* арабской графикой было скрыто (*ō* и *ū* обозначались одной и той же буквой *و*, *ī* и *ē* — буквой *ی*). Оно обнаруживается лишь путем анализа рифм. В таджикских и персидских поэтиках встречаются специальные термины *یای معروف* [*yā-i ma'ruf*], *یای مجهول* [*yā-i majhul*] и соответственно *واو معروف* [*vāv-i ma'ruf*], *واو مجهول* [*vāv-i majhul*]. Если буква *و* (*vāv*) обозначала гласный *ū*, она именовалась *واو معروف* [*vāv-i ma'ruf*], т. е. 'vāv известный, явный'⁵³, если же

⁵¹ См.: Chr. Bartholomae. *Awestisch und Altpersisch*. «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I, Abt. 1. Strassburg, 1895—1901, стр. 187; A. Meillet. *Grammaire du vieux perse*. Изд. 2. Paris, 1931, стр. 47—48.

⁵² См. C. Salemann. *Mittelpersisch*. «Grundriss der iranischen Philologie», Bd. I, Abt. 1, стр. 270.

ОТРАЖЕНИЕ ГЛАСНЫХ ИСХОДНОЙ СИСТЕМЫ В ТАДЖИКСКИХ ГОВОРАХ

Гласные *a*, *ā*, *ē*

Исходная система гласных, о которой мы говорили выше, претерпела весьма существенные изменения в таджикском диалектном вокализме, причем эти изменения различны в различных говорах. Расхождения в вокализме таджикских говоров наблюдаются в трех направлениях:

- 1) в числе и типе гласных фонем, т. е. в самом составе вокализма;
- 2) в качественной характеристике гласных фонем и частично в их длительности;
- 3) в словарном распределении гласных фонем. Наиболее однородное отражение в таджикских говорах получили исторические гласные *a*, *ā*, *ē* (из *aī*, *aya*).

Естественным продолжением исторически краткого *a* во всех таджикских говорах является гласный *a*: общетадж. *dar* 'дверь', ср.-п. *dar*, др.-п. *duvar*; общетадж. *sar* 'голова', ср.-п. *sar*; общетадж. *sad* (или *sat*) 'сто', ср.-п. *sat*; общетадж. *mard* (или *mart*) 'мужчина', ср.-п. *mart*, др.-п. *martiya*; сев. *šab* (или *šar*), южн. *šav* (или *šau*) 'ночь', ср.-п. *šar*, др.-п. *xšara* и др.

Исторически долгое *ā* перешло во всех таджикских говорах в *o*: общетадж. *rost* 'прямой', 'правый', ср.-п. *rāst*, др.-п. *rāsta*; общетадж. *kor* 'дело', 'работа', ср.-п. *kār*; общетадж. *modar* 'мать', ср.-п. *mātar*, др.-п. *māta*; сев. *ob* (или *op*), южн. *ov* (или *ou*) 'вода', ср.-п. *ār*, др.-п. *āpi*; сев. *obod*, *obot* (ферг. *ovot*, южн. *ovod*) 'цветущий, благоустроенный', ср.-п. *āpāt*.

В позиции перед конечным *h* во всех таджикских говорах на месте старого *a* возможно параллельное произношение *o* || *a*: общетадж. *roh* || *rah* 'дорога', ср.-п. *rās*; общетадж. *moḥ* || *mah* 'месяц', 'луна', ср.-п. *māh*; общетадж. *nigoh* || *nigah* 'взгляд', ср.-п. *nikās*.

Среднеперсидский маджгульный гласный *ē* (< др.-п. *aī*, *aya*, *ay*) закономерно сохраняется во всех таджикских говорах: общетадж. *beva* 'вдова', ср.-п. *bēva*; общетадж. *reš* 'перёд', 'передний', 'вперед', ср.-п. *rēš*, др.-п. *patiš*, ав. *paitiš*; общетадж. *dev* 'демон', 'див', ср.-п. *dēv*, ав. *daeva*; общетадж. *deg* 'котел', ср.-п. *dēg*; общетадж. *bed* 'ива', ср.-п. *vēt*, ав. *vaeiti*; сев. *seb* (или *sep*), южн. *sev* (или *sew*) 'яблоко', ср.-п. *sēp*. В говорах Ферганской долины (кроме ристанского и сохского) гласный *e* сохранился также в словах: *ben* 'посмотри', ср.-п. *vēn*, др.-п. *avaina* 'он увидел'; *bent* 'нос', ср.-п. *vēnik*, *bēnik*, ав. *vaēna*. В других таджикских говорах и в литературном языке гласный *e* перешел здесь в *i* (*bin* 'смотри', *bini* 'нос'). В личных окончаниях 1-го и 2-го лица множественного числа в большинстве говоров сохраняется гласный *e*, т. е. в 1-м лице множественного числа будет окончание *-em*, во 2-м лице — *-ed*, *-e*, *-et*, или *-en*. Лишь в говорах ленинабадско-канибадамских, бричмуллинском, чустском, кассансайском произносятся: *-im*, *-id*, *-it*. В бричмуллинском говоре отмечены частые переходы *e* в *i*, а также параллельное произношение *e* || *i*: *tez* || *tiz* 'быстрый', *deg* || *dig* 'котел' и т. п.

Во всех таджикских говорах наблюдается закономерный переход в *e* исторически краткого *i* в закрытом слоге перед *h* и перед *g* (главным образом в словах арабского происхождения, реже — в иранских): общетадж. *ehtimol* 'возможность' из ар. احتمال [*iḥtimāl*]; сев. *neemat*, южн. *ne'mat* 'благо' из ар. نعمت [*nī'mat*]; общетадж. *deh* 'деревня', ср.-п. *dih*, др.-п. *dahyu-*, ав. *daxyu-*.

Расхождения в качественной характеристике каждого из трех упомянутых нами гласных (*a*, *o*, *e*) по говорам сравнительно невелики. Основной тип таджикского *a*, характерный для литературного языка и для большинства таджикских говоров, это нелабиализованный гласный переднего ряда (или нейтрального), нижней ступени подъема.

Наиболее значительное отклонение от этого основного типа таджикского *a* отмечено только в риштанском говоре. Здесь гласный *a* более продвинут вперед, чем в других таджикских говорах, и артикулируется при более высокой ступени подъема языка, приближаясь по звучанию к персидскому *ā*. Несколько отклоняется от обычного типа фонема *a* также в рогских и кулябских говорах, где она отличается большей количественной устойчивостью, чем в северных говорах и в литературном языке.

В открытом предударном слоге фонема *a*, хотя и сильно сокращается, но все же не теряет своего качества — произносится *tana* 'тело', *taraf* 'сторона' (а не *tāna*, *tāraf* как, например, в варзобском и самаркандско-еврейском говорах). Сильная редукция *a* в открытом предударном слоге ведет здесь к переходу *a* > *ʔ*.

Таджикское *o* — лабиализованный гласный заднего ряда (несколько продвинутый вперед), колеблющийся по говорам между третьей и четвертой снизу ступенями подъема языка (по таблице кардинальных гласных Л. В. Щербы)⁵⁶. Наиболее закрытый тип отмечен нами в кассансайском говоре, где он приближается к четвертой снизу ступени подъема языка. Довольно закрытый тип *o* наблюдается также в верхнезеравшанских говорах. Наиболее открытый тип таджикского *o* отмечен в бухарском, самаркандском и варзобском говорах, где его можно приравнять по таблице Л. В. Щербы к третьей снизу ступени подъема. С точки зрения своей количественной характеристики он относится к числу гласных устойчивых.

Таджикское *e* в основном своем звучании — нелабиализованный гласный переднего ряда, колеблющийся по говорам между третьей и четвертой ступенями подъема языка⁵⁷. В большинстве говоров это монофтонг. Дифтонгоидный характер *e* ясно выражен только в канибадамском говоре, где этот гласный имеет узкое и-образное начало и затем расширяется к концу, переходя в закрытое *e*. Из других диалектных отклонений следует упомянуть особенную склонность гласного *e* к сужению в позиции перед носовыми согласными, отмеченную в кулябских и рогских говорах. С точки зрения длительности *e* во всех говорах одинаково устойчиво (мало сокращается в безударных слогах).

Гласные *i*, *ī*

С точки зрения отражения исторически краткого *i* и долгого *ī* все таджикские говоры можно разделить на две большие группы — северную и южную. Границу между этими двумя группами говоров еще нельзя точно установить. Несомненным является пока только то, что она проходит южнее р. Зеравшан, по-видимому, где-то вблизи от линии, отделяющей Ленинабадскую область от южных и центральных областей Таджикской ССР (см. карту на стр. 168).

В северной группе говоров сохранились оба гласных *i* и *ī*. Однако противопоставление их идет уже не по признаку абсолютной длительности, а по степени устойчивости их количественной характеристики (так же, как у всех остальных таджикских гласных). А потому отчет-

⁵⁶ См.: Л. В. Щерба. Фонетика французского языка. Изд. 3. М., 1948, стр. 283.

⁵⁷ См.: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка. М.—Л., 1949, стр. 22.

ливое их различие наблюдается только в одном фонетическом положении — в открытом безударном слоге, где неустойчивое (исторически краткое) *i* сильно сокращается (в положении между глухими согласными вплоть до нуля), а устойчивое (исторически долгое) *ī* сохраняет свою длительность. Средняя длительность устойчивого *ī* в безударном открытом слоге составляет 18—20 сигм; средняя длительность неустойчивого *i* в этой позиции колеблется между 7—8 сигмами и нулем. Во всех остальных фонетических положениях устойчивое и неустойчивое *ī* и *i* не различаются, поскольку они совпали здесь и по длительности и по качеству. Количество слов, в которых зафиксировано устойчивое *ī* очень невелико. В. С. Соколова отметила в самаркандском, канибадамском и пенджикентском говорах всего 15 таких слов⁵⁸, а именно: *šina* 'грудь', кл. *šina*; *xīra* 'темный', кл. *xīra*; *širin* 'сладкий', кл. *širin*; *šiša* 'стекло', кл. *šiša*; *pīri* 'старость', кл. *pīri*; *tīrak* 'стрелка' (из *tir* + *ak*), кл. *tīr*, ср.-п. *tīr*; *zīrak* 'смышлennyй', кл. *zīrak*, др.-п. *jīra*; *dīrūz* 'вчера', кл. *dīrōz*; *didor* 'свидание', кл. *didār* от *dīdan* 'видеть', ср.-п. *dītan* (*dīdan*); *dīšab* 'вчера вечером', кл. *dīšab* 'вчера', из кл. *dī* 'вчера' (ср.-п. *dik*) + *šab* 'ночь'; *čīdan* 'собирать'⁵⁹, кл. *čīdan*, ср.-п. *čītan*, *čīnītan* (*čīdan*, *čīnīdan*), др.-п. *čīdan*; *bīni* 'нос', ср.-п. *vēnik*, *bēnik*, ав. *vaēna*; *zīnak* 'седло', кл. *zīn*, ср.-п. *zēn*; *kīna* 'месть', 'вражда', кл. *kīna*, ср.-п. *kēn*, ав. *kaēna*, а также одно слово, заимствованное из русского языка — *kīno*. Н. Бегбуди добавляет к этому еще слова *dīnor* 'динар', *bīno* 'зрячий' (ср.-п. *vēnāk*), *dīna* 'вчера' (ср.-п. *dik*), а также заимствованные из русского языка — *vīno* || *vinu* 'вино', *xīna* || *xin* 'хинин' и два слова, где *i* возникло из стяжения: *gīra* из *gīrya* 'плач', *bīron* из *bīryon* 'жареный'⁶⁰.

Неустойчивое *i* зафиксировано в очень большом количестве слов. Приводим примеры: *šinōs* 'знакомый', ср.-п. *šnās*, *šnāsītan*, др.-п. *xšnāsātaiy*; *pisar* 'сын', ср.-п. *pusar*, др.-п. *puḍra*; *sipoh* 'войско', 'армия', ср.-п. *spāh*; *šikor* 'охота', ср.-п. *škār*; *šitob* 'поспешность', кл. *šitāb*, ср.-п. *ōštāftan*; то же в арабских словах: *kitob* 'книга', ар. *كِتَاب* [*kitāb*]; *sitam* 'гнет', ар. *سِتَم* [*sitam*]; *xitob* 'обращение', ар. *خِطَاب* [*xiṭāb*] и др.

Из того факта, что количество слов с устойчивым *ī* очень невелико, и противопоставление этого гласного неустойчивому обнаруживается только в одном фонетическом положении, следует, что устойчивое *ī* в северных таджикских говорах является реликтовой фонемой, не равной другим гласным звукам по своей фонологической значимости.

Различение устойчивого и неустойчивого *ī* и *i* в настоящее время засвидетельствовано: в самаркандско-бухарских говорах, в группе говоров полосы Шайдан—Ашт—Чуст—Кассансай, в верхнечирчикских, ленинабадско-канибадамских, пенджикентском, уратюбинском, шахристанском, фальгарских, матчинских говорах.

К северной группе в этом отношении примыкает риштанский говор, хотя в нем имеются весьма существенные отклонения. Гласная *ī* является в нем вполне равноправной, полноценной фонемой и отличается от *i* во всех фонетических положениях, причем не только длительностью, но и качеством. Качественное отличие этих двух гласных возникло в связи с тем, что краткое *i* под влиянием узбекского языка перешло в гласный смешанного продвинутого вперед ряда, среднего подъема, совпадающий по звучанию с узбекским *i* в слове *keldi* 'он пришел'.

⁵⁸ Там же, стр. 76—77.

⁵⁹ В наших материалах по ленинабадскому говору слово *čīdan* 'собирать' зафиксировано с неустойчивым *i*.

⁶⁰ См.: Н. М. Бегбуди. Говор самаркандских таджиков. (Канд. дисс.). М., 1956, стр. 17—18.

В нашей транскрипции мы обозначаем его знаком *i*. Расхождение в длительности между *ī* и *i* в риштанском говоре наблюдается не только в открытом предударном слоге (ср. *ī*, *i* других северных говоров), но и под ударением⁶¹. В плане исторических соответствий риштанское *ī* является отражением исторически долгого *ī*, риштанское *i* продолжает линию развития исторически краткого *i*. Приводим некоторые примеры: а) на *ī*: *dīt* 'он видел', ср.-п. *dītan* 'видеть'; *ēin* 'собери', ср.-п. *ēin*; *sīnā* 'грудь', кл. *sīna*; *šīr* 'молоко', ср.-п. *šīr*, ав. *xšīra*; *pīr* 'старый', ср.-п. *pīr* и др.; б) на *i*: *dil* 'сердце', ср.-п. *dil*; *girift* 'он взял', кл. *girift*, ср.-п. *grāftan* 'братъ'; др.-п. *grab*; *fireb* 'обман', кл. *firēb*, ср.-п. *frēp*; то же в арабских словах с кратким *i*: *sir* 'тайна', ар. *سِر* [*sir*]; *kitob* 'книга', ар. *كتاب* [*kitāb*] и др.

Однако эти исторические соответствия в риштанском говоре не являются абсолютно закономерными. Имеются многочисленные случаи их нарушения с переходом исторически долгого *ī* в *i*. Так, в абсолютном исходе слова переход исторически долгого *ī* в *i* является почти обязательным: *devorī* 'стенной', *darozī* 'длина', *savzī* 'морковь', *omadi* 'ты пришел', *omadagi* 'пришедший' и т. п. Гласный *ī* в этой позиции зафиксирован в Риштани лишь в слове *sī* 'тридцать'. Имеется много случаев перехода исторически долгого *ī* в *i* также в середине слова *gir* 'бери', кл. *gīr*; *bist* 'двадцать', ср.-п. *vīst*; *šin* 'садись', кл. *šīn*; *pēsīn* 'полдень' из *peš* 'перед', 'передний' + *-in*, кл. *-īn* и т. п.

Некоторое качественное различие между *ī* и *i* наблюдается также в сохском говоре. Звук *ī* здесь — гласный переднего ряда верхнего подъема, закрытый (по таблице Л. В. Щербы — первой ступени подъема, считая сверху); звук *i* тоже гласный переднего ряда, верхнего подъема, но более открытый (по таблице Л. В. Щербы ближе ко второй ступени подъема, считая сверху). Количественное различие *ī* и *i* здесь также довольно ясно наблюдается почти во всех фонетических положениях. Гласный *ī*, следовательно, здесь вполне полноценная фонема, а не реликтовое явление, как в других северных говорах. С точки зрения исторических соответствий гласный *ī* закономерно продолжает линию развития исторически долгого *ī*, гласный *i* соответствует исторически краткому *i*.

Северной группе говоров (а также верхнезеравшанским, риштанскому и сохскому) с точки зрения отражения исторических гласных *ī* и *i* резко противопоставляются говоры, распространенные к югу от долины р. Зеравшан. В них исторически долгий гласный *ī* и краткий *i* слились в одну фонему и на месте двух гласных фонем переднего ряда верхнего подъема (*ī* и *i*) имеется одна фонема *i*; *bist* 'двадцать', ср.-п. *vīst*; *did* 'он увидел', ср.-п. *dītan* 'видеть'; *dil* 'сердце', ср.-п. *dil*; *girift* 'он взял', кл. *girift*, ср.-п. *grāftan* 'братъ' и т. п.

В основном своем варианте фонема *i* во всех этих говорах характеризуется как нелабиализованный гласный переднего ряда верхнего подъема, открытый (более открытый, чем русское *и*). С точки зрения количественной характеристики она относится к разряду гласных неустойчивых, в открытом предударном слоге сильно сокращается. Позиционные изменения фонемы *i* значительно различаются по говорам. В варзобском говоре фонема *i* имеет широкий диапазон, как в качественном, так и в количественном отношении. Так, в соседстве с согласными, имеющими средняязычную артикуляцию, она имеет наиболее закрытый, передний вариант, близкий по звучанию к русскому изолированному *и*: *šir* 'молоко', *čid* 'он собрал', *biyo* 'приходи'. В соседстве

⁶¹ Цифровые данные, полученные от измерения кимографических кривых, и примеры см. в «Очерках...» В. С. Расторгуевой (вып. 4, стр. 18—22).

с увулярными согласными *q*, *x* она, наоборот, значительно расширяется и отодвигается назад, несколько приближаясь по звучанию к русскому *y*: *xīrs* 'медведь', *qīšloq* 'кишлак'. В открытом предударном слоге она сильно сокращается (вплоть до нуля): *kitob* 'книга', *sifat* 'качество'⁶². В кулябских и рогских говорах (а также, по-видимому, в каратегинских и бадахшанских) фонема *i* имеет более узкий диапазон по признаку ряда. Она всегда является гласным переднего ряда и в соседстве с увулярными согласными не отодвигается назад (*qīziq* 'смешной', *qīšloq* 'кишлак'). Вместе с тем гласный *i* в кулябских и рогских говорах является более устойчивым, чем варзобское *i*, с точки зрения своей количественной характеристики. В открытом предударном слоге он сокращается не так сильно и не редуцируется⁶³. Оба эти явления объясняются тем, что продвижение *i* назад и его сильная редукция повела бы к смешению его с характерным для южных говоров гласным *ɘ*.

Гласные *u*, *ū*, *o*

Наибольшее расхождение обнаруживают таджикские говоры по линии отражения в них группы среднеперсидских гласных заднего ряда *u*, *ū*, *o*. В настоящее время известны следующие типы развития этих гласных в таджикском диалектном вокализме.

Первый тип. Сохраняются все три гласные *u*, *ū*, *o* (из ср.-п. *u*, *ū*, *o*). Однако гласный *ū* является здесь рудиментарной, не вполне полноценной фонемой подобно устойчивому *i* северных говоров. Отчетливое противопоставление ее фонеме *u* обнаруживается только в открытом безударном слоге, где она произносится протяжно в противоположность сильно сокращающемуся в этой позиции и склонному к редукции *u*: ср. *xūnin* 'кровавый' и *xunuk* 'холодный', *sūrat* 'портрет' и *surud* 'мелодия', *xūbī* 'добро' и *šudī* 'ты 'стал', 'сделался'. Средняя длительность устойчивого *ū* в этой позиции составляет 18—20 сигм, средняя длительность *u* колеблется между 7—8 сигмами и нулем. В остальных позициях *ū* и *u* совпадают по качеству и по длительности⁶⁴.

Количество слов с устойчивым *ū* очень невелико (значительно меньше, чем с устойчивым *i*). В. С. Соколова насчитывает восемь таких слов⁶⁵. Однако два из них — *kūhi* 'горный' и *yūyi* 'яремный' мы сразу же должны исключить, поскольку во всех известных нам северных говорах они произносятся с гласным *ū*: *kūhi*, *yūyi*. Остается всего шесть слов. Из них четыре слова иранских корней: *xūbī* 'хорошее качество', 'добро', кл. *xūbī*, ср.-п. *xvar* 'хороший'; *xūnin* 'кровавый', ср.-п. *xūn* 'кровь'; *zūdi* 'быстрота', ср.-п. *zūt*; *gūna* 'способ', ср.-п. *gūnak*; одно заимствовано из арабского языка: *sūrat* 'портрет', ар. صورت [sūrat] 'внешность', 'облик'; одно заимствовано из русского языка: *rūsi* 'русский'.

По линии исторических соответствий гласный *ū* в этих говорах является продолжением исторического маджгульного *ō*: *dūst* 'друг', ср.-п. *dōst*, др.-п. *dauštar*; *gūš* 'ухо', ср.-п. *gōš*; *pūst* 'кожа', ср.-п. *pōst*; *rū(y)* 'лицо', ср.-п. *rōy* и др. Гласный *u* восходит к исторически краткому *u*: *gul* 'цветок', ср.-п. *gul*; *surx* 'красный', ср.-п. *surx*; *pur* 'полный', ср.-п. *pur*; а также, частично, к исторически долгому *ū* (во всех положениях, кроме открытого предударного слога): *dur* 'далекий', ср.-п. *dūr*; *dūd* 'дым', ср.-п. *dūt*. Гласный *ū* соответствует исторически долгому *ū* (только в открытом предударном слоге).

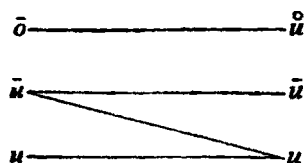
⁶² См.: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, стр. 20—22.

⁶³ См.: В. С. Соколова, Р. Л. Неменова, Ю. И. Богорад. Новые сведения по фонетике иранских языков. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», № 1, 1952, стр. 165.

⁶⁴ См.: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, стр. 76—77.

⁶⁵ Там же, стр. 76.

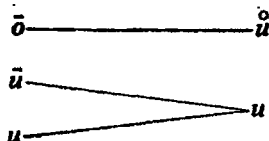
Схема исторических соответствий
Среднеперсидский Совр. таджикский

Территория распространения: Ашт, Чуст, Кассансай⁶⁶, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент (см. карту на стр. 167).

Второй тип. Среднеперсидское *ō* (др.-п. *ad, awa*) имеет в качестве своего продолжения *ū* (т. е. фактически сохраняется): *dūst* 'друг', *gūš* 'ухо', *gūšt* 'мясо', *gūr* 'могила', *rūst* 'кожа'. Исторически долгое *ū* и краткое *и* слились в одной фонеме *и*: а) *и* < *и*: *gul* 'цветок', 'роза', *surz* 'красный', *pušt* 'спина', *pur* 'полный'; б) *и* < *ū*: *xub* 'хороший', *xubi* 'добро', кл. *xūb, xūbi*, ср.-п. *xvar, xūr, xūrīh*; *xun* 'кровь', *xunīn* 'красный', кл. *xūn, xūnīn*, ср.-п. *xūn* и пр.

Схема исторических соответствий
Среднеперсидский Совр. таджикский

Территория распространения: г. Самарканд, Варзоб, частично Гиссар (горный говор), Каратаг, Байсун, Дербент (см. карту на стр. 167). В варзобском и каратагском говорах, находящихся в тесном соприкосновении с говорами южного типа (кудэби, каротегини), фонологическая значимость *ū* несколько ослаблена. Возможна замена его гласным *и*, в отдельных случаях отмечено параллельное произношение *ū* и *и*.

Первый и второй типы, как можно видеть из приведенных схем, близки между собой. Их близость обнаруживается в том, что в них сохраняется маджгульное *ū* (ср.-п. *ō*), которое противопоставляется либо *ī* и *и* (в первом типе), либо одному *и* (во втором типе).

Звук *и* в обоих типах характеризуется как лабиализованный гласный заднего ряда, образуемый между первой и второй ступенями подъема языка (считая сверху). Артикулируется, по-видимому, с продвинутой вперед подъязычной костью, а потому в некоторых фонетических положениях (например, в соседстве с согласными, имеющими средняязычную артикуляцию) акустически отличается от русского *у* (имеет более высокий тон). Степень продвинутости вперед и степень подъема языка несколько варьируется по говорам. С точки зрения своей количественной характеристики *и* относится к разряду неустойчивых гласных, в открытом безударном слоге сокращается вплоть до нуля⁶⁷.

⁶⁶ В вып. 2 наших «Очерков...» нет упоминания о наличии гласных *ū, ī* в аштском, чустском и кассансайском говорах. Однако дальнейшее изучение этих говоров и специально проведенные в 1956 г. магнитофонные записи показали, что реликтовые фонемы *ū, ī* в них сохранились так же, как в говорах ленинабадско-канибадамской группы.

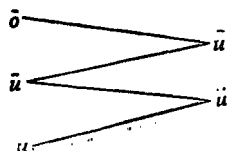
⁶⁷ См.: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, стр. 27—29.

Звук *а* там, где он имеется, отличается от *и* лишь количественной устойчивостью. В открытом предударном слоге он в противоположность *и* сохраняет свою длительность: *xān* 'кровать', *xāb* 'добро' (ср. *xān* 'холодный', *xud* 'бог'). Во всех остальных фонетических позициях он полностью совпал с *и* и по качеству, и по длительности.

Звук *й* весьма значительно различается по говорам, как по ряду, так и по степени подъема языка. В варзобском говоре его можно характеризовать как гласный задне-смешанного ряда, примерно четвертой снизу ступени подъема языка, со слабой губной артикуляцией. Основная его особенность сравнительно с обычными гласными заднего ряда заключается в том, что при его образовании поднимается к небу большая часть спинки языка (чем, например, при *и*), и профиль языка имеет более плоский характер. Кончик языка опущен к основанию нижних зубов⁶⁸. В кассансайском говоре (и, по-видимому, в каратагском)⁶⁹ *й* не отличается от варзобского по ряду, но артикулируется при более высокой ступени подъема языка (ближе к пятой, считая снизу). Поэтому на слух русского он довольно трудно отличим от *и*. В бухарском и самаркандском говорах *й* — также гласный задне-смешанного ряда, но несколько большей степени среднеязычной артикуляции, т. е. при его образовании к небу поднята большая часть спинки языка и профиль языка еще более горизонтальный, хотя кончик все же опущен книзу. По степени подъема языка не отличается от варзобского. В Канибадаме гласный *й* по ряду не отличается от бухарско-самаркандского (может быть, немного более продвинут вперед), но является дифтонгоидом со сравнительно узким началом (около пятой ступени подъема языка) и очень открытым концом (около третьей ступени подъема языка). В Исфаре *й* тоже дифтонгоид (в произношении некоторых лиц — монофтонг), но с более открытым началом и более закрытым концом. В Чусте *й* — ближе к передне-смешанному ряду, закрытый (между четвертой и пятой ступенями подъема языка, считая снизу).

Третий тип. Историческое (среднеперсидское и классическое) *ō* перешло в *а*: *gūš* 'ухо', *dūst* 'друг', *pūst* 'кожа', *gūr* 'могила', *māu* 'волосы'. Исторически краткое *и* перешло в *й* (или *ū*): *pūr* 'полный', *gūl* 'цветок', 'роза', *sūr* 'красный', *būz* 'коза', *dū* 'два', *tū* 'ты', *pūst* 'спина'. Исторически долгое *а* либо перешло в *ū* (в большинстве случаев): *dūd* 'дым', ср.-п. *dūt*; *mūš* 'мышь', кл. *māš*, др.-ир. *māš* (санскр. *māṣaka*); *nūr* 'луч', ар. نور [nūr]; *būd* (или *būt*) 'он был', кл. *būd*⁷⁰; либо сохранилось в качестве *а* (в очень небольшом количестве слов, преимущественно в открытых безударных слогах): *xāb* 'добро' от *xīb* 'хороший', *sūrat* 'портрет'; в риштанском говоре — *dār* 'далекий'. Количество слов, в которых сохраняется долгое *ū*, различается по говорам: в одних говорах таких слов больше, в других меньше.

Схема исторических соответствий
Среднеперсидский Совр. таджикский

⁶⁸ Там же, стр. 23—31.

⁶⁹ О каратагском и см.: Л. В. Успенская. Каратагский говор таджикского языка. Сталинабад, 1958, стр. 10.

⁷⁰ В некоторых кишлаках района Айни слова *dud* 'дым', *mūš* 'мышь', *būd* 'он был' произносятся с гласным *ū* (*dūd*, *mūš*, *būd*).

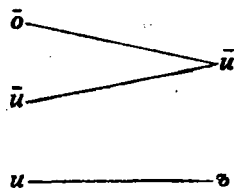
Территория распространения: Хиштхона, Шайдан, Понгаз, Риштан, Сох, Фальгар, долина р. Фан-Дарьи; Матча, а также, по-видимому, верховья р. Чирчик (см. карту на стр. 167).

Гласный *ū* во всех этих говорах по своему качеству не отличается от литературного *u*, т. е. представляет собой лабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема. Однако в противоположность литературному *u*, он является гласным устойчивым. В открытом предударном слоге он сохраняет свою длительность и никогда не редуцируется.

Гласный *ū* сильно различается по говорам по признаку ряда и по степени подъема языка. В верхнематчинских, риштанском, сохском, понгазском, шайданском и в части фальгарских говоров это гласный переднего, несколько отодвинутого назад ряда, второй сверху ступени подъема языка, образуемый обычно с очень слабой губной артикуляцией. В нижнематчинских и в большинстве фальгарских говоров это гласный заднего, слегка продвинутого вперед ряда, колеблющийся между первой и второй сверху ступенями подъема языка.

Четвертый тип. Исторически долгое *ū* и маджгульное *ō* слились в одной фонеме *ū* устойчивом; примеры: а) *ū* < *ū*: *dūd* 'дым', *dūr* 'далекий', *xūn* 'кровь', *zūd* 'быстрый'; б) *ū* < *ō*: *rūz* 'день', *gūšt* 'мясо', *gūš* 'ухо', *rūu* 'лицо'. Исторически краткое *u* перешло в *ʔ*: *gʔl* 'цветок', 'роза', *bʔz* 'коза', *kʔšt* 'он убил', *xʔšk* 'сухой', *dʔzd* 'вор'.

Схема исторических соответствий
Среднеперсидский Совр. таджикский

Территория распространения: Горон, Куляб (включая рогские говоры), Хумдара, Вахио-Боло, Чиддара, Каратегин, часть Гиссара (долинный говор), часть Варзоба (говоры кулѐби, каротегини) (см. карту на стр. 167).

Фонема *ū* в этих говорах характеризуется как лабиализованный гласный заднего ряда верхнего подъема, отличающийся от литературного *u* лишь своей количественной устойчивостью.

Фонема *ʔ* в основном варианте своего звучания — нелабиализованный гласный заднего ряда второго сверху подъема, напоминающий по звучанию русское *ы*. В зависимости от фонетических условий подвергается сильным изменениям: 1) в соседстве с согласными, включающими среднеязычную артикуляцию, сильно продвигается вперед, приближаясь по звучанию к *i*: *šʔd* 'он сделался', *ʔʔrɔt* 'кислое молоко', *ʔʔmā* 'ложка'; 2) в соседстве с губными согласными лабиализуется, приближаясь по звучанию к краткому *u* со слабой губной артикуляцией: *kʔnūt* 'я сделаю', *mardum* 'люди'; 3) в предударном открытом слоге сильно сокращается, вплоть до нуля. С точки зрения количества фонема *ʔ* противопоставляется всем остальным гласным, являясь более краткой, чем другие гласные во всех фонетических положениях, в том числе под ударением⁷¹.

⁷¹ Подробно о фонетической характеристике *ū* и *ʔ* в южных (кулябских и рогских) говорах см.: В. С. Соколова, Р. Л. Неменова, О. И. Богорад. Новые сведения по фонетике иранских языков, стр. 156—164.

Пятый тип. Исторически краткое *u* перешло в *ʔ* (как в южных говорах): *bʔz* 'коза', кл. *buz*; *gʔl* 'цветок', 'роза', кл. *gul*, ср.-п. *gul*, *vart*; *ʃʔmo* 'вы', кл. *ʃumā*; *rʔšt* 'спина', ср.-п. *rušt*; *kʔšt* 'он убил', ср.-п. *kušt*; *xʔšk* 'сухой', ср.-п. *xušk* и т. п.

Исторически долгое *ū* перешло в *ʔ̄*: *angʔr* 'виноград', кл. *angūr*; *dūd* 'дым', кл. *dūd*, ср.-п. *dūt*; *zū* 'быстрый', 'быстро', кл. *zūd*, ср.-п. *zūt*; *sūrat* 'портрет', ар. *صورت* [*sūrat*]; *nūr* 'луч', ар. *نور* [*nūr*].

Исторически маджгульное *ō* либо сохранилось в виде *ʔ̄* (как в северных говорах): *rʔz* 'день', ср.-п. *rōč* (*rōž*); *dʔst* 'друг', ср.-п. *dōst*; *rʔ* 'лицо', ср.-п. *rōd*; *mʔ* 'волосы', ср.-п. *mō*, *mōd*; *pʔst* 'кожа', ср.-п. *pōst*; *gʔspand* 'овца', ср.-п. *gōspand*; *mʔza* 'сапоги', ср.-п. *mōčak*; *gʔš* 'ухо', ср.-п. *gōš*; либо перешло в *ʔ̄* (в более редких случаях): *zūr* 'сила', кл. *zōr*, ср.-п. *zōr*; *sūzan* 'иголка', кл. *sōzan*, ср.-п. *sōčan*; *kūča* 'улица', кл. *kōča* и т. п.

Схема исторических соответствий

Среднеперсидский	Совр. таджикский
<i>ō</i>	<i>ʔ̄</i>
<i>ū</i>	<i>ʔ̄̄</i>
<i>u</i>	<i>ʔ</i>

Помимо *ʔ̄*, *ʔ̄̄*, *ʔ*, продолжающих линию развития исторических гласных заднего ряда *ō*, *ū*, *u*, в этих говорах имеется еще гласная фонема *ʔ̄̄̄*, возникшая из старого (среднеперсидского и классического) *ā* (совр. лит. *o*) в позиции перед носовыми: *nʔn* 'хлеб', лит. *non*, кл. *nān*; *nʔt* 'имя', лит. *nom*, кл. *nām*; *xʔna* 'дом', лит. *xona*, кл. *xāna* и т. п. Переход *ō* (ист. *ā*) в *ʔ̄̄̄* перед носовыми является здесь вполне закономерным. Исключение наблюдается лишь в очень небольшом количестве слов (*avlon* 'кумач', *son* 'бязь', *agranom* 'агроном'). В небольшом количестве слов, проникших из литературного языка, книжных, главным образом, арабских по происхождению, фонема *ʔ̄̄̄* восходит к краткому *u* и долговому *ū*: *sʔlh* 'мир', лит. *sulh*, ар. *صلح* [*sulh*]; *maʔmār* 'вынужденный', лит. *maʔbur*, ар. *مجبور* [*maʔbūr*] и т. п.

Территория распространения — Дарваз, т. е. правое побережье р. Пянджа от кишлака Зыгара, являющегося крайним дарвазским селением в среднем течении Пянджа (ниже места впадения в него р. Хумбоу), до кишлака Пшихарв, являющегося крайним дарвазским селением в верхнем его течении. Сюда входят кишлаки (сверху вниз по течению Пянджа): Пшихарв, Пишхарв, Кирговат (Кърговат), Гоч (Гоч), Тогмай (Тоғмай), Шодаг, Висхарв (Въсхарв), Ушхарв, Вишхарв, Джорф, Умарак, Зинг, Сангеви-Дароз, Дуробак, Паткиноу, Ширговат, Ягид, Шкев, Равноу, Зыгар (Зъгар)⁷² (см. карту на стр. 167).

Фонема *ʔ̄̄̄* не одинакова по своей качественной характеристике в различных дарвазских говорах. Однако она повсюду здесь значительно отличается от соответствующей фонемы северных говоров, являясь гласным более переднего образования. В Ягиде, например, это гласный передне-смешанного ряда, артикулируемый между второй и третьей ступенью подъема языка (считая сверху), лабиализованный, нормально устойчивый. В Джорфе эта фонема несколько более ото-

⁷² О вокализме дарвазских говоров мы судим, главным образом, по статье Р. Л. Неменовой «Вокализм таджикских говоров Дарваза» («Иранский сборник». М., 1963), а также по статье З. Вохидова «Макоми *ū* ва *y* дар лаҳҷаи Дарвоз» («Сборник научных студенческих работ», вып. I. Сталинабад, 1954, стр. 31—37). А. З. Розенфельд, занимавшаяся изучением дарвазских говоров, дает не совсем точное представление о системе их вокализма (см.: А. З. Розенфельд: Дарвазские говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI, 1956, стр. 200). Отмечая в них наличие гласных *ʔ̄̄̄* и *ō* (в ее транскрипции), она считает их вариантами фонем *ʔ̄̄̄* и *u*.

двинута назад. На слух русского в отдельных фонетических положениях она трудно отличима от *й*.

Фонема *й* в Ягиде — гласный переднего, чуть отодвинутого назад ряда, верхнего подъема (между первой и второй ступенью подъема языка, считая сверху), лабиализованный, устойчивый. От гласного *й* того же говора отличается, главным образом, по степени подъема языка (являясь гласным более закрытым) и в меньшей степени по ряду. От гласного *й* зеравшанских говоров отличается и по качеству (более продвинут вперед, произносится при более высокой степени подъема языка, с более энергичной губной артикуляцией), и по количеству (являясь фонемой нормально устойчивой).

Фонема *ъ* в основном своем звучании мало отличается от соответствующего гласного южных говоров (кулябских, рогских и каратегинских). Однако в позиционном ее выявлении имеются некоторые отличия. Особо следует отметить наличие лабиализованного ее варианта в соседстве с носовыми (близкого к очень краткому *и*). По своей количественной характеристике *ъ* противопоставляется всем другим гласным дарвазских говоров (являясь фонемой более краткой во всех фонетических положениях), в позициях, особо способствующих сокращению (например, в открытом предударном слоге в окружении глухих согласных), она склонна к редукции.

Фонема *л* не отличается по качественной и количественной характеристике от соответствующего гласного южных говоров (кулябских, рогских, каратегинских), хотя имеет иной круг словарного распространения (восходит главным образом к *о* < *ā* в позиции перед носовыми)⁷³.

ОТКЛОНЕНИЯ ОТ ОСНОВНЫХ ЛИНИЙ ИСТОРИЧЕСКИХ СООТВЕТСТВИЙ ГЛАСНЫХ

Имеется много случаев исключений и отклонений от основных линий исторических соответствий в вокализме таджикских говоров, рассмотренных нами в предыдущих разделах. Некоторые из этих отклонений охватывают большое количество слов и объясняются действием определенных фонетических процессов, свойственных тому или иному типу говоров, другие спорадичны и иногда трудно объяснимы. Полное описание всех видов исключений и отклонений от главного направления развития гласных в таджикских говорах в настоящее время не позволяет дать ограниченность материалов, которыми мы располагаем, да это и не входит в нашу задачу. Однако на некоторых из них, наиболее массовых и закономерных, мы все же должны остановиться.

Исторически долгое *ā*, как уже было сказано, имеет в качестве своего закономерного продолжения во всех таджикских говорах гласный *о*. Нарушение этого исторического соответствия наблюдается в ряде говоров (в южных и центральных районах Таджикистана) в позиции перед носовыми согласными, где *ā* (< *ā*) переходит в *й*: *nān* (< *non* < *nān*) 'хлеб', *nām* (< *nom* < *nām*) 'имя', *xāna* (< *xona* < *xāna*) 'дом', *dandūn* (< *dandon* < *dandān*) 'зубы' и т. п.

Действие этого фонетического процесса (переход *о* в *й* под влиянием носовых согласных) отмечено в кулябских, рогских, каратегинских, дарвазских, бадахшанских, матчинских, фальгарских говорах, а также в шайданском и понгазском.

⁷³ В характеристике гласных фонем дарвазских говоров мы базируемся на материалах, изложенных Р. Л. Неменовой в докладе «Вокализм дарвазских говоров», прочитанном 10 октября 1957 г. на сессии, посвященной 70-летию проф. И. И. Зарубина, а также на присланных ею нам магнитофонных записях.

Исторически краткие гласные *i* и *a* имеют в качестве своего закономерного продолжения во всех таджикских говорах соответственно *i* и *a*. Массовое нарушение этого соответствия наблюдается во всех южных говорах, где в позициях, благоприятствующих сокращению и редукции (открытый безударный слог, положение между глухими согласными, слог, закрытый двумя согласными), гласные *a* и *i* переходят в *ɔ*: *dɔraxt* < *daraxt* 'дерево', *zɔmin* < *zamin* 'земля', *dɔrɔn* < *darun* 'внутренний', 'внутренность', *dɔrav* < *darav* 'жатва', *dɔst* < *dast* 'рука', *fɔreb* < *fireb* 'обман', *gɔrd* < *gird* 'круг'. Иногда возможен переход в *ɔ* исторически долгих *ē* и *ī*: *bɔni* < *bīnī* 'нос', *čɔz* < *čīz* 'вещь'.

Это фонетическое явление имеет распространение во всем южном Таджикистане: Куляб (включая рогские говоры), Каратегин, Дарваз, Ванч, Горон.

Известно, что в литературном таджикском языке в позиции перед фарингальными согласными *h* и *ɣ* в закрытом слоге (преимущественно в словах арабского происхождения) гласный *i* переходит в *e*, гласный *u* — в *ɔ*. Первое из этих двух явлений, т. е. переход *i* в *e* под влиянием следующего за ним фарингального согласного, свойственно также и всем таджикским говорам: *ehtimol* (на юге — *ehtimol*) 'возможность, возможно' из ар. احتمال [*ihtimāl*]; *neemat* (на юге — *ne'mat*) 'благо' из ар. نعمت [*ni'mat*] и т. п. Переход краткого *u* в *ɔ* под влиянием фарингальных согласных наблюдается только на севере (там, где имеется гласный *ɔ̄*), а именно: в самаркандско-бухарских, ленинабадско-канибадамских, аштском, чустском, кассансайском, уратюбинском, шахристанском говорах: *ɔhda* 'обязанность' из ар. عهدہ [*uhda*]; *mɔhtoʃ* 'нужда, потребность' из ар. محتاج [*muhtāj*]; *Mɔmin* (имя собственное мужское) из ар. مؤمن [*mu'min*]. Однако в Варзобе, где также имеется фонема *ɔ̄*, в этой позиции сохраняется гласный *u* (*uhda*, *muhtoʃ*, *Mumin*), а в Дарвазе краткое *u* переходит здесь (как и в других позициях) в *ɔ*: *hɔda* из *uhda*, *mɔhtoʃ* из *muhtoʃ*.

Следует упомянуть также свойственное некоторым говорам и охватывающее относительно большое количество слов явление перехода исторически долгого *ā* в *i*: *xin* < *xūn* 'кровь', *did* < *dūd* 'дым', *tit* < *tāt* 'тутовое дерево', 'тутовые ягоды', *dir* < *dūr* 'далекий', *nir* < *nūr* 'луч', *angir* < *angūr* 'виноград', *miš* < *mūs* 'мышь' и т. п. Это явление наблюдается в говорах, имеющих в составе своего вокализма гласный *ɔ̄* (Матча, Фальгар, Сох, Дарваз). Переход *ā* в *i* осуществлялся, очевидно, через промежуточное звено *ɔ̄*: *ā* → *ɔ̄* → *i*. В разных говорах этот переход охватывает разное количество слов. Особенно широкое распространение он получил в нижнематчинских говорах (с/с Падрох и Эсиз), в фальгарских, дарвазских говорах, в несколько меньшей степени — в Сохе. В единичных случаях переход *ā* в *i* наблюдается и в некоторых других говорах (в ленинабадском, кассансайском и пр.).

К нарушению основных линий исторических соответствий гласных в говорах ведут также такие явления, как изменения и замена гласных на стыке морфем, ассимиляция, перестановка и пр.

При стечении двух гласных *a* на стыке морфем в говорах отмечены следующие изменения:

1) Один из двух гласных выпадает, т. е. сочетание *a+a* заменяется одним *a*: *xopat* < *xopaat* 'мой дом'; *bašaš* < *bašāaš* 'его ребенок' и т. п. Территория распространения этого явления: верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Сох, Фальгар, долина р. Фан-Дарьи, Матча, Варзоб, Гиссар (долинный говор), Каратегин, Вахио-Боло, часть Куляба (рогские говоры), Хумдара (в Дарвазе).

2) Сочетание *a+a* заменяется гласным *e* (очевидно, через промежуточную ступень *au* с вставным согласным *y*): *xonet* < *xonāuyat* (< *xo-*

naam) 'мой дом', *bačeš* < *bačáyaš* (< *bačáaš*) 'его ребенок', *baček* < *bačayak* (< *bačaaak*) 'мальчик' и т. п. Территория распространения: Бухара, Самарканд, Пенджикент, Гиссар (горный говор), Варзоб, Байсун, Дербент. Сюда же; очевидно, можно отнести частично Горон, где в *e* переходит сочетание *a + ʔ* (< *a*) в случае присоединения к слову с исходом на *a* уменьшительного суффикса *-ʔk* (< *-ak*): *kʔrtek* < *kʔrta + -ʔk* 'платьице', *baček* < *bača + -ʔk* 'мальчик', *afsonek* < *afsona + -ʔk* 'сказочка'.

3) Сочетание *a + a* переходит в *i* (также, очевидно, через промежуточную ступень *aya* с протетическим согласным *y*): *xonim* < *xonáam* 'мой дом', *bačiš* < *bačáaš* 'его ребенок'. Территория распространения: Каратаг и Самарканд (говор самаркандских евреев).

В Бухаре, Самарканде, Пенджикенте, Гиссаре (горный говор), Байсуне, Дербенте наблюдается замена гласным *e* сочетания гласных *ia* (через промежуточную ступень *iya* с вставным согласным *y*): бух. *bindeš* < *bindiaš* (< *biniaš*) 'его нос', *gulem* < *gullam* (< *gulúam*) 'мое горло'; пендж. *biveš* < *bivíaš* 'его бабушка', *raftagem* < *raftagiam* 'мой уход' (|| *bivim*, *raftagim*) и т. п. В Бухаре и Пенджикенте гласным *e* может заменяться также сочетание *ua*: *paltem* < *paltúam* 'мое пальто', пендж. *kadet* < *kadúat* 'твоя тыква', *tarožem* < *tarožúyam* 'мои весы'. В других говорах в этих сочетаниях (*ua*, *ia*) обычно выпадает гласный *a*. В сочетании *oa* на стыке морфем во всех говорах обычно гласный *a* выпадает (если не появляется вставной согласный *y*, *h* или *v*): *boboš* или *bovoš* 'его дед' (в некоторых говорах — 'его отец'), *múhoš* или *múhoš* 'его волосы' и т. п.

Ассимиляция гласных имеет меньшее распространение, чем стяжения и выпадения, наблюдается не во всех говорах и охватывает обычно относительно небольшое количество слов. Наиболее часто встречаются явления ассимиляции в крайних северных говорах — в Кассансае и Чусте, в верхнечирчикских говорах (Брич-Мулла, Богустан, Нанай, Узун, Пскем), несколько реже в говорах ленинабадско-канибадамской группы (Канибадам, Ленинабад, Исфара), в Самарканде, Бухаре, Пенджикенте, Ура-Тюбе. Во всех этих говорах губной ассимиляции подвергается гласный *a* местоименных энклитик множественного числа во всех лицах, главным образом, в позиции после гласного *o* или *i*, реже после согласных: *dastarxónoton* < *dastarxónaton* 'ваша скатерть', *xúdošon* < *xúdašon* 'они сами', *mehmónoton* < *mehmónaton* 'ваш гость' и т. п. Во всех упомянутых говорах, кроме бухарского и частично ленинабадского, ассимиляции подвергается гласный *e* в глагольной приставке *me-* — при глаголах, имеющих в основе гласные *u*, *ý* или *o*, он переходит в *u* (*mu-* < *me-*), при глаголах, имеющих в основе гласный *i*, он переходит в *i* (*mi-* < *me-*): *mukunam* < *mekunam* 'я делаю', *muxúram* или *muxigram* < *mexúram* 'я ем', *migiram* < *megiram* 'я беру', в Кассансае и Чусте *muxogavat* из *mexogavat* 'я лягу' и т. п.⁷⁴

В Чусте систематически подвергается ассимиляции гласный *a*, предшествующий суффиксу *-gi* в причастиях на *-gi*: *kadigi* < *kardagi* 'сделавший', 'сделанный', *xondigi* < *xondagi* 'читавший', 'прочитанный' и т. п. В других случаях явления ассимиляции затрагивают лишь отдельные слова, причем разные в разных говорах: *mudur* < *mudir* 'директор', 'заведующий' (Кассансай и Чуст), *guruxt* < *gurext* 'он убежал' (Самарканд), *hiseb* < *hisob* 'счет' (Бухара), *šikist* < *šikast* 'он сломал', 'он сломался' (Бухара), *durun* < *darun* 'внутренность', 'внутренний' (Бухара, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара), *qoʔoz* < *qoʔaz* (Ленинабад) и т. п.

⁷⁴ В Бухаре гласный *e* в глагольной приставке всегда сохраняется, не подвергаясь ассимиляции: *mexonam* 'я читаю', *megiram* 'я беру', *mekunam* 'я делаю'. В Ленинабаде в положении перед *i* гласный в приставке ассимилируется (*mi-* < *me-*): *mišinam* < *mešinam* 'я сажусь'. Однако употребление приставки *mu-* (< *me-*) ограничивается только двумя глаголами — *xúrdan* 'есть', 'кушать', *guftan* 'говорить'.

Из числа южных говоров явления ассимиляции гласных (единичные) отмечены только в Каратегине: *kíyi bɔland* < *kuhi baland* 'высокая гора', *réyi dur* < *rahi dur* 'дальняя дорога', *bačoho* < *bačaho* 'дети', *xonaho* < *xonaho* 'дома'.

Перестановка гласных представляет собою явление еще более редкое: *nevava* < *nabera* 'внук' (Ленинабад, Канибадам), *yaris* < *rais* 'председатель' (Сох) и некоторые другие.

ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЙ СИСТЕМЫ ВОКАЛИЗМА В ЦЕЛОМ

Общие замечания

Мы показали в предыдущих разделах, как изменились отдельные гласные звуки исходной иранской системы, и какое они получили отражение в таджикских говорах. Переходим теперь к рассмотрению эволюции всей системы вокализма в целом.

Наибольшие расхождения в фонетических системах таджикских говоров, как мы видели, обнаруживаются по линии отражения в них группы исторических гласных заднего ряда *u*, *ū*, *ō*. Именно этот признак, следовательно, и должен быть положен в основу классификации диалектных типов вокализма. В качестве второго дополнительного классификационного признака может быть принято отражение в говорах исторически краткого *i* и долгого *ī*. Исходя из этих двух признаков в таджикских говорах можно выделить четыре основных типа вокализма: 1) северный (в трех разновидностях), 2) центральный (или зеравшанский), 3) южный, 4) юго-восточный (или дарвазский).

Северный тип вокализма

Отличительной чертой северного типа вокализма является сохранение в нем качественной характеристики всех гласных среднеперсидского периода (за исключением общетаджикского перехода исторически долгого *ā* в *o*). В частности, в нем сохранились и старое маджгульное *ǎ* (из ср.-п. *ō*, др.-п. *aṣ*) и *u* (а в некоторых говорах *u* и *ū*). Изменения проходили здесь лишь за счет модификации количественного признака гласных с постепенной утратой фонологического значения их длительности и связанным с этим уменьшением числа гласных фонем.

Северный тип вокализма представлен в трех разновидностях, отражающих различные этапы развития одной и той же системы.

Первая разновидность распространена в большинстве северных таджикских говоров (к северу от долины р. Зеравшан). Она зарегистрирована в настоящее время в следующих пунктах: в городах Бухаре, Пенджикенте, Ура-Тюбе, Шахристане, Ленинабаде, Канибадаме, Исфаре, в пос. Кассансае, в г. Чусте, в западной части Аптского района (с/с Апт, Пувук).

Эта разновидность северного таджикского вокализма почти полностью повторяет систему гласных среднеперсидского языка (а также языка классического периода). В ней также восемь гласных фонем:

<i>i</i> (<i>ī</i>)	<i>u</i> (<i>ū</i>)
<i>ǎ</i>	
<i>e</i>	<i>o</i>
<i>a</i>	

Изменение произошло лишь в их количественной характеристике. Существовавшее ранее противопоставление гласных по длительности заменилось противопоставлением по степени их количественной устойчивости, а деление гласных на долгие и краткие сменилось делением

на устойчивые и неустойчивые гласные. Устойчивые гласные *ī, e, o, u, ū*, восходящие к долгим гласным *ī, ē, ā, ū, ō*, относительно мало меняют свою длительность в зависимости от ударения и характера слога: неустойчивые гласные *i, a, u*, восходящие к исторически кратким гласным *i, a, u*, склонны к сильному сокращению в безударной позиции в открытом слоге. Отчетливое противопоставление гласных этих двух групп по длительности обнаруживается теперь только в одном фонетическом положении — в открытом безударном слоге, где устойчивые гласные полностью сохраняют свою длительность, а неустойчивые сокращаются и редуцируются (между глухими согласными вплоть до нуля). Во всех остальных фонетических позициях существенного расхождения в длительности этих двух групп гласных не наблюдается⁷⁵.

Описанное выше изменение самого характера количественного противопоставления гласных ослабило позиции старых долгих гласных *ī* и *ū*, отличавшихся от своих кратких пар (*i* и *u*) лишь длительностью. Перейдя из разряда долгих в разряд устойчивых, они сохранили теперь отличие от соответствующих неустойчивых звуков только в открытом безударном слоге (*dīdor* 'свидание', *xūnin* 'кровавый', *xunuk* 'холодный'). В остальных фонетических положениях они с ними совпали и по качеству, и по длительности. Вместе с тем естественно уменьшилось и количество слов, в которых они выделяются (поскольку это ограничено только безударным положением и открытым слогом). Для *ī* таких слов в настоящее время зарегистрировано не более пятнадцати — шестнадцати, для *u* — только четыре⁷⁶.

Схема исторических соответствий⁷⁷

Гласные *ī* и *ū* в данном типе вокализма уже не равноценны другим гласным звукам по своей фонологической значимости. Они представляют собой остаточное, реликтовое явление. Подготовлена почва к их полному слиянию с *i* и *u*.

В наиболее слабом положении оказывается гласный *ū*, поскольку количество слов, в которых он сохранился, очень невелико, — их не более трех-четырех. Если в говоре по каким-либо причинам эти слова окажутся неупотребительными или если в них произойдут какие-либо фонетические изменения, то и реликтовая фонема *ū* вовсе исчезнет. Это и произошло в самаркандском таджикском просторечьи⁷⁸. По утверждению Н. Бегбуди в слове *sūrat* 'портрет', зафиксированном в других говорах с устойчивым *ū*, произошло удвоение согласного *r*, вместе с тем исчезла длительность гласного⁷⁹; слово *xūnin* 'кровавый' (производное от слова *xun* 'кровь') в говоре неупотребительно; слова *xubī*

⁷⁵ См.: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, стр. 76—77; В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 3, стр. 11—12.

⁷⁶ Подробнее об этом см. стр. 20—23 данной работы.

⁷⁷ Ср.: G. Lazard. Caractères distinctifs de la langue tadjik. «Bulletin de la Société de linguistique de Paris», t. 52, f. 1. Paris, 1956, стр. 128.

⁷⁸ Самаркандское таджикское просторечье (или говор самаркандских таджиков) мы противопоставляем здесь, с одной стороны, разговорной речи самаркандской интеллигенции, где, по-видимому, сохраняются реликтовые фонемы *ī* и *ū*, с другой стороны, говору самаркандских евреев, где исчезли обе устойчивые реликтовые фонемы *ī* и *ū* (см.: И. И. Зарубин. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. — В сб. «Иран». Л., 1928, стр. 97).

⁷⁹ Противопоставление устойчивых и неустойчивых гласных, как мы уже говорили, обнаруживается только в открытом безударном слоге. При удвоении *r* в слове *surrat* < *surat* первый слог становится закрытым.

‘добро’ и *zudī* ‘быстрота’ (в других северных говорах *xūbi*, *zudī*) употребляются лишь в сочетаниях — *ba xūbi* ‘благополучно’, *ba zudī* ‘быстро’; причем произносятся с кратким *u*; *gūpa* ‘способ, образ’ употребляется только в сочетаниях типа *či gūpa* и также имеет краткое *u*⁸⁰. Реликтовая фонема *ū* здесь вовсе исчезла.

Так образовалась вторая, переходная разновидность северного вокализма с семью гласными фонемами вместо прежних восьми:

$i (\bar{i})$ u
 $e \quad \bar{a} \quad o$
 a

Схема исторических соответствий

$\begin{array}{c} i \\ \diagup \quad \diagdown \\ i \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{e} \\ | \\ e \end{array} \quad \begin{array}{c} a \\ | \\ a \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{a} \\ | \\ o \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{o} \\ | \\ \bar{u} \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{u} \\ \diagup \quad \diagdown \\ u \end{array}$

Эта разновидность северного вокализма в настоящее время обнаружена лишь в самаркандско-таджикском говоре.

Следующим этапом в развитии северного типа вокализма должно быть окончательное исчезновение обеих реликтовых фонем *ī* и *ū*, как самостоятельных единиц, полное слияние их с фонемами *i* и *u*. Это мы и наблюдаем в третьей разновидности северного вокализма, отмеченной в варзобском, каратагском, горном гиссарском, байсунском, дербентском говорах и в говоре самаркандских евреев, где насчитывается уже всего только шесть фонем вместо прежних восьми:

i u
 $e \quad \bar{a} \quad o$
 a

Схема исторических соответствий

$\begin{array}{c} i \quad \bar{i} \\ \diagup \quad \diagdown \\ i \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{e} \\ | \\ e \end{array} \quad \begin{array}{c} a \\ | \\ a \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{a} \\ | \\ o \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{o} \\ | \\ \bar{u} \end{array} \quad \begin{array}{c} \bar{u} \quad u^{81} \\ \diagup \quad \diagdown \\ u \end{array}$

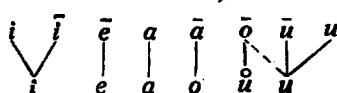
Следует, однако, отметить, что построение такой схемы соответствий является вполне правомерным лишь для вокализма говора самаркандских евреев. Каратагский и варзобский говоры, находящиеся под сильным воздействием соседних с ними говоров южного типа «кулѣби» и «каротегини»⁸², слегка от нее отклоняются. Фонематическая значимость *ū* в них несколько стерта: отдельными носителями этих говоров допускается параллельное использование *ū* и *u* в одних и тех же словах (*ru* || *ru* ‘лицо’, *bu* || *bu* ‘запах’), в ряде слов произношение *ū* утеряно вовсе (*su* || *san* < *sūy* ‘сторона’, *sum* < *sūm* ‘рубль’ *yakūt* < *yakūt* ‘первый’). Более точно схема исторических соответ-

⁸⁰ См.: Н. Бегбуди. Указ. соч., стр. 17.

⁸¹ Ср.: G. Lazard. Указ. соч., стр. 127.

⁸² Жители ряда районов Душанбинской области, называющие себя «кулѣби» и «каротегини», являются переселенцами из Куляба и Каратегина. Вокализм кулябских и каратегинских говоров относится к южному типу. Старое маджгульное *ō* (*ā*) в нем отсутствует. Оно слилось с долгим *ā*. Подробнее об этом см. на стр. 34 данной работы.

вий для этих говоров, следовательно, должна быть построена таким образом:

Южный тип вокализма

Сохранение качественной характеристики старых иранских гласных является отличительной особенностью только северных говоров. Во всех остальных типах таджикского диалектного вокализма произошли те или иные качественные изменения, коснувшиеся впрочем только гласных заднего ряда.

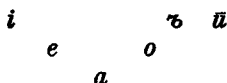
Наиболее удаленным от северного типа, а следовательно и от исходной системы гласных, является южный вокализм. Исторически долгое *ū* и краткое *u*, различавшиеся ранее только по длительности, существенно разошлись здесь и в своей качественной характеристике: краткое *u* делабиализовалось и перешло в *ʊ*⁸³: *gʊl* < *gul* 'цветок', *bʊz* < *buz* 'коза'; долгое *ū* сохранило свое качество и нашло продолжение в устойчивом *ū*: *dūd* 'дым', *dār* 'далекий'. Старое маджгульное *ō*, отличавшееся ранее от долгого *ū* по качеству, сузилось и слилось с ним в одной фонеме *ū* устойчивом (*rūz* < *rūz* 'день', *gūš* < *gūs* 'ухо').

Таким образом, в южном вокализме также произошло сокращение числа фонем в группе исторических гласных заднего ряда с трех до двух, как во второй и третьей разновидностях северного вокализма. Однако, слияние гласных проходило здесь совсем иным путем. На севере, как мы уже знаем, в одной фонеме (*u* неустойчивом) объединились исторически долгое *ū* и краткое *u*, одинаковые по качеству и различавшиеся только по длительности; на юге, наоборот, в одной фонеме (*ū* устойчивом) слились старые гласные *ō* и *ū*, различавшиеся по качеству и одинаковые по длительности. Маджгульное *ō* на севере сохранилось в виде *ū* (устойчивого), на юге оно перешло в *ū* (устойчивое). Исторически краткое *u* на севере также сохранилось в виде *u* неустойчивого, на юге оно перешло в *ʊ*. Схематически этот процесс можно представить в следующем виде:

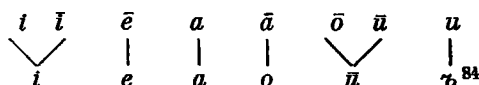
Что касается исторически краткого *i* и долгого *ī*, то они слились здесь в одной фонеме *i* (неустойчивом), как в третьей разновидности северного вокализма.

Основу южного вокализма составляют следовательно шесть гласных фонем:

⁸³ *ʊ* гласный заднего ряда, верхнего подъема нелабиализованный. Подробнее о нем см. на стр. 26.

Схема исторических соответствий

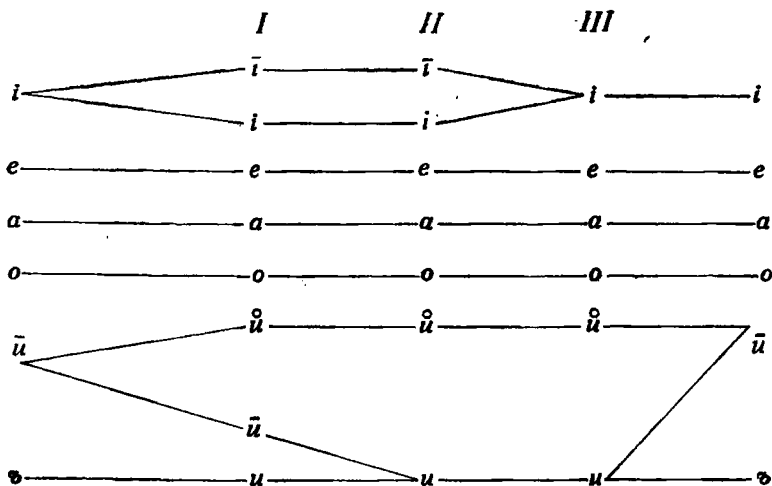

Необходимо отметить, что южный вокализм несколько отличается от северного также с точки зрения количественного взаимоотношения гласных фонем. Фонема ъ во всех фонетических положениях противопоставляется всем остальным гласным как звук более краткий⁸⁵. Неустойчивые гласные *i* и *a* значительно меньше сокращаются в открытом предударном слоге, чем в северных говорах⁸⁶. Четкое противопоставление групп устойчивых и неустойчивых гласных в южном вокализме, таким образом, «в известной мере стирается, и намечается их сближение в общем противопоставлении фонеме ъ»⁸⁷.

Вокализм южного типа имеет распространение на обширной территории, занимающей всю бывшую Кулябскую область, Каратегин (бывшая Гармская область), часть Дарваза, Горон (Горно-Бадахшанская автономная область). Отдельными, довольно многочисленными вкраплениями говоры южного типа встречаются вблизи от Душанбе (Варзоб, Гиссар). В небольшом количестве переселенцы из Каратегина и Дарваза имеются на севере, в частности, в Ферганской и Андижанской областях Узбекской ССР.

Схема соответствий в вокализме южных и северных говоров

Южный вокализм Северный вокализм Южный вокализм

Центральный (или верхнезеравшанский) тип вокализма

Центральный или верхнезеравшанский тип вокализма имеет некоторое сходство со второй (т. е. самаркандско-таджикской) разновидностью северного вокализма. В нем также семь гласных фонем вместо восьми фонем среднеиранского периода. Противопоставление устойчивого и неустойчивого *ī* и *i* сохраняется, причем *ī* устойчивое и здесь пред-

⁸⁴ Ср.: G. Lazard. Указ. соч., стр. 129.

⁸⁵ См.: В. С. Соколова, Р. Л. Немецова, Ю. И. Богорад. Указ. соч., стр. 157—158 и 165—167.

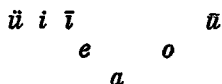
⁸⁶ Там же, стр. 166—167.

⁸⁷ Там же, стр. 167.

ставляет собою реликтовую фонему с узким кругом употребления, обнаруживающую свое отличие от неустойчивого *i* только в открытом безударном слоге. Сокращение числа гласных фонем с восьми до семи и здесь произошло за счет группы исторических гласных заднего ряда $\bar{o}$ (< *ay*), *ā*, *u*. Однако слияние фонем в группе гласных заднего ряда проходило здесь иным путем, чем на севере. Во-первых, произошло их качественное изменение: гласный $\bar{o}$ (< *ay*) несколько сузился (а может быть и отодвинулся назад) и перешел в *ū* (устойчивое), гласный *u* (исторически краткий) продвинулся вперед и перешел в *ü* или в *ĩ* (неустойчивое). Во-вторых, исторически долгое *ā*, в северном вокализме (во второй и третьей его разновидностях) целиком слившееся с кратким *u*, здесь получило двоякое отражение: а) в большинстве случаев оно перешло в *ū* (или *ũ*), слившись таким образом с исторически кратким *u* (*dūd* 'дым', *tūt* 'тутовник' и пр.); б) в меньшем количестве случаев, преимущественно в открытом безударном слоге, оно сохранило свое качество, получив продолжение в *ā* и объединившись таким путем с историческим маджгульным $\bar{o}$ (*sārat* 'портрет', *xābi* 'добро'). Количество слов, в которых исторически долгое *ā* сохранило свое качество (и частично длительность), не одинаково по говорам, в одних говорах таких слов больше, в других меньше (примеры см. на стр. 25).

Гласный, образовавшийся из исторически краткого *u*, по своему качеству (по степени продвинутости вперед) колеблется по говорам от гласного переднего ряда, слегка отодвинутого назад (*ũ*), до гласного заднего ряда, слегка продвинутого вперед (*ü*). В связи с этим выделяются две основных разновидности центрального типа вокализма:

1) верхнематчинский, распространенный к западу от с. Матчи (районного центра), включая часть кишлаков района Айни (фальгарские говоры), а также в шайданском и понгазском говорах:

2) нижнематчинский, распространенный к востоку от Матчи (районного центра), а также в долине р. Сох и в части фальгарских говоров (район Айни):

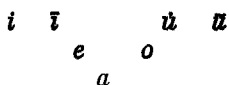

Схема исторических соответствий

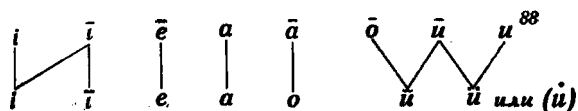
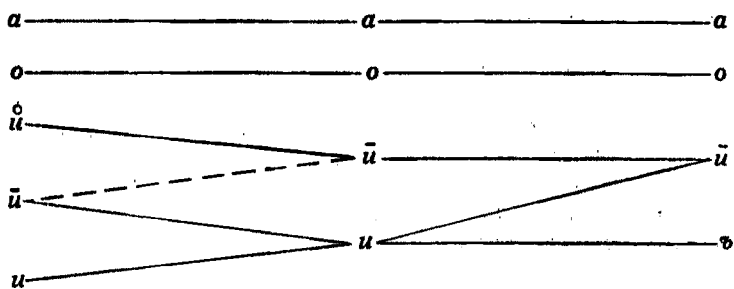

Схема соответствий центрального, северного и южного типов вокализма

⁸⁸ Ср.: G. Lazard. Указ. соч., стр. 128.

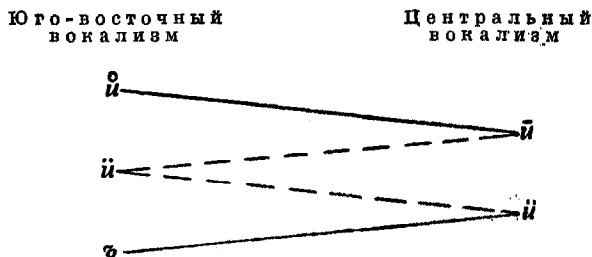

Юго-восточный (или дарвазский) тип вокализма

Юго-восточный, или дарвазский, вокализм одними своими чертами сближается с северным вокализмом, другими — с южным. С северным вокализмом его сближает сохранение старого маджгульного $\bar{y}$ ($< \bar{o} < ay$), с южным — переход исторически краткого i в $ѣ$ ($b\bar{y}z$ 'коза', $g\bar{y}l$ 'цветок'). Исторически долгое $\bar{u}$ изменило в нем свое качество (продвинулось вперед) и получило свое отдельное, самостоятельное продолжение в гласном $\bar{y}$ (устойчивом). Таким образом, в составе юго-восточного вокализма на месте трех исторических гласных $\bar{o}$, $\bar{u}$, i оказалось также три гласных, как в первой разновидности северного вокализма, но отличающихся от них по качеству — $\bar{y}$, $\bar{u}$, $ѣ$. Более наглядно соотношение северного и юго-восточного вокализма в этой части можно представить в следующей схеме:

Самый факт наличия гласного переднего (или передне-смешанного) ряда $\bar{y}$ на первый взгляд как будто бы сближает юго-восточный вокализм с центральным, где также имеется $\bar{y}$ (неустойчивое). Однако, это сближение лишь кажущееся, так как эти гласные имеют разное происхождение. Центральное $\bar{y}$ объединило в себе исторически краткое и исторически долгое i и $\bar{u}$, причем в большинстве случаев оно восходит именно к краткому i ; юго-восточное $\bar{y}$ всегда восходит только к долгому $\bar{u}$. Поэтому между собою эти гласные в центральном и юго-восточном типах вокализма соотносятся следующим образом:

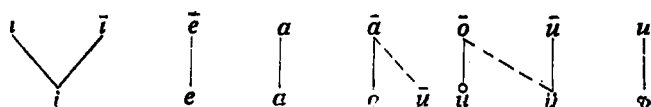
Следует отметить еще одну специфическую особенность юго-восточного вокализма. Гласный $\bar{o}$ ($< \bar{a}$) в позиции перед носовыми перешел в нем в $\bar{u}$, которое является в настоящее время самостоятельной фонемой ($n\bar{u}n < n\bar{o}n$ 'хлеб', $t\bar{u}n < t\bar{o}n$ 'оставь')⁸⁹.

Исторически долгое $\bar{i}$ и исторически краткое i слились в юго-восточном вокализме в одной фонеме i (как в южном вокализме и в третьей разновидности северного).

Таким образом, в составе юго-восточного вокализма насчитывается девять гласных фонем, вместо исторических восьми:

$$\begin{array}{ccccc} i & & \ddot{u} & & \mathfrak{z} & \bar{u} \\ & & \ddot{u} & & & \\ e & & & o & & \\ & & a & & & \end{array}$$

Схема исторических соответствий

Юго-восточный тип вокализма отмечен в настоящее время в Дарвазе по правому берегу Пянджа (от кишлака Зыгара до кишлака Пшихарв).

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ТАДЖИКСКОГО ДИАЛЕКТНОГО ВОКАЛИЗМА

При сопоставительном анализе рассмотренных типов таджикского диалектного вокализма отчетливо выявляется основная действующая закономерность их развития. Это — уже отмеченное В. С. Соколовой во многих живых иранских языках (в том числе и в таджикском) постепенное ослабление фонологической роли длительности гласных с выдвиганием на первый план качества как их главного смысловозначительного признака⁹⁰. Различные типы таджикского диалектного вокализма отражают разные этапы, а также разные пути прохождения этого процесса.

Первым этапом в этом развитии было, как мы знаем, изменение в характере количественной характеристики гласных: переход от противопоставления гласных по их абсолютной длительности к противопоставлению по степени их количественной устойчивости⁹¹. Это вело к сближению гласных, одинаковых по качеству, различавшихся лишь по длительности (*i — ī* и *u — ū*), поскольку их количественное расхождение стало обнаруживаться теперь не во всех фонетических позициях. При таком положении дел возможны были два дальнейших пути развития: 1) полное совпадение и слияние гласных, различавшихся ранее только по длительности, 2) расхождение в их качественной характеристике.

В таджикских говорах мы обнаруживаем оба эти пути развития. Северный тип вокализма в его трех разновидностях показывает нам, как протекает слияние гласных, различавшихся только по длительности: 1) первый этап — переход от противопоставления долгих и кратких

⁸⁹ Переход о в ѵ в позиции перед носовыми наблюдается во многих южных говорах, но там это ѵ не образует самостоятельной фонемы.

⁹⁰ См.: В. С. Соколова. Исследования по фонетике иранских языков. (Автореф. докт. дисс.). Л., 1954, стр. 29—36.

91 Там же.

гласных к противопоставлению гласных устойчивых и неустойчивых с сохранением в очень небольшом количестве слов реликтовых устойчивых фонем *ī* и *ū*, обнаруживающих свое отличие от неустойчивых *i* и *u* только в открытом безударном слоге; восьмифонемный вокализм: *i*, *ī*, *e*, *a*, *o*, *ū*, (*u*), *u* (первая разновидность северного вокализма); 2) второй этап — слияние гласных *u* и *ū* (при сохранении противопоставления устойчивого и неустойчивого *i* и *ī*); семифонемный вокализм: *i*, (*ī*), *e*, *a*, *o*, *ū*, *u* (вторая разновидность северного вокализма); 3) третий этап — слияние гласных *i* и *ī*; шестифонемный вокализм: *i*, *e*, *a*, *o*, *ū*, *u* (третья разновидность северного вокализма).

Центральный, южный и юго-восточный типы вокализма показывают нам пути качественного изменения гласных: а) продвижение гласного вперед — переход исторически краткого *u* и *ū* в *ū* и *ū* в центральных говорах; переход исторически *ū* в *ū* в юго-восточных говорах; б) сужение гласного — переход маджгульного *ō* в *ū* в центральных говорах; в) делябиализация гласного — переход исторически краткого *u* в *u* в южных говорах.

Качественные изменения в таджикских говорах коснулись, как мы видели, лишь исторических гласных заднего ряда. Более далеко продвинулся в этом отношении персидский язык и, судя по последней работе Фархади⁹², — кабулӣ, где изменилось качественно не только исторически краткое *u*, но и *ī* (*u* перешло в *o*, *ī* в *e*).

Если при рассмотрении типов таджикского диалектного вокализма с точки зрения степени удаленности от исходной иранской системы расположить их в ряд, то на одном конце окажется северный вокализм (наиболее близкий к исходной системе), а на другом — южный. Центральный и юго-восточный типы вокализма составят промежуточные звенья. Если продлить эту линию сравнения на юг (в Афганистан) и на юго-запад (в Иран), то на самом дальнем конце (наиболее удаленном от северного типа, а следовательно и от исходной системы гласных) окажется персидский вокализм, а вокализм кабулӣ вместе с центральным, южным и юго-восточным типами таджикского вокализма составят различного типа переходные звенья.

СЛЕДЫ МЕЖДИАЛЕКТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ВОКАЛИЗМЕ

Мы касались до сих пор лишь таких явлений в таджикском диалектном вокализме, которые могут быть объяснены действием внутренних закономерностей развития. Нельзя оставить без внимания, однако, и возможность влияния на диалектный вокализм разного рода внешних факторов, возникающих в отдельных говорах в результате тесного соприкосновения их носителей с различными инодиалектными и иноязычными коллективами.

Более или менее явные черты инодиалектного воздействия отмечены в настоящее время в одном типе вокализма — в чорбогском. В значительно меньшей степени, но все же обнаруживается такое влияние в варзобском⁹³.

Чорбог — это большой кишлак, расположенный в Варзобском районе в девяти километрах к северу от Душанбе. В нем сосуществуют рядом два говора: «вилоятӣ», которым пользуется примерно половина жителей, и «кулёбӣ». Говор «вилоятӣ» очень близок к варзобскому («варзобӣ»), который, как мы уже знаем, имеет северный тип вокализма (третья

⁹² См.: Abdul Ghafar Farhadi. Le persan parlé en Afghanistan. Grammaire du Kâboli. Paris, 1955.

⁹³ См. стр. 33 данной работы.

разновидность)⁹⁴. Говор «кулёби» по типу вокализма и по другим признакам относится к южным говорам⁹⁵.

Одной из отличительных особенностей южного вокализма сравнительно с северным является, как мы видели, отсутствие в нем фонемы *ǐ*⁹⁶. На месте северного *ǐ* в южных говорах используется обычно гласный *ū*, ср. сев. *dūst*, южн. *dūst* 'друг'; сев. *gūš*, южн. *gūš* 'ухо'; сев. *rūz*, южн. *rūz* 'день'. Мы уже говорили о начавшемся в варзобском говоре процессе вытеснения гласного *ǐ* под воздействием соседнего говора «кулубби». Слыша постоянно в речи своих соседей произношение *ū* вместо *ǐ*, варзобцы привыкают к такой замене, и сами начинают ее допускать. Таким образом в устах отдельных носителей говора в ряде слов оказывается возможным параллельное использование гласных *ǐ* и *ū* в одних и тех же словах (*rūz* || *ruz* 'день', *gūš* || *guš* 'ухо' и т. п.), а в некоторых словах произошла окончательная замена *ǐ* гласным *ū* в устах всех представителей говора (*yakum* < *yakūm* 'первый', *sun* < *sū* 'сторона', *sum* < *sūm* 'рубль').

Процесс вытеснения *й* гласным *и*, только начавшийся в варзобском говоре, в чорбогском «вилоятй» доведен до конца. Фонема *й* здесь исчезла полностью. Во всех словах она заменена фонемой *и*. Все три среднеперсидских гласных заднего ряда *ō*, *ū*, *u* слились здесь, следовательно, в одной фонеме *и* (*ruz* < *rūz* 'день', *gul* < *gūl* 'цветок', *dud* < *dūd* 'дым'). Вместо шести гласных варзобского говора (третья разновидность северного вокализма) мы имеем здесь пять гласных:

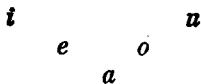
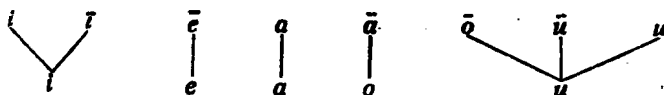

Схема исторических соответствий

СЛЕДЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ДИАЛЕКТНОМ ВОКАЛИЗМЕ

Следы иноязычного влияния отмечены в настоящее время в вокализме рипшанского и верхнечирчикских говоров, находящихся в непосредственном тесном соприкосновении с узбекским языком⁹⁷.

Риштанский вокализм развился на базе центрального. В нем тот же тип отражения старых гласных заднего ряда: исторически краткому *u* соответствует *ū*, маджгульному *ō* — *ū*, исторически долготу *ā* — *ū* или (в более редких случаях, преимущественно в открытом предударном слоге) *ū*. Отличие риштанского вокализма от центрального заключается в изменении качественной характеристики гласных *a* и *i*, происшедшем под воздействием узбекского языка. Гласный *a* продвинулся вперед, несколько сузился и перешел в *ä*, уподобившись, таким образом, гласному *a* узбекских сингармонических говоров: *mān* 'я', *tār* 'влажный', *tāxtā* 'доска'. Гласный *i* расширился, отодвинулся назад и перешел в разряд гласных смешанного ряда, уподобившись узбекскому *i* (в сло-

⁹⁴ См. стр. 33 данной работы.

⁹⁵ Носители говора «кулёбй» — переселенцы из Куляба.

⁹⁶ См. стр. 34—35 данной работы.

⁹⁷ См.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 4, стр. 13—24; К. Тагирова. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР. Сталинабад, 1959, стр. 10—11.

вах *keldi* 'он пришел', *ketti* 'он ушел' и т. п.): *dul* 'сердце', *girift* 'он взял', *tireb* 'обман' и пр. В некоторых словах в *i* перешло также исторически долгое $\bar{i}$ (главным образом, в абсолютном исходе слов): *devorī* 'стенной', *savzi* 'морковь', *omadī* 'ты пришел'. В других случаях исторически долгое $\bar{i}$ сохранило свою качественную характеристику и длительность: *dīd* 'он видел', *tīr* 'стрела', *pīr* 'старик'.

Таким образом, в риштанском вокализме также семь гласных фонем, но не все они совпадают с центральными по своей качественной характеристике:

$\bar{u}$	$\bar{i}$		u
		i	
e		o	
	$\bar{a}$		

Имеются некоторые отличия от центральных говоров также по линии исторических соответствий:

Помимо заметных в нем следов узбекского влияния, риштанский вокализм интересен еще тем, что в нем сохранился более древний тип количественного противопоставления гласных, чем в других таджикских говорах⁹⁸. Гласные i — $\bar{i}$, $\bar{u}$ — $\bar{u}$ довольно отчетливо различаются здесь по длительности не только в открытом предударном слоге, но и под ударением. Следовательно мы имеем здесь дело с противопоставлением гласных по долготе и краткости, как в среднеперсидском и в древних иранских языках, а не по устойчивости и неустойчивости¹⁰⁰.

Верхнечирчикский вокализм также развивался на базе центрального. Основные семь гласных центрального вокализма (по-видимому, в нижнематчинской его разновидности)¹⁰¹ сохранили в нем свою качественную характеристику: i , $\bar{i}$, e , a , o , $\bar{u}$, $\bar{a}$. Отклонение от центрального вокализма заключается лишь в наличии фонемы $\bar{u}$. Эта фонема здесь в противоположность северным говорам не продолжает линии развития старого маджгульного $\bar{o}$. Она здесь заимствована из узбекского языка и встречается только в словах узбекского происхождения: *qūzi* 'ягненок', *ānunči* 'десятый', *tūla* 'полный', *ārta* 'середина', *tūrtunči* 'четвертый' и т. п.¹⁰² Маджгульное $\bar{o}$ здесь, как в центральных говорах, перешло в $\bar{u}$: *rūz* 'день', *rūy* 'лицо', *mūy* 'волосы' и т. п.¹⁰³

Следовательно в верхнечирчикских говорах восемь гласных фонем вместо семи фонем центрального вокализма:

i	$\bar{i}$		$\bar{u}$	$\bar{a}$
		$\bar{u}$		
e		o		
	$\bar{a}$			

⁹⁸ Ср. центральный тип вокализма, стр. 35—36 данной работы.

⁹⁹ Нужно однако отметить, что длительность гласных центральных и дарвазских говоров не была исследована экспериментально.

¹⁰⁰ Цифровые данные по длительности риштанских гласных см. в вып. 4 «Очерков» В. С. Расторгуевой, стр. 18—22.

¹⁰¹ Мы говорим «по-видимому» потому, что верхнечирчикский вокализм не получил достаточно детального описания. Он нуждается в дополнительном исследовании специалиста-фонетиста с применением необходимой фонетической аппаратуры.

¹⁰² См.: К. Тагирова. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР, стр. 40.

¹⁰³ Там же, стр. 10—11.

КОНСОНАНТИЗМ

ИЗ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО КОНСОНАНТИЗМА

В древнеперсидской клинописной графике нашли отражение 22 согласных звука¹⁰⁴:

глухие смычные: *p, t, k*;

звонкие смычные: *b, d, g*;

аффрикаты: *č, ǰ*;

глухие щелевые: *f, s, ʃ, š, x, h, ss (ʃʳ)*;

звонкие щелевые: *v, z, y, l*;

носовые: *m, n*;

дрожащий: *r*.

Древнеиранские согласные: *w, ɖ, ɣ, ž*, для которых в авестийском языке были особые знаки, в древнеперсидской графике не получили самостоятельного отображения. Наличие этих звуков в древнеперсидском языке поэтому является спорным¹⁰⁵. Тем не менее наиболее видные специалисты по древним иранским языкам (Хр. Бартоломе, Хюбшман, А. Мейе, О. Бенвенист) склоняются к мнению, что эти звуки в древнеперсидском языке существовали. Они предполагают, что знаки для звонких смычных согласных *b, d, g* могли обозначать также соответствующие звонкие щелевые — *w, ɖ, ɣ* (в интервокальном положении)¹⁰⁶, а знаки для аффрикаты *ǰ* использовались для обозначения звонкого щелевого *ž*¹⁰⁷.

Произношение согласного *ss* точно не установлено¹⁰⁸. А. Мейе предполагает, что это был свистящий сильный (*silfante forte*)¹⁰⁹. В связи с тем, что он восходит к древнеиранскому сочетанию звуков *ʃr* (санскр. *tr*), некоторые иранисты обозначают его знаками *ʃʳ* (Бартоломе)¹¹⁰ или *θʳ* (Тольман)¹¹¹.

Согласный *l* засвидетельствован в древнеперсидском только в трех именах собственных иностранного происхождения: в имени армянина *Haladita*, названии провинции в Вавилоне *Dubala* и названии горы *Labnāna*¹¹². В словах иранского происхождения этот звук в древнеперсидском языке не встречается¹¹³, поэтому принято считать его иностранным заимствованием, самому древнеперсидскому языку чуждым.

В последующие эпохи (в среднеперсидском языке, в языке персидских и таджикских авторов классического периода) развитие консонантизма шло главным образом по линии позиционных изменений согласных фонем. Состав консонантизма в целом изменился сравнительно мало.

Так, в среднеперсидском языке исчезли согласные *ʃ* и *ss (ʃʳ)*, перешедшие соответственно — *ʃ* в *h* (в интервокальном положении) или в *z*

¹⁰⁴ Как известно, древнеперсидское клинописное письмо имело частично силлабический характер. Большинство знаков обозначало согласный плюс гласный *a*. Некоторые согласные имеют особое обозначение перед *i* и перед *u*. О составе древнеперсидского консонантизма см.: Chr. Bartholomae, *Awestisch und Altpersisch*, стр. 187, 159; 162—169; A. Meillet, *Grammaire du vieux-perse*, стр. 58—85.

¹⁰⁵ См.: Chr. Bartholomae, *Awestisch und Altpersisch*, стр. 164.

¹⁰⁶ Там же, стр. 159; A. Meillet, *Grammaire du vieux-perse*, стр. 76.

¹⁰⁷ См.: Chr. Bartholomae, *Awestisch und Altpersisch*, стр. 159, 162—163 (§ 271, № 6); A. Meillet, *Grammaire du vieux-perse*, стр. 73; Hübshmann, *Persische Studien*, Strassburg, 1895, стр. 228.

¹⁰⁸ См.: Chr. Bartholomae, *Awestisch und Altpersisch*, стр. 159, § 269.

¹⁰⁹ См.: A. Meillet, *Grammaire du vieux-perse*, стр. 63—64, 153.

¹¹⁰ См.: Chr. Bartholomae, *Awestisch und Altpersisch*, стр. 153.

¹¹¹ См.: Tolman, *Ancient Persian Lexicon and Texts*, N. Y. and Leipzig, 1908.

¹¹² См.: A. Meillet, *Grammaire du vieux-perse*, стр. 84.

¹¹³ Звук *l* отсутствует также и в авестийском языке. См.: Chr. Bartholomae, *Awestisch und Altpersisch*, стр. 261.

(в начале слова), $\text{ss} (\text{ʃ}^r)$ — в h или — реже — в s ¹¹⁴. Согласный l , в системе консонантизма древних иранских языков отсутствовавший и отмеченный в древнеперсидском языке только в собственных именах иностранного происхождения, в среднеперсидском языке становится полноправной фонемой. Он возникает здесь: из древнеперсидского сочетания звуков rd , а также в более редких случаях из r , d , $r\delta$, δ . В отдельных словах он восходит к индоевропейскому l ¹¹⁵. Всего в среднеперсидском языке стало 24 согласных фонемы:

глухие смычные: p , t , k ;

звонкие смычные: b , d , g ;

аффрикаты: č , j ;

глухие щелевые: f , s , š , x , h ;

звонкие щелевые: w , v , δ , z , ž , l , y , γ ;

носовые: m , n ;

дрожащий: r .

В языке классического периода сначала исчез согласный w , а затем, в более поздний период — δ . Следовательно, в нем было в ранний период 23 согласных фонемы, в более поздний — 22:

глухие смычные: p , t , k ;

звонкие смычные: b , d , g ;

аффрикаты: č , j ;

глухие щелевые: f , s , š , x , h ;

звонкие щелевые: v , (δ), z , ž , l , y , γ ;

носовые: m , n ;

дрожащий: r .

Те же согласные, за исключением δ , сохранились в современном таджикском литературном языке. К ним добавились лишь согласный q (в современной графике q), встречающийся в словах арабского и тюркского происхождения, и заимствованный из русского языка согласный č ¹¹⁶.

Наиболее существенными из позиционных изменений согласных фонем являются следующие.

1) Древнеперсидские глухие смычные p , t , k в интер- и поствокальном положении, а также после сонантов (r , m , n) перешли в среднеперсидском (в сасанидскую эпоху) в соответствующие звонкие щелевые w , δ , γ ¹¹⁷, а затем в новоперсидском и в таджикском языках в соответствующие звонкие смычные b , d , g : ср. др.-п. $\bar{a}pi$, ср.-п. $\bar{a}p$, позднее $\bar{a}w$, кл. $\bar{a}b$, тадж. ob 'вода'; др.-п. $napāt$, ср.-п. $napē$, кл. $na-bēra$, тадж. $nabera$ 'внук'; др.-п. $pitā$, ср.-п. $pitar$, позднее $pīdar$, кл. $pīdar$, тадж. $padar$ 'отец'; ср.-п. $\bar{a}pātān$ (< $*\bar{a}-pāta-$), позднее $\bar{a}wāḍān$, кл. $\bar{a}bād$, тадж. $obod$ 'благоустроенный', 'населенный'; др.-п. $karta$ 'сделанный', ср.-п. $kart$, позднее $karδ$, кл. $kard$, тадж. $kard$ 'он сделал'; ср.-п. $\bar{a}kās$, кл. $\bar{a}gāh$, тадж. $ogoh$ 'известный'¹¹⁸.

2) Древнеперсидский и ранний среднеперсидский глухой аффрикат č в интервокальном положении перешел в новоперсидском и в таджикском в z : др.-п. $hačā$, ср.-п. $hač$ (позднее $a\text{č}$, $až$), кл. az , тадж. az 'от', 'из', 'с'; др.-п. $rauča$, ср.-п. $rōč$, кл. $rōz$, тадж. $rāz$ 'день'¹¹⁹.

¹¹⁴ См. там же.

¹¹⁵ См.: C. Salemann. *Mittelpersisch*, стр. 267—268; P. Horn. *Neupersische Schriftsprache*, стр. 55—57.

¹¹⁶ См.: Б. С. Расторгуева. Краткий очерк грамматики таджикского языка (приложение к «Таджикско-русскому словарю» под ред. Е. Э. Бертельса. М., 1954, стр. 533).

¹¹⁷ См.: C. Salemann. *Mittelpersisch*, стр. 256—258. — В написании этот переход не нашел отражения, поэтому некоторые ученые сомневаются в наличии этой переходной ступени.

¹¹⁸ См. там же, стр. 257; P. Horn. *Neupersische Schriftsprache*, стр. 62, 75, 83.

¹¹⁹ См.: C. Salemann. *Mittelpersisch*, стр. 257.

3) Древнеперсидский звонкий аффрикат *j* в начале слова перешел в среднеперсидском, новоперсидском и таджикском в *z*: др.-п. *jan-*, ср.-п. *zan-*, кл. *zan-*, тадж. *zan-* — основа наст. вр. глагола *zadan* 'бить'; др.-п. ав. *ḵw-*, ср.-п. *zīvistan*, кл. *zīstan*, тадж. *zīstan* 'жить'¹²⁰.

4) Древнеперсидское и авестийское *v* в сочетаниях *vim* и *vg* перешло в среднеперсидском, новоперсидском и таджикском в *g* (*gum* < *vim*, *gur* < *vg*): ав. *v^hrka-*, ср.-п. *gurg*, кл. *gurg*, тадж. *gurg* 'волк'; ав. **vīmanah-*, ср.-п. *gumān*, кл. *gumān*, тадж. *gumon* 'мысль', 'предположение'¹²¹.

5) Древнеперсидское, авестийское и среднеперсидское *v* в сочетаниях *vi*, *va* перешло в новоперсидском и таджикском в *g* (*gu* < *vi*, *gu* < *va*): др.-п., ср.-п. *v(i)tart* (др.-п. *vi* + *√tar*), кл. *gudarad*, тадж. *gu-zarad* 'пусть он пройдет'; ср.-п. *v(i)nās*, кл. *gunāh*, тадж. *gunoh* 'вина, проступок'¹²².

6) Древнеперсидское и среднеперсидское *v* в начале слова перед *ā*, *a*, *ē*, *ī*, *iū* перешло в новоперсидском и в литературном таджикском в *b*: ср.-п. *vāt*, позднее *vād* (ав. *vāta*), кл. *bād*, тадж. *bod* 'ветер'; ср.-п. *vāng*, кл. *bāng*, тадж. *bong* 'крик'; ср.-п. *vēh* (ав. *vahyak*), кл. *bēh*, тадж. *beh* 'хороший, лучший'; ср.-п. *vīst* (ав. *vīsa'ti-*), кл. *bīst*, тадж. *bīst* 'двадцать'¹²³.

7) Древнеперсидское *d* в интервокальном положении перешло в среднеперсидском языке в *ḍ*, а потом в *y*, которое в новоперсидском и в таджикском языке после долгих гласных может отпадать: ср.-п. *rāu* (ав. *rāda*), н.-п. *rāu* || *rā*, тадж. *rou* 'нога'; др.-п. *rādiy* 'ради', ср.-п. *rād*, *rāu*, кл. *rā*, тадж. *ro* — послелог, указывающий на прямой объект¹²⁴.

8) Древнеперсидское и среднеперсидское *y* в начале слова перешло в новоперсидском и в таджикском в *j*: ср.-п. *yašn* (ав. *yasna*), кл. *jašn*, тадж. *jašn* 'праздник'; ср.-п. *yuxt* (ав. *yuxta*), кл. *juft*, тадж. *juft* 'пара'; ср.-п. *yuvān* (ав. *yuvān*), кл. *javān*, тадж. *javon* 'юноша'¹²⁵.

КОНСОНАНТИЗМ ТАДЖИКСКИХ ГОВОРОВ

Согласные, унаследованные от исходной системы

Основу таджикского диалектного консонантизма составляют те же 22 согласные фонемы, унаследованные от древних иранских языков, которые существовали в языке классического периода. Из них 19 согласных имеются во всех говорах. В том числе:

глухие смычные: *p*, *t*, *k*;

звонкие смычные: *b*, *d*, *g*;

аффрикаты: *č*, *ǰ*;

глухие щелевые: *s*, *š*, *x*;

звонкие щелевые: *v*, *z*, *y*, *l*, *γ*;

носовые: *m*, *n*;

дрожащий: *r*.

Два согласных — *ž*, *h* — в некоторых говорах отсутствуют. Согласный *f* в некоторых говорах имеет несколько ослабленное фонематическое значение.

Согласный *ž* и в языке классического периода, и в современном литературном таджикском языке, как известно, встречается сравни-

¹²⁰ См.: C. Salemann. *Mittelpersisch*, стр. 257

¹²¹ Там же, стр. 269; P. Horn. *Neupersische Schriftsprache*, стр. 64.

¹²² Там же.

¹²³ См.: C. Salemann. *Mittelpersisch*, стр. 269; P. Horn. *Neupersische Schriftsprache*, стр. 76.

¹²⁴ Там же, стр. 44.

¹²⁵ См.: C. Salemann. *Mittelpersisch*, стр. 268; P. Horn. *Neupersische Schriftsprache*, стр. 73.

тельно редко. Количество слов, в состав которых он входит, очень невелико. Еще меньше слов с согласным *ž* в таджикских говорах. В варзобском говоре, например, зафиксировано только пять таких слов (причем одно из них заимствовано из русского языка) — *žola* 'град', *žāžni* название киплака «Гажни», *gaždum* 'скорпион', *aždeor* 'дракон', *žurnol* 'журнал'; в верхнечирчикских говорах в трех словах — *gaždum* 'скорпион', *žola* 'град', *aždar* 'драков'; в говоре самаркандских таджиков в десяти словах (из них два заимствованы из русского): *yaž-yaž* 'скрип' (звукоподражание), *gižžak* 'скрипка', *yiž-yiž* 'жужжание' (звукоподражание), *yiž-yižak* название игрушки, *yižžas zadan* 'визжать' (звукоподражание), *gaždum* 'скорпион', *aždar* || *aždaho* 'дракон', *pažmurda* 'увядший', *žurnol* 'журнал', *pasaziir* 'пассажир' и т. п. Во многих говорах наблюдается тенденция к замене *ž* звуком *j*. Р. Л. Немецова, в частности, отмечает это явление на юге Таджикистана, в кулябских говорах, где в некоторых словах существует параллельное произношение *ž* || *j*: *žola* || *jola* 'град', *miža* || *mija* 'ресницы'. Однако, особенно интенсивно процесс вытеснения *ž* аффрикатой *j* проходит в северных говорах (Бухара, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Чуст и др.), где замена *ž* через *j* наблюдается даже в словах, заимствованных из русского языка: *pasajiir* 'пассажир', *marojni* или *marajni* 'мороженое', *jurnol* 'журнал', *barjot* 'боржом' и т. п. Это обстоятельство создает благоприятные условия для полного исчезновения согласного *ž*, что и произошло, по-видимому, в ряде говоров (по преимуществу северных). Не зафиксирован согласный *ž* в имеющихся в настоящее время материалах по кассансайскому, шайданскому, понгазскому, аштскому говорам. Л. В. Успенская указывает на отсутствие *ž* в каратагском говоре. В пенджикентском говоре согласный *ž* отмечен только в слове *kružok*, заимствованном из русского языка.

Отличительной особенностью согласного *h* является чрезвычайная слабость его артикуляции. Акустически, по определению В. С. Соколовой, «он воспринимается, как простой безголосый выдох, лишь с очень небольшой примесью шума». Слабость артикуляции и относительная слабость его слышимости создает благоприятные условия для его падения, особенно в абсолютном исходе. Случаи отпадения *h* в конце слова после гласных, а также в середине слова перед согласными наблюдаются во всех таджикских говорах: *ra* || *rah* 'дорога', *mo* || *moh* 'месяц', *ta* || *tah* 'низ', *nigo* || *nigoh* 'взгляд' и пр. Выпадение в середине слова между гласными отмечено в говоре самаркандских таджиков (*saar* < *sahar* 'утро', *daan* < *dahan* 'рот') и в левобережных каратегинских говорах.

Отпадение *h* в начале слова засвидетельствовано преимущественно в говорах южного Таджикистана: в кулябских, каратегинских, дарвазских, а также в варзобском (*avo* < *havo* 'воздух', *ezum* < *hezum* 'дрова', *amin* < *hamin* 'этот самый'). В дарвазских и левобережных каратегинских говорах фонематическая значимость *h* значительно ослаблена, произношение его является фактически факультативным (*avo* || *havo* 'воздух', *aft* || *haft* 'семь', *amro* || *hamroh* 'спутник' и т. п.). В рогских говорах, в горонском¹²⁶, ягидском и ванчских *h* как фонема вовсе отсутствует. Ослаблению фонематической значимости фонемы *h* в дарвазских и левобережных каратегинских говорах, а также полному исчезновению его как фонемы в рогских, ягидском, ванчских и горонском говорах в из-

¹²⁶ А. Н. Болдырев, хотя и приводит в перечне фонем согласный *h*, тем не менее подчеркивает очень большую его неустойчивость и способность к падению (см.: А. Н. Болдырев, Бадахшанский фольклор, стр. 280 и 282—283). Ю. И. Богорад и Т. Н. Пахалина, проводившие специальные записи и сбор материалов по горонскому говору (пока не опубликованы), категорически отрицают наличие в нем *h* как фонемы.

вестной степени могло способствовать, очевидно, влияние соседних памирских языков, где этот звук отсутствует.

В некоторых районах массового таджикско-узбекского двуязычия, например в Кассансае, Брич-Мулле, Нанае, Пскеме, Богустане, Узуне, наблюдается ослабление фонематической значимости согласного *f*, который обычно заменяется согласным *p*. В верхнечирчикских говорах (Брич-Мулла, Нанай, Пскем и пр.) такая замена может быть произведена в любом слове и в любом фонетическом положении: *Paryona* || *Faryona* 'Фергана', *guft* || *guft* 'он сказал', *piripgar* || *firivgar* из *firebgar* 'обманщик'. В кассансайском говоре не отмечена замена *f* звуком *p* только в позиции перед следующим согласным — всегда говорят *guft* 'он сказал', а не *gupt*, *toft* 'он повернул', а не *topt* и т. п. Во всех остальных позициях допускается параллельное произношение *f* и *p*: *pisondam* || *fisondam* < *firistondam* 'я послал', *meperat* || *meforat* 'он нравится', *sop* || *sof* 'чистый' и пр. Нужно отметить, что обратное явление, т. е. замена *p* звуком *f*, во всех этих говорах абсолютно недопустима. Отсюда можно сделать вывод, что полного смешения этих двух звуков и объединения их в одно звуковое представление, в одну фонему нет. Пока, очевидно, можно говорить лишь об ослаблении фонематической значимости согласного *f* в этих говорах и о тенденции к вытеснению его согласным *p*. Это явление объясняется, по-видимому, влиянием соседнего узбекского языка, где *f* является заимствованным звуком и в ряде сельских говоров вовсе не употребляется.

Остальные 19 согласных фонем исконно иранского фонда, как мы уже говорили, имеются абсолютно во всех таджикских говорах. По своей качественной характеристике большинство из них не имеет существенных расхождений по говорам¹²⁷. Исключение составляют только согласные *f*, *v*, *k* и *g*. Рассмотрим их более детально.

Звуки *f* и *v* в большинстве таджикских говоров и в литературном языке являются в своем основном варианте губно-зубными плоскощелевыми согласными типа русских *ф* и *в* (хотя таджикское *v* во всех случаях отличается большей сонорностью сравнительно с русским *в*) и только в соседстве с лабиализованными гласными *о*, *у*, *я* звук *v* становится губно-губным. Отклонения от этого правила отмечены следующие:

1) в нескольких крайне северных таджикских говорах, в сильной степени подверженных узбекскому воздействию, а именно в кассансайском, чустском и верхнечирчикских, *f* и *v* являются губно-губными плоскощелевыми согласными, как в узбекском языке;

2) в рогских говорах звук *v* является губно-губным круглощелевым согласным (во всех фонетических положениях); *f* — губно-зубной согласный;

3) во всех говорах южного Таджикистана (кулябских, дарвазских, каратегинских, рогских, бадахшанских), а также в Варзобе в поствокальном положении (особенно после гласного *о*) согласный *v* имеет своим вариантом неслоговое *υ*: *оυ* < *ov* 'вода', *хоυ* < *xov* < *xob* 'сон', *јаυ* < *jav* 'ячень'.

Звуки *k* и *g* в большинстве таджикских говоров являются заднеязычными смычными согласными. Если они и подвергаются палатализации в положении перед гласными переднего ряда *i*, *e*, то лишь в очень незначительной степени. Исключение составляют дарвазские, матчинские и рипшанский говоры, где *k* и *g* имеют по два равноправных варианта (как в персидском языке): а) заднеязычный — в позиции перед

¹²⁷ Описание таджикских согласных дано в работе: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, стр. 81—101.

гласными заднего ряда *o, u*; б) среднеязычный — в позиции перед гласными переднего ряда *i, e, a, ü*, а также в абсолютном исходе.

Нужно отметить, что согласные, унаследованные от исходной иранской системы консонантизма, не совсем одинаково представлены в говорах с точки зрения их позиционного, а следовательно и словарного, распространения. Это обусловлено действием разного рода фонетических процессов.

Так, например, значительные расхождения обнаруживают таджикские говоры по линии отражения в них классического и современного литературного *b* в интервокальном и поствокальном положении.

Интервокальное *b*:

1) в Бухаре, Ура-Тюбе, Шахристане и во всех матчинских говорах сохраняется без изменения (за исключением единичных слов, где оно переходит в *v*): *tabar* 'топор', лит. *tabar*, кл. *tabar*, ср.-п. *tabrak*; *obod* 'благоустроенный', лит. *obod*, кл. *ābād*, ср.-п. *āpāt* (паз. *āwād*), др.-п. *āpāta*; *kabud* 'синий', 'серый', лит. *kabud*, кл. *kabūd*, ср.-п. *kapōt*; *bobo* 'дед' или 'отец', лит. *bobo*, кл. *bābā*, ср.-п. *pāpak*;

2) во всех говорах южной и центральной части Таджикистана — Горон, Дарваз, Вахио-Боло, Каратегин, Куляб (включая рогские говоры), Варзоб, Каратаг, Гиссар, Пенджикент, Фальгар, долина р. Фан-Дарьи, а также в самаркандско-еврейском, как правило, спирамтизуется с переходом в согласный *v* или *w* (вариант фонемы *v*): *tavar* или *tawar* < *tabar* 'топор', *ovod* или *owod* < *obod* 'благоустроенный', *kavud* или *kawud* < *kabud* 'синий', 'серый', *bovo* или *bowo* < *bobo* 'дед'. Во всех этих говорах в той или иной степени допускается, однако, и произношение этих слов с *b*: *tavar* || *tabar*, *ovod* || *obod* и т. п.;

3) в говорах Ферганской долины и в самаркандско-таджикском в определенном количестве слов, разном для различных говоров, спирамтизуется и переходит в *v*, в остальных словах сохраняется. Например, в самаркандско-таджикском в словах *tavar* < *tabar* 'топор', *sovin* < *sobin* 'мыло', *obod* < *ovod* 'благоустроенный', *bovo* < *bobo* 'дед', *kavud* < *kabud* 'синий' произносится *v*, а в словах *kabir* из ар. كبير [*kabīr*] 'великий', *sabaq* из ар. سبق [*sabaq*] 'упражнение', *Sabohat* имя собственное женское (из ар. صباحت [*sobāḥat*] 'изящество', 'красота') произносится *b*.

Поствокальное *b* (в абсолютном исходе)¹²⁸:

1) в верхнематчинских, фальгарских, фанских, самаркандско-таджикском и в кассансайском говорах сохраняется как *b* с некоторым оглушением: *šab* 'ночь', лит. *šab*, кл. *šab*, ср.-п. *šar*, *šawak*, др.-п. *xšara*, ав. *xšar*; *ob* 'вода', лит. *ob*, кл. *āb*, ср.-п. *āp* (паз. *āw*), др.-п. *āpi*; *xob* 'сон', лит. *xob*, кл. *xāb*, ср.-п. *xāb*, ав. *xwafna* и т. п.;

2) во всех остальных говорах, распространенных к северу от р. Зеравшана (Риштан, Сох, Ленинабад, Канибадам, Ашт, Шайдан, Хиштан, Чуст, а также в нижнематчинских, пенджикентском и бухарском), оглушается полностью и переходит в *p*: *šar* < *šab* 'ночь', *op* < *ob* 'вода', *xop* < *xob* 'сон' (перед гласным восстанавливается *b* — *xobaš* 'его сон');

3) во всех говорах южного и центрального Таджикистана (Горон, Ванч, Дарваз, Вахио-Боло, Каратегин, Куляб, Варзоб, Каратаг) спирамтизуется с переходом в *v* или неслоговое *u* (вариант фонемы *v*): *šav* или *šar* < *šab* 'ночь', *ov* или *ou* < *ob* 'вода', *xov* или *xou* < *xob* 'сон'.

Как видно из приведенного обзора, изоглоссы этих двух явлений, спирамтизации поствокального *b* в исходе слов и спирамтизации интервокального *b*, не совпадают. Первое из них (спирамтизация поствокаль-

¹²⁸ Относительно отражения поствокального *b* в середине слова перед согласным (*sabzi* 'морковь', *qabza* 'горсть') нужно провести дополнительные исследования. Сейчас картина распространения спирамтизации *b* в этой позиции недостаточно ясна.

ного исходного *b*) охватывает лишь говоры южного и — частично — центрального Таджикистана (к югу от долины р. Зеравшана), второе (спирантизация интервокального *b*) заходит далеко на север, включая, хотя и с меньшим охватом слов, часть зеравшанских говоров (фальгарские, пенджикентские), все ферганские говоры, самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский, верхнечирчикские (см. карту на стр. 170).

Интервокальное и поствокальное *b* в классическом и в современных таджикском и персидском языках, как известно, восходит в большинстве случаев к древнеперсидскому *p*, которое, по мнению большинства исследователей, в среднеперсидском языке, в сасанидскую эпоху перешло в *w*, а потом уже в новоперсидском — в *b*¹²⁹. Это обстоятельство может навести на мысль, что соответствие согласного *v* литературному классическому *b*, имеющееся в ряде таджикских говоров в этой позиции, представляет собой не новое, сравнительно позднее явление (спирантизацию *b*, возникшего в классический период), а, наоборот, сохранение старого, среднеперсидского состояния; ср. южн. и центр. *šav* или *šap*, ср.-п. *šaw* (ранее *šap*), др.-п. *xšapa* 'ночь'; *ov* или *oɔ*, ср.-п. *āp* (паз. *āw*), др.-п. *āpi* 'вода'; *ovod* или *owod*, ср.-п. *āpāt* (паз. *āwād*), др.-п. *āpāta* 'благоустроенный', 'населенный' и т. п.

Однако такое предположение, по-видимому, должно быть отброшено. Ему противоречат следующие факты:

1) согласный *v* (или *w*) появляется в интервокальном и поствокальном положении в этих говорах не только в тех словах, где он восходит к древне-персидскому *p* и предполагаемому позднему среднеперсидскому (сасанидскому) *w*, но и там, где уже в среднеперсидском языке было *b*: *tavar* или *tawar*, ср.-п. *tabrak* 'топор', *xov* или *xoɔ*, ср.-п. *x*āb*, ав. *x*afna*, др.-п. *svafna*;

2) переход *b > v* наблюдается не только в иранских словах, но и в словах, заимствованных из других языков, в частности из арабского: *xavar* или *xawar* из ар. *خبر* [*xabar*] 'известие'; *hisov* или *hisow* (также *hisoɔ* или *hisov*) из ар. *حساب* [*hisāb*] 'счет'; *tavaq* или *tavog* (*tawog*) из ар. *طبق* [*tabaq*] 'блюдо', *maktav* из ар. *مكتب* [*maktab*] 'школа' и т. п.

Со спирантизацией интервокального *b*, очевидно, связано имеющееся в некоторых говорах южного Таджикистана (Куляб, Дарваз, левобережный Каратегин, Вахио-Боло, Горон) соответствие литературному *b* согласного *v* в начале слова. Такое соответствие отмечено в относительно ограниченном количестве слов, а именно, в словах *ve* 'без', лит. *be*, кл. *bē*, *abē*, ср.-п. *apē* (паз. *awē*); *var* 'на', 'над', лит. *bar*, кл. *bar*, *abar*, ср.-п. *apar* (паз. *awar*), др.-п. *upariy*; *vekor* 'ненужный', лит. *bekor* из *bē* (< *abē*) + *kor* 'дело'; *vega* 'вечер', 'вечером', 'вчера' из *begoh* < *be* + *goh* 'время'; *begūna* 'чужой', лит. *begona* < *be* + *gona*; *varūmad* 'он вышел', лит. *baromad* < *bar* (< *abar* < *apar*) + *omad*; *vardoštan* 'поднимать', лит. *bardoštan* < *bar* + *doštan*.

Во всех приведенных примерах, как мы видим, начальный согласный находился в более ранний период в интервокальном положении. Тогда, очевидно, и совершился переход *b* в *v*. Переход *b* в *v* в слове *vudan* || *budan* 'быть', очевидно, объясняется частым использованием этого глагола в качестве вспомогательного при образовании сложных глагольных форм (преждепрошедшего времени изъявительного наклонения и прошедшего времени сослагательного наклонения), где начальный его согласный *b* оказывается в интервокальном положении: *rafta vudam* < *rafta budam* 'я ушел (прежде)', *rafta voša(d)* < *rafta bošad* 'если он ушел'. Наличие согласного *v* в начале слова *wo* из *bowo* < *bobo* 'дед' (ср.-п. *pāpak*) и *wi* < *biwi* < *bibi* 'бабушка' (кл. *bibi*), по-видимому, можно объяснить конта-

¹²⁹ См.: P. Horn. Neupersische Schriftsprache, стр. 75; C. Salemann. Mittelpersisch, стр. 256.

минацией звуков при отпадении одного из слогов. Несколько труднее понять происхождение согласного *b* в слове *vastan* 'связывать' (лит. *bastan*, кл. *bastan*, ср.-п. *bastan*, др.-п. *basta*) и *win* 'смотри' (лит. *bin*, кл. *bin*, ср.-п. *vēn*; др.-п. *vainahly*). Может быть, здесь сказалось влияние памирских языков (ср. пугн. *vist* 'он связал').

Различное отражение получил в таджикских говорах согласный *d* в исходе слова и в интервокальном положении.

Исходное *d*:

1) во всех говорах южного и центрального Таджикистана (Горон, Ванч, Дарваз, Вахио-Боло, Каратегин, Куляб, Варзоб, Каратаг, Фальгар, долина р. Фан-Дарьи, Верхняя Матча) получает некоторое неполное оглушение. Тем не менее он обычно не совпадает по звучанию с соответствующим ему глухим согласным *t* и не заменяется им: *dod* 'он дал', лит. *dod*, кл. *dād*, ср.-п. *dāt*, др.-п. $\sqrt{dā}$, *dadātuv*, ав. $\sqrt{dā}$, *dadami*; *sad* 'сто', лит. *sad*, кл. *sad*, ср.-п. *sat*, *sata*; *did* 'он увидел', лит. *did*, кл. *dīd*, ср.-п. *dīt*, др.-п. $\sqrt{dāi}$, *didiy* и т. п. Акустическое отличие исходного *d* от *t* объясняется, с одной стороны, неполнотой его оглушения, а с другой стороны, его импловизным характером и общей большей слабостью его артикуляции¹³⁰. Будучи звуком слабым и импловизным, *d* в этих говорах в исходе слова часто отпадает, особенно в часто употребительных словах: дарв. *zū* < *zud* 'быстрый' (кл. *zād*, ср.-п. *zūt*), вахио-болинское *do* < *dod* 'он дал', *ši* < *šid* < *šud* 'он стал, сделался'; глагольное окончание 3-го лица ед. ч. *-a* < *-ad* (общее для большинства говоров южного и центрального Таджикистана и пр.);

2) в кассансайском, самаркандско-таджикском, верхнематчинских, фальгарских, фанских говорах (и, по-видимому, в бухарском) исходное *d*, приглушаясь, также не переходит в *t*. Но здесь оно менее слабое и случаи его отпадения очень редки;

3) в остальных говорах, распространенных к северу от р. Зеравшан (верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Сох), а также в нижнематчинских, пенджикентском, самаркандско-еврейском исходное *d*, оглушаясь полностью, переходит в *t*: *dot* 'он дал', *sat* 'сто', *dīt* 'он увидел', *-at* — глагольное окончание 3-го лица ед. ч. и т. п. Отпадение *d* в исходе (за исключением случаев упрощения группы согласных) для этих говоров не характерно.

Интервокальное *d*:

1) в говорах центральной части Таджикистана (варзобский, каратагский), во всех говорах долины р. Зеравшан (матчинские, фальгарские, кроме говора кишлака Дар-Дар, фанские, пенджикентский, самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский), а также в большинстве говоров, распространенных к северу от р. Зеравшан, т. е. в ура-тюбинском, шахристанском, риштанском, ленинабадском, канибадамском, исфаринском, аштском, чустском, шайданском, кассансайском, верхнечирчикских, а на юге, по-видимому, только в каратегинском интервокальное *d* во всех случаях сохраняется: *zada* 'ударив', *dida* 'увидев', *xudaš* 'он сам', *xudaton* или *xudoton* 'вы сами' и т. п.;

2) в говорах южного Таджикистана (по-видимому, кроме Каратегина), т. е. в дарвазских, кулябских, рогских, вахио-болинском, а также далее к северу — в говоре кишлака Дар-Дар (один из фальгарских), в сохском и бухарском в определенном круге слов, различном для разных говоров, может выпадать. При этом отмечены следующие более конкретные случаи:

а) между двумя *a* выпадает без всякой замены в говорах: Дар-Дара (*zaat* < *zadam* 'я ударил'), Вахио-Боло (*zaa* < *zada* 'ударив', *doa* < *doda* 'дав'), Соха (*zaa* || *zada* 'ударив', *omaas* || *omadas* 'он пришел'); выпадает

¹³⁰ См.: В. С. Соколова. Фонетика таджикского языка, стр. 92—95.

с появлением вместо него вставного согласного *h* (для устранения зияния) — в кулябских говорах: *zaha* < *zada* 'ударив', *istoha* < *istoda* 'стоя', 'остановившись', *omaha* < *omada* 'придя';

б) между гласными *и* и *а* выпадает без всякой замены в бухарском говоре, по-видимому, только в слове *xuaton* < *xudaton* 'вы сами', в сохском говоре в словах *būam* || *būdam* 'я был', *šūam* || *šūdam* 'я стал, сделался', *xūaš* || *xūdaš* 'он сам';

в) между гласными *о* и *а* выпадает без всякой замены в бухарском говоре в деепричастии настоящего времени: *karsoa* < *karsoda* < *karda istoda* 'делая', *xonsoa* < *xonda istoda* 'читаю', *dosoa* < *dodsoda* < *doda istoda* 'давая'.

г) между гласными *і* и *а* выпадает с появлением вместо него вставного согласного *у* (для избежания зияния) в говорах: дарвазских (*diya* < *dida* 'увидев', *kašiyast* < *kašidast* 'он утащил', *pariyast* < *paridast* 'он улетел'), сарихосорском и шуробдарачинском (*diyay* < *diday* 'он увидел', *rasiyay* < *rasiday* 'он достиг'), вахио-болинском (*diyam* < *didam* 'я видел', *tarsiyast* < *tarsidaast* 'он испугался', *nā-biyak* < *nā-bidak* < *nā-budak* 'он не был'), дар-дарском (*mediyan* < *medidand* 'они видели', *rafiya* < *rafida*);

д) в дарвазских, рогских (кишлаки Анджиркон, Зарчахо, Балуч), сарихосорском и шуробдарачинском говорах между гласными *а* и *ъ*, *о* и *ъ*, *и* и *ъ* звук *d* выпадает вместе с гласным *ъ* (в глаголах в прошедшем времени): *dom* < *dodъm* 'я дал' (дарвазские, рогские, сарихосорский, шуробдарачинский), *zom* < *zodat* 'я родила' (дарвазские, рогские), *otam* < *omadъm* 'я пришел' (рогские, вахио-болинский); в дарвазских то же между *і* и *ъ*: *bim* < *bidъm* < *budam* 'я был'; *šim* < *šidъm* < *šudam* 'я стал, сделался'.

Особенностью ленинабадского говора, резко отличающей его от всех других говоров, в том числе и от соседних канибадамского и исфаринского, является слабая артикуляция согласного *г*, что ведет к его систематическому выпадению в позиции перед следующим за ним согласным: *šam* < *šarm* 'стыд', *azon* < *arzon* 'дешевый', *ot* < *ord* 'мука', *tasi-dan* < *tarsidan* 'бояться' и т. д. В сравнительно редких, единичных случаях отмечено это явление в говорах Канибадама и Исфары: *gam* < *garm* 'теплый', 'горячий', *kot* < *kord* 'нож'.

Неодинаковое отражение получила в таджикских говорах группа согласных *rd* в интервокальном положении:

1) в ленинабадском говоре мы имеем обычно *d* < *rd* в связи с упоминавшейся уже тенденцией к выпадению *г* перед согласным: *kadam* < *kardam* 'я сделал', *ovadam* < *ovardam* 'я принес', *gadan* < *gardan* 'шея' и т. п.; в отдельных словах то же явление отмечено в Кассансае и Чусте: *badošta* < *bardošta* 'подняв', *megadat* < *megardat* 'вращается', *kada* < *karda* 'сделав'.

В рогских, аштском, шайданском и верхнечирчикских говорах *d* < *rd* отмечено только в глаголе *kardan* 'делать': *kadъm* < *kardam* 'я сделал' (рогские говоры), *kada* < *karda* 'сделав' (Ашт, Шайдан), *kadam* < *kardam* 'я сделал' (Брич-Мулла). В глаголах *murdan* 'умирать', *bardoštan* 'поднимать' в верхнечирчикских говорах происходит полная ассимиляция согласного *r*: *muddas* < *murdast* 'он умер', *baddošta* < *bardošta* 'подняв';

2) в дарвазских говорах и в вахио-болинских более или менее систематически в этой группе согласных выпадает звук *d* (*r* < *rd*): *marak* < *mardak* 'мужчина', *garan* < *gardan* 'шея', *karam* (|| *kaam*) 'я сделал', *ovaras* < *ovardaast* 'он принес'. В вахио-болинском говоре возможно полное выпадение всей группы *rd* в положении между гласными: *maak* || *marak* || *mardak* 'мужчина', *kaan* || *karan* || *kardan* 'делать', *buak* || *burdak* 'он унес' и т. п. В каратагском, пенджикентском говорах выпадение согласного *d* в группе *rd* отмечено только в глаголе *kardan* 'делать': *karam* < *kardam* 'я сделал' (Каратаг); *kara* < *karda* 'сделав', *kari* < *kardi*

‘ты сделал’ (Пенджикент). В кулябских говорах и в левобережных каратегинских в том же глаголе отмечено полное выпадение группы *rd*: *kaan* < *kardand* ‘они сделали’ (Куляб); *kaan* < *kardand* ‘они сделали’, *kaa* < *karda* ‘сделав’ (Яхакпаст, т. е. левобережный каратегинский). В канибадамском говоре *r* < *rd* отмечено в глаголах *kardan* ‘делать’, *ovardan* ‘приносить’: *karam* < *kardam* ‘я сделал’, *ovaram* < *ovardam* ‘я принес’.

В варзобском, бухарском, самаркандском говорах группа *rd* в интервокальном положении обычно сохраняется.

Особенностью рогских и дарвазских говоров является падение *y* в начале слова: *ax* < *yax* ‘лед’, *ak* < *yak* ‘один’, *o* < *yo* ‘или’, *oft* < *yoft* ‘он нашел’, *od* < *yod* ‘память’. Это явление вполне закономерно и распространяется на слова, заимствованные из других языков, например из узбекского и из русского (*asli* < *yasli* ‘ясли’, *anga* < узб. *yanga* ‘невестка’) и на географические названия (*Azgulom* < *Yazgulom*; *Angibozor* < *Yangi-Bozor*). Во всех остальных известных нам говорах согласный *y* в начале слова всегда сохраняется.

Расхождений в словарном распространении тех или иных согласных по говорам вызывается также такими явлениями, как ассимиляция и диссимиляция согласных, тенденция к упрощению групп согласных, стирание и стяжение наиболее употребительных слов и выражений и пр., которые обнаруживаются в говорах в различной степени. Однако, мы эти вопросы здесь не затрагиваем, так как имеющиеся материалы не дают в этом отношении достаточно ясной картины. Не будем мы касаться также различных частных случаев замены согласных (*r* || *l*, *p* || *m*, *ɣ* || *q* и др.), поскольку они обычно охватывают лишь очень небольшое количество слов.

Согласные, заимствованные из других языков

Помимо упомянутых нами 22 согласных, унаследованных от исходной иранской системы консонантизма, в таджикских говорах употребляются три заимствованных согласных звука: *q*, *h*, *ɣ*.

Согласный *q*, по-видимому, вошел в таджикский язык вместе с арабскими, а позднее и узбекскими лексическими заимствованиями: *qahr* ‘гнев’, ар. قهر [*qahr*]; *aql* ‘ум’, ‘рассудок’, ар. عقل [*aql*]; *qoʃ* ‘бровь’, узб. *qoʃ* и пр. Он имеется абсолютно во всех таджикских говорах равно как и в современном литературном языке.

Согласные *h* и *ɣ* также заимствованы из арабского языка (арабские ح и غ), но они встречаются далеко не во всех таджикских говорах. Главная территория их распространения это южная и центральная часть Таджикистана (включая долину р. Зеравшана в верхнем и среднем ее течении), причем и здесь они не везде в одинаковой мере употребительны.

Эти звуки имеются в словах арабского происхождения: *‘ilm* ‘наука’, ар. علم *‘ilm*; *mu‘allim* или *mu‘alim* ‘учитель’, ар. معلم *mu‘allim*; *hisob* ‘счет’, ар. حساب *hisab* ‘счет’ и т. п. Очень редко встречаются эти звуки в словах иранских корней, где их появление этимологически не оправдано: *rapoʃ* ‘тайком’, лит. *rapoʃ* ‘убежище’, ‘защита’, кл. *rapāh*, ср.-п. *rapāh*; ‘асп’ ‘лошадь’, лит. *asp*, кл. *asp*, ср.-п. *asp*; др.-п. *asa*, *aspa*; ‘umed’ ‘надежда’, лит. *umed*, кл. *umēd*, ср.-п. *umēt*.

Территория распространения *h*: Дарваз, Вахио-Боло, Куляб, Каратегин, Каратаг, Варзоб, Пенджикент, частично Фальгар (Урметан, Похуд, Такфон), Матча, Дербент, Гиссар (горный и равнинный говоры), частично Самарканд — говор самаркандских евреев (см. карту на стр. 169). Степень употребительности его в этих говорах неодинакова. Наиболее

стойким он является в произношении лиц всех поколений в вахно-болинском, кулябских, каратегинских, а также (несколько менее) в пенджикентском и самаркандско-еврейском говорах. В остальных говорах он является принадлежностью речи главным образом лиц старшего и среднего поколения. Допускается замена его звуком *h*, параллельное произношение *h* || *h*. В дарвазских говорах его использование является факультативным.

Территория распространения *ɛ* та же, за исключением Дарваза, где он отсутствует при наличии *h* (см. карту на стр. 169). Наиболее последовательно он употребителен (в речи всех слоев населения) в кулябских и каратегинских говорах, в остальных говорах наблюдается процесс постепенного его исчезновения в речи молодежи.

Отсутствует *h*: на севере — в говорах, распространенных к северу от долины р. Зеравшан (кроме самаркандско-еврейского и говоров переселенцев из Куляба, Каратегина и Дарваза), т. е. в говорах Ура-Тюбе, Шахристана, Бухары, Ферганской долины, верховьев р. Чирчик и в самаркандско-таджикском. На западе — в говорах Байсуна, а на юге — в говорах Горона, Ванча (см. карту на стр. 169).

Звук *ɛ* отсутствует в говорах, распространенных к северу от долины р. Зеравшан (Ура-Тюбе, Шахристан, Бухара, Самарканд, Ферганская долина, верховья р. Чирчик) и, кроме того, в байсунском, рогских, дарвазских, горонском (см. карту на стр. 169).

Как видно из приведенного обзора, изоглоссы распространения *h* и *ɛ* не совпадают полностью; территория распространения *h* несколько шире (включает Дарваз, где нет *ɛ*). Употребление согласного *h* помимо этого является более последовательным и охватывает большие слои населения.

Типы таджикского диалектного консонантизма

Расхождение в составе консонантизма отдельных таджикских говоров, как мы видели, обусловлено наличием или отсутствием в них согласных *ž*, *h*, *ɛ*, *h* и степенью употребительности *f*. Наиболее резко противопоставление говоров в зависимости от наличия или отсутствия в них арабских верхнефарингальных согласных *h* и *ɛ*. По этому признаку можно выделять два основных типа таджикского диалектного консонантизма.

Первый тип консонантизма распространен почти повсеместно (кроме еврейско-таджикских говоров и говоров переселенцев с юга) к северу от долины р. Зеравшана. Его отличительным признаком является отсутствие в нем арабских верхнефарингальных согласных *h* (ح) и *ɛ*, и, следовательно, большая близость его к исходной иранской системе. В нем намечаются следующие разновидности:

1) консонантизм из 23 согласных фонем (как в литературном языке), из которых 22 унаследованы от исходной системы — глухие смычные *p*, *t*, *k*; звонкие смычные *b*, *d*, *g*; аффрикаты *č*, *ǰ*; глухие щелевые *f*, *s*, *š*, *x*, *h*; звонкие щелевые *v*, *z*, *ž*, *l*, *y*, *ɣ*; носовые *m*, *n*; дрожащий *r*; одна фонема *q* заимствована из арабского и тюркских языков. Представлен в говорах Ура-Тюбе, Шахристана, Рипштана, Бухары, Самарканда, Байсуна, Дербента, Ленинабада, Канибадама, Исфара, Чуста;

2) консонантизм из тех же 23 согласных, но с ослабленной фонематической значимостью согласного *f* (с систематической заменой его звуком *p*). Представлен в верхнечирчикских говорах;

3) консонантизм из 22 согласных (те же согласные при отсутствии *ž*). Представлен в Шайдане, Аште;

4) консонантизм из 22 согласных при отсутствии *ž* и со стертой фонематической значимостью звука *f* (с возможной заменой его звуком *p*). Представлен в Кассансае.

Второй тип консонантизма характеризуется наличием обоих верхнефарингальных согласных h (ح) и ε . Он представлен в говорах, распространенных в долине р. Зеравшана (район верхнего и среднего ее течения) и ее притока р. Фан-Дарьи, а далее к югу — в Каратегине, Чилдаре, Вахио-Боло, северной части Куляба (севернокулябские говоры). В нем известны две разновидности:

1) консонантизм из 25 согласных фонем — все 23 согласных фонемы северного типа консонантизма плюс верхнефарингальные h (ح) и ε . Представлен в говорах Фальгара, долины р. Фан-Дарьи, Матчи, Варзоба, Дербента, Гиссара, Каратегина, северного Куляба (севернокулябские говоры), Вахио-Боло;

2) консонантизм из 24 согласных при наличии обоих верхнефарингальных согласных h и ε , но при отсутствии ж . Распространен в Пенджикенте и Каратаге.

Помимо упомянутых двух основных типов таджикского диалектного консонантизма, можно выделить еще три дополнительных, переходных типа:

1) консонантизм из 24 согласных, включающий только один верхнефарингальный согласный — h (при отсутствии ε). Представлен в Дарвазе;

2) консонантизм из 23 согласных, включающий верхнефарингальный согласный h , но без ε и h . Представлен в Ванче и Ягиде;

3) консонантизм из 22 согласных, в котором отсутствуют все три фарингальные согласные — верхние h (ح), ε и нижний h . Представлен в южнокулябских, рогских и горонском говорах.

ИМЕННЫЕ ЧАСТИ РЕЧИ

ИЗ ИСТОРИИ ИМЕННЫХ ЧАСТЕЙ РЕЧИ В ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ

Основная закономерность развития в истории грамматического строя иранских языков проявлялась, как известно, в постепенном переходе от синтетического строя к аналитическому. Древние иранские языки принадлежали к синтетическому типу с развитой системой форм склонения. Имена существительные и прилагательные изменялись по падежам (восемь падежей), по числам (три числа — единственное, двойственное, множественное), имели категорию рода (мужской, женский, средний род).

Начало распада падежной системы наблюдается уже в древнеперсидском языке, где в большинстве имен дательный и родительный падежи объединялись в одной форме, в именах с основой на *a* совпали падежи инструментальный и отложительный (Ablativ), в именах с основой на *ā* — падежи родительный, дательный, инструментальный и отложительный (Ablativ) и т. д. Особенно сильно распад падежной системы обнаруживается в поздних древнеперсидских памятниках, принадлежащих Артаксерксу III.

В среднеперсидском языке процесс распада падежной системы близок к завершению. Падежей осталось только два: прямой и косвенный. Одним из основных средств связи имен в предложении стали служебные слова (предлоги и послелоги). Выработался специфический тип связи определения с определяемым в так называемой «изафетной конструкции». Большее значение приобрел порядок слов в предложении.

В новоперсидском языке классического периода, а также в разившихся из него современных литературных персидском и таджикском языках падежи исчезли полностью. Синтаксические связи имен в предложении стали выражаться только синтаксическими средствами, а именно: с помощью изафета (атрибутивная связь), послелога *ga* в персидском, *go* — в таджикском языке (отношение объекта к предикату), предлогов, порядка слов и пр.

Утрата флективных форм склонения привела к необходимости создания специальных средств обозначения множественного числа, которое ранее было выражено падежной флексией. Уже в раннем среднеперсидском языке с этой целью стал использоваться суффикс *-ān*, восходящий к древнеперсидскому окончанию родительного падежа множественного числа *-ānām*. В более поздних среднеперсидских памятниках наряду с *-ān* в этой функции встречается также и другой суффикс *-ihā* (или *-ēhā*), этимология которого до сего времени остается спорной. Оба эти суффикса перешли в дальнейшем в новоперсидский язык классического периода в виде *-ān* и *-hā*, а от него были унаследованы современными персидским и таджикским языками. В таджикском языке в соответствии с особенностями его фонетики они произносятся как *-on* и *-ho*.

На протяжении многовековой истории существования этих суффиксов произошли весьма существенные изменения в характере их использования. В среднеперсидском языке, где суффикс *-ān* первоначально был единственным средством выражения множественного числа имен, он мог присоединяться к именам с любой семантикой, обозначавшим как одушевленные предметы, так и неодушевленные: *gōspandān* 'овцы', *šurpānān* 'пастухи', *pitarān* (позднее *pidarān*) 'отцы', *āpān* (позднее *āwān*) 'воды', *x^aarišnān* 'кушанья', *čišān* 'вещи' и т. п. Суффикс *-ihā*, наличие которого засвидетельствовано в более позднее время, встречался реже и применялся преимущественно при именах, обозначающих предметы неодушевленные: *kustiḥā* 'окрестности', *ēvačiḥā* 'слова'. Однако уже в среднеперсидском языке это правило не выдерживается полностью, и в отдельных случаях мы встречаем его при именах одушевленных: *bandakihā* 'рабы', *hindūkānihā* 'индийцы' и пр.¹³¹ В ранних памятниках языка классического периода, например, в «Шахнаме», суффикс *-ān* также присоединяется к именам одушевленным и неодушевленным: *palangān* 'леопарды', *murγān* 'птицы', *gulān* 'розы', *andešagān* 'мысли', *γatmān* 'горести'¹³².

В дальнейшем происходит все большее сужение сферы употребления суффикса *-ān* и соответственно с этим все большее расширение сферы использования суффикса *-hā*. В современном литературном таджикском языке суффикс *-on* присоединяется преимущественно к именам, обозначающим одушевленные предметы: *aspon* 'лошади', *govon* 'коровы', *mardon* 'мужчины', *zanon* 'женщины' и пр. Из существительных неодушевленных суффикс *-on* принимают лишь очень немногие, в том числе слова, обозначающие парные части тела, (*čašmon* 'глаза' *abruvon*, 'брови') и некоторые другие (*daraxton* 'деревья', *sitoragon* 'звезды'). Во всех случаях, однако, *-on* может быть заменен суффиксом *-ho*: *aspon* || *aspho* 'лошади', *govon* || *govho* 'коровы', *čašmon* || *čašmho* 'глаза', *daraxton* || *daraxtho* 'деревья'.

Суффикс *-ho* присоединяется к именам с любой семантикой, как к неодушевленным, так и к одушевленным: *xonaho* 'дома', *dastho* 'руки', *čašmho* 'глаза', *aspho* 'лошади', *mardho* 'мужчины', *zanho* 'женщины' и т. д.

Имена прилагательные в новый период вместе с падежами утеряли и категорию числа. Показатели множественности *-ān* (тадж. *-on*) и *-hā* (тадж. *-ho*) в принципе могут к ним присоединяться, но только в тех случаях, когда они выступают в предложении в заменительной функции (т. е. ситуационно заменяют собою имена существительные) или же при полной их субстантивации¹³³. Из существовавших в древности развитых форм они унаследовали лишь степени сравнения, да и то в сильно измененном виде. В древнеперсидском языке существовали два суффикса, служивших для образования сравнительной степени, *-yah* и *-tara*, и два суффикса превосходной степени *-tama* и *-išta*. В среднеперсидском языке суффикс *-yah* фактически вышел из употребления, суффикс *-išta* сохранился в виде *-ist*, но употреблялся редко. Наиболее употребительны были: в сравнительной степени суффикс *-tar* (из др.-п. *-tara*), в превосходной степени *-tum* (из др.-п. *-tama*). В языке нового периода, т. е. в современные персидский и таджикский литературные языки, из них перешел только суффикс сравнительной степени *-tar* (п. *-tār*). При образовании превосходной степени стал использоваться новый суффикс, производный от *-tar* — *-tarin*, например: тадж. *xubtar* 'лучше', *xubtarin* 'лучший', *balandtar* 'выше', *balandtarin* 'самый высокий' и т. п.

¹³¹ Р. Ногн. Neupersische Schriftsprache, стр. 106.

¹³² Там же, стр. 104—105.

¹³³ Подробнее об этом см.: В. С. Расторгуева. Очерки... , вып. 1, стр. 40—41.

Уже в среднеперсидском языке широко использовался постпозитивный неопределенный артикль *-ēv*, позднее *-ē*, развившийся из числительного *ēvāk* (из др.-п. *aiva*) 'один'. Он сохранился далее в классическом языке как *-ē* и в таком виде перешел в современный литературный таджикский язык: *odāme* 'какой-то человек', *duxṭāre* 'какая-то девушка', *kitōbe* 'какая-то книга'.

МНОЖЕСТВЕННОЕ ЧИСЛО ИМЕН В ТАДЖИКСКИХ ГОВОРАХ

В таджикских говорах суффикс множественного числа имен *-on* по происхождению наиболее древний, имеет тенденцию к полному исчезновению. В массовом использовании при именах, обозначающих одушевленные предметы (людей и животных), он отмечен только в Такфоне, Зебоне, Фильмандаре и Костароше (*zaifon* 'женщины', *xešon* 'родственники', *gurgon* 'волки', *zaron* 'ослы'), причем и здесь он всегда может быть заменен суффиксом *-o*. В верхнечирчикских, дербентском, чустском говорах этот суффикс встречается только при именах, обозначающих человека и имеющих на конце согласный звук: *duxṭaron* 'девушки', *zanon* 'женщины', *odamon* 'люди' и пр. Интересно отметить, что, помимо *-on*, в некоторых говорах можно присоединить еще один показатель множественного числа *-o* (в чустском и верхнечирчикских говорах) или *-ho* (в верхнечирчикских говорах): *zanono* или *zanonho* (|| *zanon*) 'женщины', *mardonho* или *mardonho* (|| *mardon*) 'мужчины'. Так образуется как бы двойное по форме множественное число, хотя значение от этого, по-видимому, не меняется, что свидетельствует, как нам кажется, об ослаблении собственной значимости суффикса *-on* в этих говорах. А это наряду с сужением круга употребления суффикса является предвестником его полного исчезновения.

В ванчском говоре суффикс *-on* в соответствии с действующими там фонетическими закономерностями (переход *o* в *ū* перед носовыми) представлен в фонетическом варианте *-ūn*. Употребляется он здесь при именах, обозначающих не только людей, но и животных, птиц: *zanakūn* 'женщины', *murūn* 'куры', *buzūn* 'козы', *marakūn* 'мужчины' и т. д.¹³⁴

В остальных известных нам говорах суффикс *-on* в обычной, повседневной речи не используется. Исключения представляют лишь случаи, когда говорящий по какой-либо причине подражает литературному языку (например, при диктовке). Кроме того этот суффикс изредка можно встретить в фольклоре.

Основными средствами образования формы множественного числа имен в таджикских говорах являются суффиксы *-ho* и *-o*. Из них *-ho* продолжает линию развития ср.-п. *-ihā*, кл. *-hā*, тадж. лит. *-ho*. Происхождение суффикса *-o* теоретически можно было бы объяснить двояко: 1) либо он ведет свое начало от суффикса *-on*, утеравшего конечный согласный *n*, 2) либо от *-ho*, утеравшего начальный согласный *h*.

Для того, чтобы правильно разобраться в этом вопросе, нужно проанализировать круг использования суффикса *-o* в говорах и соотношение его с *-ho*. При первом же, самом поверхностном знакомстве с материалом становится ясно, что выбор того или иного из этих двух суффиксов определяется не семантикой слова, а его фонетической природой, именно характером звука в исходе. Суффикс *-ho* во всех говорах присоединяется только к словам, оканчивающимся на гласный: *bašaho* 'дети', *piyolaho* 'пиалы', *kalkosēho* 'колхозники'. Редкие исключения наблюдаются лишь при нарочито тщательном произношении

¹³⁴ А. З. Розенфельд. Ванчские говоры. «Доклады АН Таджикской ССР», 1952, вып. V, стр. 51.

или подражании книжному языку. Основная сфера применения суффикса -о, наоборот, слова с исходом на согласный: *odamo* 'люди', *aspro* 'лошади', *dasto* 'руки'. В этой позиции он встречается повсеместно в то время, как использование его при словах, имеющих в конце гласный, ограничено определенными районами (главным образом, южная и центральная часть Таджикистана).

Уже самый факт независимости суффикса -о от семантики слова ставит под сомнение возможность возведения его к суффиксу -он, употребление которого, как мы видели, обусловлено семантическими причинами — связано преимущественно со словами, обозначающими одушевленные предметы. Фактически исключает такую возможность и анализ фонетических условий использования этого суффикса. Едва ли можно было бы объяснить фонетически, почему конечный *n* в суффиксе -он стал отпадать преимущественно в случае его присоединения к словам с исходом на согласный.

Возведение суффикса -о к -ho имеет значительно более прочную основу. Употребление -ho, как мы знаем, уже в классическом языке и особенно в современном таджикском литературном языке и в говорах не связано с семантикой слова. Что касается фонетической стороны вопроса, то и здесь, на наш взгляд, все обстоит благополучно. Вполне понятно с точки зрения фонетической, что здесь звук *h*, отличающийся очень слабой артикуляцией, в неблагоприятной позиции, т. е. после согласного, где он особенно ослабляется, отпал (*dasto* < *dastho* 'руки'), а в благоприятных условиях, т. е. между гласными, имеет тенденцию к сохранению (*piyolaho* 'пиалы').

Главное расхождение между таджикскими говорами в образовании множественного числа имен проявляется в степени употребительности суффикса -о при словах, оканчивающихся на гласный, и в характере происходящих при этом фонетических изменений. Наиболее легко это можно проследить в словах с исходом на *a*, которые лучше всего представлены в имеющихся в нашем распоряжении материалах. Мы наблюдаем здесь следующие явления:

1. Суффикс -о при словах с исходом на *a* вовсе не употребляется. Все они образуют множественное число с суффиксом -ho: *bačaho* 'дети', *piyolaho* 'пиалы', *xonaho* 'дома' и т. п. Район распространения этого явления: верховья р. Чирчика, Ферганская долина (Шайдан, Химтхона, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Исфара, Канибадам, Риптан), Сох, Ура-Тюбе, Шахристан, частично Самарканд (самаркандско-еврейский говор), часть Байсуна (дербентский говор);

2. Суффикс -о может присоединяться к словам с исходом на *a* (параллельно с -ho):

а) без каких-либо фонетических изменений: *bačao* 'дети', *piyolao* 'пиалы'; район: Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), часть Байсуна (байсунский говор), часть Фальгара (Шамтуч, Вешаб, Дар-Дар, Рара), Нют;

б) с ассимиляцией конечного *a* основы: *bačoo* 'дети', *piyoloo* 'пиалы'; район: Бухара, Зебон, Фильмандар, Костарош, часть Фальгара (Шамтуч, Вешаб, Похуд, Дар-Дар, Рара), Гиссар (горный и долинный говор);

в) с выпадением конечного *a* основы: *bačo* 'дети', *piyolo* 'пиалы'; район: Бухара, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, часть Фальгара (Шамтуч, Вешаб, Похуд, Дар-Дар, Рара), Матча, Варзоб, Куляб (включая рогские говоры), Каратегин, Чилдара, Вахио-Боло, Дарваз, район распространения говоров хумдарахи (Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по р. Хумбоу).

Слова с исходом на *i* во многих говорах образуют множественное число с суффиксом -о (параллельно с -ho), который присоединяется

к ним либо непосредственно (*bozio* 'игры', *havlio* 'дворы'), либо с появлением вставного согласного *y* (*kalxosčiyo* 'колхозники', *xizmatčiyo* 'служащие' и пр.). Первое из этих явлений отмечено только в Бухаре, Самарканде (самаркандско-таджикский говор) и Пенджикенте; второе имеет большой район распространения, куда входят: северо-восточная часть Ферганской долины (Шайдан, Хиштхона, Ашт, Чуст, Кассансай), Варзоб, Каратегин, Куляб (включая рогские говоры), Чилдара, Дарваз, район говора хумдарачи (Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по р. Хумбоу). По остальным говорам мы не имеем сведений, так как исследователи не уделяли этому вопросу достаточного внимания.

Еще более мозаичны сведения, имеющиеся в нашем распоряжении относительно типов образования множественного числа имен, оканчивающихся на *и*, *о*. Слова с исходом на *и* в ряде говоров принимают показатель множественного числа *-о*. При этом суффикс *-о* присоединяется:

а) либо без каких-либо дополнительных фонетических изменений (*paltuo* мн. ч. от 'пальто') — в говоре таджиков Бухары;

б) либо с вставным согласным *w* (*tiwo* 'волосы') — в горонском говоре. К именам с исходом на *о* возможно присоединение суффикса *-о* (без вставного согласного) в самаркандско-таджикском говоре, а также в говорах Бухары, Пинйона, Пасруда: *mirabo* 'варенья', *hamroo* 'спутники' и т. п.

Итак, мы видим, что суффикс *-о*, возникнув первоначально в качестве варианта *-ho* в определенных фонетических условиях, со временем все больше расширяет сферу своего использования, обособляется от *-ho* и в ряде говоров начинает вытеснять его во всех позициях. Особенно ярко это выразилось в говорах южного и частично центрального Таджикистана, где звук *h* особенно неустойчив и склонен к выпадению в любом фонетическом положении. Здесь суффикс *-о* (из *-ho*) появился и при словах с исходом на гласный. На севере этот процесс можно наблюдать в говорах таджиков Бухары и Самарканда. Присоединение *-о* к словам, имеющим в конце гласный звук, сопровождается теми же фонетическими изменениями, которые возникают в данных говорах и во всех других случаях встречи двух гласных на стыке морфем. В словах с исходом на *a* в говорах южного и частично центрального Таджикистана оно ведет к падению конечного *a* основы: *bašo* < *bašao* 'дети', *piyolo* < *piyolao* 'пиалы'¹³⁵; в словах с исходом на *i* в большинстве говоров появляется вставной согласный *y*: *kalxosčiyo* 'колхозники', *xizmatčiyo* 'служащие'¹³⁶; в словах с исходом на *и* в горонском говоре появляется вставной согласный *w*: *tiwo* 'волосы'. Это говорит о том, что *-о* в настоящее время уже воспринимается в качестве самостоятельной морфологической единицы и не связывается в представлении говорящих с суффиксом *-ho*.

Основной движущий фактор в развитии форм множественного числа имен в истории таджикского языка и в его говорах, как нам представляется, это тенденция к унификации средств его морфологического выражения (см. стр. 129). На первом этапе она привела в таджикских говорах к вытеснению суффикса *-on*, имевшего узкий круг употребления, более универсальным суффиксом *-ho*. Но здесь вмешиваются фонетические факторы. Начальный согласный звук суффикса *-ho*, слабый по своей природе, в определенных фонетических позициях выпадает. Вместо одного суффикса множественного числа имен опять становится два. И процесс унификации начинается снова. На этот раз *-ho*, упо-

¹³⁵ См. стр. 29—30 данной работы.

¹³⁶ См. стр. 57 данной работы.

требление которого под воздействием упомянутых фонетических причин свелось к кругу слов, кончающихся на гласный, стал постепенно вытесняться производным от него суффиксом *-o*. Разные говоры представляют разные этапы этого общего процесса.

ПОКАЗАТЕЛЬ ЕДИНИЧНОСТИ И НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В ТАДЖИКСКИХ ГОВОРАХ

Среднеперсидский постпозитивный неопределенный артикль *-ē*, как мы уже говорили, сохранился в таджикском литературном языке в виде постпозитивного *-e*, которое современные таджикологи по почину И. И. Зарубина называют обычно показателем единичности и неопределенности. В таджикских говорах этот показатель представлен в следующих фонетических вариантах:

1) *-e* — в говорах Шайдана, Хиштхоны, Ашта, Чуста, Кассансая, Риштана, Зебона, Фильмандара, Матчи, Фальгара, Варзоба, Каратага, Куляба, Дарваза (включая говор хумдарачи);

2) *-i* — в говорах верховьев р. Чирчик, Самарканда, Костароша, Ньюта, в Кулябе — в рогских говорах;

3) *-e* || *-i* — в говорах Бухары и Пенджикента.

Употребляется этот показатель во всех говорах очень редко. Его вытесняет числительное *yak* 'один', приобретающее в соответствующем контексте функцию неопределенного артикля: *yak odam* 'один человек', 'какой-то человек', *yak duxtar* 'одна девушка', 'какая-то девушка'.

СТЕПЕНИ СРАВНЕНИЯ И ИНТЕНСИВНАЯ ФОРМА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ТАДЖИКСКИХ ГОВОРАХ

Из древних суффиксов, служивших для образования степеней сравнения, в таджикских говорах получил продолжение только один *-tara*. Он представлен здесь в виде *-tar* (как в литературном языке) и в полном соответствии со своим исконным значением образует сравнительную степень прилагательных: *naʔztar* 'лучше', *balan(d)tar* 'выше' и т. п. Однако употребляется он в говорах относительно редко (значительно реже, чем в литературном языке), причем преимущественно в тех случаях, когда факт непосредственного сравнения в предложении отсутствует: *sonitar*, *begonitar meraftagist* 'он, вероятно, пойдет потом, попозже вечером'. Сравнение выражается описательно, при посредстве предлога *a(z)* (в некоторых говорах *ay*), а прилагательное в таких случаях чаще ставится в своей основной форме (без суффикса *-tar*): *vay a(z) man kalon* (реже — *kalontar*) *ay* 'он старше меня'.

В чувском говоре наряду с *-tar* в той же функции встречается заимствованный из узбекского языка суффикс сравнительной степени *-roq*: *balantar* || *balandroq* 'выше'. Возможно также одновременное присоединение к прилагательному обоих этих суффиксов: *balantarroq* || *balandroqtar* 'выше'.

Суффикс превосходной степени *-tarin*, свойственный литературному таджикскому языку, во всех известных нам говорах не употребителен. Высшая степень качества при наличии сравнения в них выражается описательно с помощью предлога *a(z)* (в некоторых говорах *ay*) 'из', 'от', 'с' и слова *hama* 'все': *a(z)* (или *ay*) *hama baland(tar)* 'выше всех'. Безотносительная высшая степень качества (при отсутствии сравнения) выражается либо особой интенсивной формой прилагательных, либо путем простого повтора.

Интенсивная форма прилагательных является в таджикском языке новообразованием. Ни в среднеперсидском языке, ни в языке классического периода она не имеет своего прототипа. Возникла она, по-ви-

димому, первоначально в разговорной речи и оттуда проникла в литературный язык.

В литературном языке имеется только один тип интенсивной формы прилагательных. Здесь она образуется посредством неполного повтора слова, причем в конце первой, неполной части повтора ставится согласный *p* или *b*: *sáp-safed* 'белый-пребелый', *záb-zárd* 'желтый-прежелтый'. В таджикских говорах зафиксирована эта форма в трех разновидностях:

1. Образуется путем неполного повтора с добавлением в конце первой части *p* или *b* (как в литературном языке): *sáp-safed* 'белый-пребелый', *láb-lùc* 'голый-преголый' и т. п. Район распространения: верховья р. Чирчик, Ферганская долина и примыкающая к ней долина р. Сох, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Фальгар (Рарз, Похуд, Пинйон), Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар, Байсун (байсунский и дербентский говоры). Далее к югу степень ее употребительности все более уменьшается. В Кулябе и Чилдаре эта форма известна, но встречается значительно реже, чем на севере. В Дарвазе, Гороне, а также в рогских говорах (южная часть Куляба) отсутствует.

2. Образуется так же, как первая, но с добавлением изафетного показателя при первом, неполном элементе повтора (после *p* или *b*): *sčri-sčrx* 'красный-красный', *sčri-siya* 'черный-пречерный'. Район распространения — Дарваз (включая территорию говора хумдарачи, т. е. Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по р. Хумбоу).

3. Образуется посредством неполного повтора основы с добавлением в конце первого, неполного элемента звукового комплекса *ppa*: *táp-pa-tálx* 'горький-прегорький', *tippa-torik* 'темный-претемный'. Круг употребления этого типа интенсивной формы прилагательных ограничен очень небольшим количеством слов (*talx* 'горький', *tâyri* 'прямой', *torik* 'темный' и несколько других). Всюду, где этот тип отмечен, он употребляется наряду с основной формой (*tippa-torik* || *típ-torik* 'темный-претемный') и, по-видимому, придает слову оттенок большей степени усиления качества. Район распространения: Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Самарканд, Бухара, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Похуд (в Фальгаре), Байсун (байсунский и дербентский говоры). Отсутствует в говорах Матчи, Варзоба, Каратага, Куляба, Каратегина, Дарваза, Горона. В байсунском и дербентском говорах в первой части повтора в некоторых словах вместо элемента *ppa* выступает элемент *čča*: *bačča-barobar* 'ровный-преровный'.

В некоторых говорах интенсивность качества выражается посредством полного повтора основы: 1) без всяких фонетических изменений: *kalon-kalon* 'большой-пребольшой'; отмечено в самаркандско-таджикском, варзобском, байсунском, дербентском говорах; 2) с добавлением изафетного показателя *-i* к первой части повтора: *zárdi zard* 'желтый-прежелтый'; отмечено в бухарском, байсунском, дербентском и матчинских говорах.

В рогских и горонском говорах для выражения интенсивности качества используется слово *sof* 'совсем': *sof siya* 'совсем черный', *sof sčfed* 'совсем белый'.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ 1-ГО И 2-ГО ЛИЦА

Формы, унаследованные от исходной системы

Личные местоимения 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа в таджикском литературном языке, как известно, унаследованы от исходной системы, причем восходят они не к именительному падежу, как можно было бы ожидать, а к родительному: *man* 'я' < ср.-п.

man, др.-п. *manā* 'мой'; *tu* 'ты' < ср.-п. *tu* (в более ранний период *tō*), ав. *tava* 'твой'; *mo* 'мы' < ср.-п. *mā*, др.-п. *amāxam* 'наш'; *šimo* 'вы', ср.-п. *šimā*, ав. *xšmākam* 'ваш'.

В говорах мы имеем те же личные местоимения, но с некоторыми изменениями, обусловленными фонетическими особенностями диалектной речи. Так, местоимение 1-го лица единственного числа представлено в говорах в следующих фонетических вариантах: 1) *man* — верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Сох, Самарканд, Бухара, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун, Дербент (реже встречается в говорах рогских, кулябских, каратегинских, дарвазских, долинном гиссарском); 2) *ma* (с отпавшим *n*); встречается в говорах: верхнечирчикских, североферганских (Ашт, Кассансай, Чуст), дербентском, долинном гиссарском, севернокулябском (везде параллельно с полной формой *man*); 3) *mān* — Гиссар (долинный говор), Каратегин, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз, Горон (параллельно во всех этих говорах может быть использована и литературная форма *man*); 4) *mā* (с отпавшим *n*) — Куляб (включая рогские говоры), долинные кишлаки Гиссара, Горон (везде параллельно с *mān*, *man*).

Местоимение 2-го лица единственного числа имеет в говорах фонетические варианты: 1) *tu* 'ты' — верховья р. Чирчик, Ашт, Кассансай, Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Каратаг, Варзоб, Каратегин, Дарваз; 2) *tū* — Хиштхона, Шайдан, Понгаз, Риштан, Сох, Фальгар, Матча; 3) *tā* — Куляб (в севернокулябских говорах параллельно с *tu*, в рогских — только *tā*), Чилдара, Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по р. Хумбоу, Пошхарв, Пшихарв, Горон.

Местоимение 1-го лица множественного числа во всех формах представлено в одном фонетическом варианте (общем с литературным языком) *mo* 'мы'.

Местоимение 2-го лица множественного числа представлено в говорах в следующих фонетических вариантах: 1) *šimo* — верховья р. Чирчик, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Варзоб, Каратаг, Байсун, Дербент, Каратегин, Гиссар (горный говор); 2) *šūmo* — Хиштхона, Шайдан, Понгаз, Риштан, Сох, Фальгар, Матча; 3) *šāmo* — Куляб (включая рогские говоры), Чилдара, Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по долине р. Хумбоу, Кырговат, Пошхарв, Горон, Пшихарв, равнинные кишлаки Гиссара; 4) *šimo* — Бухара.

Нужно, однако, отметить, что местоимение *šimo* (*šūmo*, *šāmo*) сохранило в полной неприкосновенности значение множественного числа только в южной части Таджикистана (Каратегин, Куляб, Дарваз, Горон). Далее к северу оно повсюду (кроме говоров переселенцев с юга) служит главным образом в функции вежливой формы местоимения 2-го лица единственного числа. Это явление в настоящее время зафиксировано в говорах: верховьев р. Чирчик, Ферганской долины, Соха, Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Фальгара, Матчи, Варзоба, Каратага, Гиссара (долинный говор), Байсуна, Дербента. При этом в верхнечирчикских, чустских, канибадамском, самаркандском, бухарском говорах функция вежливой формы 2-го лица единственного числа по утверждению исследователей является для этого местоимения единственной. В других упомянутых говорах оно, хотя и реже, но все-таки может быть использовано и для выражения множественного числа.

Тот факт, что вежливая форма местоимения возникла и стала особенно широко использоваться именно в северных районах расселения

таджиков, вероятно, может быть объяснена их большей близостью к резиденции эмиров, высшего чиновничества и феодальной знати, требовавших от подчиненных и от простого люда униженно почтительного обращения. Для этих же районов характерно наличие вежливой формы и в местоимении 3-го лица, а также особого слова *labbay*, употребительного при почтительном отклике на зов (типа русского «чего изволите»). Возникнув первоначально из обращения «низших» (с точки зрения феодальной иерархии) к «вышним», эти формы могли стать впоследствии вообще признаком вежливости в общении с людьми посторонними или старшими по возрасту. Так они и используются в настоящее время. В южных районах Таджикистана, удаленных от двора эмира и отличавшихся более простым, патриархальным укладом, эти формы не получили развития. Сейчас они проникают в разговоры, бытующие в этих районах, из литературного языка и встречаются там преимущественно в речи сельской и городской интеллигенции.

Некоторые изменения сравнительно с предшествующим периодом произошли в функциях местоимения *то 'мы'*. Оно может употребляться в разговорной речи повсеместно не только со значением множественности, но и применительно к одному лицу, к себе, с целью подчеркнуть скромность говорящего или самоуничижение.

Новообразования

Расширение функций местоимений *то 'мы'* и *šuto* (*šuto*, *š'to*) 'вы', сделавшее возможным двойное понимание каждого из них (множественное и единственное число), вызвало потребность к созданию форм, которые имели бы только значение множественного числа. Такие формы были образованы путем присоединения к местоимениям *то 'мы'* и *šuto* (*šuto*, *š'to*, *šimo*) 'вы' именных суффиксальных показателей множественности *-on* или *-ho*. В связи с разнообразными фонетическими особенностями говоров эти формы представлены в них в следующих вариантах:

Местоимение 1-го лица: 1) *тоho* — Кассансай, Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Матча (нижнематчинские говоры), Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинный говоры), Байсун (байсунский говор), Каратегин; 2) *тиho* — верховья р. Чирчик, Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Байсун (байсунский говор), Гиссар (долинный говор); 3) *тiho* — Риштан; 4) *тиo* — Бухара, Дар-Дар; 5) *тоhon* — Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Зебон, Костарош, Шамтуч (в Фальгаре), Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор); 6) *тиhon* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Костарош; 7) *тihon* — Шурмашк, Такфон; 8) *тоуon* — Пенджикент, часть Фальгара (Рарз, Похуд, Вешаб, Шурмашк), Варзоб, Гиссар (горный говор), Байсун (дербентский говор); 9) *тоуiп* — Матча (верхнематчинский говор); 10) *тиуon* — Фильмандар.

Отсутствует форма вторичного множественного числа местоимения 1-го лица в говорах: Чилдары, Куляба, Дарваза (включая говор хумдарачи), Горона.

Местоимение 2-го лица: 1) *šutoho* — Кассансай, Чуст, Бухара, Пенджикент, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский говор); 2) *š'toho* — Дар-Дар (в Фальгаре), Матча; 3) *šutoo* — Бухара, Байсун (байсунский говор); 4) *šutiho* — Ленинабад, Канибадам, Исфара; 5) *šimho* — верховья р. Чирчик, Чуст; 6) *šutohon* — Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Костарош, Варзоб, Гиссар (горный говор); 7) *š'imohon* — Шаватки-Поин, Шамтуч (в Фальгаре); 8) *šu-*

tihon — Ленинабад, Канибадам, Исфара; 9) *šimhon* — Риштан; 10) *šimohin* — Зебон, Костарош; 11) *šitoyon* — Варзоб, Гиссар (горный говор), Байсун (дербентский говор); 12) *šitoyon* — Шурмашк, Похуд, Вешаб (в Фальгаре); 13) *šiton* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара; 14) *šitoyūn* — Верхняя Матча; 15) *šimoho* — Бухара; 16) *šitūyon* — Фильмандар; 17) *šimoho* — Гиссар (долинный говор).

Отсутствует форма вторичного множественного числа местоимения 2-го лица в говорах: Чилдары, Куляба, Дарваза (включая говор хумдарачи), Горона.

Заслуживает внимания тот факт, что район распространения вторичного множественного числа местоимения 2-го лица (в разных его фонетических вариантах) совпадает в целом с тем районом, где местоимение *šito* (*šūto*, *šimo*) употребляется в качестве формы вежливости при обращении к одному лицу, следовательно может выражать фактически и единственное число.

ЛИЧНЫЕ МЕСТОИМЕНИЯ 3-ГО ЛИЦА

В древних иранских языках, как известно, не было специальных личных местоимений 3-го лица. В этой функции использовались различного рода указательные местоимения. В древнеперсидском языке это были обычно *hauu* 'тот' или *ava* 'тот' (с соответствующими падежными окончаниями).

В среднеперсидском языке местоимение 3-го лица в единственном числе было представлено в виде *ōy*, *ō* из др.-п. *avahyū*, ав. *avahe* (род. п. ед. ч. местоимения *ava* 'тот'), во множественном числе — *ōšān*. В языке классического периода мы имеем два личных местоимения 3-го лица единственного числа *ō* и *vay*, которые оба возводятся исследователями к древнеперсидскому *avahyū* (ав. *avahe*). Эти местоимения сохранились и в современном литературном таджикском языке в виде *ӯ* и *vay* (в современной графике на русской основе *у* и *вай*), причем здесь они разошлись в семантике: за *ӯ* закрепилось только значение личного местоимения 3-го лица 'он', 'она', 'оно', в то время как *vay* имеет двойную функцию — указательного местоимения 'тот' (*vay xona* 'тот дом') и личного местоимения 'он', 'она', 'оно'.

В таджикской диалектной речи представлены оба эти местоимения, но они разделились территориально: в одних говорах употребительно *ӯ* (или его фонетические варианты *ū*, *ū* и пр., см. ниже), в других — *vay*.

Классическое *ō*, современное литературное *ӯ* представлено в говорах в следующих фонетических вариантах: 1) *ӯ* — в Самарканде (самаркандско-еврейский говор) и Ягиде; 2) *ū* — в Гиссаре (долинный говор), Кулябе (включая рогские говоры), Чилдаре, Вахио-Боло, в части Дарваза (Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по Хумбоу, Сафадорон, Умарак) и в Гороне; 3) *ū* — в другой части Дарваза (Кырговат, Пошхарв, Пшихарв).

В говорах Ванча и кишлака Кырговата (в Дарвазе) исследователями отмечено в этой функции местоимение *уи* 'он', о происхождении которого мы не беремся судить. Может быть, это также фонетический вариант местоимения *ӯ*, хотя возникновение в нем начального *у* было бы довольно трудно объяснить.

Как мы видели, район использования местоимения *ӯ* (и его фонетических вариантов *ū*, *ū*) относится к крайне южной и юго-восточной частям Таджикистана (исключение представляет лишь самаркандско-еврейский говор). Во всех говорах, распространенных далее к северу (кроме говоров некоторых переселенцев с юга), это местоимение отсутствует. Его заменяют указательные местоимения *ин* 'этот', *он* или *ин* 'тот' и особенно часто *vay* 'тот', а также производные от них *hamin* 'именно этот', в некоторых говорах *havyay* 'именно тот' и др.

Указательные местоимения *i(n)* 'этот', *u(n)* 'тот', а также *hamin* 'именно этот', *hamin* 'именно тот' вместе с их многочисленными фонетическими вариантами (*hami*, *amin*, *hami*, *ami* и пр.) могут выступать в функции личных и в упомянутых нами говорах южной и крайней юго-восточной части Таджикистана (где имеется местоимение *й* или его фонетические варианты *й*, *й*). Местоимение *vaу* 'тот', 'он' в этих говорах отсутствует.

Множественное число личного местоимения 3-го лица в литературном таджикском языке представлено одной формой — *onho* 'они', производной от указательного местоимения *on* 'тот' с добавлением именного показателя множественности *-ho*. В таджикских говорах формы личных местоимений 3-го лица множественного числа значительно более многообразны, во-первых, потому, что за основу при их образовании здесь берется не только *on* или *u(n)* 'тот', но и другие указательные местоимения *i(n)* 'этот', *vaу* 'тот', во-вторых, потому, что в качестве показателя множественного числа при них может выступать не только суффикс *-ho*, но и *-o*, *-on*.

Формы, производные от указательного местоимения *on* или его фонетических вариантов *in*, *u*: 1) *onho* — Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Сох, Варзоб, Гиссар (горный говор), Шурмашк (в Фальгаре); 2) *ono* — Каратаг, Гиссар (горный говор); 3) *inho* — Самарканд (таджикский и еврейский говоры), часть Фальгара (Такфон, Похуд, Шаватки-Поин, Вешаб, Шамтуч), Каратегин; 4) *ino* — Чуст, Самарканд (таджикский и еврейские говоры), Бухара, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар (Рарз, Похуд, Вешаб, Дар-Дар, Шурмашк, Такфон), Матча, Гиссар (долинный говор), Байсун, Дербент, Каратегин, Чилдара, часть южного Куляба (рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваз (Калай-Хумб, Умарак, Сафедорон, Кырговат, Пошхарв, Пшихарв), часть Ванча (вахинско-ванчский говор), Горон; 5) *inon* — Канибадам; 6) *iho* — Гиссар (долинный говор), Куляб (севернокулябские говоры), частично Дарваз (кишлак Сефедорон); 7) *ho* — кишлак Сафедорон (в Дарвазе); 8) *ivo* — Гиссар (долинный говор), Куляб (севернокулябские говоры); 9) *vo* — Хаит; 10) *inoyon* — Байсун (дербентский говор).

Формы, производные от указательного местоимения *in* 'этот': 1) *inho* — верховья р. Чирчик, Кассансай, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), частично Фальгар (Похуд, Шаватки-Поин, Вешаб Шамтуч), Каратегин (левобережный говор); 2) *inho* — Риштан, Сох; 3) *ino* — Шайдан, Хиштхона, Апт, Чуст, Кассансай, Бухара, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Байсун (байсунский и дербентский говоры), Каратегин, частично южный Куляб (рогские говоры), Калай-Хумб, Горон; 4) *ino* — Риштан; 5) *inon* — Байсун (дербентский говор); употребляется только в качестве вежливой формы местоимения 3-го лица единственного числа; 6) *inoyon* — Байсун (дербентский говор); 7) *iuo* — Чилдара, Куляб (севернокулябские говоры), Дарваз (включая говор хумдарачи); 8) *yo* — Каратегин (левобережный говор).

Формы, производные от указательного местоимения *vaу* 'тот': 1) *vaуho* — верховья р. Чирчик, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Риштан, Шаватки-Поин (в Фальгаре); 2) *vaуo* — Шайдан, Хиштхона, Апт, Чуст, Кассансай, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристан, Риштан, Сох, Пенджикент, Пасруд (в Фальгаре), Варзоб, Каратаг, Гиссар (долинный и горный говор), Каратегин (правобережный говор); 3) *vaуon* — Ленинабад, Канибадам, Исфара, Фильмандар, Костарош, Байсун (дербентский говор; только в функции вежливой формы личного местоимения 3-го лица единственного числа).

В Кырговате и в Ванче (нижневанчский говор) местоимение 3-го лица множественного числа выступает в форме *уипо* (множественное число от *уи* 'он'); в Зинге, Ягиде, Ванче (нижневанчский и верхневанчский говоры) — в форме *шипо* (а в нижневанчском также и *шипон*).

В части говоров центрального Таджикистана употребительно местоимение 3-го лица множественного числа, производное от *havaу* 'именно тот'. Оно представлено в двух разновидностях: 1) *havaуо* — Рипштан, Сох, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Варзоб, Каратаг, Гиссар (долинный и горный говоры), Байсун (дербентский говор); 2) *havaуон* — Байсун (дербентский говор; используется только в качестве вежливой формы местоимения 3-го лица единственного числа).

Буквально во всех говорах употребляются в функции личного местоимения 3-го лица формы множественного числа от указательных местоимений *hamin* 'именно этот', *hamon* (или *hamin*) 'именно тот' (*hamino*, *hamino* и пр.), а в ряде северных говоров — от особого указательного местоимения *holagi* (*holigi* или *holangi*) 'этот (только что виденный, или только что приходивший)'.

Как можно видеть по приведенному обзору, из общей массы многообразных форм местоимений 3-го лица множественного числа за каждым говором или группой говоров закреплено лишь небольшое, ограниченное число форм: в байсунском, бухарском — *ино*, *ипо*, в кулябских — *иho*, *ипо*, в гиссарском горном — *ино*, *вауо*, *havaуо*.

На базе форм множественного числа в ряде таджикских говоров развились вежливые формы местоимений 3-го лица единственного числа. При этом возможно два случая: 1) в функции вежливой формы в 3-м лице единственного числа используются те же местоимения, что и в 3-м лице множественного числа; например, в байсунском говоре местоимения 3-го лица множественного числа — *ино*, *ипо*, вежливые формы местоимения 3-го лица единственного числа также *ино*, *ипо*; 2) формы вежливости единственного числа и формы множественного числа в 3-м лице местоимений разошлись; в них используются либо разные местоименные основы, либо разные показатели множественности; например, в говорах Ленибада, Канибадама, Исфары множественное число местоимения 3-го лица будет *вауho*, *вауon*, *inho*, вежливая форма в единственном числе — *вауо*, *ино*; в дербентском говоре множественное число — *вауо*, *havaуо*, *ипоуon*, *ипоуon*, *ипо*, *ино*, вежливая форма — *вауon*, *havaуon*, *ипon* и т. п. В некоторых говорах, например в варзобском, бухарском, вместо вежливой формы местоимения 3-го лица употребляется описательное образование *in kas* букв. 'этот человек'. В пенджикентском говоре с этой целью используются местоимения *ešon* 'они', из среднеперсидского *ēšān* 'они' (о лице присутствующем) или *ušon* 'они' из среднеперсидского *ōšān* 'они' (о лице отсутствующем). Местоимение *ešon* в той же функции встречается в исфаринском и аштском говоре. В самаркандско-еврейском оно имеет форму *šon*. В Бухаре местоимение *šon* употребляется только с ироническим оттенком «они» («их милость»).

Не все исследователи, к сожалению, уделили должное внимание в своих работах вежливым формам местоимения 3-го лица, поэтому мы не знаем точно района их распространения. На основании тех отрывочных сведений, которые имеются, все же можно предположить, что он приблизительно совпадает с тем районом, где используется вежливая форма местоимения 2-го лица, т. е. захватывает главным образом северные говоры и частично центральные.

МЕСТОИМЕННЫЕ ЭНКЛИТИКИ

Уже в древних иранских языках наряду с самостоятельными личными местоимениями 1-го и 2-го лица существовали также несамостоятельные, энклитические местоимения, которые так же, как другие

местоимения, различались по падежам, по числам, хотя имели неполную парадигму (у них не было именительного падежа). Формой родительного и дательного падежа местоименных энклитик в древнеперсидском языке была: в 1-м лице единственного числа — *maiū*, во 2-м лице — *taiū*, в 3-м лице — *šaiū*. К этим формам восходят среднеперсидские местоименные энклитики, которые в единственном числе были представлены в следующем виде: 1-е лицо — *m* или *am*, 2-е лицо — *t* или *at*, 3-е лицо — *š* или *aš*. Множественное число было образовано от этих форм с помощью именного показателя множественности *-ān*: 1-е лицо *mān* или *amān*, 2-е лицо *tān* или *atān*, 3-е лицо *šān* или *ašān*. В таком виде они перешли впоследствии и в язык классического периода. В современном таджикском литературном языке в соответствии с его фонетическими особенностями они во множественном числе имеют на конце *-on* (а не *-ān*); полная их парадигма:

Единственное число Множественное число

1-е л. <i>am</i>	<i>amon</i>
2-е л. <i>at</i>	<i>aton</i>
3-е л. <i>aš</i>	<i>ašon</i>

В средний и в классический период функции местоименных энклитик в предложении были довольно многообразны. В частности, в классическом языке они употреблялись при обозначении: 1) принадлежности (атрибутивная функция): *kitābam* 'моя книга', *dāstam* 'моя рука'; 2) прямого объекта: *dīdam-aš* 'я его видел'; 3) косвенного объекта: *gūftām-aš* 'я ему сказал'. В современном литературном таджикском языке их прежде многообразные функции сведены к одной — к выражению принадлежности (в широком смысле слова): *kitābam* 'моя книга', *dāstam* 'моя рука', *padāram* 'мой отец'.

Местоименные энклитики существуют в настоящее время во всех таджикских говорах и представлены в них в следующих фонетических вариантах.

В единственном числе: 1) *am*, *at*, *aš* — верховья р. Чирчик, Ферганская долина (Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Сох), Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 2) *ām*, *āt*, *āš* — Риштан; 3) *ʔm*, *ʔt*, *ʔš* — Гиссар (долианный говор), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз, Горон. В Каратегине, Чилдаре, Дарвазе параллельно с *ʔm*, *ʔt*, *ʔš* возможно произношение *am*, *at*, *aš*; в Вахио-Боло — *am* || *m*, *at*, *aš*. В Хиштхоне и Шайдане во 2-м и 3-м лице параллельно с *at*, *aš* возможно произношение *it*, *iš*: *pūlat* || *pūlit* 'твои деньги', *pūlaš* || *pūliš* 'его деньги'.

В 1-м лице множественного числа: 1) *amon* — Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (дербентский говор); 2) *amo* — Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Фальгар, Матча, Гиссар (горный говор), Байсун (дербентский говор); 3) *āmon* || *āto* — Риштан; 4) *omon* — Шайдан, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан; 5) *oto* — верховья р. Чирчик, Байсун (байсунский говор); 6) *amīn* — Каратегин; 7) *amī* — Каратегин, Дарваз; 8) *mon* — часть южного Куляба (рогские говоры), Горон; 9) *mīn* — Куляб (севернокулябские говоры); 10) *mī* — Дарваз.

Во 2-м лице множественного числа: 1) *aton* — верховья р. Чирчик, Шайдан, Хиштхона, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Фальгар, Гиссар (горный говор), Байсун (дербентский говор), Варзоб, Ка-

ратаг; 2) *āton* — Риштан; 3) *oton* — Шайдан, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Байсун (байсунский говор); 4) *atūn* — часть Фальгара (Рарз, Вешаб, Похуд, Шамтуч, Дар-Дар), Матча, Каратегин; 5) *atū* — Каратегин; 6) *ʔton* — Горон; 7) *ʔtūn* — Куляб (севернокулябские говоры); 8) *tū* — Дарваз.

В 3-м лице множественного числа: 1) *ašon* — верховья р. Чирчик, Шайдан, Апт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, часть Фальгара, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (дербентский говор); 2) *āšon* — Риштан; 3) *ošon* — верховья р. Чирчик, Шайдан, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент; 4) *ašūn* — часть Фальгара (Рарз, Вешаб, Похуд, Шамтуч, Дар-Дар), Матча, Каратегин; 5) *ašū* — Каратегин; 6) *ʔšon* — Гиссар (долинный говор), часть южного Куляба (рогские говоры), Горон; 7) *ʔšūn* — Гиссар (долинный говор), Куляб (севернокулябские говоры); 8) *šū* — Дарваз.

С точки зрения использования местоименных энклитик в предложениях говоры отчетливо делятся на две группы.

1) Говоры, сохранившие все те функции местоименных энклитик, которые были им свойственны в классическом языке: а) атрибутивную: *kitōbam* 'моя книга'; 2) прямого объекта: *didām-aš* (или *didām-ʔš*) 'я его видел'; 3) косвенного объекта: *dodām-aš* (или *dodām-ʔš*) 'я дал ему'. Территория: Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваз, Горон; прямой и косвенный объект очень редко — в Шайдане, Апте. В некоторых из этих говоров местоименные энклитики, выступая в функции прямого и косвенного объекта, могут принимать на конце *a*, происхождение которого точно не установлено: *didām-ša* 'я видел его', *dodām-ša* 'я дал ему'. Территория распространения этого явления: Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Варзоб, Гиссар (долинный и горные говоры), Байсун (дербентский говор).

2) Говоры, в которых местоименные энклитики имеют только атрибутивную функцию: *kitōbaš* 'его книга'. Территория: верховья р. Чирчик, Хиштхона, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Бухара, Самарканд (еврейский и таджикский говоры), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Каратаг (см. карту на стр. 171).

УКАЗАТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Указательные местоимения, унаследованные от исходной системы

Современный таджикский литературный язык унаследовал от древних иранских языков три указательных местоимения: *in* 'этот' (из кл. *īn*, ср.-п. *ēn*, др.-ир. *ēna*), *on* 'тот' (из кл. *ān*, ср.-п. *ān*, *hān*, ав. *ana*), *vaū* 'тот' (из кл. *vaū*, др.-п. *avaḥyā* — род. пад. от *ava* 'тот'), а также созданные на их базе в классический период новообразования (с префиксом *ham-*) — *hamin* 'именно этот', *hamon* 'именно тот'.

В таджикских говорах местоимение *in* 'этот' (в Риштане и Сохе — *īn*) встречается повсеместно. В южных и юго-восточных говорах конечный согласный *n* в нем имеет тенденцию к отпадению (произносятся *in* || *i* 'этот'). Территория распространения местоимения *i* || *in* 'этот': Гиссар (горный и долинный говоры), Байсун (байсунский и дербентский говоры), Каратегин, Чилдара, Вахио-Боло, Дарваз, Ванч (нижневанчский и верхневанчский говоры), Куляб.

Местоимение *оп* 'тот' представлено в говорах в следующих фонетических вариантах: 1) *оп* — Хиштхона, Шайдан, Апт, Чуст, Кассансай, Риштан, Сох, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинный говоры); 2) *ин* — Апт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Варзоб, Гиссар (горный и долинный говоры); 3) *ан* — Хиштхона, Шайдан, Фальгар, Матча; 4) *и || ин* — верховья р. Чирчик, Байсун (байсунский и дербентский говоры); 5) *а, ан* — Каратегин, Чилдара, Вахио-Боло, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз.

Местоимение *уау* 'тот' является принадлежностью преимущественно говоров северных и центральных районов. Более точно о территории его распространения см. стр. 88.

Усилительные указательные местоимения с приставкой *ham-*, образованные от *ин* 'этот' и *оп (ин)* 'тот', имеются всюду. В ряде говоров в них происходят некоторые фонетические изменения: отпадение конечного *n*, отпадение начального *h* и пр.

Диалектные фонетические варианты указательного местоимения *hamin* 'именно этот': 1) *hamin* — употребляется во всех говорах, за исключением рогских и горных, в которых отсутствует согласный *h*, а также дарвазских; 2) *ham̄in* — Сох; 3) *hām̄in* — Риштан; 4) *hami* — верховья р. Чирчик, Зебон, Фильмандар, Костарош, Куляб (исключая рогские говоры), Чилдара; 5) *ami* — Куляб (включая рогские говоры), Чилдара.

Диалектные варианты местоимения *hamon* 'именно тот': 1) *hamon* — в редких случаях встречается в говорах Ленинабада, Канибадама, Исфары, Варзоба и некоторых других; 2) *hām̄on* — Риштан; 3) *hamin* — верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Сох, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош; 4) *ham̄in* — Фальгар, Матча, Куляб (исключая рогские говоры); 5) *ham̄i* — Куляб (севернокулябские говоры); 6) *am̄i* — Куляб (включая рогские говоры), Чилдара.

Новообразования в области указательных местоимений

В некоторых говорах имеется также усилительное указательное местоимение с префиксом *ham-*, образованное от *уау* 'тот': *havau* < *hamvaу* 'именно тот', 'именно он' (согласный *m* при этом всегда выпадает). Территория распространения этого местоимения: Хиштхона (употребляется редко), Сох, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар, Байсун (байсунский и дербентский говоры), Каратегин (правобережный говор). В несколько измененном виде (*hāvāu* 'именно тот', 'именно он') это местоимение употребительно также в Риштане.

В дарвазских, ванчских и чилдаринском говорах для усиления при указательных местоимениях употребляется префикс *na-* (вместо *ham-* или наряду с ним). Так образованы местоимения: 1) *nai* (*na + in*) 'именно этот' — Чилдара, Дарваз (Ягид, Нильванд, Кырговат, Пшихарв, Пошхарв, Калай-Хумб, Кеврун, Ризвай, кишлаки по Хумбоу), Ванч; 2) *naati* (*na + ham + in*) 'именно тот' — Ягид, Ванч.

В Ванче (верхневанчские и нижневанчские говоры) префикс *na-* присоединяется также к местоимению *уи* — *науи* 'именно тот'.

В ряде северных говоров широкое распространение получили специфические местоименные новообразования, созданные из слова *hol* 'состояние', 'положение' с помощью суффикса прилагательных *-angi* или от *holi* с суффиксом *-gi*, и указывающих на лицо (или предмет), только что виденное: 1) *holangi* — Самарканд; 2) *holāngi* — Риштан; 3) *holanḡi* — Сох; 4) *holagi* — Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахри-

стан, 5) *holigi* — верховья р. Чирчик, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай; в верхненечирчикских говорах также *holgi* (с выпадением *i* после *l*).

Кроме того, в говорах имеется большое количество местоименных новообразований, возникших на базе словосочетаний такого типа как *in tavr*, *on tavr* 'так', *hamin tavr*, *hamon tavr* 'именно так', *in zayl* 'такой', *hamin zayl* 'именно так' с добавлением суффиксов *-in*, *-i*, *-angi*: *intagin*, *intain*, *intin*, *intingi*, *intigi*, *itigi*, *intugin*, *intūyin*, *intūxin*, *intūri* и пр. 'такой', *untūyin*, *untūxin*, *untungi*, *untūngi*, *vaytigi* 'такой'; *hamintari*, *hamtugin*, *hamtuin*, *hamtagin*, *hamtūyin*, *hamtūxin*, *hamtiyin*, *hamtigi* 'вот такой', 'именно такой', *inzaylin*, *izaylin*, *izayli*, *unzayli(n)* 'такой'; *hamin zayli(n)*, *hamzaylin* 'вот такой', 'именно такой' (в каждом говоре представлен какой-нибудь из этих вариантов).

В Дарвазе (Кырговат, Пшихарв, Пошхарв, Калай-Хумб, кишлаки по р. Хумбоу) со значением 'вот такой' употребляются местоимения *hamtava* || *namtava*, также являющиеся новообразованиями; в Дербенте — *intarin* || *intaragin*, *hamintarin* || *hamintaragin* || *hamintarakin*; *hamutarin* || *hamutarakin*, *intaqara* || *inqatara* || *intaraqa*; *untaqara* || *unqatara*, *hamiqatara* || *hamitaraga* || *hamitaqara*; *hamuqatara* || *hamutaraqa* || *hamutaqara*; в Байсуне — *inqata*, *unqata*, *hamqata*, *hamiqata* || *haminqata*, *hamuqata* || *hamuqata*; *intūring* || *intaring* || *untūring*, *hamtaring* || *hamitūring* || *hamutūring*.

ВОПРОСИТЕЛЬНЫЕ МЕСТОИМЕННИЯ

Местоимения, унаследованные от исходной системы

Литературный таджикский язык унаследовал от исходной системы четыре вопросительных местоимения: *ki* 'кто' (о людях) из кл. *ki*, ср.-п. *kē*, др.-п. *kahya*, г.-ав. *kahya* (род. пад. ед. ч. от г.-ав. *kā*); *či* 'что' (о вещах и о животных) из кл. *či*, ср.-п. *čē*, г.-ав. *čahya*; *kadom* 'какой' из кл. *kadām*, ср.-п. *katām*, др.-пр. *katama*; *čand* 'сколько' из кл. *čand*, ср.-п. *čand*, ав. *čvant*.

Вопросительные местоимения *ki* 'кто' и *či* 'что' (мн. ч. *kiho*, реже *kiyo*; *čiho*, реже *čiyu*) практически встречаются и известны во всех говорах, но в одних говорах каждое из них является единственным в своей сфере, в других они имеют заменители, которые употребляются чаще и фактически их вытесняют.

Основная территория распространения вопросительного местоимения *ki*: верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Ашт, Кассансай, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох (в Сохе произносится *kī*), Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Фильмандар, Костарош, часть Фальгара (Шурмашк, Пинйон, Пасруд, Такфон), Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинный говоры), Байсун (байсунский и дербентский говоры), Куляб, Каратегин, Дарваз, Ванч, Горон. В остальных говорах местоимение *ki* также известно и может быть встречено, но чаще заменяется различными местоименными образованиями (см. ниже) или заимствованным из узбекского языка местоимением *kim*. В левинабадском говоре в повседневной речи *ki* вовсе не употребляется.

Основная территория распространения местоимения *či*: Хиштхона, Шайдан, Ашт, Бухара, Самарканд, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинный говоры), Байсун (байсунский и дербентский говоры), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз, Горон. В других говорах *či*, хотя и известно, но все же чаще заменяется различного рода местоименными новообразованиями.

Местоимение *kadom* 'какой' представлено в говорах в следующих фонетических вариантах:

1) *kadom* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Апшт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Самарканд, Пенджикент, Варзоб, Каратаг, Чилдара; 2) *kādom* — Рипштан; 3) *kadum* — Чилдара, Дарваз (говор хумдарачи); 4) *kādūm* — Матча; 5) *kūdōm* — Такфон; 6) *ki-dūm* — Матча; 7) *kot* — Чилдара, Куляб (включая рогские говоры).

Местоимение *šan(d)* встречается во всех говорах.

Новообразования и заимствования из узбекского языка

Наряду с вопросительными местоимениями, унаследованными от древних иранских языков, в таджикских говорах в этой функции используются некоторые новые слова (новообразования). К их числу относятся: *kiz, kis* 'кто' (при вопросе о людях), *čiz, čis, čize, tize, sa, se* 'что' (при вопросе о неодушевленных предметах и о животных). Происхождение местоимений *kiz, kis* 'кто' и *sa, se* 'что' нам установить не удалось. Местоимения *čiz, čis, čize, tize* 'что' происходят от существительного *čiz* 'вещь', в последних случаях с добавлением показателя единичности и неопределенности *-e* (*čize, tize*).

Территория распространения этих местоимений: 1) *kiz, kis* 'кто' (мн. ч. *kizo, kiso*) — Зебон, Фальгар (кишлаки Парз, Шамтуч, Похуд, Вешаб, Дар-Дар); 2) *čiz* (мн. ч. *čizo*) — Шахристан, Матча (верхнематчинские говоры); 3) *čis* (мн. ч. *čiso*) — часть Фальгара (Парз, Шамтуч, Вешаб, Похуд, Дар-Дар, Матча — нижнематчинские говоры); везде, кроме нижнематчинских говоров, параллельно употребляется *čiz*; 4) *cizé* (множественного числа не имеет) — Ура-Тюбе, Ленинабад, Канибадам, Исфара; 5) *tizé* (множественного числа не имеет) — Ленинабад, Канибадам, Исфара; 6) *sa* (мн. ч. *sayo* или *saho*) — верховья р. Чирчик, Чуст; 7) *se* (мн. ч. *seho*) — Кассансай, Рипштан, Сох.

Очень распространены в говорах местоименные новообразования со значением 'какой', создавшиеся в результате стяжения из словосочетаний *či taur, či xel, či zaylin, či taraqa* 'какого рода', 'какой' с добавлением словообразующих суффиксов *-angi, -i, -gi, -in*: *čitārin || čitāring, čitāngt, čitingi, čittgi, čitūgin, čutūgin, čitūxin, čitin, čixelin, čizaylin* и пр. 'какой', 'какого рода' (в каждом говоре какой-либо из вариантов). В Дербенте также *čitaraqin || čigatarin*, в Дарвазе — *čitava* 'какой', 'какого рода'.

В чувском и ленинабадском говорах употребительно вопросительное местоимение *kim* 'кто', заимствованное из узбекского языка.

ВОЗВРАТНОЕ И ПРИТЯЖАТЕЛЬНОЕ МЕСТОИМЕНИЕ *xud*

В среднеперсидском языке было два возвратных местоимения *x^aat* 'сам' и *x^eš* 'свой'. Оба они перешли впоследствии в классический язык в виде *xud* и *xēš* (ранее *x^aad, x^eš*). В современном литературном таджикском языке местоименное значение сохранило лишь слово *xud* 'сам', 'свой' (из ср.-п. *x^aat*), слово *xēš* в нем переосмыслилось и употребляется только как существительное со значением 'родственник'. Местоимение *xud* 'сам', 'свой' представлено в говорах в следующих фонетических вариантах: 1) *xud* — верховья р. Чирчик, Апшт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Костарош, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 2) *xūd* — Шайдан, Хиштхона, Рипштан, Сох, Фальгар, Матча; 3) *xūd* — Чилдара, Куляб (включая рогские говоры).

В большинстве говоров *xud* употребляется только в сочетании с местоименными энклитиками. В говоре Костароша в нем при этом выпадает согласный *d*: *xuat* 'я сам'; в Дар-Даре выпадает либо звук *d*, либо слог *ūd*: *xuat || xat* 'я сам', *xuat || xat* 'ты сам', *xuāš || xaš* 'он сам'.

Своеобразной особенностью говоров Костароша, Фальгара и Матчи является оглушение конечного *d* этого местоимения с переходом его в соответствующий глухой *t* (во множественном числе): *xũto* 'сами' (Матча); *xutomo* 'мы сами' (Костарош); *xũtomo* (Фальгар), *xũtoyũto* (верхняя Матча) 'мы сами'. Местоимение *xid*, как мы видели, в этих говорах может принимать показатели множественного числа *-o*, *-ho*: *xũto* (Фальгар, Матча), *xũtoho* (нижняя Матча) 'сами'.

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ

Количественные числительные

Все количественные числительные унаследованы таджикскими говорами от древних иранских языков. Некоторые фонетические изменения, происшедшие в них в отдельных говорах, незначительны, а потому мы их касаться здесь не будем. Заслуживают внимания в диалектных числительных лишь два явления: 1) счет по двадцаткам: *du bist* 'сорок', *se bist* 'шестьдесят' и пр. и 2) образование числительных (в которых до полного десятка не хватает одной, двух, трех единиц) с помощью слова *kam* 'мало': *sé-kam bist* 'семнадцать' (букв. 'на три меньше двадцати'), *dú-kam čil* 'тридцать восемь' (букв. 'на два меньше сорока') и т. д.

Счет по двадцаткам в настоящее время зафиксирован в говорах: Ленинабада, Канибадама, Исфары, Матчи, Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Чилдары, Вахио-Боло, Куляба, Дарваза (говор хумдарачи, т. е. Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по р. Хумбоу), а также в самаркандско-еврейском. Везде, где он отмечен, он встречается преимущественно в речи стариков. Следовательно, это явление отживающее. О его происхождении судить трудно из-за скудности материала.

Числительные, образованные с помощью слова *kam* 'мало', отмечены в говорах: верховьев р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Касансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Бухары, Самарканда (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристана, Матчи, Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Вахио-Боло, Чилдары, частично Дарваза (говор хумдарачи).

Порядковые числительные

Порядковые числительные во всех говорах образуются с помощью унаследованного от исходной системы суффикса *-ũt*, *-ĩt* или *-ũt* (в зависимости от фонетической системы говора) из ср.-п. *-õt*, др.-п. *-ata*.

Числительные, заимствованные из узбекского языка

В говорах, особенно сильно подверженных влиянию узбекского языка, а именно в чустском и верхнечирчикских, наряду с собственно таджикскими количественными числительными употребляются числительные, заимствованные из узбекского языка: в чустском говоре только единицы и десятки, в верхнечирчикских — единицы, десятки, сотни, тысячи: *yak* || *bir* 'один', *du* || *ikki* 'два', *panj* || *beš* 'пять', *dah* || *ũn* (*un*) 'десять', *bist* || *yigirma* 'двадцать' и т. д.; в верхнечирчикских также *sad* || *yuz* 'сто', *hazor* || *ming* 'тысяча'. В составных числительных, включающих тысячи, сотни, десятки и единицы, возможно смешение таджикских и узбекских слов: *yak hazór-u du sád-u yigirma beš* 'одна тысяча двести двадцать пять'.

От узбекских количественных числительных образуются порядковые числительные с соответствующим узбекским же суффиксом *-inči*: *bešinči* 'пятый', *oltinči* 'шестой'. Узбекские порядковые числительные употребительны также в кассансайском говоре, где узбекские количественные числительные не встречаются.

В чустском говоре имеют распространение числительные совместности со значением 'вдвоем', 'втроем' и т. д., которые образуются от соответствующих количественных числительных до десяти, таджикских или узбекских, присоединением узбекского суффикса *-la* и местоименной энклитики множественного числа: *duttalamo || ekkalamo* 'мы вдвоем', *pančtalamo || bēštalamo* 'мы впятером'. Возможен и второй тип образования таких числительных без местоименных энклитик, но зато с добавлением, помимо *-la*, узбекского же суффикса *-miš*: *duttalamiš || ikkilamiš* или *ekkalamiš* 'вдвоем', *pančtalamiš || beštalamiš* 'впятером' и т. д.

ГЛАГОЛЫ

ИЗ ИСТОРИИ ТАДЖИКСКОГО ГЛАГОЛА

Древнеиранская глагольная система, как известно, претерпела коренные изменения в среднеиранских и особенно в новоиранских языках. Уже в среднеперсидском языке исчезли древние формы активного и медиального залогов, перестроилась система времен и наклонений. На базе так называемых «первичных» окончаний активного залога в глаголах классов на *a* и на *aya* развились новые личные окончания, которые в среднеперсидском, а затем в классическом и современном таджикском языках представлены в следующем виде:

Среднеперсидский язык	Язык классического периода	Современный литературный язык
Единственное число		
1-е л. <i>-am ēm</i>	<i>-am</i>	<i>-am</i>
2-е л. <i>-ē (h)</i>	<i>-ī</i>	<i>-i</i>
3-е л. <i>-ēt</i>	<i>-ad</i>	<i>-ad</i>
Множественное число		
1-е л. <i>-ēm</i>	<i>-ēm</i>	<i>-em</i>
2-е л. <i>-ēt</i>	<i>-ēd</i>	<i>-ed, -eton</i>
3-е л. <i>-ēnd</i>	<i>-and</i>	<i>-and</i>

Помимо глагольных основ настоящего времени, ведущих свое начало от глагольных основ настоящего же времени древнеиранских языков, появились основы прошедшего времени, восходящие к древнему пассивному причастию прошедшего времени на *-ta*, например: кл. и лит. т. *kard* (основа прош. вр. глагола *kardan* 'делать') из ср.-п. *kart*, др.-п. *karta* 'сделанный'. На противопоставлении основ настоящего и прошедшего времени построена вся система временных форм глагола в языке классического периода, а также в современных таджикском и персидском литературных языках.

В среднеперсидском языке при глагольных формах настоящего и прошедшего времени стали использоваться в качестве превербов частицы — *hamē* для указания на длительность действия и *bē* для указания на законченность действия, непременность его выполнения: *hamē raft* 'он шел', *bē raft* 'он ушел'. Обе эти частицы встречаются в среднеперсидских текстах также и в качестве самостоятельных слов (наречий): *hamē* со значением 'постоянно', 'всегда', *bē* — 'снаружи', 'кроме', 'за исключением'. В классическом языке наряду с *hamē*, уже окончательно утеравшим свое лексическое значение и превратившимся в глагольную приставку,

употреблялся его сокращенный вариант *mē-*. По значению приставки *hamē* и *mē-* совершенно одинаковы, они обе обозначают длительность и многократность действия. По характеру связи с глагольной основой они расходятся: *hamē* — отделяемая приставка, и ее положение по отношению к глаголу произвольно (*hamē raft* || *raft hamē* 'он шел'), *mē-* — неотделяемая приставка, всегда присоединяется к глагольной основе спереди (*meraft* 'он шел'). Для указания на законченность действия в классическом языке употреблялась приставка *bi-* (по-видимому из ср.-п. *bē*). Приставка *me-* перешла и в современный таджикский литературный язык с тем же значением; приставка *bi-* в литературном таджикском языке имеется, но употребляется редко, преимущественно в поэзии.

Сочетанием глагольных основ с личными глагольными окончаниями и приставками создавались так называемые «простые» глагольные формы в языке классического периода. Кроме того в нем был образован целый ряд сложных или описательных глагольных форм, состоявших из причастия (оно же деепричастие) прошедшего времени типа *karda* 'сделанный', 'сделавший', 'сделав', *rafta* 'ушедший', 'уйдя' и глагольной связки или вспомогательных глаголов (*būdan* 'быть', *xāstan* 'хотеть' или *šudan* 'делаться, становиться'). Система личных форм глагола в целом была представлена в языке классического периода в следующем виде:

I. Простые глагольные формы, образованные от основы прошедшего времени:

1. Беспрефиксальное прошедшее время (основа прошедшего времени и личные окончания): *kardam*, *kardī*, *kard* и т. д.

2. Длительное прошедшее время (основа прошедшего времени и приставка *hamē* или *mē-*): *mēkardam* || *hamē kardam* || *kardam hamē*, *mēkardī* || *hamē kardī* || *kardī hamē*, *mekard* || *hamē kard* || *kard hamē*.

3. Прошедшее время с префиксом *bi-*, подчеркивающее категоричность, совершенность, однократность действия (основа прошедшего времени, приставка *bi-* и окончания): *bikardam*, *bikardī* и т. д.

Длительность действия могла быть выражена также с помощью постпозитивного показателя *-ē*, присоединяемого к формам прошедшего времени: *kardam-ē*, *mekardam-ē*, *hamē kardam-ē*, *kardam-ē hamē*.

II. Простые глагольные формы, образованные от основы настоящего времени:

1. Повелительное наклонение (во 2-м лице ед. ч. чистая основа или основа плюс приставка *bi-*; во 2-м лице мн. ч. — основа плюс личное окончание, факультативно — приставка *bi-*): *(bi)kun*, *(bi)kunēd* и т. д.

2. Аорист (беспрефиксальное настоящее-будущее время и настоящее-будущее время с префиксом *bi-*): *(bi)kunam*, *(bi)kunī*, *(bi)kunad* и т. д.

3. Длительное настоящее-будущее время (основа настоящего времени, личные окончания и приставка *hamē* или *mē-*): *mēkunam* || *hamē kunam* || *kunam hamē*, *mekunī* || *hamē kunī* || *kunī hamē* и т. д.

III. Сложные или описательные глагольные формы:

1. Перфект I (причастие прошедшего времени и краткая форма глагольной связки): *karda-am*, *karda-ī*, *karda-ast*.

2. Перфект II (причастие прошедшего времени и полная форма глагольной связки): *kardastam* (из *karda astam*), *kardastī*, *karda-ast* и т. д.

3. Преждепрошедшее время (причастие прошедшего времени и глагол *būdan* 'быть' в простом прошедшем времени): *karda būdam*, *karda būdī*, *karda būd* и т. д.

4. Преждепрошедший перфект (причастие прошедшего времени и глагол *būdan* 'быть' в перфекте): *karda būda-am*, *karda būda-ī* и т. д.

5. Будущее время (вспомогательный глагол *xāstan* 'хотеть' в форме аориста и усеченный инфинитив основного глагола): *xāham kard*, *xāhī kard* и т. д.

Кроме того была употребительна сложная форма, состоявшая из причастия прошедшего времени и аориста глагола *būdan* 'быть' (*karda būšam*, *karda būšī* и т. д.). Ее значение и случаи ее синтаксического использования в классическом языке не описаны, а потому мы не можем дать ей название применительно к тому периоду ее существования¹³⁷. По-видимому, она в то время еще не имела особого модального значения и входила в систему форм изъявительного наклонения. В современном таджикском языке это — прошедшее время сослагательного наклонения.

Наклонений в языке классического периода было два: изъявительное и повелительное. Залогов также было два: активный и пассивный. Формы пассивного залога были образованы по типу соответствующих форм активного залога, но с вспомогательным глаголом *šudan* 'делаться, становиться': *karda šud* 'он сделался', *karda mēšud* 'он делался', *karda mēšavad* 'он делается' и т. д.

Инфинитив в языке классического периода имел окончание *-an*, которое присоединялось к основе прошедшего времени (*kardan* 'делать'). Причастие прошедшего времени имело окончание *-a* (*karda* 'сделавший', 'сделанный', 'сделав'), причастия настоящего времени имели окончания *-ān* и *-anda* (*rawān* 'идущий', 'идя', *navīsanda* 'пишущий'), но могли быть образованы не от всех глаголов.

Современный литературный таджикский язык унаследовал от языка классического периода имевшиеся в нем глагольные формы, но со следующими незначительными изменениями: 1) аорист и повелительное наклонение употребляются в нем, как правило, без приставки *bi-* (*kunam* 'сделаю-ка я', 'если я сделаю', *kun* 'сделай')¹³⁸; неупотребительна приставка *bi-* и при прошедшем времени; 2) из двух приставок, обозначавших длительность действия (*hamē* и *mē-*), осталась одна — *me-*; 3) перфект сохранился только в одном виде — с краткой формой глагольной связки (*kardam*, *kardai* и пр.); перфект II, с полной формой глагольной связки (*kardastam*, *kardasti* и т. д.) не употребителен; 4) совершенно вышел из употребления постпозитивный приглагольный показатель длительности *-ē* (*kardām-ē*, *kard-ē* и т. д.).

В дополнение к глагольным формам, перешедшим из языка классического, в литературном таджикском языке за последние три-четыре десятилетия стали использоваться довольно многочисленные новые формы, проникшие в него из разговорной речи (из северных таджикских говоров). К их числу относятся: 1) две формы с вспомогательным глаголом *istodan* 'стоять', 'пребывать', вошедшие в состав изъявительного наклонения: настоящее определенное время (*karda istodaam*, *karda istodai*, *karda istodaast* и т. д.) и прошедшее определенное время (*karda istoda budam*, *karda istoda budi*, *karda istoda bud* и т. д.); 2) две новые формы перфекта: перфект длительный (*mekardaam*, *mekardai*, *mekardaast* и т. д.) и перфект настояще-прошедший определенный (*karda istoda budam*, *karda istoda budai*, *karda istoda budaast* и т. д.); 3) три формы предположительного наклонения: предположительное прошедшее время (*kardagistam*, *kardagisti*, *kardagist* и т. д.), предположительное настояще-будущее время (*mekardagistam*, *mekardagisti*, *mekardagist* и т. д.) и предположительное настоящее определенное время (*karda istodagistam*, *karda istodagisti*, *karda istodagist* и т. д.); 4) три новых причастных формы с суффиксом *-gi*: причастие прошедшего времени (*kardagi*), причастие настояще-будущего времени (*mekardagi*), причастие настоящего определенного времени (*karda istodagi*); 5) причастие (оно же деепричастие)

¹³⁷ В работе Р. Horn «Neupersische Schriftsprache» она названа Futurum exactum (стр. 155).

¹³⁸ Исключения возможны в языке поэзии, который вообще отличается большей традиционностью и архаичностью.

настоящего определенного времени (*karda istoda*); 6) причастие будущего времени (*kardani*).

Аорист и форма типа *karda bošad* (см. стр. 73—74) по характеру выражаемой ими модальности выделились из состава изъявительного наклонения и составили основу нового наклонения — сослагательного (аорист — настоящее-будущее время сослагательного наклонения, форма типа *karda bošad* — прошедшее время сослагательного наклонения). К ним добавились две новые формы: 1) длительная форма сослагательного наклонения (*mekarda bošam, mekarda boši, mekarda bošad* и т. д.) и 2) настояще-прошедшее определенное время сослагательного наклонения (*karda istoda bošam, karda istoda boši, karda istoda bošad* и т. д.).

Таким образом, в современном литературном таджикском языке стало четыре наклонения: 1) изъявительное наклонение, включающее семь видо-временных форм: настоящее-будущее время (*mekunam, mekuni* и т. д.), настоящее определенное время (*karda istodaam, karda istodai* и т. д.), литературное будущее или категорическое будущее время (*xoham kard, xohi kard* и т. д.), простое прошедшее время (*kardam, kardi* и т. д.), длительное прошедшее время (*mekardam, mekardi* и т. д.), преждепрошедшее время (*karda budam, karda budi* и т. д.), прошедшее определенное время (*karda istoda budam, karda istoda budi* и т. д.); 2) сослагательное наклонение, включающее четыре видо-временных формы: настоящее-будущее время или аорист (*kunam, kuni* и т. д.), прошедшее время (*karda bošam, karda boši* и т. д.), длительная форма (*mekarda bošam, mekarda boši* и т. д.), форма настоящего и прошедшего определенного времени (*karda istoda bošam, karda istoda boši* и т. д.); 3) предположительное наклонение, включающее три видо-временных формы: прошедшее время (*kardagistam, kardagisti* и т. д.), настоящее-будущее время (*mekardagistam, mekardagisti* и т. д.), настоящее определенное время (*karda istodagistam, karda istodagisti* и т. д.); 4) повелительное наклонение (*kun, kuned*).

Формы перфекта, помимо обычного для них значения результативности, приобрели особый модальный оттенок неочевидности, аудитивности, заглазости действия и тем самым стали на уровень особого наклонения — неочевидного или аудитивного, включающего четыре видо-временных формы: прошедшее время (основная форма перфекта — *kardaam, kardai, kardaast* и т. д.), длительная форма (перфект с *me-* — *mekardaam, mekardai, mekardaast* и т. д.), преждепрошедшее время (преждепрошедший перфект — *karda budaam, karda budai, karda budaast* и т. д.), настояще-прошедшее определенное время (перфект настоящий и прошедший определенный — *karda istoda budaam, karda istoda budai, karda istoda budaast* и т. д.)¹³⁹.

ГЛАГОЛЬНЫЕ ОСНОВЫ

Во всех таджикских говорах наблюдается противопоставление глагольных основ настоящего и прошедшего времени, как в классическом и современном литературном языках. Сами эти основы, унаследованные от предшествующих этапов развития языка, в ряде говоров под влиянием действующих в них фонетических закономерностей (выпадение и отпадение звуков, стяжения, переход *о* в *и* перед носовыми и т. п.) подверглись некоторым изменениям. К сожалению, сводку этих изменений мы привести здесь не сможем, так как они недостаточно полно отражены в материалах. Отметим лишь особенность верхнечирчикских

¹³⁹ О системе личных форм глагола в таджикском литературном языке см. «Краткий очерк грамматики таджикского языка» В. С. Расторгуевой (приложение к «Таджикско-русскому словарю»).

говоров, в которых исчезло свойственное литературному языку историческое чередование в основах некоторых глаголов звуков $x \sim s$, $x \sim z$, $x \sim \delta$. Глаголы, имеющие в конце основы прошедшего времени сочетание звуков xt , в основе настоящего времени также сохраняют звук x : *rext* : *rex* — основы глагола 'литься', 'лить' вместо лит. *rext* : *rez*, *šinox* : *šinox* — основы глагола 'быть знакомым' вместо лит. *šinox* : *šinos*-, *furūxt* : *furāx* — основы глагола 'продавать' вместо лит. *furūxt* : *furūš*- и т. д.

В говорах, распространенных на севере от Зеравшанского хребта, а также в варзобском, каратагском, байсунском, дербентском, основы настоящего времени глаголов *otadan* 'приходить' и *ovardan* 'приносить' включили в свой состав приставку *bi* : *biyo*- вместо лит. *o*-, *oy*-; *biyor*- вместо лит. *or*-.

Во многих таджикских говорах, например в ферганских, варзобском и др., глаголы *naviştan* (*navis*-) 'писать' и *firistodan* (*firist*-) 'посылать' вытеснены производными от них глаголами с суффиксом *-on*, утерявшим в них свое понудительное значение: *fi(ri)sondan* [*fi(ri)son*-] 'посылать' *navisondan* (*navison*-) 'писать'. Однако, территорию распространения этого явления по имеющимся материалам пока еще установить трудно.

ЛИЧНЫЕ ОКОНЧАНИЯ (ПЕРВИЧНЫЕ)

Первичные окончания глагола также унаследованы от языка классического периода, но в ряде говоров подверглись некоторым изменениям, обусловленным спецификой их фонетической системы.

Личное окончание 1-го лица единственного числа представлено в говорах в следующих фонетических вариантах: 1) *-am* — верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Сох, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 2) *-ъm* — Гиссар (долинный говор), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз, Горон (обычно параллельно возможно произношение *-am*).

Личное окончание 2-го лица единственного числа везде *-i* (из кл.-т.).

Личное окончание 3-го лица единственного числа представлено в вариантах: 1) *-ad* — Самарканд (еврейский и таджикский говоры), Бухара, Зебон, Фильмандар, Костарош, часть Фальгара (Такфон, Пинйон, Шурмапк, Пасруд), Матча, Варзоб, Гиссар (*|| -at, -a*), Каратегин, Вахио-Боло, Горон; 2) *-at* (в позиции перед гласным, например перед союзом *и*, восстанавливается звук *d*) — верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Сох, Бухара (*|| -ad*), Ура-Тюбе, Шахристан, Матча (*|| -ad*), Каратаг, Гиссар (*|| -ad*), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 3) *-a* (в позиции перед гласным восстанавливается звук *d*) — Варзоб, Гиссар, Каратегин, Чилдара, Куляб, Вахио-Боло, Дарваз, Горон (см. карту на стр. 174).

Личное окончание 1-го лица множественного числа представлено в вариантах: 1) *-em* — Шайдан, Ашт, Сох, Бухара, Самарканд, Фальгар, Матча, Куляб (включая рогские говоры); 2) *-im* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Кассансай, Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, Каратаг; 3) *-em || -im* — Риштан, Пенджикент, Каратегин, Вахио-Боло, Дарваз, Горон.

Личное окончание 2-го лица множественного числа представлено в вариантах: 1) *-ed || -et* — Шайдан, Ашт, Самарканд, Бухара, Фальгар, Матча, Байсун (байсунский и дербентский говоры); 2) *-e || -ed* — Варзоб, Гиссар (горный говор), Каратегин, Дарваз; 3) *-it* (перед гласным *-id*) — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Каратаг; 4) *-en* —

Гиссар (долинный говор; возможно также -е), Куляб, включая рогские говоры (см. карту на стр. 175).

Личное окончание 3-го лица множественного числа везде *-an(d)*, редко *-ant*; в нижнематчинских говорах *-ant* встречается в позиции перед местоименными энклитиками, *-and* перед союзом *-u*: *giriftant-aš* 'они взяли его', *giriftand-u raftan* 'они взяли и пошли'.

Окончание 2-го лица множественного числа *-ed*, *-et*, *-e* во всех говорах, распространенных к северу от Зеравшанского хребта, а также в Варзобе, Гиссаре, Каратаге, Байсуне, употребляется также в значении единственного числа при вежливом обращении к одному лицу. Очевидно, именно в связи с этим возникла потребность в личном глагольном окончании 2-го лица, которое обозначало бы только множественное число. Такое окончание было создано в виде *-eton* (*-iton* или *-etan*). Территория распространения этого окончания в различных его фонетических вариантах: 1) *-eton* — Шайдан, Апт, Риптан (|| *-iton*), Сох, Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский говоры), Пенджикент (|| *-iton*), Зебон (|| *-iton*), Фильмандар (|| *-iton*), Костарош, часть Фальгара (Такфон, Шурмашк, Пинйон, Пасруд), Варзоб, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 2) *-etan* — часть Фальгара (Вешаб, Шамтуч); 3) *-iton* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риптан (|| *-eton*), Сох (|| *-eton*), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент (|| *-eton*).

Отсутствует это окончание в говорах: Матчи, Каратага, Гиссара (долинный говор), Куляба (включая рогские говоры), Каратегина, Чилдара, Вахио-Боло, Дарваза, Горона (см. карту на стр. 175).

ГЛАГОЛЬНАЯ СВЯЗКА И ВТОРИЧНЫЕ ГЛАГОЛЬНЫЕ ОКОНЧАНИЯ

Помимо первичных окончаний глагола, унаследованных от исходной системы, в таджикских говорах развились новые личные окончания, которые мы называем вторичными. Они возникли в перфекте в результате слияния входящей в его состав краткой формы глагольной связки с формантом *-a* deepричастия основного глагола: *raftem*, *raftim* или *raftiyam* < *raftaam* 'я ушел', *raftas* < *raftaast* 'он ушел' и т. п. При слиянии произошли фонетические изменения, в различных говорах неодинаковые. Поэтому вторичные окончания в них довольно сильно расходятся. Этому расхождению способствовали также диалектные различия в парадигме самой глагольной связки.

В литературном таджикском языке, классическом и современном, парадигма краткой формы глагольной связки такова:

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>am</i>	<i>em</i>
2-е л. <i>i</i>	<i>ed</i>
3-е л. <i>ast</i>	<i>and</i>

В говорах наиболее разительно различие в форме 3-го лица единственного числа глагольной связки, которая представлена в них в разновидностях: 1) *as(t)* — Шайдан, Апт, Чуст, Кассансай, Бухара, Пенджикент, Зебон (|| *ay*), Куляб (рогские говоры), в более редких случаях встречается эта форма в говорах Зебона, Шурмашка, Пасруда, Пинйона, Вахио-Боло; 2) *əs(t)* — Горон, Куляб (рогские говоры); 3) *ay* — Зебон (|| *as*), Фальгар (исключая Дар-Дар), Матча, Варзоб, Куляб (исключая рогские говоры), Чилдара, Вахио-Боло, Дарваз (говор хумдарачи); 4) *a* — Варзоб.

В 1-м лице возможны фонетические варианты *am* и *əm*; в 1-м лице множественного числа — *em* и *im*; во 2-м лице множественного числа —

e(d) и *id, it*. Территорию распространения этих вариантов мы точно определить не можем, так как этот вопрос недостаточно полно освещен в литературе. Во 2-м лице единственного числа в краткой форме глагольной связи известен только один фонетический вариант *i*, в 3-м лице множественного числа — только *an*.

В говорах Байсуна, Дербента краткая форма глагольной связи во всех лицах была вытеснена полной ее формой: *hastam, hasti, hast* (в Байсуне *hastay* или *hayay*) и т. д. То же произошло в говорах Ленибада, Канибадама, Исфары, Ура-Тюбе, Соха, Дар-Дара, Матчи. Только здесь в 3-м лице единственного числа *hast* перешло в *hay*, в остальных лицах соответственно — *háyam, háyi, háyan* и т. д. Таков же тип спряжения глагольной связи в говорах Шайдана, Рарза, Вешаба. Но в 3-м лице единственного числа в Шайдане параллельно с *hay* употребляется также *az*, а в Рарзе и Вешабе — *ay*.

Вторичные личные окончания, развившиеся в таджикских говорах из глагольной связи, отмечены в них в следующих фонетических вариантах:

В 1-м лице единственного числа: 1) *-am* — Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Зебон (только в настоящем определенном времени), Фильмандар, Костарош, Варзоб (*|| -em*), Гиссар (долинный говор), Чилдара (*|| -эм*), Каратегин (*|| -эм*), Дарваз (*|| -эм*), Горон (*|| -эм*); 2) *-эм* — Каратегин (*|| -am*), Чилдара (*|| am*), Куляб, Дарваз (*|| -am*), Горон (*|| -am*); 3) *-et* — Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Пенджикент (*|| -im*), Зебон (только в настоящем определенном времени), Урметан, Такфон, Рарз (*|| -iyam*), Дар-Дар (*|| -iyam*), Пинйон (*|| -iyam*), Пасруд (*|| -iyam*), Шурмашк (*|| -iyam*), Похуд (*|| -iaym*), Варзоб (*|| -am*), Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говор); 4) *-im* — Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Пенджикент (*|| -em*), Каратаг; 5) *-iyam* — верховья р. Чирчик, Ленибад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Ура-Тюбе, Шахристан, частично Фальгар (Рарз, Вешаб, Шамтуч, Дар-Дар), Пинйон, Пасруд, Шурмашк, Матча.

Во 2-м лице единственного числа: 1) *-i* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленибад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинный говор), Байсун (байсунский и дербентский говор); в Риштане — *-i* (в соответствии с особенностями его фонетики); в Сохе — *-i*; 2) *-ai* или *ay* — Варзоб (*-ai || -i*), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваз, Горон.

В 3-м лице единственного числа: 1) *-as* — верховья р. Чирчик, Ферганская долина, Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон (*|| -ay || -e*), Фильмандар (реже *-ay*), Костарош, Фальгар (в Рарзе, Вешабе, Шамтуче — *|| -ay*, в Дар-Даре — *|| -iyas*), Каратаг, Гиссар (горный говор — *|| -ay*), левобережный Каратегин, Чилдара, рогский говор в Кулябе, Вахио-Боло, говор хумдарахи в Дарвазе, Горон; в более редких случаях — в Матче, правобережном Каратегине; 2) *ay* — Зебон, Костарош (*|| -as*), Вешаб (*|| -as*), Шамтуч (*|| -as*), Рарз (*|| -as*), Матча (реже *-as*), Варзоб, Гиссар (долинный говор), Байсун (байсунский и дербентский говор), правобережный Каратегин (*|| -as*), Куляб, Дарваз (кроме говора хумдарахи); 3) *-e* — Самарканд (самаркандско-еврейский говор), Зебон (*|| -ay || -as*); 4) *-iyas* — Дар-Дар.

В 1-м лице множественного числа: 1) *-aem* — частично Куляб (рогские говоры), частично Дарваз (говор хумдарахи), Горон; 2) *-em* — Шайдан, Ашт, Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Пенджикент (*|| -im*), Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, верхняя Матча, Варзоб, Гиссар (горный и долинный говор), Байсун (байсун-

ский и дербентский говоры), Чилдара, Куляб; 2) *-im* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан (произносится *-im*), Сох (произносится *-im*), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Каратаг, Каратегин (*|| -em*); 3) *-iet* — нижняя Матча.

Во 2-м лице множественного числа: 1) *-aed || -aet* — Горон; 2) *-ed* или *-et* — Ашт, Шайдан, Бухара, Самарканд, Пенджикент (*|| -it*), Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, верхняя Матча, Варзоб (*|| -e || -ae*), Гиссар (горный говор — *|| -e*), Байсун (оба говора); 3) *-ae* — Варзоб (*|| -ed || -e*), Дарваз (говор хумдарачи); 4) *-e* — Варзоб (*|| -ed || -ae*), Гиссар (горный говор — *|| -ed*), Каратегин (*|| -ed*), Чилдара; 5) *-it* (перед гласным *-id*) — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан (произносится *-it*), Сох (произносится *-it*), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент (*|| -ed, -et*), Каратаг; 6) *-ied, -iet* — нижняя Матча; 7) *-aen* — Куляб (только рогские говоры); 8) *-en* — Куляб (включая рогские говоры).

Возможны во 2-м лице множественного числа также окончания *-aeton, -eton, -iton, -etūn*. Распределение этих вариантов по говорам следующее: 1) *-aeton* — Варзоб (*|| -eton*); 2) *-eton* — Шайдан, Ашт, Бухара, Самарканд, Пенджикент (*-iton*), Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар (*|| -etūn*), Варзоб, Байсун (байсунский и дербентский говоры); 3) *etūn* — Фальгар (*|| -eton*); 4) *-iton* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан (произносится *-iton*), Сох (произносится *-iton*), Ура-Тюбе, Шахристан.

В говорах Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваза, Горона окончание *-eton (-etūn, -iton)* отсутствует.

В 3-м лице множественного числа вторичное окончание глагола представлено в следующих вариантах: 1) *-an* — Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Зебон, Фильмандар, Костарош, Гиссар (долинный говор — *iyān*), левобережный Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз, Горон; 2) *-en* — Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор; *|| -in*), Зебон (*|| -in*), Урметан, Такфон, Парз (*|| -iyān*), Дар-Дар (*|| -iyān*), Пинйон (*|| -iyān*), Шурмашк (*|| -iyān*), Варзоб, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 3) *-in* — Самарканд (только самаркандско-еврейский говор), Пенджикент (*|| -en*), Зебон (*|| -en*), Каратаг; 4) *-iyand || -iyant* — нижняя Матча; 5) *-iyān* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, частично Фальгар (Парз, Дар-Дар, Пинйон, Шурмашк, Пасруд, Похуд, Вешаб, Шамтуч), верхняя Матча, правобережный Каратегин, в Кулябе — бальджуанский, дарачинский, даштакский говоры, Ванч.

Вторичные глагольные окончания употребляются во всех перфектных формах (см. ниже), а также в настоящем определенном времени изъявительного наклонения.

О личных окончаниях в предположительном наклонении, которые также образовались из глагольной связки, мы будем говорить ниже (в разделе «Предположительное наклонение»), поскольку они не всегда совпадают с перфектными окончаниями.

ПРИСТАВКИ

Существовавшая в классическом языке формообразующая приставка *bi-* представлена в варианте *bū-* (*|| bu-*) в говорах: Гиссара (долинный говор), Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваза, Ванча, Горона. Она присоединяется здесь к глаголу в аористе, повелительном наклонении, реже — в простом прошедшем времени изъявительного наклонения (см. карту на стр. 172).

В верхнечирчикских, ферганских, бухарско-самаркандских, ура-тюбинском и шахристанском, пенджикентском, фальгарских, матчинских, варзобском, каратагском, горном гиссарском, байсувском, дербентском, а также в говорах Зебона, Фильмандара, Костароша приставка *bi-* в формообразующей функции не используется. Она встречается здесь лишь в составе основ настоящего времени глаголов *omadān* 'приходить' (основа настоящего времени *biyo-*, вместо лит. *o-*, *oy-*) и *ovardan* 'принести' (основа настоящего времени *biyor-*, вместо лит. *or-*), где приставка совершенно потеряла какое-либо самостоятельное значение.

В верхнечирчикских, во всех ферганских говорах (Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох), ура-тюбинском, шахристанском говорах эта приставка в фонетическом варианте *bi-* (в верхнечирчикских говорах) или *bu-* (во всех остальных говорах) используется факультативно при основах настоящего и прошедшего времени глагола *raftan* 'идти, ехать', не придавая ему никакого дополнительного значения (*burāft* || *raft* 'он ушел', *meburavat* || *teravat* 'я пойду', *burav* || *rav* 'иди' и т. д.).

Во всех таджикских говорах сохранилась имевшаяся в языке классического периода (и наличествующая в современном литературном языке) приставка *me-*. В своем первоначальном, не измененном фонетическом варианте, т. е. в виде *me-*, она представлена в говорах: Шайдана, Ашта, Бухары, Ура-Тюбе, Шахристана, Фальгара (Такфон, Пинйон, Пасруд, Шурмашк), Матчи, Варзоба, Каратага, Гиссара (горный и долинный говоры), Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваза (включая говор хумдарачи). В остальных известных в настоящее время говорах гласный *e* в этой приставке под влиянием гласного звука глагольной основы может переходить в *u* — *tu-* (если в основе имеется звук *u* или *ū*, а в некоторых говорах также *o*), или *i* — *ti-* (если в основе имеется звук *i*), а иногда и вовсе выпадает. В настоящее время известны следующие говоры с ассимилируемым гласным в приставке *me-*:

1) говоры, имеющие три фонетических варианта этой приставки: *me-*, *ti-*, *tu-* — кассансайский, канибадамский, исфаринский, самаркандско-таджикский, говоры Зебона, Фильмандара, Костароша;

2) говоры, имеющие два фонетических варианта этой приставки: а) *me-*, *tu-* — ленинабадский, верхневанчский, частично байсунский (только в киплаке Сарисийе); б) *ti-*, *tu-* — чустский, верхнечирчикские (см. карту на стр. 173).

Приставка *-me-*, как мы уже говорили, восходит к более древней приставке *hamē*, которая в среднеперсидском языке и в языке классического периода была отделяемой и имела свободное положение относительно глагола, т. е. могла ставиться перед ним или позади него (*hamē raft* || *raft hamē* 'он ушел', *hamē ravad* || *ravad hamē* 'он идет' и т. д.). Это нашло частичное отражение в вахио-болинском, дарвазских и ванчских говорах, где приставка *me-* в настоящем-будущем времени может стоять перед основной и позади нее: *merava* || *ravame* 'он идет'. Во всех остальных говорах приставка *me-* всегда помещается перед глагольной основой.

ФОРМЫ, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

Повелительное наклонение, аорист, настояще-будущее время

Повелительное наклонение и аорист (настояще-будущее время со-
слагательного наклонения) представлены в говорах в двух видах:

1) с факультативной приставкой *bъ-*, *bi-* (*bъgire(d)*, *bъgiren* 'возьми', *bъgiram*, *bъgirm* 'возьму-ка я', 'если я возьму' и т. д.), т. е. как в языке классического периода, если не принимать во внимание имею-

щиеся в некоторых говорах отличия в личных окончаниях — Гиссар (долинный говор), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваз, Ванч, Горон;

2) без приставки *be-* (*gir* 'возьми', *gire(d)*, *giret*, *girid*, *girit* 'возьмите', *giram* 'дай-ка я возьму', 'если я возьму' и т. д.), т. е. как в современном литературном таджикском языке (не считая расхождений в личных окончаниях) — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры).

Таджикским говорам свойственны два основных типа образования формы настоящего-будущего времени изъявительного наклонения:

1) с препозитивным положением приставки *me-* (или ее фонетических вариантов *mi-*, *tu-*, *m-*): *megiram*, *migiram* или *megirəm* (в зависимости от говора) 'беру', 'возьму', *mekinam*, *mekənəm* или *mukinam* 'я делаю' и т. д.;

2) с постпозитивным положением приставки *me-*: *gime* или *gima* (с выпадением звука *g* основы) 'беру', 'возьму', *gimi* (с выпадением согласного *g* основы и гласного *e* приставки) 'берешь', 'возьмешь' и т. д.

Первый тип представлен во всех говорах. В зависимости от характера личных окончаний (*-am* или *-əm* в 1-м лице ед. ч., *-em* или *-im* в 1-м лице мн. ч., *-ad*, *-at* или *-a* в 3-м лице ед. ч. и т. п.), фонетических изменений приставки (*me-*, *mi-*, *tu-*, или *m-*), а также от разного рода выпадений звуков, стяжений и сокращений в глагольной основе форма настоящего-будущего времени с препозитивной приставкой у каждого конкретного глагола по своему внешнему виду значительно варьирует по говорам, например: *meram*, *merəm*, *merum* 'я иду', *metonam*, *metūnum*, *metūyam* 'я могу', *mitiyem*, *metiyem*, *metiim*, *metem*, *medem* 'мы даем' и т. п. Стяжениям и сокращениям в настояще-будущем времени в особой степени подвергаются глаголы, у которых основы настоящего времени оканчиваются на гласный или имеют в своем составе сочетания звуков *av* или *ir*, например: *guftan* (основа наст. вр. *gū-*, *gū-* или *gu-* в зависимости от говора) 'говорить', *omadān* (*o-* или *biyo-*) 'приходить', *dodan* (*deh-*, *te-* или *ti-*) 'давать', *raftan* (*rav-*) 'идти', *šudan* (*šav-*) 'делаться', 'становиться', *firistondan* (*firiston-*) 'посылать' и др. В некоторых говорах фонетическим изменениям подвергаются глаголы *kardan* (*kun-*, *kən-*) 'делать', *tavonistan* (*tavon-*, *ton-*, *tān-* или *tūy-*) 'мочь' и др. Сводку различных видов стяжений и сокращений в настояще-будущем времени мы здесь давать не будем, отсылая читателя к работам, посвященным отдельным конкретным говорам и группам говоров. Диалектные виды личных окончаний и территория их распространения даны на стр. 76—77; о фонетических вариантах приставки *me-* см. стр. 80.

Второй тип образования формы настоящего-будущего времени (с постпозитивной приставкой *me-*) распространен в говорах Вахио-Боло, Дарваза и Ванча (всюду параллельно с первым типом). Он также несколько варьирует по говорам в зависимости от разного рода фонетических причин, от характера личных окончаний и пр.: *duneme* или *dunite* 'мы знаем', *ravamen*, *ravamin* или *ravaman* 'они идут' и т. д.

Простое прошедшее время и длительное прошедшее время изъявительного наклонения

Формы простого прошедшего времени и длительного прошедшего времени изъявительного наклонения имеются во всех говорах. Принцип их образования такой же, как в классическом и современном тадж-

жикском литературном языке¹⁴⁰. Несколько различаются они по говорам лишь в связи с упомянутыми нами фонетическими расхождениями в личных окончаниях и в приставке¹⁴¹: *dodam* или *doďm* 'я дал', *medodam*, *midodam* или *medoďm* 'я давал' и т. д. В некоторых глаголах фонетическим изменениям подвергаются также основы: *xondam* или *xūnďm* 'я прочитал', *me-xondam*, *mi-xondam*, *me-xūndam* или *me-xūnďm* 'я читал', *kardam*, *kadam*, *karam* или *kaam* 'я сделал' и т. п.

Формы 3-го лица единственного числа на *-ak* в прошедших временах глагола

В некоторых говорах южного и центрального Таджикистана в простом прошедшем и в длительном прошедшем временах имеется особая форма 3-го лица единственного числа на *-ak*: *kardak* 'он сделал', *me-kardak* 'он делал', *raftak* 'он ушел', *meraftak* 'он шел' или 'он ходил' и пр. В простом прошедшем времени форма 3-го лица единственного числа на *-ak* (*kardak*, *raftak*) зафиксирована исследователями в говорах — варзобском, гиссарских (долинном и горном), кулябских, вахио-болинском, дарвазских, вахинско-ванчском; в длительном прошедшем времени (*mekardak*, *meraftak*) — в варзобском, кулябских, вахинско-дарвазском. В говорах верховьев р. Чирчик, во всех ферганских, самаркандско-бухарских, ура-тюбинском, шахристанском, пенджикентском, фальгарских, матчинских, байсунских эта форма отсутствует.

Анализируя значение этой формы в варзобском говоре, мы в свое время высказали предположение, что суффикс *-ak* придает в данном случае оттенок некоторой фамильярности, ласкательности или пренебрежения, не меняя видовой и временной характеристики форм простого прошедшего и длительного прошедшего времени¹⁴². Л. В. Успенская, отметившая наличие формы на *-ak* в гиссарских говорах, говорит, что суффикс *-ak* «придает высказыванию оттенок особой непринужденности»¹⁴³.

Форма 3-го лица единственного числа на *-ak* простого прошедшего времени (*kardak*, *raftak*), по-видимому, восходит к среднеперсидскому причастию прошедшего времени, осложненному суффиксом *-ak* (*kartak*, *raftak*)¹⁴⁴. В письменном языке классического периода она не зафиксирована. Аналогичная форма длительного прошедшего времени (*mekardak*, *meraftak*) — новообразование, возникшее в более позднее время на таджикской диалектной почве.

Преждепрошедшее время изъявительного наклонения

Преждепрошедшее время изъявительного наклонения, сохранившееся в таджикской диалектной речи повсеместно, представлено здесь в следующих разновидностях:

1) в своей старой, полной форме: а) без каких-либо существенных изменений, не считая выпадения или замены отдельных звуков в основах некоторых глаголов, обусловленные различными фонетическими особенностями тех или иных говоров: *rafta budam* 'я ушел (прежде)', *karda (kada, kara, kaa, ka*¹⁴⁵) *budam* 'я делал' или 'сделал (прежде)' и т. п.; б) с заменой конечного звука *a* деепричастия звуком *u* (по-видимому,

¹⁴⁰ См. стр. 73 и 75 данной работы.

¹⁴¹ См. стр. 76—80 данной работы.

¹⁴² См.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 1, стр. 83.

¹⁴³ См.: Л. В. Успенская. Говоры таджиков Гиссарского района. Душанбе, 1962, стр. 44.

¹⁴⁴ C. Salemann. Mittelpersisch, стр. 308.

¹⁴⁵ В зависимости от специфики того или иного говора.

в результате ассимиляции): *guftu bud* 'он говорил' или 'сказал (прежде)', *mondu bu(d)am* 'я остался (прежде)'; в) с тем или иным изменением вспомогательного глагола *budan*, вызванным действием различных фонетических закономерностей или спецификой звукового состава соответствующих говоров: *rafta vudam*, *wudam*, *wɛdɛm* или *bim* 'я ушел', *rafta budi*, *vudi* или *wudi* 'ты ушел' и т. п. (подробнее о характере этих изменений и о территории их распространения см. ниже);

2) в стянутой форме: *raftoudam*, *raftudam* или *raftodam* 'я ушел'.

Основная территория распространения полной формы преждепрошедшего времени в ее старом классическом виде (*rafta budam*, *rafta budi* и т. д.) — Исфара, Бухара, частично Самарканд (самаркандско-еврейский говор), Ура-Тюбе, Пенджикент, Фильмандар, Зебон, Фальгар, Матча, Варзоб, Дербент, левобережный Каратегин. В более редких случаях ее можно встретить в говорах: верховьев р. Чирчик, Шайдава, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Самарканда (самаркандско-таджикский говор), Каратага (обычно ее здесь заменяет стянутая форма).

Случай перехода конечного *a* в деепричастии (первом элементе формы преждепрошедшего времени) в гласный *u* в результате ассимиляции в быстрой речи наблюдаются в говорах: Костароша (*guftu budam* || *guftu buam* < *gufta budam*), Зебона и Фильмандара (*guftu budam* || *guftu vudam*; в Зебоне также *guftu buam* < *gufta budam*). Наряду с этим во всех трех говорах возможно также произношение с сохранением гласного *a* в деепричастии, входящем в состав этой формы (*gufta budam* || *gufta vudam*, *gufta buam*).

Зафиксированы следующие фонетические изменения вспомогательного глагола *budan* 'быть' в составе преждепрошедшего времени: 1) спирализация начального согласного *b* (*rafta vudam*, *rafta wudam* < *rafta budam*) в говорах: верховьев р. Чирчик, Кассансая, Чуста, Каратага; в Зебоне и Фильмандаре то же с переходом конечного *a* деепричастия основного глагола в *u* (*guftu vudam*; см. выше); в рогских говорах то же с переходом гласного *u* в глаголе *budan* в *ɔ* (*rafta wɛdɛm* < *rafta budam*);

2) замена гласного *u* в основе глагола *budan* гласным *ɔ* (*rafta bɔdɛm* или *rafta bɔdum* < *rafta budam*) в говорах Гиссара (долинный говор), Куляба, Чилдары; в рогских говорах то же с заменой согласного *b* согласным *w* (*rafta wɛdɛm*; см. выше);

3) замена гласного *u* в основе глагола *budan* гласным *ɔ̄* (*rafta bɔ̄dam* < *rafta budam*) в говорах Ягида и Зинга (Дарваз);

4) стяжение в глаголе *budan* с выпадением конечного согласного основы *d* (*rafta bim* < *rafta budam*, *rafta biy* < *rafta budi*, *rafta bi* < *rafta budi* и т. д.)¹⁴⁶ в говорах Вахио-Боло и Дарваза (за исключением кишлаков Ягида и Зинга).

Стяжение формы преждепрошедшего времени в таджикских говорах встречается двух типов: неполное и полное. Неполное стяжение с выпадением одного только начального согласного *b* вспомогательного глагола *budan* и с переходом под влиянием ассимиляций конечного *a* причастия основного глагола в *o* отмечено в байсунском говоре: *raftoudam* < *rafta budam*, *raftoudi* < *rafta budi* и т. д.

Наиболее распространенный тип полного стяжения таков: от вспомогательного глагола остается элемент *-ud* (< *bud*) или *-ɔ̄d* (в зависимости от фонетической системы говора), который присоединяется непосредственно к основе прошедшего времени; за ним следуют личные окончания: *raftudam* или *raftɔ̄dam* < *rafta budam*, *raftudi* или *raftɔ̄di* <

¹⁴⁶ Подробнее см.: А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 215; Н. А. Кисляков. Описание говора таджиков Вахио-Боло, стр. 38.

rafta budi и т. д. Сложная глагольная форма, таким образом, превращается в простую, а элемент *-ud* (или *-ūd*), оставшийся от основы прошедшего времени глагола *budan* — в своеобразный суффиксальный показатель преждепрошедшего времени. Такой тип построения формы преждепрошедшего времени зафиксирован: а) с суффиксальным показателем *-ud* (< *bud*) в говорах: верховьев р. Чирчик, Ашта, Кассансай, Чуста, Ленинабада, Канибадама, Самарканда (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристана, Зебона, Дар-Дара (в Фальгаре), Каратага, Гиссара (горный говор); б) с суффиксальным показателем *-ūd* (< *bud*) в говорах: Хиштхоны, Шайдана, Риштана, Соха.

В правобережном каратегинском говоре принцип образования формы преждепрошедшего времени тот же, но от глагола *budan* остается элемент *-od* (< *bud*, с переходом *u* в *o*): *raftodam* < *rafta budam*, *raftodi* < *rafta budi* и т. д.

Стянутые формы преждепрошедшего времени в одних говорах существуют с полной его формой на равных началах (например, в ура-тюбинском, горном гиссарском, сохском), в других частично или полностью ее вытесняют (например, в верхнечирчикских, самаркандско-таджикском, хиштхонинском, шайданском, аштском, чустском, кассансайском, ленинабадском, канибадамском, риштанском, шахристанском, каратагском).

Формы перфекта (перфект I и II, преждепрошедший перфект)

Форма перфекта I (с краткой формой глагольной связки), представленная во всех таджикских говорах, всюду подверглась стяжению. Глагольная связка, входящая в ее состав, как мы уже говорили, слилась с формантом деепричастия основного глагола и превратилась в особого рода личные окончания, которые мы называем вторичными. Обзор этих окончаний см. на стр. 78—79. Вся форма в целом из сложной, описательной превратилась в простую, образуемую непосредственно от глагольной основы.

Приводим типы спряжения глагола в перфекте I в различных таджикских говорах:

1-е лицо единственного числа (от глагола *raftan* 'идти', 'ехать'):
1) *raftam* — Горон, Чилдара (|| *raftəm*); 2) *raftəm* — Чилдара (|| *raftam*), Куляб (включая рогские говоры), частично Дарваз (говор хумдарачи); 3) *raftem* — Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Пенджикент (|| *raftim*), Такфон, Дар-Дар, Шурмашк, Варзоб, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 4) *raftim* — частично Самарканд (самаркандско-еврейский говор), Каратаг, Пенджикент (|| *raftem*); 5) *raftiyam* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Ура-Тюбе, Шахристан, частично Фальгар (Рарз, Вешаб, Шамтуч, Дар-Дар, Пинйон, Пасруд, Шурмашк, Похуд), Матча; 6) *raftakam* — Хиштхона, Шайдан, Понгаз, Ашт, Чуст, Кассансай; 7) *raftagam* — Зебон, Фильмандар, Костарош, Урметан, Рарз (|| *raftiyam*), Такфон (см. карту на стр. 177).

2-е лицо единственного числа: 1) *rafti* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, Бухара, Самарканд, Пенджикент, Такфон, Пасруд, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинные говоры), Байсун, Дербент, правобережный Каратегин; *rafti* — Риштан; *raftī* — Сох; 2) *raftai* или *raftay* — Варзоб (|| *rafti*), левобережный Каратегин, Чилдара (|| *rafti*), Куляб (включая рогские говоры), Вахио-Боло, частично Дарваз (говор хумдарачи), Горон; 3) *raftaki* — Хиштхона, Шайдан, Понгаз, Ашт, Чуст, Кассансай; 4) *raftagi* — Зебон, Фильмандар, Костарош, Рарз, Урметан.

3-е лицо единственного числа: 1) *raftas* — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара-Сох, Риштан (произносится *raftās*), Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон (*|| raftay || rafte*), Фильмандар (реже *raftay*), Костарош, Фальгар (в Парзе Вешабе, Шамтуче — *|| raftay*, в Дар-Даре — *|| raftiyyas*), Матча (чаще — *raftay*), Каратаг, Гиссар (горный говор — *|| raftay*), левобережный Каратегин, Чилдара, Вахио-Боло (редко; чаще — *raftay*), рогский говор в Кулябе, частично Дарваз (говор хумдарачи), Горон; 2) *raftay* — Зебон (*|| raftas || rafte*), Фильмандар (*|| raftas*), Вешаб (*|| raftas*), Шамтуч (*|| raftas*), Парз (*|| raftas*), Матча (реже — *raftas*), Варзоб, Гиссар (долинный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры), правобережный Каратегин (реже — *raftas*), Куляб (кроме рогских говоров), Дарваз (кроме говора хумдарачи); 3) *rafte* — Самарканд (самаркандско-еврейский говор), Зебон (*|| raftay || raftas*); 4) *raftiyyas* — Дар-Дар (*|| raftas*); см. карту на стр. 177.

1-е лицо множественного числа: 1) *raftaem* — Парз, частично Куляб (рогские говоры), частично Дарваз (говор хумдарачи), Горон; 2) *raftem* — Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Пенджикент (*|| raftim*), Дар-Дар, Такфон, Шамтуч, Пасруд, Похуд, Варзоб, Гиссар (горный и долинный говоры), Байсун (байсунский и дербентский говоры), Чилдара, Куляб; 3) *raftim* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан (произносится *raftim*), Сох (произносится *raftim*), Самарканд (самаркандско-еврейский говор), Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент (*|| raftem*), Каратаг; 4) *raftakem* — Шайдан, Ашт, Кассансай (*|| raftakim*); 5) *raftakim* — Хиштхона (*|| raftakem*), Чуст; 6) *raftagem* — Зебон, Фильмандар, Костарош, Урметан.

2-е лицо множественного числа: 1) *raftaed* — Вешаб, Горон; 2) *rafted*, *raftet*, *raftaeton* — Бухара, Самарканд, Парз, Такфон, Пасруд, Пенджикент (*|| raftit*), верхняя Матча, Гиссар (горный говор — *|| rafti*), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 3) *raftit*, *raftiton* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан (произносится *raftiton*), Сох (произносится *raftit*, *raftiton*), Ура-Тюбе, Шахристан; 4) *raftae* — Варзоб (*|| rafte*), Дарваз (говор хумдарачи); 5) *rafte* — Варзоб, Гиссар (горный говор — *|| raftid*), Чилдара; 6) *raftied* — нижняя Матча; 7) *raftaen || raften* — рогские говоры в Кулябе; 8) *raften* — Куляб; 9) *raftaket*, *raftaketon* — Шайдан, Ашт, Кассансай (*|| raftakit*, *raftakiton*); 10) *raftakit*, *raftakiton* — Хиштхона, Чуст; 11) *raftaged*, *raftageton* — Зебон, Фильмандар, Костарош; *raftaget*, *raftageton* — Урметан.

3-е лицо множественного числа: 1) *raftan* — Гиссар (долинный говор — *|| raftiyan*), левобережный Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Дарваз (говор хумдарачи), Горон; 2) *raften* — Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Пенджикент (*|| raftin*), Зебон (*|| raftin*), Фильмандар, Костарош (*|| raftiyan*, *raftagan*), Урметан, Парз (*|| raftiyan*), Шамтуч (*|| raftiyan*), Дар-Дар (*|| raftiyan*), Пинйон (*|| raftiyan*), Шурмашк (*|| raftiyan*), Пасруд (*|| raftiyan*), Такфон, Варзоб, Гиссар (горный говор), Байсун (байсунский и дербентский говоры); 3) *raftin* — Самарканд (самаркандско-еврейский говор), Пенджикент (*|| raften*), Каратаг; 4) *raftiyyand || raftiyyant* — нижняя Матча; 5) *raftiyan* — верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Ура-Тюбе, Шахристан, Парз (*|| raften*), Шамтуч (*|| raften*), Дар-Дар (*|| raften*), Пинйон (*|| raften*), Шурмашк (*|| raften*), Пасруд (*|| raften*), Похуд, Вешаб, верхняя Матча, правобережный Каратегин, частично Куляб (бальджуанский, дарачинский, даштакский говоры), Ванч; 6) *raftakan* — Хиштхона, Понгаз, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай; 7) *raftagan* — Зебон, Фильмандар, Костарош.

В приведенном здесь обзоре диалектных форм перфекта обращает

на себя внимание тот факт, что в некоторых говорах при образовании этой формы личные окончания (вторичные) присоединяются не непосредственно к основе, а к основе, осложненной суффиксом *-ak* (в понгазском, хиштхонинском, шайданском, аштском, чустском, кассансайском говорах) или *-ag* (в говорах Зебона, Фильмандара, Костароша, Рарза, Урметана, Такфона): *raftakam* или *raftagam*, *raftakt* или *raftagi* и т. д. В этом случае в перфекте, по-видимому, нашло отражение то же старое (среднеперсидское) причастие прошедшего времени с суффиксом *-ak*, о котором мы говорили на стр. 82. В говорах южного, юго-восточного Таджикистана (а также в варзобском говоре) это причастие закрепилось в функции особой формы 3-го лица единственного числа простого прошедшего времени со специфическим оттенком фамильярности (см. стр. 82). Здесь же (в говорах Хиштхонь, Шайдана, Апта и др.) оно легло в основу перфектных форм. В говорах Зебона, Фильмандара, Костароша, Рарза, Урметана, Такфона конечный согласный *k* в суффиксе *-ak* в интервокальном положении озвончился и перешел в *g* (*raftag < raftak*)¹⁴⁷. В 3-м лице единственного числа суффикс *-ak* (или *-ag*) в перфектных формах выпал (может быть, под влиянием соседних говоров): *raftas* вместо ожидаемого *raftakas* или *raftagas*.

Преждепрошедший перфект представлен в таджикских говорах в двух разновидностях: 1) в полной форме и 2) в стянутой форме. Полная форма — это сочетание деепричастия прошедшего времени основного глагола с перфектом I вспомогательного глагола *budan* 'быть', например: исф. *rafta budiyam*, пендж. *rafta budem*, сам.-евр. *rafta budim*, рогск. *rafta wəd'əm*, кул. *rafta bəd'əm*, чуст. *rafta budakam* 'я ушел', 'оказывается, я ушел'. Территория распространения — Шайдан (|| стянутая форма), Кассансай (|| стянутая форма), Чуст (|| стянутая форма), Сох (чаще стянутая форма), Исфара, Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский говоры; в самаркандско-таджикском — || стянутая форма), Ура-Тюбе (реже — стянутая форма), Шахристан (чаще — стянутая форма), Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Рарз, Вешаб, Шамтуч, Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (долинный и горный говоры), Байсун (дербентский говор), Каратегин, Куляб (включая рогские говоры).

В стянутой форме преждепрошедшего перфекта так же, как в преждепрошедшем времени изъявительного наклонения, от вспомогательного глагола *budan* остается элемент *-ud* (или *-ūd*), превратившийся как бы в своеобразный суффикс, который присоединяется непосредственно к основе прошедшего времени основного глагола. За ним следуют вторичные глагольные окончания, как в обычном перфекте, например: лен. *raftudiyam*, сам. *raftudem* 'я ушел', 'оказывается, я ушел'. Если обычная форма перфекта образуется в данном говоре с суффиксом *-ak* при глагольной основе, то этот суффикс сохраняется и в преждепрошедшем перфекте, например, ашт., чуст. *raftudakam < rafta budakam* 'я ушел', 'оказывается, я ушел'. Территория распространения стянутой формы преждепрошедшего перфекта — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан (реже — полная форма), Ашт, Кассансай (|| полная форма), Чуст (|| полная форма), Ленинабад, Канибад, Риштан, Сох (реже — полная форма), Самарканд (самаркандско-таджикский говор — || полная форма), Ура-Тюбе (чаще — полная форма), Шахристан (реже — полная форма).

Стянутая форма преждепрошедшего перфекта I употребительна также в байсунском говоре, но здесь она несколько отличается по виду: *raftoudem < rafta budem* 'я ушел', 'оказывается, я ушел'.

¹⁴⁷ См. стр. 43 данной работы — об исторических изменениях древних глухих смычных согласных в пост- и интервокальном положении.

Перфект II, т. е. с полной формой глагольной связки (*raftastam*, *raftasti* и т. д.), употребителен в говорах: Чилдары, Каратегина, частично Куляба (ховалингский, муминабадский говоры), Вахио-Боло, Дарваза. Во всех говорах, распространенных к северу от Зеравшанского хребта, а также в Варзобе, Каратаге, Байсуне, Гиссаре (горный говор) эта форма отсутствует. Не употребителен перфект II также в южно-кулябских говорах (г. Куляб, Шуроабадский и Даштиджумский районы), в рогских говорах, из северно-кулябских — в бальджуанском и даштакском говорах. В Гороне эта форма имеется, но встречается очень редко.

Преждепрошедший перфект II, образуемый из деепричастия основного глагола в сочетании с перфектом II вспомогательного глагола *budan*, представлен в некоторых южных таджикских говорах. Он зафиксирован в настоящее время в двух основных разновидностях: 1) *rafta bɔdastam*, *rafta bɔdasti*, *rafta bɔdast* и т. д. — Ховалинг; 2) *rafta bestam*, *rafta besti*, *rafta bestas* (или *bestay*) и т. д. — Чилдара, Вахио-Боло, Сарихосор, Шуробдара.

Формы сослагательного наклонения

Мы уже говорили о существовавшей в классическом языке сложной глагольной форме, состоявшей из деепричастия прошедшего времени основного глагола и вспомогательного глагола «быть» в аористе (*karda bāšam*, *karda bāši*, *karda bāšad* и т. д.; см. стр. 74). Значение этой формы для того периода мы не имели возможности определить, так как случаи ее использования в классическом языке еще детально не описаны.

Эта форма сохранилась в настоящее время во всех таджикских говорах. Вместе с аористом и некоторыми таджикскими новообразованиями она вошла в состав нового наклонения — сослагательного. В соответствии с ее временным значением мы ее называли прошедшим временем сослагательного наклонения¹⁴⁸.

Прошедшее время сослагательного наклонения представлено в таджикских говорах в двух вариантах: 1) в полной форме и 2) в стянутой форме.

Полная форма по принципу образования абсолютно идентична своему классическому прототипу: *rafta bošam*, *rafta vošam*, *rafta boš'um* (в зависимости от говора) 'если я ушел', *karda (kada, kaa, ka) bošam* (или *boš'um*) 'если я сделал' и т. д. Территория распространения — Хиптхона, Шайдан, Ашт, Кассансай (|| стянутая форма), Чуст (|| стянутая форма), Исфара, Риштан (|| стянутая форма), Сох (|| стянутая форма), Самарканд (самаркандско-таджикский говор — || стянутая форма), Бухара, Ура-Тюбе, Пенджикент, Зебон (|| стянутая форма), Фильмандар, Костарош, Фальгар (Рарз, Вешаб, Такфон, Пинйон, Шурмашк, Пасруд), Матча, Варзоб, Каратаг, Гиссар (горный и долинный говоры), Дербент, Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Горон; в редких случаях — Ленинабад, Канибадам.

При стяжении формант -а деепричастия основного глагола выпадает, от аориста вспомогательного глагола остается элемент -oš, а вся форма в целом из сложной превращается в простую: *raftošam* < *rafta bošam*, *raftoši* < *rafta boši*; *raftošad* (*raftošat*) < *rafta bošad* и т. д. Территория распространения стянутой формы — верховья р. Чирчик, Кассансай (|| полная форма), Чуст (|| полная форма), Ленинабад (редко — полная форма), Канибадам (редко — полная форма), Риштан (|| полная форма).

¹⁴⁸ См.: В. С. Расторгуева. Краткий очерк грамматики таджикского языка (приложение к «Таджикско-русскому словарю», стр. 555—559).

— Сох (|| полная форма), Самарканд (самаркандско-таджикский говор — || полная форма), Шахристан, Зебон (|| полная форма), Байсун.

Стянутая форма там, где она имеется, либо сосуществует с полной формой (кассансайский, чустский, самаркандско-таджикский и некоторые другие говоры; см. выше), либо вытесняет ее — полностью (верхне-чирчикские, байсунский говоры) или частично (ленинабадский, канибадамский говоры).

Инфинитив и деепричастие

Инфинитив во всех таджикских говорах сохранился в своем старом виде с окончанием *-an* (ср.-п. *-tan*, др.-п. *-tanaiy*): *raftan* 'идти', 'ехать', *kardan* 'делать' и т. п.

Старое причастие прошедшего времени с формантом *-da* во всех таджикских говорах употребляется только в функции деепричастия (*karda* 'сделав', *rafta* 'уехав', 'уйдя').

ФОРМЫ, ВОЗНИКШИЕ НА ТАДЖИКСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ БАЗЕ

Длительное преждепрошедшее время

Помимо глагольных форм, личных и неличных, непосредственно унаследованных от предшествующих периодов развития языка, в таджикских говорах имеются многочисленные новообразования, возникшие в более позднее время. К числу таких новых форм принадлежит длительное преждепрошедшее время изъявительного наклонения. Оно образовано от обычной формы преждепрошедшего времени с помощью префикса *me-* (*mi-*, *mu-*, *m-*), который присоединяется либо к основному глаголу (*merafta budam*), либо к вспомогательному глаголу *budan* (*rafta mibudam*). Первый тип (с приставкой *me-*, *mi-* при основном глаголе — *merafta budam*) отмечен в Кассансае, Чусте, Самарканде; второй тип (*rafta mibudam*) — только в Самарканде (|| *mirafta budam*).

В первом типе длительного преждепрошедшего времени возможно стяжение, при котором от вспомогательного глагола *budan* остается только элемент *-ud*: *meraftudam*, *meraftudi* и т. д. Такой тип стяжения отмечен в говорах Кассанса, Чуста, Самарканда (параллельно употребляется также полная форма). Стянутая форма длительного преждепрошедшего времени имеется также в байсунском говоре, но в несколько ином виде: *raftoudam*, *raftoudi*, *raftoud*.

Формы с *istodan*

К числу таджикских диалектных новообразований относится также настоящее определенное время с вспомогательным глаголом *istodan* 'стоять', 'пребывать'. По характеру своего первичного образования эта форма представляет собой сочетание деепричастия прошедшего времени основного глагола с перфектом вспомогательного глагола *istodan*. Однако в большинстве говоров она подвергается частичному или полному стяжению.

В своем первоначальном, не стянутом, виде форма настоящего определенного времени употребительна в говорах: дарвазских (*rafta istodam*, *rafta istodas*), правобережном каратегинском (*rafta istoday*, *rafta istodas*), шуробдаринском (*rafta istodas*). В несколько более редких случаях, с разного рода стяжениями, она встречается в говорах: варзобском (*rafta istoday*, *rafta istoden*), некоторых фальгарских (в Шамтуче и Вешабе — *rafta istodiyān*, в Пасруде — *rafia istodam*), в фильмандарском (*rafta istodas*, *rafta istodagan*); в единичных примерах — в кассансайском и чустском (*rafta istodas*, *rafta istodakan* и т. п.).

Типы неполного стяжения в этой форме возможны следующие: 1) с выпадением сочетания звуков *da* в глаголе *istodan*: *rafta istos* < *rafta istodaast* (Шуробдара); 2) с выпадением сочетания звуков *od* в глаголе *istodan*: *rafta istay* (Куляб); 3) с выпадением начального *i* в глаголе *istodan*: *rafta-stoday* (Варзоб), *rafta-stodiyam* (Вешаб), *rafta-stodakam* (Кассансай); 4) с выпадением начального *i* и согласного *t* в глаголе *istodan*: *raft-soday* (Варзоб), *rafta-sodem* (Такфон); 5) с выпадением форманта *-a* в деепричастии основного глагола: *raft-istodiyam* (верхняя Матча, левобережная нижняя Матча); 6) с выпадением форманта *-a* в деепричастии основного глагола и согласного *t* в глаголе *istodan*: *raft-isodiyam* (Шурмашк, Парз, Такфон, Похуд), *raft-isodakam* (Чуст), *raft-isodem* (Бухара); 7) с выпадением форманта *-a* в деепричастии основного глагола и согласных *t* и *d* в глаголе *istodan*: *raftisoam*, *raftisoagi*, *raftisos*, *raftisoagem*, *raftisoaged*, *raftisten* (Костаром).

При полном стяжении эта форма из сложной превращается в простую. От основы вспомогательного глагола *istodan* остается один слог (*-sod*, *-sos*, *-ost*, *-os*, *-sa*, *-se*, *-so*, *-is*), а иногда даже один звук *-s*, который присоединяется к основе прошедшего времени, полной или усеченной (с отпавшим конечным *d* или *t*), перед личными окончаниями (вторичными), выступая в функции своеобразного суффиксального показателя настоящего определенного времени: *rafsodam* (или *rafsodem*), *raftostiyam*, *raftosiyam*, *rafseyam* 'я иду (в данный момент, сейчас)'. Каждому говору обычно свойствен какой-то один из этих «суффиксов» (*-sod*, *-ost*, *-os* и т. п.). В более редких случаях в говоре сосуществуют два или три таких «суффикса», которые либо используются во всех глаголах параллельно, либо закреплены за определенными глаголами или лицами глагола.

Рассмотрим каждый из этих «суффиксов» в отдельности:

1) *-sod*. Присоединяется обычно к усеченной основе прошедшего времени. Территория распространения: Ленинабад (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsos* и т. п.), Канибадам (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsos*), Сох — || *-sos*, в 1-м лице *-s* (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsos*), Риштан (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsos*), Бухара — || *-s* (*rafsodem*, *rafsodi*, *rafsodas*), Самарканд — таджикский говор — || *-is* || *-s* (*rafsodem*, *rafsodi*, *rafsodas* || *rafsos*), Самарканд — еврейский говор (*rafsodim*, *rafsodi*, *rafsode*), Ура-Тюбе — в речи интеллигенции, в просторечьи — || *-os* (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsos*), Пенджикент — || *-os* (*rafsodem*, *rafsodi*, *rafsos*), Зебон — || *-so* || *-os* (*rafsodam*, *rafsodi*, *rafsos*), Парз — || *-sos* (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsos*), Похуд (*rafsodiyam*, *rafsodi*), Пинийон — || *-s* (*rafsodem*, *rafsodi*), правобережная нижняя Матча (*rafsodiyam*, *rafsodi*, *rafsoday*, *rafsodas*), Варзоб (*rafsodam* || *rafsodem*, *rafsodi*, *rafsoday*), Каратаг (*rafsodim*, *rafsodi*, *rafsodas*), Гиссар — долинный говор (*rafsodam*, *rafsodi*, *rafsoday*), Гиссар — горный говор (*rafsodem*, *rafsodi*, *rafsodas* || *rafsoday*), Дербент (*rafsodem*, *rafsodi*, *rafsoday*). В некоторых говорах (ленинабадском, канибадамском, сохском, риштанском, ура-тюбинском, пенджикентском) в 3-м лице единственного числа в *-sod* отпадает конечное *d*. Получается *-so*, а с личным окончанием (вторичным) *-sos*: *rafsos*.

2) *-os*. Присоединяется к основе прошедшего времени (неусеченной). Территория распространения: верховья р. Чирчик (*raftosiyam*, *raftosi*, *raftos*; *xondosiyam*, *xondost*, *xonsos*), редко — Ленинабад (*raftosiyam*, *raftosi*, *raftos*), Ура-Тюбе — в просторечьи (*raftosiyam*, *raftosi*, *raftos*), Шахристан — чаще *-ost* (*raftosiyam*, *raftosi*, *raftos*), Пенджикент — || *-sod* (*raftosem*, *raftosi*, *raftos*), Зебон — || *-sod*, *-sog* (*raftosem*, *raftosi*, *raftos*), Урметан (*raftosagam*, *raftosagi*, *raftos*), Шурмашк (*raftosem*, *raftosi* и т. д.).

3) *-ost*. Присоединяется к основе прошедшего времени (неусеченной). Территория распространения: Шахристан (*raftostiyam*, *raftosti*, *raftos*), реже — Ура-Тюбе (*raftostiyam*, *raftosti*, *raftos*).

4) -*sos*. Присоединяется к основе прошедшего времени (не усеченной). Территория распространения: Исфара (*rafsosiyam, rafsoṣi, rafsos*), Сох (*rafsosiyam, rafsoṣi, rafsos*); в Сохе — || -*sod*, -*s*.

5) -*so*, -*sa*. Присоединяются к усеченной основе прошедшего времени (с отпавшим *d* или *t*) только в 3-м лице единственного числа (в сочетании с вторичным окончанием 3-го лица единственного числа) — *-sos*, -*sas*. Территория распространения: а) -*so* — Хиштхона, Шайдан, Ашт (|| -*sa*), Ленинабад, Канибадам, Исфара, Сох, Риштан, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе (в речи интеллигенции), Зебон, Пара; б) -*sa* — Ашт, Чуст.

6) -*sok*, -*sak*, -*sek* (-*so*, -*sa* или -*se* < *istod* + суффикс -*ak*), -*sog* (< -*so* < *istod* + суффикс -*ag* < -*ak*). Употребляется только в говорах, имеющих в перфекте суффикс -*ak* (или -*ag* < -*ak*), во всех лицах, кроме 3-го лица единственного числа. Присоединяются к усеченной основе прошедшего времени. Территория распространения: а) -*sok* — Хиштхона, Шайдан, Ашт (*rafsokam, rafsoṣi, rafsos*); б) -*sak* — Ашт (|| -*sok*), Чуст (*rafsakam, rafsaṣi, rafsas*); в) -*sek* — Кассансай (*rafsekam, rafseki, rafṣos*); г) -*sog* — Зебон (*rafsogam, rafsoṣi, rafsos*).

7) -*est*. Присоединяется к неусеченной основе прошедшего времени во всех лицах. Территория распространения — Калай-Хумб, Ризвай, Кеврун, кишлаки по р. Хумбоу (*xūndestam, xūndestay, xūndestas*). В глаголе *didan* 'видеть' при этом конечное *d* основы в позиции между *i*, *e* переходит в *y*: *diyestam, diyestay, diyestas* и т. д.

8) -*esod*. Присоединяется к неусеченной основе прошедшего времени во всех лицах. Территория распространения — кишлаки Ходжагалтон, Афтобзамин, Зорчахо в Кулябской области (*omadesodam, omadesoday, omadesodas*).

9) -*es*. Присоединяется к неусеченной основе прошедшего времени во всех лицах. Территория распространения — кишлак Балуч в Кулябской области (*raftesam, raftesay, raftesas*).

10) -*is*. Присоединяется к неусеченной основе прошедшего времени во всех лицах, кроме 3-го лица единственного числа. Территория распространения — Самарканд (таджикский говор — *xondisem, xondisi* и т. п.; || -*sod* || -*s*), Дар-Дар (*didisem, didisi, didisoas*).

11) -*s*. Присоединяется к усеченной основе прошедшего времени (с отпавшим конечным *d* или *t*) во всех лицах, кроме 3-го лица единственного числа. Территория распространения — Бухара (*rafsem, rafsi, rafsos*; || -*sod*), Сох (*rafsiyam, rafsi, rafsos*), Шурмашк, Пасруд, Пинйон (*rafsem, rafsi, rafsos*), Байсун (*rafsem, rafsi, rafsay*).

В Гороне форма настоящего определенного времени не употребительна. В Чилдаре по утверждению некоторых местных жителей встречается лишь в речи лиц, выезжавших в другие районы и бывавших в Душанбе.

К форме настоящего определенного времени с *istodan* в некоторых говорах может присоединяться приставка *me-*: *mexonsodem, mexonsodi, mexonsodas* (Самарканд — таджикский говор), *mexonsakam, mexonsaki* (Ашт), *mexonsoday* (Варзоб). Эта форма встречается очень редко, и ее значение недостаточно изучено. В самаркандско-таджикском говоре она, по словам Н. М. Бегбуди, входит в состав группы неочевидных времен (перфекта) и обозначает действие, совершающееся в данный момент, но такое, о котором говорящий знает не из личного опыта, а из побочных источников (с чужих слов, или на основе логического вывода): *mexonsodas* 'оказывается, он сейчас читает'.

Прошедшее определенное время по характеру первичного образования представляет собой сочетание деепричастия прошедшего времени основного глагола с преждепрошедшим временем вспомогательного глагола *istodan* 'стоять', 'пребывать'. В таком виде она существует в книж-

ном литературном языке, а из говоров встречается в вешабском (*rafta istoda būdam*, *rafta istoda būdi* и т. д.) и в кулябских (*rafta istaha būdam*, *rafta istaha būdi* и т. д.). В остальных говорах она подвергается стяжению.

При неполном стяжении в большинстве случаев сливаются и объединяются два деепричастия — основного глагола и первого вспомогательного глагола *istodan* 'стоять', а второй вспомогательный глагол *budan* 'быть' сохраняется полностью. Наибольшему изменению подвергается деепричастие вспомогательного глагола *istodan*, от которого обычно остается один слог:

1) *-isod* (*kaisoda būdam*, *kaisoda būdi* и т. д.) — в говорах Куляба (кроме рогских);

2) *-sod* (*rafsoda budam*) — в говорах Исфара, Бухары (*|| rafsoa budam*), частично Самарканда (самаркандско-еврейский говор), Риштана (произносится *rāfsodā būdām*), Соха (произносится *rafsoda būdam*), Ура-Тюбе (*|| raftosa budam*), Пенджикента (*|| raftosa budam*), Зебона (*|| raftosa budam*, *raftos budam*), Матчи (*|| raftis(t)oda būdam*), Варзоба, Каратага, Гиссара (равнинный и горный говоры), Дербента;

3) *-so* (*rafsoda budam*) — в говорах Бухары (*|| rafsoa budam*), Фильмандара, Парза, Похуда;

4) *-sad* (*rafsada budam || vudam*) — в говоре Кассансая (*|| rafsadudam*);

5) *-os* (*raftosa budam*) — в говорах Ура-Тюбе (*|| rafsoa budam*), Пенджикента (*|| rafsoa budam*), Зебона (*|| rafsoa budam*); то же с отпадением конечного *a* в деепричастии (*raftos budam*) в говоре Зебона (*|| rafso(d)a budam || raftasta budam*);

6) *-sat* (*raftasta budam*) — в говоре Зебона (*|| rafsoa budam || raftosa budam || raftos budam*);

7) *-esod* (*raftesoda wūdām*) — в рогских говорах;

8) *-iso* (*raftiso budam*) — в говоре Костароша.

Возможна меньшая степень стяжения, с более полным сохранением глагола *istodan*: *raftistoda budam || rafsoa budam* (Матча), *raftasoda budam* (Такфон).

В одном говоре (самаркандско-таджикском) отмечен несколько иной тип неполного стяжения формы прошедшего определенного времени. В нем слились два вспомогательных глагола — *istodan* и *budan*, а основной глагол остался без изменения: *rafta istodudam* (*|| rafsoadudam*, реже *raftistodudam*).

При полном стяжении все три составных элемента данной формы (деепричастие основного глагола, деепричастие глагола *istodan* и простое прошедшее время вспомогательного глагола *budan*) сливаются в одно единое целое, и из сложной она таким образом превращается в простую. От вспомогательного глагола *budan* при этом обычно остается один слог *-ud* (в некоторых говорах произносится *-ūd*), от глагола *istodan*:

1) *-isot* (*raftisotudam*, *raftisotudi*, *raftisotut* и т. д.) — в говорах верховьев р. Чирчик (*|| rafsoadudam*);

2) *-sod* (*rafsodudam*, *rafsodudi*, *rafsodut* и т. д.) — в говорах верховьев р. Чирчик (*|| raftisotudam*), Хиштхоны (произносится *rafsodūdām*), Шайдана (произносится *rafsodūdām*), Ашта, Ленинабада, Канибадама, Риштана (произносится *rāfsodūdām*), Соха (произносится *rafsodūdām*), Самарканда (самаркандско-таджикский говор; *|| rafta istodudam || rafsuundam*, реже — *raftistodudam*), Шахристана (*|| raftostudam*);

3) *-sad* (*rafsadudam*, *rafsadudi*, *rafsadut* и т. д.) — в говорах Чуста, Кассансая (*|| rafsada budam* или *vudam*);

4) *-so* (*rafsoudam*, *rafsoudi*, *rafsoud*) — в говоре Байсуна.

В говорах Горона эта форма не употребительна. Судя по материалам А. З. Розенфельд, она отсутствует также и в дарвазских говорах.

Формы с *xoraftan*

В некоторых крайних северных говорах (верхнечирчикских, кассансайском, чустском), подвергающихся сильному воздействию со стороны узбекского языка, имеется форма настоящего определенного времени, образуемая с помощью вспомогательного глагола *xoraftan* 'лежать', 'спать'. В своем первоначальном, нестянутом, виде она представляет собой сочетание деепричастия прошедшего времени основного глагола и перфекта вспомогательного глагола *xoraftan*. Такова, например, эта форма в ленинабадском и канибадамском говорах: *xonda xoraftiyam* 'я читаю', *xonda xorafti* 'ты читаешь', *xonda xoraftas* 'он читает' и т. п. В других говорах она подвергается стяжению.

При стяжении от вспомогательного глагола *xoraftan* обычно остается один слог *-xot*, который присоединяется: 1) либо к ничем не измененному деепричастию основного глагола, например: в говоре верховьев р. Чирчик — *xondaxotiyam*, *xondaxoti*, *xondaxotas*, *xondaxotim*, *xondaxotit*, *xondaxotiyan*; в говоре Чуста — *xondaxotakam*, *xondaxotaki*, *xondaxotas* и т. д.; 2) либо к деепричастию прошедшего времени, в котором конечное *a* под влиянием ассимиляции перешло в *o*, например: в говоре Кассансая — *xondoxotakam*, *xondoxotaki*, *xondoxotas* и т. д.

В кассансайском говоре возможно также еще более сильное стяжение в этой форме, при котором от *xoraftan* остается элемент *-oxt*: *xondoxtakam* || *xondoxotakam*, *xondoxtaki* и т. д.

Во всех остальных известных нам говорах эта форма отсутствует.

В кассансайском говоре к настоящему определенному времени, образуемому с помощью вспомогательного глагола *xoraftan* 'лежать' может присоединяться префикс *me-*, который придает ему дополнительный оттенок длительности: *me-xondoxtakam* || *me-xondoxotakam* 'я читаю (в данный момент, сейчас)'.

Прошедшее время с *xoraftan* зафиксировано в говорах верховьев р. Чирчика, в Чусте и Кассансае. В своем первичном, не стянутом, виде она должна была состоять из деепричастия прошедшего времени основного глагола и преждепрошедшего времени вспомогательного глагола *xoraftan* 'лежать': *xonda xorafta budam* 'я читал', *xonda xorafta budi* 'ты читал' и т. д.

Однако, в упомянутых нами таджикских говорах она всюду подверглась стяжению, неполному — в кассансайском говоре, полному — в верхнечирчикских и чустском.

При неполном стяжении объединяются и сливаются два деепричастия — основного глагола и вспомогательного глагола *xoraftan*, а глагол *budan* 'быть' сохраняется. При слиянии деепричастия от *xoraftan* остается элемент *-xot* или *-xt*: *xondoxota* (|| *xondoxta*) *budam*, *xondoxota* (|| *xondoxia*) *budi*, *xondoxota* (|| *xondoxta*) *bud* и т. д. (Кассансай). При полном стяжении от глагола *xoraftan* остается элемент *-xot*, а от *budan* — *-ud*: *xondaxotudam*, *xondaxotudi*, *xondaxotut* и т. д. (верховья р. Чирчик, Чуст).

Новые формы перфекта

Длительная форма перфекта образуется от основной формы перфекта с добавлением префикса *me-*, например: *meraftiyam*, *merafti*, *meraftas* (в говорах Ленинабада, Канибадама, Исфары, Матчи, Ура-Тюбе, Шахристана и некоторых других), *meraftem*, *merafti*, *meraftay* (в варзобском говоре и некоторых других), *meraftakam*, *meraftaki*, *meraftas* (в говорах Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая). Она засвидетельствована в настоящее время в говорах: верховьев р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Матчи, Вар-

зоба, Каратага, Гиссара (долинный и горный говор), Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Куляба (включая рогские говоры), Дарваза.

Длительный преждепрошедший перфект употребителен в некоторых северных таджикских говорах. Он образуется от обычной формы преждепрошедшего перфекта присоединением префикса *me-*, например *me-rafta vudiyam* || *meraftudiyam* (Ленинабад, Канибадам). Подобно преждепрошедшему перфекту он в одних говорах сохраняется в первоначальном аналитическом своем виде, в других — подвергается стяжению.

Аналитическая (нестянутая) форма преждепрошедшего перфекта зафиксирована в говорах: Бухары (*merafta budas*), в редких случаях — Ленинабада, Канибадама (*merafta budiyam* || *vudiyam*, *merafta budi* || *vudi*, *me-rafta budas* || *vudas*).

При стяжении так же, как в обычной форме преждепрошедшего перфекта, от вспомогательного глагола *budan* остается элемент *-ud*. Это зафиксировано в материалах по говорам: Кассансае (*meraftudakam*, *meraftudaki*, *meraftudas*), Ленинабада и Канибадама (*meraftudiyam*, *me-raftudi*, *meraftudas*), Самарканда (самаркандско-таджикский говор — *me-raftudem*, *meraftudi*, *meraftudas*).

В других таджикских говорах эта форма не зафиксирована.

Форма прошедшего-настоящего определенного перфекта в своем первоначальном виде состоит из деепричастия прошедшего времени основного глагола и преждепрошедшего времени глагола *istodan* 'стоять', 'пребывать': *rafta istoda budaast* 'оказывается, он шел (идет)'. В говорах она всюду подвергается стяжению. Характер стяжения в каждом говоре такой же, как в прошедшем определенном времени изъявительного наклонения.

Приводим типы стяжения в прошедшем-настоящем определенном перфекте.

Неполное стяжение: 1) *-sod* (< *istod*): *rafsoda budakam*, *rafsoda budaki*, *rafsoda budas* (Шайдан), *rafsoda budem*, *rafsoda budi*, *rafsoda budas* (Бухара, самаркандско-таджикский говор), *rafsoda budim*, *rafsoda budi*, *rafsoda bud* (самаркандско-еврейский говор), *rafsoda budiyam*, *rafsoda budi*, *rafsoda budas* (Ура-Тюбе — в речи интеллигенции), *rafsoda budem*, *rafsoda budi*, *rafsoda budas* (Пенджикент), *rafsoda budem*, *rafsoda budi*, *rafsoda buday* (Варзоб); 2) *-sad* (< *istod*): *rafsada budakam*, *rafsada budaki*, *rafsada budas* (Чуст); 3) *-so* (< *istod*): *rafsoa budas* (Бухара), *rafsoa buas* (Костаром); 4) *-ost* (< *istod*): *raftosta budiyam*, *raftosta budi*, *raftosta budas* (Ура-Тюбе); 5) *-os* (< *istod*): *raftosa budiyam*, *raftosa budi*, *raftosa budas* (Ура-Тюбе), *raftosa budem* || *budim*, *raftosa budi*, *raftosa budas* (Пенджикент); 6) *-ast*: *raftasta vudas* (Зебон).

В верхнечирчикских говорах при неполном стяжении сливаются два вспомогательных глагола, а основной глагол остается без изменения: *rafta istodudiyam* (< *istoda budiyam*), *rafta istodudi* и т. д.

Полное стяжение — *-sod* (< *istod*): *rafsodudiyam*, *rafsodudi*, *rafsodudas* (верховья р. Чирчик, Ленинабад, Канибадам), *rāfsodūdām*, *rāfsodūdi*, *rāfsodūdas* (Риштан).

В некоторых говорах от прошедшего-настоящего определенного перфекта может быть образована новая форма прибавлением приставки *me-*. Эта форма зафиксирована пока только в двух говорах — самаркандско-таджикском (*meraftsodudem*, *meraftsodudi*, *meraftsodudas*) и в ленинабадском (*meraftsodudiyam*, *meraftsodudi*, *meraftsodudas*). Значение этой формы мало изучено. По утверждению Н. Бегбуди, занимавшегося исследованием самаркандско-таджикского говора, она обозначает там прошедшее неочевидное действие так же, как обычная форма определенного перфекта, но с подчеркнутым оттенком длительности¹⁴⁹. В ле-

¹⁴⁹ Н. М. Бегбуди. Говор самаркандских таджиков.

нинабадском говоре по нашим наблюдениям она имеет значение неочевидного настоящего определенного времени.

В ленинабадском и канибадамском говорах имеется прошедший-настоящий определенный перфект с вспомогательным глаголом *xoraftan* 'лежать'. Он состоит здесь из деепричастия основного глагола и стянутой формы преждепрошедшего перфекта глагола *xoraftan* 'лежать', в которой от второго вспомогательного глагола *budan* 'быть' остается элемент *-ud*: *xonda xoraftudiyam* (< *xonda xorafta budiyam*), *xonda xoraftudas* (< *xonda xorafta budaast*) и т. д.

Новые формы сослагательного наклонения

В говорах таджикского языка существуют две новые формы сослагательного наклонения: длительная форма и форма определенного прошедшего-настоящего времени.

Первая форма образуется при помощи префикса *me-* от формы прошедшего времени сослагательного наклонения (см. стр. 87). Подобно прошедшему времени сослагательного наклонения эта форма в одних говорах представлена в своем первоначальном полном виде, в других подвергается стяжению. Тип стяжения тот же, что и у прошедшего времени, т. е. от аориста и вспомогательного глагола *budan* 'быть' (*bošam*, *boši* и т. д.) остается элемент *-oš*. В нестянутом виде (*merafta bošam*, *merafta boši* и т. д.) эта форма представлена в говорах Чуста, Кассансая, Исфары, Риптана, Соха, Бухары, Ура-Тюбе, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Рарза, Вешаба, Такфона, Матчи, Варзоба, Каратага, Гиссара (горный и долинный говоры; в долинном говоре начальный звук *b* вспомогательного глагола спирализуется — *merafta wošam*, *merafta woši* и т. д.), Дербента, Куляба (включая рогские говоры), Чилдары, Хумдары. В более редких случаях встречается в говорах Ленибада, Канибадама, Самарканда (самаркандско-таджикский говор).

В стянутом виде (*meraftošam* < *merafta bošam*, *meraftošī* и т. д.) она употребительна в говорах: Ленибада, Канибадама, Самарканда (самаркандско-таджикский говор), Шахристана, Байсуна (байсунский говор).

Форма определенного прошедшего-настоящего времени сослагательного наклонения образуется сочетанием деепричастия прошедшего времени основного глагола с прошедшим временем сослагательного наклонения вспомогательного глагола *istodan* 'стоять', 'пребывать': *rafta istoda bošam*, *rafta istoda boši*, *rafta istoda bošad*. В таком полном виде она отмечена пока только в говоре кишлака Шамтуча (Фальгар). В других говорах она подвергается стяжению. От вспомогательного глагола *istodan* остается при этом элемент *-sod*, *-so* или *-os* (как в прошедшем определенном времени изъявительного наклонения). От вспомогательного глагола *budan* при полном стяжении остается элемент *-oš* < *boš* (как в прошедшем времени сослагательного наклонения), при неполном стяжении он сохраняется без изменения.

Неполное стяжение: 1) *-sod* (< *istod*) — в говорах: Бухары, Самарканда (редко), Соха, Пенджикента (*rafsoda bošam*, *rafsoda boši*, *rafsoda bošad* и т. д.); 2) *-so* (< *istod*) — в говорах: Бухары (*rafsoa bošam* || *rafsoda bošam*, *rafsoa boši* || *rafsoda boši*), Костароша (*burafsoa bošam*, *burafsoa boši* и т. д.); 3) *-os* (< *istod*) — в говоре Пенджикента (*raftōsa bošam* || *rafsoda bošam*, *raftosa boši* || *rafsoda boši* и т. д.).

В самаркандско-таджикском говоре при неполном стяжении в этой форме отмечены случаи слияния двух вспомогательных глаголов *istodan* и *budan*: *rafta istodošam* (< *rafta istoda bošam* || *rafsoda bošam* || *raftsodošam*).

Полное стяжение (*rafsodošam, rafsodoši, rafsodošat* и т. д.) наблюдается в говорах: Самарканда (самаркандско-таджикский), Ленинабада, Канибадама, Риштана, Байсуна (байсунский говор).

Во всех южных и юго-восточных говорах (Каратегин, Чилдара, Куляб, Вахио-Боло, Дарваз, Горон), а также в Варзобе, Гиссаре, Каратаге, Матче эта форма отсутствует.

Мы не можем с полной убежденностью утверждать, что она отсутствует в верхнечирчикских, некоторых ферганских (шайданском, хиштонинском, аштском, чустском, кассансайском, исфаринском), ура-тюбинском, шахристанском, хотя она в материалах и не зафиксирована. Нужно учесть, что она не так уж часто употребляется, а потому могла выпасть из внимания исследователей.

Предположительное наклонение

К числу таджикских диалектных новообразований в области глагола относится вся система форм предположительного наклонения. Она включает в себя в одних говорах две формы (прошедшее время и настоящее-будущее), в других — три (то же с добавлением настоящего определенного времени), в третьих — четыре (то же с добавлением преждепрошедшего времени).

Форма прошедшего времени предположительного наклонения создавалась на базе нового, появившегося на таджикской почве причастия прошедшего времени с суффиксом *-gi* (*raftagi* 'ушедший', *xondagi* 'прочитавший', 'прочитанный')¹⁵⁰. В говорах она представлена в двух разновидностях: с полной формой глагольной связки и с краткой формой глагольной связки. В обоих случаях глагольная связка произносится слитно с причастием: *raftagistam* (<*raftagi hastam*) 'вероятно, он ушел' — при полной форме глагольной связки, *raftagem, raftagim* или *raftagiyam* (<*raftagi-am*) 'вероятно, он ушел' — при краткой форме глагольной связки. Краткая форма связки при этом, как можно видеть из приведенного примера, претерпевает некоторые фонетические изменения и превращается в особого рода личные окончания, в большинстве случаев полностью или частично совпадающие с характерными для данного говора окончаниями перфекта¹⁵¹.

Прошедшее время предположительного наклонения с полной формой глагольной связки (*raftagistam, raftagisti, raftagist, raftagistem, raftagisted(t), raftagistan*) зафиксировано в говорах: Пенджикента, Зебона, Фильмандара (реже — краткая форма; см. ниже), Костароша (реже — краткая форма; см. ниже), Варзоба, Каратага, Гиссара (горный и долинные говоры), Дербента, Байсуна (реже — краткая форма). Необходимо отметить, что в Гиссаре (особенно в долинном говоре) формы предположительного наклонения употребляются реже, чем на севере¹⁵².

Такова же по типу форма прошедшего времени предположительного наклонения в Урметане, но с выпадением согласного *t* в связке: *raftagisam, raftagisi, raftagis* и т. д.

Форма прошедшего времени предположительного наклонения с краткой формой связки различается по говорам в зависимости от того, какие фонетические изменения произошли на стыке причастия и глагольной связки и как изменилась связка, превращаясь в специфическое личное окончание. В настоящее время нам известно три основных типа окончаний (даем спряжение глагола *raftan* 'идти'):

¹⁵⁰ О причастиях с суффиксом *-gi* см. стр. 97—99.

¹⁵¹ Исключение представляют говоры, у которых в составе перфекта имеется суффикс *-ak* или *-ag* (см. стр. 84—85).

¹⁵² См.: Л. В. Успенская. Говоры таджиков Гиссарского района, стр. 54.

I тип

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>raftagem</i>	<i>raftagem</i>
2-е л. <i>raftagi</i>	<i>raftaget(d), raftageton</i>
3-е л. <i>raftagis(t)</i>	<i>raftagen</i>

Территория распространения: Шайдан, Апт, Сох, Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский говор), Такфон, Пинйон, Шурмашк, Пасруд, Дар-Дар, Парз (в 3-м лице множественного числа *raftagen* || *raftagin* || *raftagiyan*), Байсун (байсунский говор); то же в Вешабе, но в 3-м лице множественного числа здесь будет *raftagin*, а не *raftagen*.

II тип

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>raftagim</i>	<i>raftagim</i>
2-е л. <i>raftagi</i>	<i>raftagit, raftagiton</i>
3-е л. <i>raftagis</i>	<i>raftagin</i>

Территория распространения — Хиштхона, Кассансай, Похуд. Такой же тип прошедшего времени предположительного наклонения представлен также в самаркандско-еврейском говоре, с тем, однако, отличием, что 3-е лицо единственного числа имеет здесь окончание *-e* (вместо *-st*): *raftage* 'вероятно, он ушел'.

III тип

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>raftagiyam</i>	<i>raftagim</i> (в Чусте <i>raftagiym</i>)
2-е л. <i>raftagi</i>	<i>raftagi</i> (в Чусте <i>raftagiyl</i>)
3-е л. <i>raftagis(t)</i>	<i>raftagiyan</i>

Территория распространения — верховья р. Чирчик, Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Ура-Тюбе, Шахристан.

В говорах Матчи, Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские говоры), Дарваза, Горона эта форма, как все другие формы предположительного наклонения, отсутствует.

Форма настоящего-будущего времени предположительного наклонения образована от прошедшего времени того же наклонения с помощью префикса *те-*. Она имеется в тех же говорах, что и прошедшее время предположительного наклонения.

Форма настоящего определенного времени предположительного наклонения в первоначальном своем виде состояла из деепричастия прошедшего времени основного глагола и прошедшего времени предположительного наклонения вспомогательного глагола *istodan* 'стоять', 'пребывать'. В говорах она всюду подверглась стяжению, в результате чего от *istodan* остался элемент:

1) *-sod*: а) *rafsodagistam, rafsoagisti, rafsoagist* и т. д. (Варзоб, Дербент), б) *rafsodagem, rafsoagim, rafsoagis(t)* и т. д. (Бухара, Самарканд, самаркандско-таджикский говор, в) *rafsodagim, rafsoagim, rafsoagim, rafsoagim* (самаркандско-еврейский говор), г) *rafsodagiyan, rafsoagi(yi), rafsoagis(t)* и т. д. (верховья р. Чирчик, Чуст, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Ура-Тюбе, в речи интеллигенции). В Кассансае зафиксировано только 3-е лицо единственного числа (*rafsodagist*).

2) *-so*: *rafsoagis(t)* (Фильмандар, Костаром); в Парзе записано только 2-е лицо множественного числа (*rafsoaged*);

3) *-sa*: *rafsagam, rafsoagi, rafsoagis, rafsoagem, rafsoaget, rafsoagen* (байсунский говор);

4) -os: *raftosagiyam*, *raftosagi*, *raftosagist* и т. д. (Ура-Тюбе, Шахристан).

Не стянутая форма отмечена только в Самарканде (самаркандско-таджикский говор): *rafta istodagem*, *rafta istodagi*, *rafta istogis(t)* и т. д.

В материалах по говорам Хиштхонь, Шайдана, Ашта, Соха, Пенджикента, Фальгара эта форма не зафиксирована, но мы не можем утверждать, что ее там нет. Возможно, что она выпала из наблюдений исследователей в силу редкой своей употребительности. В говорах Матчи, Гиссара, Каратегина, Чилдары, Куляба, Дарваза, Горона она отсутствует.

В самаркандско-еврейском говоре употребительна также вторая форма настоящего определенного времени, образованная от первой, уже описанной нами, с помощью префикса *me-*: *merafsodagim*, *merafsodagi*, *merafsodagis*, *merafsodagim*, *merafsodaget*, *merafsodagtn*.

В кассансайском говоре зафиксирована форма настоящего определенного времени предположительного наклонения, образованная с помощью вспомогательного глагола *xorraftan* 'лежать'. Она употребляется здесь в стянутой форме, причем от глагола *xorraftan* в ней остался только элемент *-ox* (ср. соответствующую форму изъявительного наклонения на стр. 92). Известно нам только 3-е лицо единственного числа: *xondoxtagist* 'вероятно, он читает'.

В чустском говоре употребительна форма преждепрошедшего времени предположительного наклонения. Она образована по аналогии с преждепрошедшим временем изъявительного наклонения. В ее состав входит деепричастие прошедшего времени основного глагола и прошедшее время предположительного наклонения вспомогательного глагола *budan* (|| *vudan*) 'быть': *xonda vudagtyam* 'вероятно, я читал (прежде)', *xonda vudagiyi* 'вероятно, ты читал (прежде)', *xonda vudagis(t)* 'вероятно, он читал (прежде)' и т. д.

Причастия на -gi

Особую группу новообразований в системе неличных форм глагола составляют причастия с суффиксом *-gi*. Количество причастий такого типа в разных говорах неодинаково: от двух (причастие прошедшего времени и причастие настоящее-будущего времени) до трех (то же с добавлением причастия настоящего определенного времени) и даже до четырех (то же с добавлением еще и причастия преждепрошедшего времени). Наиболее простым по составу и, по-видимому, наиболее ранним по времени своего возникновения среди них является причастие прошедшего времени. Оно образуется добавлением суффикса *-gi* к деепричастию прошедшего времени: *raftagi* 'ушедший', *xondagi* 'читавший', 'прочитанный'. В чустском говоре в результате ассимиляции конечный звук *a* в деепричастии переходит при этом в *i*: *raftigi* < *raftagi*, *xondigi* < *xondagi*.

Причастие на *-gi* прошедшего времени зафиксировано во всех говорах, кроме дарвазских и ванчских¹⁵³. Однако, на юге (в каратегинском, чилдаринском, кулябских, рогских, вахио-болинском, горонском говорах) оно употребляется значительно реже, чем на севере и в центральной части Таджикистана.

В говорах верхнечирчикских, шайданском, хиштхонинском, аштском, чустском, кассансайском, ленинабадском, канибадамском, исфаринском,

¹⁵³ А. З. Розенфельд в своей работе «Дарвазские говоры таджикского языка» эту формы не упоминает. По-видимому, этот вопрос нуждается в дополнительном исследовании.

риштанском, сохском, бухарском, самаркандском, пенджикентском, матчинских, в некоторых фальгарских (Рарз, Такфон), в варзобском, байсунском собственно причастное значение в этой форме совмещено со значением имени действия: *raftagi* 'ушедший' и 'уход', *xondagi* 'читавший', 'прочитанный' и 'чтение'. Здесь же получил распространение особый оборот, включающий в себя причастие прошедшего времени на *-gi* (в значении имени действия) с местоименной энклитикой и отрицательную форму глагольной связки или простого прошедшего времени глагола *budan* 'быть': *xondagim ne* 'я не читал' (букв. 'моего чтения нет'), *raftagiš ne* 'он не ходил' (букв. 'его хождения нет'), *raftagiš nâ-bud* 'он не ходил' (букв. 'его хождения не было'), *xondagim nâ-bud* 'я не читал'.

В говорах дербентском, долинном гиссарском, кулябских, рогских, горонском эта форма имеет только причастное значение. Оборот типа *raftagiš ne*, *raftagiš nâ-bud* здесь не употребителен.

Повсюду в диалектной речи причастие на *-gi* прошедшего времени может быть использовано в предикативной функции (сохраняя причастное значение). При этом в некоторых говорах оно сочетается с глагольной связкой или с глаголом *budan* 'быть' в форме аориста, простого прошедшего времени, перфекта, прошедшего времени предположительного наклонения и пр.: *raftagi-ay* 'он ушел', *raftagi bud* 'он ходил', *xondagi bud* 'он прочитал' или 'он был прочитан', *xondagi budas* 'оказывается, он прочитал' или 'оказывается, он был прочитан' и т. д. К сожалению, не все исследователи уделили достаточное внимание таким причастным предикативным сочетаниям, а потому мы не можем пока установить территорию их распространения.

Причастие на *-gi* настояще-будущего времени — форма, производная от причастия прошедшего времени на *-gi* с префиксом *me-* (*mi-*, *tu-*, *m-*): *meraftagi* (в других говорах — *miraftagi*) 'уходящий', 'тот, кто должен или намеревается уйти', *mexondagi* (в других говорах *mixon-dagi*, *muxondagi*, *mexondigi*) 'читающий', 'читаемый', 'тот, кто будет или должен читать', 'то, что должно быть прочитано' и т. д. Она зафиксирована во всех говорах, кроме каратегинских, дарвазских, вахиболинского.

Во многих говорах причастие настояще-будущего времени, помимо определительной функции, используется также и в предикативной. В верхнечирчикских, шайданском, хитхонинском, аптском, кассансайском, ленинабадском, канибадамском, исфаринском, риштанском, матчинских, байсунском, дербентском говорах оно при этом обычно выражает намерение: *man šahr maraftagi* 'я намереваюсь поехать в город'. Для выражения временных значений, а также лица, числа, дополнительных модальных оттенков (если это нужно) при нем используются различные временные формы (простое прошедшее время, длительное прошедшее время, аорист и др.) глаголов *budan* 'быть' или *šudan* 'делаться', 'становиться': *meraftagi budam* 'я намеревался идти (ехать)', *agar maraftagi šavam* 'если я соберусь пойти (поехать)' и т. д. В говорах — варзобском, гиссарском, кулябских, рогских значение намерения причастию настояще-будущего времени не свойственно.

Причастие настоящего определенного времени создано по аналогии с многообразными личными формами того же времени. Оно образовалось из сочетания деепричастия прошедшего времени основного глагола и причастия прошедшего времени с суффиксом *-gi* вспомогательного глагола *istodan* 'стоять', 'пребывать': *rafta istodagi* 'уходящий' (сейчас), *xonda istodagi* 'читающий', 'читаемый' (сейчас, в настоящий момент). В таком полном виде оно зафиксировано только в говорах: Каратага, Самарканда (самаркандско-таджикский говор), Зебона, Костароша. В большинстве случаев оно подвергается стяжению, причем от глагола *isto-*

dan остается элемент: 1) *-sod (rafsodagi, xonsodagi)* — в говорах верховьев р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда (таджикский и еврейский говоры), Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Варзоба, Каратага, Дербента; 2) *-sad* — в говорах Кассансая (*rafsadagi*) и Чуста (*rafsadigi, xonsadigi*); 3) *-so (rafssoagi, xonsoagi)* — в говорах: Бухары, Самарканда (самаркандско-таджикский говор); 4) *-sa (rafsagi, xonsagi)* — в байсунском говоре; 5) *-ost (raftostagi, xondostagi)* — в шахристанском говоре; 6) *-os (raftosagi, xondosagi)* — в ура-тюбинском говоре.

В отдельных случаях встречаются также разного рода неполные стяжения — *xondistodagi, xondisodagi* (самаркандско-таджикский говор).

Эта форма так же, как другие причастия на *-gi*, имеет двойное значение — причастия и имени действия — и в ряде говоров (хиштхонинском, кассансайском, ленинабадском, канибадамском, исфаринском, риштанском, сохском) может быть использована в особом предикативном обороте, где она сочетается с местоименной энклитикой и отрицательной формой глагольной связки или простого прошедшего времени глагола *budan* 'быть': *rafsodagish ne* 'он не ходит', *rafsodagish na-bud* 'он не ходил', *xonsodagim ne* 'я не учусь' и т. п.

В говорах Матчи, Гиссара, Каратегина, Чилдары, Вахио-Боло, Куляба, Дарваза, Горона эта форма отсутствует.

В самаркандско-таджикском, самаркандско-еврейском и чувтском говорах к причастию настоящего определенного времени может быть добавлен префикс *me- (mi-)*: *merafsodagi* (в Чусте — *mirafsadigi*). Это придает ему дополнительный оттенок длительности. Судя по материалам Н. М. Бегбуди, эта форма в предикативной функции может приобретать оттенок намерения: *merafsodagi budan* 'они собирались идти'.

В верхнечирчикских и кассансайских говорах имеется причастие настоящего определенного времени, образованное с вспомогательным глаголом *xoraftan* 'лежать' (по аналогии с личными формами настоящего определенного времени). В обоих говорах они подверглись стяжению, причем от глагола *xoraftan* остался элемент: 1) *-xot: raftaxotagi* 'идуший' (Чуст); 2) *-oxot* или *-oxt* (начальное *o* из форманта деепричастия основного глагола *-u*): *raftoxotagi || raftoxtagi* 'идуший' (Кассансай).

В чувтском, кассансайском, ленинабадском и бухарском говорах имеется причастие на *-gi* преждепрошедшего времени. Оно образовано по аналогии с личными формами преждепрошедшего времени и так же, как они, включает в свой состав вспомогательный глагол *budan* 'быть': *rafta budagi* 'ушедший (прежде)'. В такой, вестянутой, форме оно отмечено в говорах Кассансая и Бухары. В говорах Чуста и Ленинабада оно подвергается стяжению, при котором от глагола *budan* остается элемент *-ud*: *raftudagi < rafta budagi*.

В кассансайском говоре причастие на *-gi* преждепрошедшего времени (со значением имени действия) может употребляться в предикативном обороте, где к нему присоединяется местоименная энклитика и отрицательная форма глагольной связки: *karda budagim ne* 'я не делал (прежде)', букв. 'моего (прежнего) делания нет'.

Причастия будущего времени

Новообразованием по сравнению с языком классического периода является также причастие будущего времени, образуемое от инфинитива с помощью суффикса *-i*: *raftani* 'намеревающийся идти', 'тот, кто должен идти', *xondani* 'намеревающийся учиться (или читать)', 'тот, кто должен учиться (или читать)'.

Эта форма имеет распространение в говорах: верховьев р. Чирчик, Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона,

Фильмандара, Костароша, Фальгара (Рарз, Вешаб, Дар-Дар, Похуд, Пасруд, Такфон), Матчи, Варзоба, Каратага, Гиссара (долинный и горный говоры), Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Куляба. Опубликованные работы по говорам Каратегина, Вахио-Боло, Дарваза, Горона не дают о ней сведений, и мы не можем судить с полной определенностью, имеется она там или нет. В говорах Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Кассансая, Ленинабада, Канибадама эта форма отсутствует. В говорах Исфары, Дар-Дара, Пасруда она имеется, но употребляется очень редко.

В верхнечирчикских, чувском, бухарском, самаркандском, ура-тюбинском, шахристанском, пенджикентском, зебонском, фильмандарском, костарошском, фальгарских, матчинских, варзобском, каратагском, гиссарских (долинном и горном), байсунском и дербентском говорах причастие будущего времени, одно или в сочетании с глаголами *budan* 'быть', *šudan* 'делаться', 'становиться' (в некоторых говорах также с глагольной связкой), широко используется в предикативной функции при выражении намерения: *man šahr raftani* 'я намереваюсь поехать в город', *vay šahr raftani bud* 'он намеревался поехать в город', *vay šahr raftani šud* 'он собрался (вознамерился) поехать в город'. Для кулябских и рогских говоров это нехарактерно. Носители этих говоров понимают такие обороты и даже считают их образцовыми, но сами ими не пользуются. Для выражения намерения там имеются другие средства.

В ура-тюбинском, шахристанском, пенджикентском, варзобском, кулябских, рогских говорах причастие будущего времени может выступать в предложении в функции обстояательства цели (обычно при глаголах движения): *xondani raft* 'он поехал учиться'.

В говорах Ура-Тюбе, частично Самарканда (самаркандско-таджикский), Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Рарза, Такфона, Матчи, Байсуна (байсунский и дербентский) к причастию будущего времени может присоединяться префикс *me-*: *meraftani* 'намеревающийся идти', 'тот, кто должен идти'. Оно также используется в предикативной функции с тем же 'оттенком намерения (всюду кроме говоров Зебона, Фильмандара и Костароша): *vay šahr meraftani* 'он намеревается поехать в город'. Различие в значении двух причастий будущего времени (*raftani* и *meraftani*) пока установить трудно, так как исследователи не уделили этому вопросу достаточного внимания.

Деепричастия настоящего определенного времени

От предшествующих этапов развития языка таджикские говоры, как мы уже говорили, унаследовали форму деепричастия прошедшего времени (старое причастие): *rafta* 'сказав', 'прочитав' и т. д. В ряде северных говоров (верхнечирчикских, бухарском, самаркандском) образовано производное от него деепричастие настоящего определенного времени с вспомогательным глаголом *istodan*: *rafta istoda* 'идя'. В такой полной форме оно встречается в редких случаях только в самаркандско-таджикском говоре. В большинстве случаев оно подвергается стяжению с сохранением в качестве остатка от вспомогательного глагола *istodan* только элемента *-sod* (*rafsoda* 'идя', *xonsoda* 'читаю') — в верхнечирчикских и самаркандско-таджикском говоре, *-so* (*rafsoa* 'идя') — в бухарском говоре; в самаркандско-таджикском возможны также случаи неполного стяжения: *raftistoda* || *raftisoda* 'идя'.

В верхнечирчикских говорах помимо этого имеется деепричастие настоящего определенного времени с вспомогательным глаголом *xoraftan* 'лежать'. Оно представлено здесь в стянутой форме (от *xoraftan* остается элемент *-xot*): *ra(f)taxota* 'идя'.

Сложнодеепричастные глаголы

К числу таджикских диалектных новообразований относятся так называемые сложнодеепричастные глаголы. Это — своеобразные сложные глагольные образования, состоящие из двух глаголов — основного (в форме деепричастия) и модифицирующего (в спрягаемой форме): *murd raft* 'он умер', *xonda dod* 'он прочитал (для кого-то)', *omada mond* 'он внезапно пришел' и т. п.¹⁵⁴

Основная территория распространения сложнодеепричастных глаголов — таджикоязычные селения и районы Узбекистана, а также северная и частично центральная часть Таджикистана, а именно, верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Амт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Рипшан, Сох, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Байсун (байсунский и дербентский говоры); менее многообразны, но все же достаточно широко употребительны они в говорах Фальгара, Матчи, Варзоба, Каратага, Гиссара (долинный и горный говоры).

В ховалингском (северный Куляб), рогских, горонском говорах сложнодеепричастных глаголов нет. Их можно встретить лишь в единичных случаях в речи людей, неоднократно выезжавших в северные и центральные районы. Отсутствуют они, по-видимому, также в говорах Дарваза и Ванча¹⁵⁵. В муминабадском, даштакском, бальджуанском говорах они имеются, но значительно менее употребительны, чем в северных и центральных говорах.

Парные глаголы

Помимо сложнодеепричастных глаголов в ряде говоров имеются сложные глагольные образования, почти идентичные им по значению, но имеющие несколько иное построение. Каждое из них также состоит из двух глаголов, из которых первый является носителем основного значения, второй — модификатором, придающим ему дополнительные оттенки (преимущественно видовые), но оба эти глагола ставятся здесь в одной и той же форме, и оба спрягаются одинаково: *murd raft* 'он умер', *guftam mondam* 'я сказал (вскользь)' и т. п. За образованиями такого типа в последние годы в среде иранистов стал закрепляться термин «парные глаголы».

Парные глаголы по характеру сочетания составных элементов бывают двух типов:

1) без соединительного союза и 'и': *murd raft* 'он умер', *guftam mondam* 'я сказал (вскользь)' и т. п.¹⁵⁶;

2) с соединительным союзом и 'и': *murd-u raft* 'он умер', *guftam-u mondam* 'я сказал (вскользь)' и т. п.¹⁵⁷

¹⁵⁴ О характере образования этих глаголов в диалектной речи, о модифицирующих глаголах и их значении см.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 1, стр. 110—116; вып. 2, стр. 162—167; вып. 3, стр. 94—97; вып. 4, стр. 43 и 165; А. А. Керимова. Говор таджиков Бухары. М., 1959, стр. 48—51; К. Т. Тагирова. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР, стр. 55—57; Х. Хамроқулов. Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун. Душанбе, 1963, стр. 98—105.

¹⁵⁵ А. З. Розенфельд в своих работах, посвященных дарвазским и ванчским говорам, их не упоминает.

¹⁵⁶ О парных глаголах первого типа см.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 1, стр. 110—116, примеры во фразах — на стр. 189—198; А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района, стр. 65—66; Х. Хамроқулов. Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун, стр. 103—104; А. А. Керимова. Говоры таджиков Бухары, стр. 51—52.

¹⁵⁷ О парных глаголах второго типа см.: А. А. Керимова. Говор таджиков Бухары, стр. 31—52; А. Л. Хромов. Говор таджиков Матчинского района, стр. 65—66; Х. Хамроқулов. Шеваҳои тоҷикони райони Бойсун, стр. 103—104.

Парные глаголы первого типа (без союза *и*) наибольшее распространение имеют в говорах: верховьев р. Чирчик, Зебона, Фильмандара, Костароша, Матчи, Варзоба, Гиссара (долинный и горный говоры), Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Куляба — в даштакском говоре. Здесь в их построении может быть использовано от шести до десяти-двенадцати глаголов-модификаторов. Употребительны они и в некоторых других говорах, но с очень ограниченным количеством глаголов-модификаторов: в самаркандско-таджикском только с глаголами-модификаторами *gaštan* 'вращаться', 'ходить', *mondan* 'оставаться', *raftan* 'идти', 'ехать', в бухарском — с *mondan* 'оставаться', *šištan* 'сидеть', в ленинабадском, канибадамском, исфаринском, ура-тюбинском, шахристанском, риштанском, сохском — с *mondan* 'оставаться', 'оставлять'.

Парные глаголы второго типа (с союзом *и*) зафиксированы в матчинских, байсунском, дербентском, бухарском говорах (с теми же модификаторами).

ЭВОЛЮЦИЯ ВСЕЙ СИСТЕМЫ ГЛАГОЛА В ЦЕЛОМ

Общие замечания

Итак, таджикские говоры, унаследовав от языка классического периода почти все личные и неличные формы глагола, дополнились кроме того различными новообразованиями. Количество новообразований, как это можно видеть по приведенному обзору, в разных говорах неодинаково. На юге и юго-востоке оно минимально, а по мере продвижения к северу возрастает все больше и больше, достигнув высшего предела в крайних северных таджикоязычных селениях (Ферганская долина, верховья р. Чирчик). Возникновение новых глагольных форм связано с общей эволюцией всей системы глагола в целом, к рассмотрению которой мы теперь и перейдем.

В настоящее время можно выделить четыре основных типа таджикской диалектной системы глагола: юго-восточный, южный, центральный и северный. Юго-восточный тип представлен в говорах Дарваза (включая Хумдару), Ванча и Вахио-Боло, южный — в говорах Горона, Куляба (включая рогские), Чилдары и Каратегина; центральный — в говорах Матчи; северный — в говорах верховьев р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Варзоба, Карагата, Гиссара, Байсуна и Дербента. Фальгарский глагол по большинству признаков также, по-видимому, примыкает к северному типу, хотя в нем и сохранились некоторые черты центральных говоров.

При выделении упомянутых четырех типов диалектной системы таджикского глагола мы исходили из характера, количества и соотношения основных составляющих ее элементов, т. е. глагольных форм. Расхождения в личных окончаниях, в стяжении и пр. в данном случае нами в расчет не принимались.

Юго-восточный (дарвазский) тип таджикской диалектной системы глагола

Юго-восточная система глагола (Дарваз, Ванч, Вахио-Боло) наиболее близка к своему классическому прототипу. В ней сохранилось противопоставление трех рядов форм, образуемых непосредственно от основ (ср. спряжение глагола в классическом языке, стр. 73): а) от основы настоящего времени образуются: беспрефиксальное настоящее-будущее время или беспрефиксальный аорист (*ravat*, *ravi*, *rava(d)* и т. д.),

настояще-будущее с префиксом *bъ-, bi-*, или аорист с префиксом *bъ-, bi-* (*bъravam, bъravi, bъrava(d)* и т. д.), настоящее-будущее время с префиксом *me-* (*meravam, meravi* или *meri, merava(d)* и т. д.¹⁵⁸); б) от основы прошедшего времени образуются: беспрефиксальное простое прошедшее время (*raftm, rafti, raft* и т. д.), прошедшее время с префиксом *bъ-, bi-* (*bъraftm, bъrafti, bъraft* и т. д.), длительное прошедшее время с префиксом *me-* (*meraftm, merafti, meraft* и т. д.). В повелительном наклонении имеются две формы: беспрефиксальная и с префиксом *bъ-, bi-* (*rav || bъra(v)*; ср. спряжение глагола в классическом языке¹⁵⁹). Частица *me* в настояще-будущем времени может употребляться не только препозитивно, но и постпозитивно (ср. частицу *hamē* классического языка¹⁶⁰): *meravam || rame; meray, meri || rami; merava(d) || ravame* и т. д.¹⁶¹ К форме настоящего-будущего времени с постпозитивным *me* может присоединяться префикс *bъ-, bi-* (*bъravame* 'они идут'¹⁶²; ср. спряжение глагола в классическом языке). Префикс *bъ-, bi-* может присоединяться, кроме того, к глаголу в перфекте (*bъraftas*) и в преждепрошедшем перфекте (*bъrafta bidast, biyovara bidast*). Сохранились обе известные нам из классического языка формы перфекта: перфект I с краткой формой глагольной связки (*raftaam, raftay, raftast* и т. д.) и перфект II с полной формой глагольной связки (*raftastm, raftasti, raftast* и т. д.). Особый интерес представляет сохранение архаической формы причастия прошедшего времени, равной основе прошедшего времени: *raft* 'ушедший', *kard* 'сделанный'. Она употребляется здесь в предикативной функции после формы настоящего-будущего времени или повелительного наклонения какого-либо другого глагола и, по-видимому, служит для подчеркивания несомненной реальности будущего действия: *oli meravan, bor mekinan, pagoyi omad* 'Сейчас они поедут, погрузят, а утром приедут'; *raisi jamoat meravad, taqsim mekunad, dod-šu* 'Председатель сельсовета пойдет, разделит, даст им'; *xūnāša mebara bad furūxt* 'Отнесет домой, потом продаст'¹⁶³. Из старых глагольных форм здесь отсутствуют только желательное наклонение (типа *ravām, ravād*), будущее категорическое с вспомогательным глаголом *xostan* 'хотеть' (типа *xoham raft, xohi raft* и т. д.) и формы, образуемые с постпозитивным *-e*, т. е. так называемые *ya-yi hikāyat* (типа *ravam-e, raftam-e* и пр.; см. стр. 73).

Количество новообразований в юго-восточной системе глагола очень невелико. К их числу относятся: 1) настоящее определенное время с вспомогательным глаголом *istodan* 'стоять', 'пребывать', форма, по-видимому, заимствованная из литературного языка или из других говоров и употребляемая значительно реже, чем на севере; 2) причастие прошедшего времени с суффиксом *-gi*, также, по-видимому, занесенное с севера и сравнительно мало употребительное; 3) зафиксированная

¹⁵⁸ Образец спряжения приводится по говору кишлака Сафедорон; см.: А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 228—231 (разговорные тексты).

¹⁵⁹ Префикс *bъ-, bi-* может присоединяться здесь к любому глаголу, а не только к *raftan* (ср. северные говоры).

¹⁶⁰ См. стр. 73 данной работы.

¹⁶¹ Образец спряжения глагола с постпозитивным *me* дается по говору кишлака Сафедорон; см.: А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 213—214 (таблица). В других дарвазских говорах могут быть отклонения от этого образца (см. там же).

¹⁶² См. там же, стр. 216, а также 228—257 (тексты).

¹⁶³ Примеры взяты из статьи: А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 230, 231, 234 (тексты). — А. З. Розенфельд называет эту форму 3-м лицом простого прошедшего времени или усеченным инфинитивом (последняя у нее стоит под вопросом; см. там же, стр. 215). Мы, однако, считаем, что прав М. Н. Боголюбов, который видит в ней архаическое причастие прошедшего времени; см.: М. Н. Боголюбов. Предложения с архаичным причастием в говорах таджикского языка. «Ученые записки ЛГУ». Серия востоковедческих наук. Филология стран Востока, 1963, № 16, стр. 3—6.

Р. Л. Неменовой в хумдарачинском говоре форма длительного преждепрошедшего времени (типа *merafta bud*).

Аорист, беспрефиксальный и с префиксом *bъ-, bi-*, хотя ситуационно (в сочетании с модальными словами, в придаточных предложениях и пр.) и часто используется для выражения различного рода модальных оттенков, обычно чуждых формам изъявительного наклонения (желательность, возможность, допущение, сомнение и пр.), но, вместе с тем, в других позициях он может обозначать и действие подлинно реальное. Примеры: *polezun-odāme ku xarbuzaro xundi kъna* 'Полезун (караульщик бахчи) — тот человек, который сторожит дыни'; *guspani ino bitur?* — *jan kina, yak, barra kasal bi* 'У них сдох баран? — Обманывает. Был болен ягненок'; *ba xudo šūm-at binim har či xušruy asti* 'Ей богу, не люблю тебя, какой бы ты ни была красивой'; *hizo na-kaši, bača?* 'Тебе, парень, не стыдно?' *mъn ni guš bъdorъm* 'Я тоже слушаю'¹⁶⁴; *e, dar in aftoъ bimurem!* 'Ах, мы помрем в этой жаре!' Отсюда следует, что аорист еще не вышел из состава изъявительного наклонения, как это произошло в других говорах (см. ниже). Формы, производные от аориста, типа *rafta bošad* и *merafta bošad*, которые в других говорах вместе с аористом составили новое, сослагательное наклонение, в опубликованных в настоящее время дарвазских текстах не зафиксированы.

Таким образом, мы фактически можем говорить в настоящее время о наличии лишь двух наклонений в глагольной системе юго-восточного типа — изъявительного и повелительного. Изъявительное наклонение включает в себя следующие видо-временные формы: беспрефиксальное настоящее-будущее время (аорист), настоящее-будущее время с префиксом *bъ- || bi-* (аорист с префиксом *bъ- || bi-*), настоящее-будущее время с *me* (препозитивным или постпозитивным), настоящее определенное время с вспомогательным глаголом *istodan* 'стоять', беспрефиксальное простое прошедшее время, прошедшее время с префиксом *bъ- || bi-*, длительное прошедшее время с префиксом *me-*, преждепрошедшее время беспрефиксальное, преждепрошедшее время с префиксом *bъ- || bi-*, перфект I (с краткой формой глагольной связки), перфект II (с полной формой глагольной связки), преждепрошедший перфект I, преждепрошедший перфект с префиксом *bъ- || bi-*. В хумдарачинском говоре (долина р. Хумбоу) отмечена также форма длительного преждепрошедшего времени с префиксом *me-*. Повелительное наклонение представлено в двух формах: беспрефиксальное и с префиксом *bъ- || bi-*.

Из числа неспрягаемых (именных) форм глагола здесь имеются: инфинитив, архаичная форма причастия на *-t, -d* (*raft, dod*), деепричастие на *-a* (*rafta, doda*), причастие прошедшего времени на *-gi* (*raftagi*).

Южный тип таджикской диалектной системы глагола

В глагольной системе южного типа, в отличие от юго-восточного типа, уже не сохранились такие наиболее архаичные черты, как использование постпозитивного *me* и старого причастия на *-t* и *-d* (равного основе прошедшего времени; см. стр. 103). Не можем мы также говорить здесь и о трех рядах форм, образуемых непосредственно от основ (беспрефиксальная, с префиксом *bъ-, bi-* и с префиксом *me-*; ср. юго-восточный тип глагольной системы, стр. 102—103). Префикс *bъ- || bi-* в южных говорах присоединяется к глаголу только в аористе и повелительном наклонении. В северно-кулябских говорах он встречается также и в прошедшем времени, но лишь при двух глаголах — *raftan* 'идти' и *xurdan* 'есть', 'кушать'. Специфическое видовое значение префикса *bъ-* (закон-

¹⁶⁴ Примеры взяты из работы: А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 24, 243, 247, 254, 257.

ченность, однократность) в большинстве случаев, по-видимому, уже не ощущается, и его употребление зачастую обусловлено причинами чисто внешнего порядка: стяжением основы, характером начального звука в основе, типом глагола и пр. Так, например, в кулябских и рогских говорах префикс *bъ-* почти всегда присутствует в аористе и повелительном наклонении тех глаголов, у которых основа настоящего времени подвергается сильному стяжению (*raftan* 'идти', *guftan* 'говорить', *dodan* 'давать'): *bъgen* < *bigûen* 'говорите', *bъren* < *biraven* 'идите', *bъta* 'пусть даст'; совершенно обязательно наличие *bъ-* в этих формах у глаголов, имеющих в начале основы настоящего времени гласный звук (*omadan* 'приходить', *ovardan* 'приносить', *istodan* 'стоять'). В сложных глаголах (*voz kardan* 'открывать', *xov kardan* 'спать' и пр.), а также при наличии у глагола частицы отрицания *na-*, префикс *bъ-* не употребляется. Из всего сказанного следует, что префикс *bъ-* не образует в южных говорах новых форм, его использование факультативно¹⁶⁵. Формообразующие функции здесь сохранила лишь приставка *me-*.

Количество новообразований в южной системе глагола значительно более велико, чем в юго-восточной. К их числу относятся: настоящее определенное время с *istodan*, прошедшее определенное время с *istodan*, форма типа *merafta bošad*, перфект с *me-*, преждепрошедший перфект II, причастие прошедшего времени на *-gi* (*raftagi*), причастие настоящего-будущего времени на *-gi* (*meraftagi*). В кулябских говорах имеется также длительный преждепрошедший перфект (*merafta bъdast*).

Процесс переосмысления аориста и отхода его от системы форм изъявительного наклонения, начавшийся еще в классическом языке, достаточно явно выраженный в юго-восточных говорах, здесь близок к своему завершению. Хотя в отдельных более или менее редких случаях аорист еще и используется при обозначении вполне реального действия в настоящем и будущем времени, основным его назначением стало выражение всякого рода отклонений от подлинной реальности действия (возможность, допущение, желательность, призыв к действию, сомнение и пр.). То же самое произошло и с формой типа *rafta bošad*. Создалось новое наклонение — сослагательное в составе трех видо-временных форм: настоящего-будущего (аорист), прошедшего (форма типа *rafta bošad*) и длительной формы (форма типа *merafta bošad*).

Некоторые изменения произошли в перфекте, который помимо чисто результиративного значения все чаще стал использоваться для выражения особого оттенка неочевидности, «заглазности» действия (передача с чужих слов, логический вывод).

Южный тип таджикской диалектной системы глагола включает три разновидности — бадахшанскую, рогскую и кулябско-каратегинскую, различающиеся по количеству имеющихся в них глагольных форм.

Бадахшанская разновидность представлена в говорах Горона и Нюта. В литературе она отражена наименее полно. Все же и те, в целом недостаточные, материалы, которые имеются в нашем распоряжении, дают основание думать, что внутри южной системы глагола она является наиболее архаичной, поскольку в ней развилось меньше новообразований. В частности, здесь совершенно отсутствуют формы с *istodan*, а формы настоящего и прошедшего определенных времен можно слышать лишь в устах местной интеллигенции в качестве заимствованных из литературного языка.

Изъявительное наклонение в бадахшанской разновидности южной глагольной системы включает в себя следующие видо-временные формы:

¹⁶⁵ См.: Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка, стр. 23—44; Ю. И. Богорад. Рогские говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VI, 1956, стр. 152—153.

1) настоящее-будущее время; 2) простое прошедшее время; 3) длительное (или многократное) прошедшее время; 4) преждепрошедшее время; 5) перфект I; 6) перфект II. Преждепрошедший перфект I и II, а также перфект с *istodan* в имеющихся материалах не зафиксирован.

В составе сослагательного наклонения зафиксированы следующие видо-временные формы: 1) настоящее-будущее время, или аорист (факультативно с префиксом *bъ-*); 2) прошедшее время (*rafta bošad*).

Повелительное наклонение употребляется обычно с префиксом *bъ-*.

Из числа неспрягаемых форм здесь имеются: инфинитив, деепричастие прошедшего времени на *-a* (*rafta*), причастие прошедшего времени на *-gi* (*raftagi*) и причастие настоящего-будущего времени на *-gi* (*meraftagi*).

Кулябско-каратегинская разновидность представлена в говорах северной части Куляба (Ховалинг, Муминабад, Сари-Хосор), Каратегина, Чилдары. В ней значительно больше новообразований.

Изъявительное наклонение включает: 1) настоящее-будущее время; 2) простое прошедшее время; 3) длительное или многократное прошедшее время; 4) преждепрошедшее время; 5) настоящее определенное время с *istodan*; 6) прошедшее определенное время с *istodan*; 7) формы перфекта: а) перфект I (с краткой формой глагольной связки), б) перфект II (с полной формой глагольной связки), в) длительный перфект (с префиксом *me-*), г) преждепрошедший перфект I (с краткой формой глагольной связки), д) длительный преждепрошедший перфект, е) преждепрошедший перфект II (с полной формой глагольной связки).

Сослагательное наклонение: 1) настоящее-будущее время, или аорист (факультативно с префиксом *bъ-*); 2) прошедшее время (типа *rafta bošad*); 3) длительная форма (типа *merafta bošad*).

Повелительное наклонение употребляется с факультативным префиксом *bъ-*.

Неспрягаемые формы глагола здесь те же, что и в бадахшанской разновидности: инфинитив, деепричастие, причастие прошедшего времени на *gi-* и причастие настоящего-будущего времени на *gi-* (*meraftagi*).

Рогская разновидность представлена в южно-кулябских и рогских говорах. Ее отличительная особенность сравнительно с кулябско-каратегинской разновидностью — отсутствие перфекта II, преждепрошедшего перфекта II и длительного преждепрошедшего перфекта. В остальном эти две разновидности по составу личных и неличных форм глагола совпадают.

Центральный (матчинский) тип таджикской диалектной системы глагола

Глагольная система центрального типа (матчинские говоры) еще более далеко отошла от классической. В ней совершенно отсутствует перфект II (с полной формой глагольной связки) и формы с префиксом *bi-*. Из черт архаических ей свойственна только одна — употребление причастия на *-t*, *-d*, равного основе прошедшего времени (*raft*, *kard*), для обозначения категорического будущего времени в предложениях, имеющих несколько глагольных сказуемых при одном подлежащем (как в юго-восточных говорах): *ina odam mekovád-ū yoft* 'человек это поищет и найдет', *xūdam menavisam ovarđ* 'я сам напишу (и) принесу'¹⁶⁶.

Наклонений здесь три — изъявительное, сослагательное и повелительное, как в южных говорах. Изъявительное наклонение включает в себя девять видо-временных форм: 1) настоящее-будущее время;

¹⁶⁶ Примеры взяты из работы: А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района, стр. 63. — А. Л. Хромов так же, как А. З. Розенфельд, называет эту форму усеченным инфинитивом.

2) простое прошедшее время; 3) длительное, или многократное прошедшее время; 4) преждепрошедшее время; 5) настоящее определенное время с *istodan*; 6) прошедшее определенное время с *istodan*; 7) формы перфекта: а) основная форма перфекта, б) длительная форма перфекта (с префиксом *me-*), в) преждепрошедший перфект.

В состав сослагательного наклонения входят три видо-временные формы: 1) настояще-будущее время, или аорист (без префикса *bi-*); 2) прошедшее время (*rafta bošad*); 3) длительная форма (*merafta bošad*).

Повелительное наклонение употребляется без префикса *bi-*. Из числа неспрягаемых форм глагола здесь имеются: инфинитив, архаическое причастие, равное основе прошедшего времени (*raft, kard*), деепричастие прошедшего времени на *-a* (*rafta, kard*), причастие прошедшего времени на *-gi* (*raftagi*), причастие настояще-будущего времени на *-gi* (*meraftagi*), причастие будущего времени I (*raftani*), причастие будущего времени II (*meraftani*).

Северный тип таджикской диалектной системы глагола

Северная система глагола, в отличие от центральной, утратила не только старые формы с префиксом *bi-* и перфект II, но и архаическое причастие, равное основе прошедшего времени (*raft, kard*). Она насыщена новообразованиями, очень усложнена и, в целом, в наибольшей степени отделилась от своего прототипа.

Основные ее отличительные черты сводятся к следующему. Во-первых, на базе причастий на *-gi* в сочетании с глагольной связкой здесь развилось новое наклонение — предположительное, включающее в себя по говорам от двух до четырех видо-временных форм (*raftagist* 'вероятно, он ушел', *meraftagist* 'вероятно, он уйдет', *rafsodagist* || *rafta istodagist* 'вероятно, он сейчас идет' и т. д.)¹⁸⁷. Во-вторых, значительные изменения произошли в системе форм перфекта. Основной их функцией стало обозначение действия, известного говорящему не из личного опыта, а из побочных источников, т. е. с чужих слов или на основе логического вывода¹⁸⁸. Эта своеобразная модальность (неочевидность действия, аудитивность) отодвинула на второй план искони присущее перфекту значение результативности. Вместе с тем появилась потребность в создании таких новых форм, которые в рамках неочевидности, аудитивности могли бы выразить все те видовые и временные значения, которые вообще свойственны глаголу (в первую очередь формам изъявительного наклонения) в говорах данного типа. Это привело к усложнению системы перфекта, которая включает в себя по говорам от трех-четырех до семи видо-временных форм, корреспондирующих по временному и видовому значению с соответствующими формами изъявительного наклонения. Таким образом, перфектные формы по своей функции и по месту, занимаемому ими в общей системе глагола, выдвинулись здесь на уровень особого наклонения — неочевидного, или аудитивного. Вместо двух наклонений юго-восточной системы (изъявительного и повелительного) и трех наклонений южной и центральной систем (те же с добавлением сослагательного) здесь их стало пять: изъявительное, неочевидное, или аудитивное, сослагательное, предположительное и повелительное.

¹⁸⁷ Подробнее о предположительном наклонении и его диалектных формах см. стр. 95—97 данной работы.

¹⁸⁸ Подробнее о значении форм перфекта в говорах с глагольной системой северного типа см.: В. С. Расторгуева. Очерк. ..., вып. 1, стр. 85—90; вып. 2, стр. 124—134; вып. 3, стр. 64—73; о формах перфекта в современном литературном языке см.: В. С. Расторгуева. К вопросу о неочевидных или повествовательных формах таджикского глагола. «Очерки по грамматике таджикского языка», вып. 3. Сталинабад, 1953.

Во всех новых наклонениях — аудитивном, сослагательном, предположительном — наблюдается явно выраженная тенденция к выравниванию системы составляющих их видо-временных форм по образцу изъявительного наклонения. Так, например, в большинстве говоров северного типа формы с *istodan*, обозначающие настоящее и прошедшее определенное время, имеются во всех наклонениях, кроме повелительного. Формы преждепрошедшего времени в некоторых говорах по аналогии с изъявительным (и аудитивным) наклонением возникли также в предположительном наклонении и в редких случаях — в сослагательном.

Наряду с этим наблюдается тенденция к дальнейшему развитию и усложнению системы видо-временных форм самого изъявительного наклонения. В некоторых говорах в нем возникла форма длительного преждепрошедшего времени (с префиксом *me-*)¹⁶⁹. Под влиянием узбекского языка в ряде крайних северных говоров помимо настоящего и прошедшего определенных времен с *istodan* появились формы с *xoraf-tan*, имеющие то же значение¹⁷⁰. Общее количество видо-временных форм в изъявительном наклонении доходит здесь до восьми-деяти.

Увеличилось число причастий на *-gi*. Помимо причастия прошедшего времени (*raftagi*) и причастия настоящего-будущего времени (*meraf-tagi*) появилось причастие настоящего определенного времени (*rafsodagi* или *raftostagi* < *rafta istodagi*)¹⁷¹; а в некоторых говорах и причастие преждепрошедшего времени (*raftudagi* или *rafta budagi*)¹⁷². Все они имеют двойное значение — причастий и имен действия. Их функции в предложении чрезвычайно многообразны. В частности, они широко используются в качестве предиката, образуя вместе со связочными глаголами (глагольная связка, *budan* 'быть', *šudan* 'делаться, становиться') различного рода сложные предикативные сочетания, являющиеся дополнительным средством выражения разнообразных видовых, временных, а в некоторых случаях и модальных значений.

Глагольная система северного типа конкретно представлена по говорам в целом ряде разновидностей, отличающихся друг от друга по характеру и количеству составляющих их личных и неличных форм. Приводим их краткий обзор.

Основная разновидность, имеющая наиболее широкое распространение в говорах, характеризуется следующим составом форм.

Изъявительное наклонение — шесть видо-временных форм: 1) настоящее-будущее время (*meravad* или — при стяжении — *merad*, *merat* или *merût*); 2) простое прошедшее время (*raft*); 3) длительное, или многократное прошедшее время (*meraft*); 4) преждепрошедшее время (*rafta bud* или — при стяжении — *raftud*, *raftut*); 5) настоящее определенное время (*rafsodas*, *rafsos* или *raftos* < *rafta istodaast*); 6) прошедшее определенное время (*rafsoda bud* или *rafsodut* < *rafta istoda budaast*).

Аудитивное наклонение (на базе форм перфекта) — четыре видо-временные формы: 1) прошедшее время (*raftas* < *raftaast*); 2) длительная форма, способная в зависимости от контекста выражать действие настоящее, обычно совершающееся, будущее и длительное прошедшее (*meraftas* < *meraftaast*); 3) преждепрошедшее время (*rafta budas*, или *raftudas* < *rafta budaast*); 4) настоящее-прошедшее определенное время (*rafsoda budas*, или *rafsodudas* < *rafta istoda budaast*), по временному и видовому значению соответствующая двум формам изъявительного наклонения — настоящему определенному и прошедшему определенному.

¹⁶⁹ См. стр. 88 данной работы.

¹⁷⁰ См. стр. 92 данной работы.

¹⁷¹ См. стр. 98—99 данной работы.

¹⁷² См. стр. 99 данной работы.

Сослагательное наклонение — четыре видо-временные формы: 1) настоящее-будущее время, или аорист (*ravad* или *ravat*); 2) прошедшее время (*rafta bošad*, или — при стяжении — *raftošad*, *raftošat*); 3) длительная форма (*merafta bošad* или — при стяжении — *meraftošad*, *meraftošat*); 4) настояще-прошедшее определенное время (*rafsoda bošad*, *raftosa bošad*, или *rafsodošat* < *rafta istoda bošad*), по видо-временному значению равное настояще-прошедшему времени аудитивного наклонения.

Предположительное наклонение — три видо-временные формы: 1) прошедшее время (*raftagist*); 2) настояще-будущее время (*meraftagist*); 3) настоящее определенное время (*rafsodagist*, или *raftostagist* < *rafta istodagist*).

Повелительное наклонение — без приставки *bi-*.

Неличные формы, представленные во всех говорах данной разновидности: 1) инфинитив (*raftan*); 2) деепричастие прошедшего времени (*rafta*); 3) причастия с суффиксом *-gi* — прошедшего времени (*raftagi*), настояще-будущего времени (*meraftagi*) и настоящего определенного времени (*rafsodagi* < *rafta istodagi*).

Неличные формы, имеющиеся не во всех говорах данной разновидности: 1) причастие на *-gi* преждепрошедшего времени (*rafta budagi*) — бухарский говор; 2) причастие будущего времени I (*raftani*) — бухарский, ура-тюбинский, шахристанский, байсунский, дербентский говоры; 3) причастие будущего времени II (*meraftani*) — ура-тюбинский, шахристанский, байсунский, дербентский говоры.

Данная разновидность глагольной системы северного типа зафиксирована в говорах Бухары, Ура-Тюбе, Шахристана, Риштана, Соха, Байсуна и Дербента. Она же представлена и в современном литературном таджикском языке (без причастий типа *meraftani* и *rafta budagi*).

Две разновидности — каратагско-гиссарская и варзобская — отличаются от основной меньшим количеством форм. В варзобской разновидности отсутствует настоящее-прошедшее определенное время сослагательного наклонения с вспомогательным глаголом *istodan* (типа литературного *rafta istoda bošad*) и причастие преждепрошедшего времени на *-gi* (*rafta budagi*). В каратагско-гиссарской разновидности (каратагский говор и два гиссарских говора — долинный и горный) формы с *istodan* зафиксированы только в изъявительном наклонении (настоящее определенное время и прошедшее определенное время). Настояще-прошедшее определенное время неочевидного или аудитивного наклонения (типа литературного *rafta istoda budaast*), настояще-прошедшее определенное время предположительного наклонения (типа литературного *rafta istodagist*) в опубликованных материалах не отражены. Вероятно, в говорах данной разновидности их нет. Отсутствуют там также причастие будущего времени II (*meraftani*) и причастие преждепрошедшего времени на *-gi* (*rafta budagi*).

Все остальные говоры показывают нам пути дальнейшего развития основной разновидности. В них представлены свойственные ей глагольные формы (кроме двух причастий будущего времени — *raftani* и *meraftani* — и причастия преждепрошедшего времени на *-gi*, которые имеются не везде) и, кроме того, те или иные новые формы.

Так, например, самаркандско-еврейская разновидность (самаркандско-еврейский говор) отличается от основной наличием трех новых форм: 1) длительного настоящего определенного времени изъявительного наклонения с префиксом *me-* (*merafsode* < *merafta istodaast*), 2) длительного настоящего определенного времени предположительного наклонения (*merafsodage* < *merafta istodagist*) и 3) причастия на *-gi* длительного настоящего определенного времени (*merafsodagi* < *merafta istodagi*). Следовательно, изъявительное наклонение имеет в нем не шесть видо-временных форм (ср. основную разновидность), а семь; предположи-

тельное наклонение имеет не три видо-временные формы, а четыре (ср. основную разновидность); причастий на *-gi* здесь не три, а четыре (ср. причастия на *-gi*, общие для всех говоров основной разновидности). О составе сослагательного наклонения мы не имеем возможности судить, так как оно в опубликованных материалах отражено недостаточно полно¹⁷³. Оба причастия будущего времени (*raftani* и *meraftani*) и причастие преждепрошедшего времени на *-gi* (*rafta budagi*) там, по-видимому, отсутствуют.

Самаркандско-таджикская разновидность (говор самаркандских таджиков) отличается от основной наличием четырех новых форм: 1) длительного преждепрошедшего времени изъявительного наклонения с префиксом *me-* (*meraftud* < *merafta bud* или *rafta mebud*); 2) длительного преждепрошедшего времени неочевидного или аудитивного наклонения (*meraftudas* < *merafta budaast*); 3) длительного прошедшего определенного времени неочевидного или аудитивного наклонения (*merafsodudas* < *merafta istoda budaast*) и 4) настоящего определенного времени неочевидного или аудитивного наклонения (*merafsodas* < *merafta istodaast*).

Вся глагольная система в целом представлена здесь следующим составом форм.

Изъявительное наклонение — семь видо-временных форм (вместо шести форм основной разновидности): 1) настоящее-будущее время (*merūd, meravad*); 2) простое прошедшее время (*raft*); 3) длительное или многократное прошедшее время (*meraft*); 4) преждепрошедшее время (*raftud* < *rafta bud*); 5) длительное преждепрошедшее время (*meraftud* < *merafta bud*); 6) настоящее определенное время (*rafsodas* < *rafta istodaast*); 7) прошедшее определенное время (*rafsodud* < *rafta istoda bud*).

Аудитивное наклонение — семь видо-временных форм (вместо четырех форм основной разновидности): 1) прошедшее время (*raftas*); 2) длительная форма (*meraftas*); 3) преждепрошедшее время (*raftudas* < *rafta budaast*); 4) длительное преждепрошедшее время (*meraftudas* < *merafta budaast*); 5) настоящее определенное время (*merafsodas* < *merafta istodaast*); 6) прошедшее определенное время (*rafsodudas* < *rafta istoda budaast*); 7) длительное прошедшее определенное время (*merafsodudas* < *merafta istoda budaast*).

Сослагательное наклонение — четыре видо-временные формы (те же, что в основной разновидности): 1) настоящее-будущее время (*ravad*); 2) прошедшее время (*raftošad* < *rafta bošad*); 3) длительная форма (*meraftošat* < *merafta bošad*); 4) настоящее-прошедшее время (*rafsodošad* < *rafta istoda bošad*).

Предположительное наклонение — три видо-временные формы (те же, что в основной разновидности): 1) прошедшее время (*raftagis*); 2) настоящее-будущее время (*meraftagis*); 3) настоящее определенное время (*rafsodagis* < *rafta istodagist*).

Повелительное наклонение — без префикса *bi-*.

Неличные формы: 1) инфинитив (*raftan*); 2) деепричастие (*rafta*); 3) четыре причастия на *-gi*: а) прошедшего времени (*raftagi*); б) настоящего-будущего времени (*meraftagi*); в) настоящего определенного времени (*rafsodagi* < *rafta istodagi*); г) будущего определенного времени (*merafsodagi* < *merafta istodagi*); 4) причастие будущего времени I (*raftani*); 5) причастие будущего времени II (*meraftani*).

Верхнечирчикская разновидность (говоры верховьев р. Чирчик) отличаются от основной наличием: 1) настоящего определенного времени II изъявительного наклонения с вспомогательным глаголом *зо-*

¹⁷³ И. И. Зарубин упоминает только *аорист*, см. его «Очерк разговорного языка самаркандских евреев», стр. 113.

raftan 'лежать', 'спать' (*raftaxotas* < *rafta xorastaast*); 2) прошедшего определенного времени изъявительного наклонения с *xorastan* (*raftaxotui* < *rafta xorasta bud*); 3) причастия настоящего определенного времени II на *-gi* с *xorastan* (*rataxotagi* < *rafta xorastagi*), употребляемого наряду с соответствующими формами, образуемыми с вспомогательным глаголом *istodan*. Таким образом, изъявительное наклонение имеет здесь не шесть видо-временных форм, а восемь: шесть форм общих с основной разновидностью (см. стр. 108—109) и две формы новые — с вспомогательным глаголом *xorastan* (настоящее определенное время II и прошедшее определенное время II). Неочевидное или аудитивное наклонение имеет четыре видо-временные формы — те же, что в основной разновидности. Сослагательное наклонение, по-видимому, отражено в опубликованных материалах неполно: зафиксированы только две видо-временные формы — настоящее-будущее время (аорист) и прошедшее время (*raftošat* || *rafta voša* < *rafta bošad*).

Предположительное наклонение представлено теми же тремя видо-временными формами, что в основной разновидности.

Повелительное наклонение — без префикса *bi-*.

Из числа неличных форм имеются: 1) инфинитив (*raftan*); 2) деепричастие прошедшего времени (*rafta*); 3) деепричастие настоящего определенного времени I с вспомогательным глаголом *istodan* 'стоять' (*raftsoda* < *rafta istoda*); 4) деепричастие настоящего определенного времени II с вспомогательным глаголом *xorastan* 'лежать' (*rataxota* < *rafta xorasta*); 5) четыре причастия на *-gi*: а) прошедшего времени (*raftagi*), б) настоящего-будущего времени (*meraftagi*), в) настоящего определенного времени I (*raftsodagi* < *rafta istodagi*), г) настоящего определенного времени II (*rataxotagi* < *rafta xorastagi*); 6) причастие будущего времени (*raftani*).

Канибадамская разновидность (канибадамский говор) отличается от основной наличием: 1) длительного преждепрошедшего времени изъявительного наклонения с префиксом *me-* (*meraftut* < *merafta bud*); 2) настоящего определенного времени II изъявительного наклонения с вспомогательным глаголом *xorastan* (*rafta xorastas*); 3) длительного преждепрошедшего времени неочевидного или аудитивного наклонения (*meraftudas*, реже — *merafta vudas* < *merafta budaast*); 4) настоящего определенного времени II неочевидного или аудитивного наклонения с вспомогательным глаголом *xorastan* (*rafta xorastudas* < *rafta xorasta budaast*).

Таким образом, изъявительное наклонение в канибадамской разновидности имеет не шесть видо-временных форм, как в основной, а восемь: 1) настоящее-будущее время (*merat* < *meravad*); 2) простое прошедшее время (*raft*); 3) длительное, или многократное прошедшее время (*meraft*); 4) преждепрошедшее время (*raftut* < *rafta bud*); 5) длительное преждепрошедшее время (*meraftut* < *merafta bud*); 6) настоящее определенное время I с вспомогательным глаголом *istodan* (*raftsos* < *rafta istodaast*); 7) настоящее определенное время II с вспомогательным глаголом *xorastan* (*rafta xorastas*); 8) прошедшее определенное время с вспомогательным глаголом *istodan* (*raftsodut* < *rafta istoda bud*).

Аудитивное наклонение (на базе форм перфекта) имеет не четыре, как в основной разновидности, а шесть форм: 1) прошедшее время (*raftas*); 2) длительная форма (*meraftas*); 3) преждепрошедшее время (*raftudas* < *rafta budaast*); 4) длительное преждепрошедшее время (*meraftudas* < *merafta budaast*); 5) настоящее-прошедшее определенное время с вспомогательным глаголом *istodan* (*raftsodudas* < *rafta istoda budaast*); 6) настоящее-прошедшее определенное время II с вспомогательным глаголом *xorastan* (*rafta xorastudas* < *rafta xorasta budaast*).

Сослагательное наклонение включает в свой состав те же четыре видо-временные формы, что и основная разновидность: 1) настоящее-будущее время, или аорист (*ravad*); 2) прошедшее время (*raftošat*, реже — *rafta bošat*); 3) длительная форма (*meraftošat*, реже — *merafta bošat*); 4) настоящее-прошедшее определенное время (*rafsodošat* < *rafta istoda bošad*).

Предположительное наклонение имеет три видо-временные формы (как основная разновидность): 1) прошедшее время (*raftagist*); 2) настоящее-будущее время (*meraftagist*); 3) настоящее определенное время (*rafsodagist* < *rafta istodagist*).

Повелительное наклонение такое же, как в основной разновидности.

Неличные формы: 1) инфинитив; 2) деопричастие прошедшего времени; 3) три причастия на *-gi*: а) прошедшего времени (*raftagi*), б) настоящего-будущего времени (*meraftagi*), в) настоящего определенного времени (*rafsodagi* < *rafta istodagi*).

Ленинабадская разновидность близка к канибадамской, но все же не совпадает с нею полностью. В изъявительном наклонении она имеет шесть видо-временных форм (вместо восьми форм канибадамской разновидности и шести форм основной разновидности): 1) настоящее-будущее время (*merat* < *meravad*); 2) простое прошедшее время (*raft*); 3) длительное, или многократное прошедшее время (*meraft*); 4) преждепрошедшее время (*raftut* < *rafta bud*); 5) настоящее определенное время I с *istodan* (*rafsos* < *rafta istodaast*); 6) настоящее определенное время II с *xo-raftan* (*rafta xorastas*); 7) прошедшее определенное время с *istodan* (*rafsodut* < *rafta istoda bud*).

Аудитивное наклонение (на базе форм перфекта) включает семь видо-временных форм (вместо шести форм канибадамской разновидности и четырех форм основной разновидности): 1) прошедшее время (*raftas*); 2) длительную форму (*meraftas*); 3) преждепрошедшее время (*raftudas* < *rafta budaast*); 4) длительное преждепрошедшее время (*meraftudas* < *merafta budaast*); 5) прошедшее определенное время I с *istodan* (*rafsodudas* < *rafta istoda budaast*); 6) настоящее определенное время с *istodan* и префиксом *me-* (*merafsodudas* < *merafta istoda budaast*); 7) прошедшее определенное время II с вспомогательным глаголом *xo-raftan* (*rafta xorraftudas* < *rafta xorrafta budaast*).

В неочевидном или аудитивном наклонении, как мы видели, в отличие от канибадамской разновидности, создана специальная форма, обозначающая настоящее определенное время (*merafsodudas* < *merafta istoda budaast*), а за формой типа *rafsodudas* < *rafta istoda budaast* (в канибадамской разновидности — настоящее-прошедшее определенное время) закреплено значение только прошедшего определенного времени.

Сослагательное и предположительное наклонения по характеру и количеству видо-временных форм не отличаются от основной и канибадамской разновидностей (сослагательное наклонение включает четыре видо-временные формы, предположительное — три).

Состав наличных форм глагола такой же, как в канибадамской разновидности.

Чустская и кассансайская разновидности отличаются наиболее развитой системой изъявительного наклонения, которое включает в Чусте девять видо-временных форм, в Кассансае — десять (вместо шести форм основной разновидности, см. стр. 108—109): 1) настоящее-будущее время (*merût* < *meravad*); 2) простое прошедшее время (*raft*); 3) длительное или многократное прошедшее время (*meraft*); 4) преждепрошедшее время (*raftut* || *rafta but* || *rafta vut*); 5) длительное преждепрошедшее время (*meraftut* || *merafta vut* || *merafta but*); 6) настоящее определенное время с *istodan* (в Кассансае — *raftos*, в Чусте — *rafsos* < *rafta istodaast*);

7) настоящее определенное время II с *xoraftan* (в Кассансае — *raftoxotas* || *raftoxotas*, в Чусте — *raftaxotas* < *rafta xoraftaast*); 8) прошедшее определенное время с *istodan* (*rafsadut*, в Кассансае параллельно — *rafsada bud* < *rafta istoda bud*); 9) прошедшее определенное время II с *xoraftan* (в Кассансае — *raftoxia bud* || *vud*, в Чусте — *rafta-xotud* < *rafta xorafta bud*); 10) длительное настоящее определенное время с *xoraftan* и префиксом *me-* (*meraftoxotas* || *meraftoxotas* < *merafta xoraftaast*). Последняя форма отмечена только в Кассансае.

В аудитивном наклонении (на базе форм перфекта) в Чусте зафиксировано четыре видо-временные формы: 1) прошедшее время (*raftas*); 2) длительная форма (*meraftas*); 3) преждепрошедшее время (*raftudas* || *rafta budas*); 4) настояще-прошедшее определенное время (*rafsada budas* || *vudas* < *rafta istoda budaast*); в Кассансае — пять видо-временных форм, т. е. те же, что в Чусте, плюс длительное преждепрошедшее время (*meraftudas* < *merafta budaast*).

В сослагательном наклонении в обоих разновидностях, чустской и кассансайской, зафиксировано только три видо-временные формы: 1) настояще-будущее время, или аорист (*ravat*); 2) прошедшее время (*raftošat* < *rafta bošad*); 3) длительная форма (в Кассансае — *meraftošat*, в Чусте — *miraftošat* < *merafta bošad*).

В предположительном наклонении в Кассансае зафиксировано три видо-временные формы: 1) прошедшее время (*raftagis*); 2) настояще-будущее время (*meraftagis*); 3) настоящее определенное время (*rafsodagis*); в Чусте — четыре видо-временные формы, те же, что в Кассансае, плюс преждепрошедшее время (*rafta vudagis* < *rafta budagist*).

Повелительное наклонение такое же, как во всех других разновидностях глагольной системы северного типа.

Причастий на *-gi* в Чусте четыре (вместо трех основной разновидности; см. стр. 108—109): 1) прошедшего времени (*raftagi*); 2) настояще-будущего времени (*meraftagi*); 3) настоящего определенного времени I с *istodan* (*rafsadagi* < *rafta istodagi*); 4) преждепрошедшего времени (*raftudagi* < *rafta budagi*); в Кассансае их пять: те же, что в Чусте, плюс причастие настоящего определенного времени II с *xoraftan* (*raftoxotagi* < *rafta xoraftagi*). В Чусте имеется причастие будущего времени (*raftani*). Кроме того, в обоих говорах из числа неличных форм зафиксированы: 1) инфинитив (*raftan*); 2) усеченный инфинитив, равный деепричастию (*rafta*); 3) деепричастие прошедшего времени (*rafta*).

Во всех разновидностях глагольной системы северного типа широко представлены сложно-деепричастные глаголы.

К северному типу по всем основным признакам можно отнести также глагольную систему фальгарских и пенджикентского говоров. Изъявительное наклонение в них представлено теми же шестью видо-временными формами, что в основной разновидности северного типа (см. стр. 108—109); неочевидное, или аудитивное наклонение (на базе форм перфекта) в пенджикентском говоре четырьмя формами (теми же, что в основной разновидности, см. стр. 108—109), в фальгарских (кроме говора кишлака Шамтуч) — тремя формами (отсутствует настояще-прошедшее определенное время с *istodan*). В предположительном наклонении в пенджикентском говоре зафиксировано две видо-временные формы — прошедшее время (*raftagist*) и настояще-будущее время (*meraftagist*). В фальгарских говорах, по словам А. А. Керимовой, занимавшейся их исследованием, предположительное наклонение также имеется, но количество форм, его составляющих, не установлено¹⁷⁴. Повелительное наклонение употребляется без приставки *bi-*. Имеется три причастия с суффиксом *-gi* — прошедшего, настояще-будущего и настоящего опре-

¹⁷⁴ Материалы А. А. Керимовой по фальгарским говорам не опубликованы.

деленного времени (как в основной разновидности) и два причастия будущего времени (*raftani* и *meraftani*).

Только одним признаком сближаются они с центральной разновидностью — наличием архаического причастия, равного основе прошедшего времени (*raft*, *kard*; см. стр. 106).

Проведенное нами выделение разновидностей внутри глагольной системы северного типа в известной степени условно. Некоторые формы, наиболее редко употребительные, такие, например, как формы с *isto-* *dan* и *xoraftan* в аудитивном, сослагательном, предположительном наклонениях, причастие преждепрошедшего времени на *-gi*, преждепрошедшее время предположительного наклонения и пр., могли ускользнуть от внимания исследователей, на материалах которых мы базируемся. Поэтому впоследствии, когда будет продолжено обследование таджикских говоров на местах, в нашу классификацию, может быть, придется внести некоторые коррективы¹⁷⁵.

НАРЕЧИЯ

Наречия во всех таджикских говорах — очень слабо развитая часть речи. Из специальных способов словообразования наречий можно отметить лишь заимствованный из арабского языка суффикс *-an* (*taqriban* 'приблизительно'), который используется в таджикском языке повсюду. Имеется небольшое количество первообразных (корневых) наречий (таких, как *ku* 'где', *mał* 'много', *ānča* 'довольно много' и пр.), для каждого из которых должна быть определена его отдельная изоглосса, поскольку эти наречия распространены не во всех говорах. Но это вопрос чисто лексического характера и мы здесь касаться его не будем.

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ, УНАСЛЕДОВАННЫЕ ОТ ИСХОДНОЙ СИСТЕМЫ

В таджикских говорах получили отражение следующие предлоги и послелоги древнеиранского периода: 1) предлог и послелог *antar*, обозначающий место, 2) предлог и послелог *patiy*, обозначающий место, направление, иногда — орудие, 3) предлог *hačā*, обозначающий исходный пункт действия, 4) послелог *rādiy*, обозначающий причину и цель действия. Кроме того, с соответствующими фонетическими изменениями в них представлены два предлога, дошедших из языка среднеиранского состояния (среднеперсидского языка) — *tāk* 'до', обозначающий предел, и *apē* 'без', прототипы которых в древнеиранских памятниках не зафиксированы. Среднеперсидские предлоги *apar* 'на', 'над' и *apāk* 'с', 'вместе с', перешедшие в литературный таджикский язык в виде *bar* (< *apar*) и *bo* (< *apāk*), в говорах представлены только в некоторых застывших сочетаниях, да и то не везде.

Рефлексы всех перечисленных древних предлогов и послелогов в различных говорах неодинаковы как с точки зрения их внешнего фонетического выражения, так и по их позиции в предложении.

¹⁷⁵ Мы не могли, в частности, определить, к какой разновидности относится глагольная система говоров Исфары, Ашта, Хиштхоны, Шайдана, поскольку не уверены, что в собранных нами материалах (см.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 2—3) полностью отражены все имеющиеся в них глагольные формы. В особой проверке нуждается вопрос о том, имеются ли формы прошедшего определенного времени II (с *xoraftan*) в ленинабадском и канибадамском говорах, формы преждепрошедшего времени предположительного наклонения в бухарском, самаркандском, ленинабадском, канибадамском, исфаринском говорах и пр.

Древний предлог и послелог *antar* в таджикских говорах представлен в следующих вариантах:

1) послелог *anda*; территория распространения — верховья р. Чирчик, Хиштхона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Матча; то же в варианте *ɛnda* (реже — *anda*) — Каратегин, Чилдара, частично Куляб (рогские говоры), Горон;

2) предлог *da(r)* — Бухара, Самарканд (самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский говоры), Пенджикент, Зебон, Фильмандар, Костарош, Фальгар, Матча, Варзоб (долинный и горный говоры), Байсун (байсунские и дербентские говоры), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Хумдара, Дарваз, Горон, Нют;

3) послелог *da* — Варзоб, Гиссар (долинный и горный говоры), Каратегин, Чилдара, Куляб (включая рогские говоры), Горон;

4) послелог *na* — Каратегин, частично Куляб (рогские говоры), Горон (см. карту на стр. 181).

В некоторых говорах, как можно видеть из этого перечня, имеются два-три и даже все четыре варианта. Так, предлог *da(r)* и послелог *da* сосуществуют в говорах Варзоба, Каратага, Гиссара; предлог *da(r)* и послелог *anda* (или *ɛnda*) — в говорах Матчи, Дарваза (включая хумдарачинский); предлог *da(r)*, послелог *ɛnda*, *da*, *na* — в говорах Каратегина, Горона, частично Куляба (рогские говоры).

Древний предлог и послелог *pati* представлен в вариантах: *ba*, *va*, *bay*, *bey*, *be*.

Вариант *ba* употребляется:

1) только в качестве предлога (*ba xona* 'в дом') в говорах: Варзоба, Каратегина, Гиссара, Чилдары, Куляба (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару), Горона, Нюта;

2) только в качестве послелога (*xoná-ba* 'в дом') в говорах: верховьев р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда (самаркандско-таджикский говор), Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Такфона, Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Ванча;

3) параллельно в качестве предлога и послелога (*ba xona* || *xona-ba* 'в дом') в говорах: Матчи, Фальгара, Горона и в самаркандско-еврейском.

Вариант *va* употребляется:

1) в качестве предлога в говорах: Каратегина, Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару);

2) в качестве послелога (только при словах с исходом на гласный, параллельно с *ba* — *xoná-ba* || *xoná-va* 'в дом') в говорах: верховьев р. Чирчик, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Самарканда (самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский говоры). В Ванче вариант *va* может находиться и в позиции после согласных (параллельно с *ba*).

Вариант *bay* употребляется только в качестве предлога (параллельно с предлогами *ba* и *bey*) в говорах: Каратегина, Чилдары, Куляба, Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару).

Вариант *bey* употребляется также только в качестве предлога (параллельно с предлогами *ba*, *bay*) в говорах: Каратегина, Чилдары, Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару).

Вариант *be* (*bey*) отмечен только в Чилдаре (всегда в функции предлога (см. карту на стр. 182)).

Древний предлог *hašā* в таджикских говорах получил отражение в виде предлога *a(z)* или *ay*. Предлог *a(z)* фактически употребителен во всех говорах, *ay* — только в говорах Дар-Дара, Варзоба, Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские), Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару), Горона, Нюта [всюду параллельно с *a(z)*].

При использовании предлога *a(z)* в говорах происходят следующие фонетические изменения.

1) В обычной беглой разговорной речи в позиции перед любым словом, в том числе и перед словом, начинающимся с согласного, в нем отпадает конечный согласный *z*: *a xona* 'из дома', *a dast* 'из руки', *a asr* 'с лошади'; при тщательном произношении оно может быть восстановлено (*az xona*, *az dast*, *az asr*). Это явление зафиксировано в говорах: верховьев р. Чирчик, Риштана, Соха, Бухары, частично Самарканда (самаркандско-еврейский говор), Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Фальгара, Матчи, Варзоба, Гиссара, Каратага, Байсуна (байсунский и дербентский говоры), Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские говоры), Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару), Горона, Нюта.

2) В позиции перед словами, начинающимися с согласного, конечный звук *z* в нем подвергается полной ассимиляции: *ax-xona* < *az xona* 'из дома', *ad-dast* < *az dast* 'из руки', *ak-kūša* < *az kūša* 'с улицы' и т. п. Это явление наблюдается в говорах: Хиштхоны, Шайдана, Апта, Чуста, Касанса, Ленибада, Канибадама, Исфары, Самарканда (самаркандско-таджикский говор). В позиции перед словом, начинающимся с гласного, он в одних из перечисленных говоров всегда сохраняется, в других может отпадать: *az asr* или *a asr* 'с лошади'.

3) Во всех позициях сохраняет конечный согласный *z* или в случае его оглушения — *s*: *az* (или *as*) *xona* 'из дома', *az dast* 'из руки', *az asr* 'с лошади'. Это явление зафиксировано в некоторых говорах верхнего Фальгара (кишлаки Шамтуч, Похуд).

Среднеперсидский предлог *tāk* всюду в таджикских говорах, как и в литературном языке, получил отражение в виде предлога *to* со значением предельного пункта действия: *to xona* 'до дома', *to šahr* 'до города'.

Среднеперсидский предлог *arāk* в большинстве говоров получил отражение в виде предлога *ba* (в литературном языке *bo*), т. е. совпадает по внешнему виду с предлогом *ba*, развившимся из древнего *pati*. Употребляется преимущественно со значением орудийности, причем встречается довольно редко. Его вытесняет предлог и послелог *kati* (или *gati*). В фонетическом варианте *bo* (как в литературном языке) этот предлог зафиксирован только в варзобском говоре, всегда в сочетании с изафетным предлогом *hamrohī* или с *kati* || *gati* (*bo hamrohī man* 'вместе со мной', *bo kati man* 'со мной', *bo dāstam-kati* 'моей рукой').

Среднеперсидский предлог *arē* 'без' во всех говорах представлен как *be* с тем же значением 'без'.

Древний послелог *rādiy*, обозначающий причину и цель — 'ради', 'из-за', в части таджикских говоров (на юге и — частично — в центральных районах Таджикистана) сохранился в виде послелога *ra*, реже — *ro*. Наряду с *ra* (или *ro*) в тех же говорах употребляется послелог *a* в том же значении. Выбор того или иного из этих двух послелогов — *ra* (*ro*) или *a* — всегда бывает обусловлен причинами чисто фонетическими — при словах с исходом на гласный употребляется *ra* (реже — *ro*), при словах с исходом на согласный употребляется *a*: *xonā-ra xaridam* 'я купил дом', *in kitōbam-a gir* 'возьми эту мою книгу'. Это обстоятельство дает основание предполагать, что послелог *a* есть не что иное, как послелог *ra*, в неблагоприятной позиции (после согласных) утерявший начальный звук *r*. Дальнейший ход развития показывают нам северные говоры, где употребляется уже один только послелог *a*, окончательно вытеснивший *ra*, к которому он восходит.

Конкретно в говорах послелоги *ra* (*ro*) и *a* распределены следующим образом.

1) Имеются оба послелога — *га* при словах с исходом на гласный, а при словах с исходом на согласный — в говорах: Фальгара, Матчи, Варзоба, Гиссара, Дербента, Каратегина, Чилдары, Куляба, Вахио-Боло, Дарваза (включая Хумдару), Горона, Нюта. В отдельных случаях, может быть, под влиянием литературного языка, *га* заменяется послелогом *го*.

2) Имеется только один послелог *а* в говорах: верховьев р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда (самаркандско-таджикский и самаркандско-еврейский говоры), Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Каратага (см. карту на стр. 183).

Интересно отметить, что в говорах первой группы, сохранивших этот послелог в более старом фонетическом варианте (*ra* || *a*, ср. кл. *rā*, ср.-п. *rā*, др.-п. *rādīy*), более архаические черты обнаруживаются и в его значении. Аналогично послелог *rā* классического языка он может выражать здесь (в обоих своих вариантах *ra* || *a*) не только прямой объект действия (*kadū-ra girift* 'он взял эту тыкву', *kitōba dod* 'он дал эту книгу'), но и косвенный (*šūyat-a gū* 'скажи мужу', *m̄-ra kitōbat biyog* 'принеси мою книгу'). В говорах второй группы, где имеется только один фонетический вариант этого послелога — *а*, в наибольшей степени отошедший от прототипа, способность выражать косвенный объект им уже утеряна.

На характеристике других функций послелогов *га*, *а* мы здесь останавливаться не будем.

Имеющийся в литературном языке предлог *barōyi*, также возводимый исследователями к древнему послелог *rādīy*, по-видимому, употребителен не во всех таджикских говорах. Точно очертить территорию его распространения пока не представляется возможности. Интересно отметить, что в дербентском говоре *barōi* встречается не только в препозиции (как предлог), но и в постпозиции (как послелог), а в байсунском говоре за ним закрепилось только постпозитивное использование.

ВТОРИЧНЫЕ (ОТЫМЕННЫЕ) ПРЕДЛОГИ И ПОСЛЕЛОГИ

Помимо рассмотренных нами первичных, или основных предлогов, ведущих свое начало из древности, в таджикских говорах, как и в литературном языке, имеется много предлогов новых, развившихся в значительно более позднее время. Это — имена, приспособленные для выполнения служебных функций, например: *pēši* 'перед', 'к' из *peš* 'перёд', 'передний', *pūšti* (или *pēšti*) 'позади', 'за' из *pušt* 'спина', *miyōni* 'между', 'среди' из *miyon* 'середина' и др. Такие предлоги в грамматиках таджикского языка принято называть вторичными или изафетными (поскольку они конструируются с изафетным показателем *-i*).

Количество таких предлогов в разных говорах неодинаково. Некоторые из них являются общетаджикскими и встречаются в диалектной речи повсюду [например, уже упомянутые нами — *pēši*, *pūšti* (на юге — *pēšti*), *miyōni* и пр.], другие узко локализованы, т. е. имеются лишь в определенной группе говоров или даже в отдельных говорах. К числу последних относятся, например, кулябские предлоги — *tōri*, указывающий местонахождение на поверхности или движение к поверхности, *tāni*, указывающий на непосредственное соприкосновение с предметом, матчивские — *pāsti*, указывающий на местонахождение у подножия чего-либо, *tūxši*, указывающий на точное подобие чему-либо и др.

В значительно более редких случаях (преимущественно в северных говорах) отдельные имена используются в функции послелогов, напри-

мер: *peš* 'перёд', 'передний' в сочетаниях типа *du rûz-peš* 'два дня тому назад', *se sol-peš* 'три года тому назад', *ras* 'задняя часть', 'зад' в сочетаниях типа *du rûz-ras* 'через два дня' и пр.

Не все исследователи, к сожалению, уделяли достаточное внимание вторичным предлогам и послелогам при сборе диалектного материала. Поэтому мы не можем привести здесь их полный перечень и указать распространение каждого из них по говорам.

ПОСЛЕЛОГИ, ЗАИМСТВОВАННЫЕ ИЗ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Говоры, находящиеся под сильным влиянием узбекского языка, заимствовали целый ряд узбекских послелогов: *dak*, *gača*, *kin* || *kein*, *ičün*, *mondok*, *süng*, *toşqari* и пр. В некоторых из этих говоров в качестве послелогов используются также узбекские падежные показатели: *-ga* (показатель дательного падежа), *-dan* (показатель исходного падежа), *-da* (показатель местного падежа).

Послелог *ga* со значением направления действия (из узбекского показателя дательного падежа) зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик: *dadoş ay, yitmiş-ga čiqqan* 'у нее есть отец, ему семьдесят лет' (букв. 'он вышел в семьдесят').

Послелог *gača*, обозначающий предел действия — 'до' (из узбекского показателя дательного падежа *-ga* в сочетании с узбекским же послелогом *ča*), зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик и в Чусте.

Послелог *da*, обозначающий место (из узбекского показателя местного падежа *-da*), зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик.

Послелог *dan*, обозначающий исходный пункт действия (из узбекского показателя исходного падежа *-dan*), зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик, в Чусте, Байсуне (собственно байсунский говор).

Послелог *dak*, выражающий подобие (*man-dak* 'подобно мне') зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик, в Кассансае, Чусте, Самарканде, Пенджикенте, Зебоне, Дар-Даре, Вешабе, Байсуне (собственно байсунский говор).

Послелог *day*, обозначающий подобие (по-видимому, фонетический вариант послелога *dak*; *mân-day* 'подобно мне') и производный от него *dayin* употребительны в байсунском говоре.

Послелог *kin* || *kein* (из узбекского *keyin*) 'после' зафиксирован в говорах Кассансае и Чуста.

Послелог *süng* 'после' зафиксирован в говоре Чуста.

Послелог *ičün* (или *ičün*), обозначающий причину и цель действия, зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик, в Кассансае, Чусте, Байсуне (собственно байсунский говор).

Послелог *-ča*, указывающий на предел действия, зафиксирован в байсунском говоре.

Послелог *mondok*, обозначающий подобие (по-видимому из таджикского *mon* от *monistan* 'быть подобным' и узбекского *dak*), зафиксирован в говорах верховьев р. Чирчик, в Кассансае, Чусте, Байсуне (собственно байсунский говор).

ВНУТРЕННИЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ РАЗВИТИЯ ТАДЖИКСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ МОРФОЛОГИИ

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УСИЛЕНИЕ АНАЛИТИЗМА

Таджикские говоры, как это можно видеть из приведенного обзора их грамматических форм (особенно глагола), развивались неравномерно. Одни из них по своему строю более близки к старому языку так называемого «классического» периода (IX—X вв. н. э.), другие уже очень сильно от него удалились. Разные говоры, таким образом, характеризуют разные этапы, а иногда и разные линии развития одной и той же исходной системы. Это дает нам возможность проследить некоторые действующие в них внутренние закономерности.

На протяжении более чем двухтысячелетней истории иранских языков основной закономерностью их развития, как мы уже говорили¹⁷⁶, был постепенный переход от синтеза к анализу. В результате на смену синтетического строя древних иранских языков с их развитой системой падежей в именных частях речи и с многочисленными флективными формами глагола пришел в новых иранских языках ярко выраженный аналитический строй с минимальным количеством флективных форм и с большим многообразием описательных образований. Особенно далеко зашел этот процесс в персидском и таджикском языках. Флективные формы склонения исчезли полностью уже ко времени создания первых памятников таджикско-персидской классической литературы (IX—X вв. н. э.). Все отношения имен в предложении стали выражаться синтаксическими средствами (порядком слов, изафетной конструкцией, предлогами и послелогами). Особые морфологические показатели сохранились в именах существительных только для категории множественного числа, а в прилагательных — для степеней сравнения. Коренным образом перестроилась и упростилась система флективных глагольных форм синтетического типа и вместе с тем появилось большое количество аналитических форм, образуемых с вспомогательными глаголами.

В современных таджикских говорах можно наблюдать некоторые черты, характеризующие дальнейшее усиление аналитизма в грамматическом строе. Так, например, буквально повсеместно в них исчезла форма превосходной степени прилагательных (с суффиксом *-tarin*). Высшая степень качества выражается в них описательно с помощью предлога *a(z)* или *ay* 'из', 'от' и слова *hama* 'все': *a(z) hama* (или *ay hama*) *paуз* 'лучше всех', *a(z) hama* (или *ay hama*) *kalon* 'больше всех'. Форма сравнительной степени прилагательных с суффиксом *-tar* последовательно употребляется лишь при адвербиальной их функции (*tezтар rav* 'иди быстрее'). При сравнении предметов, которое выражается с помощью предлога *a(z)* (или *ay*), прилагательное часто выступает без суффикса *-tar*: *in bača a(z) man* (или *ay man*) *du sol kalon* (реже — *kalontar*) *ast* (или *ay, hay*) 'этот парень на два года старше меня'. Почти полностью вышел из употребления в диалектной речи постпозитивный показатель единичности и неопределенности *-e* (*odáте* 'какой-то человек', *záне* 'какая-то женщина'). Его заменяет, как правило, числительное *yak* 'один', выступающее в функции неопределенного члена: *yak odam* 'один человек' или 'какой-то человек', *yak зан* 'одна женщина'.

Своеобразным проявлением крайней степени аналитизма, как нам представляется, можно считать также наблюдаемую во всех таджикских говорах тенденцию к замене предложных и послеложных конструкций именем, ничем не оформленным, при обозначении места и направления, когда синтаксическая функция имени видна из его позиции

¹⁷⁶ См. стр. 54 данной работы.

в предложении и из семантики глагола: *xona rav* вместо *xoná-ba* (*ba xona*, *da xona* или *xoná-da*) *rav* 'иди домой', *maktab mexonam* (вместо *da(r) maktab*, *maktáb-da* или *maktáb-anda mexonam*) 'я учусь в школе' и т. д.

Во многих таджикских говорах (особенно в северных) непрерывно продолжается процесс развития новых аналитических форм в глаголе (см. формы с вспомогательными глаголами *istodan* и *xoraftan* в системах изъявительного, аудитивного, сослагательного и предположительного наклонений, преждепрошедшее время предположительного наклонения, причастие на *-gi* с *istodan* и *xoraftan*, причастие на *-gi* преждепрошедшего времени и т. д., стр. 99).

УНИФИКАЦИЯ ДУБЛИРУЮЩИХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Одним из движущих факторов развития в отдельных частях таджикской диалектной морфологии является тенденция к унификации средств, предназначенных для выражения какого-либо единого грамматического значения. Такая тенденция проявляется в тех случаях, когда в результате различного рода внутренних процессов или под воздействием внешних причин у той или иной части речи в говоре возникают две (или более) дублирующие, равнозначные формы.

Наиболее наглядный пример этого мы можем видеть в эволюции диалектных форм множественного числа имен. К началу формирования таджикского языка им были унаследованы от среднеиранского периода, как мы уже говорили (см. стр. 54—55), две формы множественного числа — с суффиксом *-ho* и с суффиксом *-on*. В современном литературном таджикском языке круг использования одного из этих суффиксов (*-on*) значительно сужен: он присоединяется преимущественно к именам, обозначающим одушевленные предметы. Тем самым подготовлена почва к полному его вытеснению более универсальным, а потому более жизненным суффиксом *-ho*. Таджикская диалектная речь показывает нам, как сначала происходит еще большее сужение функций суффикса *-on*, который в ряде говоров (верхнечирчикских, чустском, дербентском) присоединяется уже только к именам, обозначающим человека и притом еще кончающимся на согласный (*mardon* 'мужчины', *zanon* 'женщины'), а потом и полное его исчезновение. Интересно отметить, что в дальнейшем происходит своеобразное «раздвоение» суффикса *-ho*, обусловленное систематическим отпадением в нем слабого по природе начального звука *h* в неблагоприятной для него позиции, т. е. в словах, кончающихся на согласный (*dasto* < *dastho* 'руки'), в то время как в благоприятном положении — после гласных — *h* может сохраняться (*bačaho* 'дети'). Таким образом вместо одной формы множественного числа их опять стало две — с суффиксом *-ho* и с суффиксом *-o*. Тогда вновь проявляется тенденция к их унификации. Суффикс *-o*, возникший первоначально в качестве фонетического варианта *-ho* в позиции после согласных, постепенно обособляется и начинает использоваться в любых фонетических положениях, в том числе и при словах с исходом на гласный (с вставными *y* или *w* — *kalxosčiyo* 'колхозники', *tiwo* 'волосы', или без них — *piyolao*, *piyoloo* или *piyolo* 'пиалы'). Так начинается постепенное вытеснение им суффикса *-ho*, имеющего более узкую сферу использования (только при словах с исходом на гласной, а в некоторых говорах — только при словах, имеющих на конце гласные *a*, *o*, *i* или *ä*). Разные говоры показывают нам разные этапы в ходе этого общего для них процесса¹⁷⁷.

¹⁷⁷ Более подробно о формах множественного числа имен в литературном языке и в таджикских говорах см. на стр. 54—59 данной работы.

Аналогичное явление мы наблюдаем в диалектном развитии старого послелога *rādiy* (ср.-п. *rād*, позднее *rāy*, кл. *rā*, лит. тадж. *ro*). В ряде говоров южной и центральной части Таджикистана он получил отражение в виде двух послелогов, совершенно идентичных по значению, — *ra*, употребляемого при словах с исходом на гласный, и *a*, употребляемого преимущественно при словах с исходом на согласный. В северных говорах в результате действия той же тенденции к унификации остался уже только один послелог — *a*¹⁷⁸.

Не менее отчетливо тенденция к унификации обнаруживается при стяжении сложных глагольных форм, включающих в себя вспомогательные глаголы *istodan*, *budan*, *xoraftan* или глагольную связку. Начальный этап стяжения обычно характеризуется многообразием его типов. Это можно видеть хотя бы на примере варзобского говора, где настоящее определенное время изъявительного наклонения представлено в беглой речи с разной степенью слияния и объединения составляющих его элементов: *rāfta istodām* (или *istodēm*) || *rāfta istodām* (или *rāfta-stodām*) || *rāfta-sodām* (или *rāfta-sodēm*) || *rafsodām* (или *rafsodēm*) 'я иду', *rāfta istodāy* || *rāfta-stodāy* || *rāfta-sodāy* || *rafsodāy* 'он идет' и т. д. В дальнейшем количество типов стяжения все больше сокращается и в конечном счете сводится к одному (обычно наиболее краткому), как это было в ряде северных говоров (шайданском, ленинабадском, канибадамском). В результате стянутые формы глагола выравниваются в стройную, единообразную парадигму: *rafsodam* 'я иду', *rafsodi* 'ты идешь', *rafsodas* 'он идет' и т. д. (из *rafta istodaam*, *rafta istodai*, *rafta istodaast*).

ВОСПОЛНЕНИЕ НЕДОСТАЮЩИХ ЗВЕНЬЕВ ВНУТРИ СИСТЕМЫ

В диалектной системе глагола в качестве ведущего, наиболее действительного, фактора развития выступает, как нам представляется, тенденция к восполнению недостающих звеньев в ряду противопоставляемых форм. Эта тенденция появилась в таджикских говорах в связи с возникновением в них новых наклонений — сослагательного (в южных, центральных и северных говорах), аудитивного и предположительного (в северных говорах).

Сослагательное и аудитивное наклонения «отпочковались», если можно так выразиться, от изъявительного наклонения в естественном ходе развития семантики некоторых входивших в него ранее форм. Предположительное наклонение создано, по-видимому, под влиянием узбекского языка.

В языке классического периода, не имевшем других наклонений, кроме изъявительного, повелительного и реликтового желательного, разнообразные модальные значения выражались преимущественно лексическими и синтаксическими средствами (модальными словами, построением предложения и пр.). Сам глагол при этом ставился в одной из видо-временных форм изъявительного наклонения. Особенно часто при модальных словах, а также в придаточных предложениях, имеющих ту или иную модальную окраску, использовались формы беспрификсального настоящего-будущего времени, или, по другой терминологии, аориста (*ravam*, *ravi*, *ravad* и т. д.), настоящего-будущего времени с префиксом *bi-* (т. е. аориста с префиксом *bi-* — *biravam*, *biravi*, *biravad* и т. д.), и производного от аориста будущего II, или будущего совершенного (*rafta bošam*, *rafta boši*, *rafta bošad* и т. д.), которые, по-видимому, в наибольшей степени подходили для этой цели с точки зрения своей временной и видовой характеристики. В дальнейшем эти формы

¹⁷⁸ См. стр. 116—117 данной работы.

целиком были приспособлены для выражения всякого рода субъективного отношения к действию (допущения, возможности, предположения, желательности, условности, цели, косвенного приказа и т. п.). Вместе с тем они постепенно утратили способность выражать подлинно реальное действие в плане собственно изъявительного наклонения и тем самым выпали из его состава. Так создалось сослагательное наклонение, которое имеется в современном литературном таджикском языке и в большинстве его говоров.

Неочевидное или аудитивное наклонение, как мы уже говорили (см. стр. 107—108), развилось на базе форм перфекта, которых в классическом языке было три: перфект I (с краткой формой глагольной связи), перфект II (с полной формой глагольной связи) и преждепрошедший перфект. В современный литературный язык, а также в центральные и северные говоры из них перешли только два — перфект I и преждепрошедший перфект; в южных и юго-восточных говорах сохранились все три формы.

Особенность перфектных форм заключается в том, что основное внимание в них фиксируется не на самом действии, а на его результате: о действии судят по его результату. Это послужило, по-видимому, предпосылкой для развития у этих форм особого модального оттенка неочевидности, «заглазости», который первоначально был для них вторичным, второстепенным, а потом в ряде таджикских говоров и в современном литературном языке постепенно выдвинулся на передний план.

Формирование новых наклонений, сослагательного и аудитивного, на базе форм, вышедших из состава изъявительного наклонения, привело к перестройке всей существовавшей ранее системы противопоставлений в области глагола. Если прежде аорист, будущее II, перфект и преждепрошедший перфект противопоставлялись другим формам изъявительного наклонения по своему временному и видовому значению, то теперь они стали противопоставляться им по выражаемой ими новой модальности. Основные линии этих противопоставлений таковы: 1) изъявительное наклонение — действие объективно существующее, несомненно реальное; сослагательное наклонение (на базе аориста и будущего II) — действие реально еще не существующее, а лишь субъективно, умозрительно представляемое говорящим (допускаемое, возможное, предполагаемое, желательное, намечаемое к осуществлению, подлежащее осуществлению и пр.); 2) изъявительное наклонение — действие, известное говорящему из личного опыта, виденное им или лично им совершенное, или, если даже не виденное и не осуществленное им непосредственно, то все же признаваемое им как безоговорочно реальное; аудитивное или неочевидное наклонение (на базе форм перфекта) — действие, известное говорящему из побочных источников (с чужих слов или на основе логического вывода).

На изъявительное наклонение в своем модальном противопоставлении ориентируется и созданное в северных говорах под влиянием узбекского языка предположительное наклонение: изъявительное наклонение — действие реально существующее; предположительное наклонение — действие предполагаемое.

Модальные значения, присущие всем трем новым наклонениям: сослагательному, неочевидному, или аудитивному, и предположительному — по своей природе таковы, что они могут быть представлены в различных временных аспектах. В связи с этим в сослагательном наклонении так называемый «аорист» (*ravam*, *ravad*, в южных говорах также *bʔravam*, *bʔravad*) и т. д.) был приспособлен для выражения настоящего и будущего времени (в пределах свойственной ему модальности), а старая форма будущего времени II (*rafta bošam*, *rafta bošad*

и т. д.) — для выражения прошедшего времени¹⁷⁹ (*agar rava(d)* 'если он пойдет', *agar rafta boša(d)* 'если он ушел').

В неочевидном или аудитивном наклонении старый перфект стал выражать безотносительное прошедшее время (с модальным оттенком неочевидности, «заглазости»), преждепрошедший перфект — действие, предшествующее какому-либо моменту времени в прошлом или другому прошедшему действию: *raftas* или *raftay* < *raftaast* 'оказывается, он ушел', *rafta budas*, *rafta buday* или *raftudas* < *rafta budaast* 'оказывается, он ушел прежде'. Предположительное наклонение первоначально, вероятно, было представлено одной формой, которая в силу своего состава (причастие прошедшего времени на *-gi* и слитно производимая с ним глагольная связка) всегда имела явно выраженное значение прошедшего времени: *raftagist* (< *raftagi ast*) 'вероятно, он ушел'.

Так установились первые, проходящие через разные наклонения ряды корреспондирующих друг с другом форм, сходных по временному и видовому значению и расходящихся по выражаемой ими модальности. Например, простому прошедшему времени изъявительного наклонения — в 3-м лице единственного числа *raft* 'он ушел' (от глагола *raftan* 'идти', 'ехать', 'отправляться') в аудитивном наклонении стало соответствовать лит. *raftaast*, диал. *raftas* или *raftay* 'оказывается, он ушел' (прошедшее время аудитивного наклонения), в сослагательном — *rafta boša(d)* или — при стяжении — *raftošad* 'если он ушел', 'хотя (или хотя бы) он ушел', 'возможно, он ушел' и т. п. (прошедшее время сослагательного наклонения), в предположительном наклонении — *raftagis(t)* 'вероятно, он ушел' (прошедшее время предположительного наклонения). Преждепрошедшему времени изъявительного наклонения — в 3-м лице единственного числа *rafta bud* или — при стяжении — *raftud*, *raftut* 'он ушел (прежде)' в аудитивном наклонении стало соответствовать лит. *rafta budaast*, диал. *rafta budas*, *rafta buday* или — при стяжении — *raftudas*, *raftoudas* 'оказывается, он ушел (прежде)'; в сослагательном и предположительном наклонении не было корреспондирующих форм. Настояще-будущему времени изъявительного наклонения в 3-м лице единственного числа лит. *meravad*, диал. *mera(d)*, *merūd(t)* и пр. 'он идет', 'он (обычно) ходит' или 'он пойдет' в сослагательном наклонении соответствует *rava(d)* [в южных говорах также *brava(d)*] 'если он пойдет (идет)', 'хотя он пойдет', 'возможно он пойдет' и т. п.; в аудитивном и предположительном наклонениях первоначально здесь не было корреспондирующих форм.

Ряды корреспондирующих форм, как мы видели, там, где они уже установились, оказались неполными, а некоторые видовременные формы (настоящее определенное время, прошедшее определенное время, прошедшее длительное время) вообще существовали только в изъявительном наклонении. А между тем, очевидно, ощущалась потребность в наличии морфологических средств, способных выразить модальные значения, свойственные новым наклонениям, во всех тех временных и видовых аспектах, которые представлены в изъявительном наклонении. Это и породило к жизни уже упоминавшуюся нами тенденцию к восполнению недостающих звеньев в ряду противопоставляемых форм, которая в большинстве таджикских говоров на длительное время стала основным движущим фактором развития в системе глагола.

¹⁷⁹ Форма будущего II включает в свой состав два элемента, расходящихся между собой с точки зрения присущего каждому из них временного значения: причастие прошедшего времени (*rafta*), обозначающее фактически прошедшее действие, и аорист (*bošad*), ориентированный в настоящее и будущее. Этим объясняется тот факт, что уже в классическом языке (и в современном персидском) эта форма могла выражать как будто несовместимые временные значения: прошедшее и будущее.

Первый пробел был восполнен созданием трех новых форм, образованных с помощью префикса *me-*: 1) длительной формы аудитивного наклонения (*meraftas*, *meraftay* < *meraftaast*), которая в зависимости от контекста может быть использована для выражения будущего, настоящего обычного и прошедшего длительного или многократного действия (с модальным оттенком неочевидности, «заглазости»), корреспондируя сразу с двумя видо-временными формами изъявительного наклонения — настоящим-будущим (*meravad* 'он идет' или 'он пойдет') и длительным, или многократным прошедшим (*meraft* 'он шел'); 2) длительной формы сослагательного наклонения (*merafta bošad*), способной в зависимости от контекста обозначать действие настоящее обычное, будущее и длительное прошедшее и соответственно корреспондирующее с теми же двумя формами изъявительного наклонения, т. е. с настоящим-будущим и длительным прошедшим; 3) формы настоящего-будущего времени предположительного наклонения (*meraftagist*), служащей для обозначения настоящего и будущего времени (с оттенком предположения) и корреспондирующей с настоящим-будущим временем изъявительного наклонения. Неочевидное и сослагательное наклонения, включающие каждое по три видо-временные формы (в аудитивном — прошедшее время *raftas* или *raftay*, длительная форма *meraftas* или *meraftay* и преждепрошедшее время *rafta budas* или *rafta buday*, в сослагательном — настоящее-будущее время *ravad*, прошедшее время *rafta bošad* и длительная форма *merafta bošad*), мы находим в глагольной системе центрального типа¹⁸⁰, а также в каратагско-гиссарской разновидности глагольной системы северного типа¹⁸¹. Предположительное наклонение с двумя видо-временными формами — прошедшим (*raftagist*) и настоящим-будущим (*meraftagist*) засвидетельствовано в каратагско-гиссарской разновидности глагольной системы северного типа.

Следующий шаг в пополнении корреспондирующих рядов в глагольной системе был сделан с возникновением трех новых форм с вспомогательным глаголом *istodan*: 1) настоящее-прошедшего определенного времени аудитивного наклонения (*rafsoda budas*, *rafsoda buday*, *rafsodudas*, *raftosa budas* и пр. < *rafta istoda budaast*), корреспондирующего по видовому и временному значению с двумя формами изъявительного наклонения — настоящим определенным временем (*rafsodas*, *rafsoday*, *rafsos*, *raftos* и т. п. < *rafta istodaast*) и прошедшим определенным временем (*rafsoda bud*, *rafsodut*, *raftosa bud* и пр. < *rafta istoda bud*); 2) настоящее-прошедшего определенного времени сослагательного наклонения (*rafsoda bošad*, *raftosa bošad* или *rafsodošat* < *rafta istoda bošad*), корреспондирующего с теми же двумя формами изъявительного наклонения (с настоящим определенным и прошедшим определенным временем); 3) настоящего определенного времени предположительного наклонения (*rafsodagist* < *rafta istodagist*), корреспондирующего с настоящим определенным временем изъявительного наклонения.

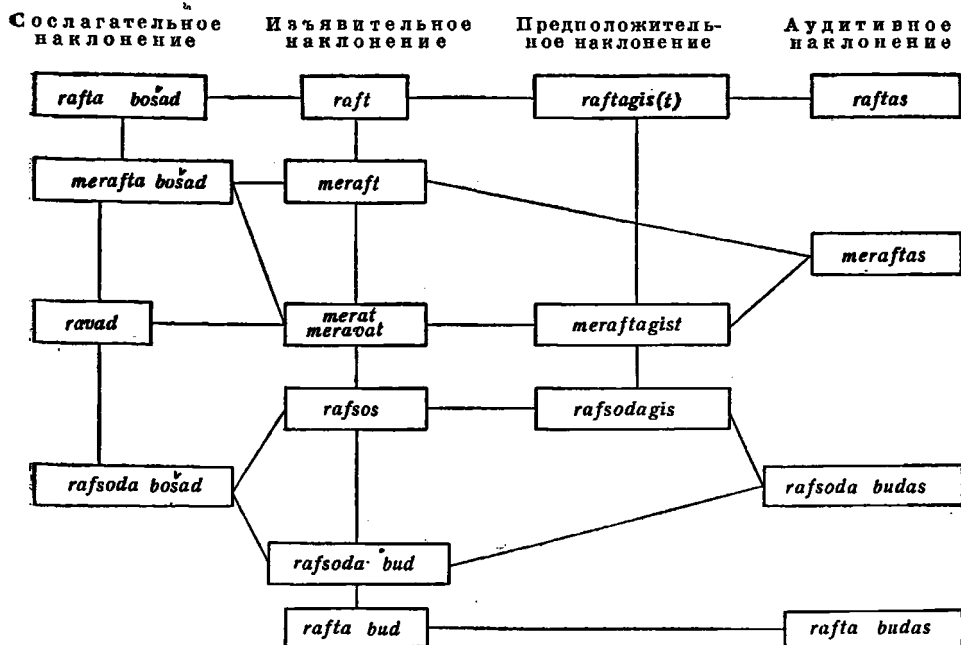
Так возникла та разновидность глагольной системы северного типа, которую мы назвали основной¹⁸². Она же представлена и в современном литературном таджикском языке.

Изъявительное наклонение включает здесь, как мы уже говорили (см. стр. 108), шесть видо-временных форм, аудитивное и сослагательное — по четыре, предположительное — три. Приводим схему соотношения форм этих четырех наклонений с точки зрения их видовых и временных значений. В качестве примера дается глагол *raftan* 'идти', 'ехать', 'отправляться' в 3-м лице единственного числа по ура-тюбинскому говору:

¹⁸⁰ См. стр. 106—107 данной работы.

¹⁸¹ См. стр. 109 данной работы.

¹⁸² См. стр. 108—109 данной работы.

Аудитивное, сослагательное и предположительное наклонения, как мы видим, повторяют здесь систему видо-временных форм изъявительного наклонения, но в сокращенном виде с совмещением в некоторых формах по несколько временных значений (см. *meraftas* и *rafsoda budas* в аудитивном наклонении, *merafta bošad* и *rafsoda bošad* в сослагательном наклонении). Пробелы (недостающие звенья) имеются в ряду преждепрошедшего времени, которое представлено лишь в двух наклонениях — в изъявительном и в аудитивном (*rafta bud* и *rafta budas*). В предположительном наклонении отсутствует также прошедшее длительное время.

Ряд северных и частично центральных говоров дает нам образцы разных типов дальнейшего развития данной системы с восполнением в ней тех или иных недостающих звеньев: 1) в чувском говоре появилось прошедшее время предположительного наклонения (*rafta budagis* || *vudagis* 'вероятно, он ушел прежде'); в говоре киплака Зебон А. А. Керимова в одном примере зафиксировала форму преждепрошедшего времени в сослагательном наклонении (*omadudoša* < *omada buda bošad* 'если он пришел прежде'), в самаркандско-таджикском и в ленинабадском говорах настоящее определенное время и прошедшее определенное время в аудитивном наклонении стали выражаться двумя разными формами, как в изъявительном наклонении (в самаркандском — *merafsodas* 'оказывается он сейчас идет', *rafsodudas* 'оказывается, он шел', в ленинабадском — *merafsodudas* 'оказывается, он сейчас идет', *rafsodudas* 'оказывается, он шел').

Тенденция к пополнению недостающих звеньев проявилась в некоторых говорах и внутри самого изъявительного наклонения. Здесь пробел обнаружился в ряду форм, обозначающих длительность (с префиксом *me-*). В представленной нами выше схеме основной разновидности северного типа диалектной системы глагола в изъявительном наклонении имеется одна пара форм, противопоставляемых по длительности — *raft* (форма нейтральная в видовом отношении — 'он ушел' или 'он шел') и *meraft* (форма, обозначающая длительность или многократность — 'он шел'). В самаркандско-таджикском, кассансайском, чувском, байсунском появилась форма длительного преждепрошедшего времени (*merafta bud* или *meraftud*, в Байсуне — *meraftoud* 'он шел прежде') и,

таким образом, оказалось уже две пары форм, противопоставляемых по длительности: *raft* — *meraft*; *rafta bud* или *raftud* (в байсунском говоре — *raftoud*) — *merafta bud* или *meraftud* (в байсунском — *meraftoud*). В соответствии с этим в самаркандско-таджикском и кассансайском говорах форма длительного преждепрошедшего времени возникла также и в аудитивном наклонении: *meraftudas* < *merafta budaast* 'оказывается, он шел (или 'ходил') прежде'. В бухарском, ленинабадском, канибадамском говорах длительное преждепрошедшее время имеется только в аудитивном наклонении, а в изъявительном его нет. В самаркандско-еврейском говоре противопоставление форм без префикса *me-* и с префиксом *me-* проникло и в группу так называемых «определенных» времен (с вспомогательным глаголом *istodan*). Здесь имеются противопоставляемые пары форм *rafsode* < *rafta istodaast* и *merafsode* < *merafta istodaast* — в изъявительном наклонении, *rafsodage* < *rafta istodagist* и *merafsodage* < *merafta istodagist* — в предположительном наклонении.

На систему видо-временных форм изъявительного наклонения ориентируются в своем развитии также причастия на *-gi*. Так, в разобранных нами (на стр. 108 и 109) основной разновидности северного типа диалектной системы глагола таких причастий три: причастие прошедшего времени — *raftagi* (ср. простое прошедшее время изъявительного наклонения), настоящее-будущего времени — *maraftagi* (ср. настоящее-будущее время изъявительного наклонения), настоящего определенного времени — *rafsodagi* или *raftosagi* (ср. настоящее определенное время изъявительного наклонения). В бухарском, ленинабадском, чустском говорах в дополнение к этим трем причастиям создано также причастие преждепрошедшего времени — *rafta budagi* или *raftudagi* (ср. преждепрошедшее время изъявительного наклонения). В кассансайском говоре, имеющем в изъявительном наклонении форму настоящего определенного времени II с вспомогательным глаголом *xoraftan* 'лежать' (*raftoxotas* или *raftoxtas* < *rafta xoraftas* 'он идет в данный момент'), возникло также причастие настоящего определенного времени II — *raftoxotagi* || *raftoxtagi* < *rafta xoraftagi* 'идущий в данный момент'.

ЯВЛЕНИЯ ВТОРИЧНОГО СИНТЕЗА

В результате всех только что описанных внутренних процессов, приведших к значительному усложнению системы глагола, во многих таджикских говорах, особенно в северных, как мы видели, развилось большое количество новых глагольных форм аналитического типа. Некоторые из них в первоначальном своем виде очень громоздки, поскольку включают в себя, помимо основного глагола, один, два, а иногда даже три вспомогательных глагола: *rafta istodagist*, *rafta istoda bud*, *rafta istoda buda ast* и т. п. В быстрой, повседневной речи эти формы постепенно стали все более и более стягиваться и сокращаться; ср., например, варзобские: *rafta istoday* || *rafta-stoday* || *rafta-soday* || *raft-soday* || *raftsoday* < *rafta istoda ay* (*ay* < *ast*). Происходит это обычно за счет вспомогательных глаголов. Основной глагол либо вовсе остается без изменения (*raftud* < *rafta bud*), либо теряет только один конечный согласный звук своей основы (*rafsoda bud* или *rafsodut* < *rafta istoda bud*).

Стяжению сложных форм глагола способствуют два фактора, из которых один относится к области семантики, другой — к фонетике. Во-первых, вспомогательные глаголы, составляющие в большинстве случаев наиболее громоздкую часть сложных глагольных образований, уже не осознаются в них в качестве самостоятельных семантических единиц. Они превратились здесь в служебные придатки основного глагола, в детали его парадигмы. Поэтому их стирание и сокращение, даже очень сильное, может проходить без какого-либо ущерба для смысла. Во-вто-

рых, сложные глагольные формы всегда составляют в таджикской разговорной речи единую ритмическую группу, объединенную одним или — чаще — двумя общими ударениями, из которых первое (обычно главное) падает на основу смыслового глагола, второе — на окончание последнего вспомогательного глагола: *rāfta-budām*, *rāfta-stoda-budām* и т. п. Все внутренние слоги оказываются, таким образом, безударными, что способствует их выпадению.

Стяжение и сокращение сложных глагольных форм проходит через несколько ступеней — от выпадения отдельных звуков или слогов в том или ином из составляющих их глаголов до полного слияния их в единое целое, в одно слово. В одних говорах мы видим начальные ступени этого процесса с сохранением нескольких сосуществующих типов неполного и полного стяжения (например, варзобские *rāfta-istodāy* || *rāfta-stodāy* || *rāfta-sodāy* || *rafsoday*) или с параллельным использованием стянутых и нестянутых форм (например, чустские и кассансайские *raftudam* || *rāfta-budām*, или *rāfta-vudām*, *raftudakam* || *rāfta-budakām*, или *rāfta-vudakām*), в других — его результат, т. е. единообразные формы с полным слиянием их составных частей.

При полном стяжении от вспомогательного глагола остается обычно один слог, а иногда даже только один звук. Так, например, от глагола *budan* 'быть' в преждепрошедших временах изъявительного и аудитивного наклонений, а также в прошедшем определенном времени изъявительного наклонения и в настояще-прошедшем времени аудитивного наклонения во всех говорах, где эти формы стягиваются, остается элемент *-ud* (или *-ūd*): *raft-ud-am* < *rafta budam*, *raft-ud-as* < *rafta buda ast*, *raf-sod-ud-am* < *rafta istoda budam*, *raf-sod-ud-as* < *rafta istoda buda ast* и т. д.; в прошедшем и настояще-прошедшем определенном временах сослагательного наклонения, а также в длительной форме сослагательного наклонения от него остается элемент *-oš*: *raft-oš-am* < *rafta bošam*, *me-raft-oš-am* < *merafta bošam*, *raf-sod-oš-am* < *rafta istoda bošam* и т. д. Именение вспомогательного глагола *istodan* 'стоять', 'пребывать' при стяжении в сложных глагольных формах в целом по говорам отличается большим многообразием, особенно в настоящем определенном времени изъявительного наклонения. От него могут оставаться элементы *-sod*, *-sad*, *-sos*, *-so*, *-sa*, *-(o)st*, *-(o)s*, *-is*, *-s*. Однако в каждом отдельном говоре закрепляется обычно только один из этих элементов (например, в канибадамском, риштанском, гиссарском — *-sod*) или два, три (например, в шайданском говоре *-so(k)* в настоящем определенном времени изъявительного наклонения, *-sod* во всех остальных «определенных» временах; в пенджикентском, ура-тюбинском говорах *-sod* || *-(o)s* || *-(o)st* — во всех «определенных» временах). От вспомогательного глагола *xorāftan* 'лежать', 'спать' остается обычно элемент *-xot*, в кассансайском говоре *-(o)xot* || *-(o)xt*. За каждым из таких элементов (т. е. отдельных слогов или сочетаний звуков, оставшихся в составе стянутых форм от входивших в них ранее вспомогательных глаголов) закреплена определенная грамматическая функция, например *-ud* (или *-ūd*) является показателем преждепрошедшего времени (ср. *raft-ud* — преждепрошедшее время изъявительного наклонения, *raft-ud-as* — преждепрошедшее время аудитивного наклонения) или просто прошедшего времени (в так называемых «определенных» временах): *raf-sod-ud* — прошедшее время изъявительного наклонения, *raf-sod-ud-as* — настояще-прошедшее определенное время аудитивного наклонения); *-oš* — показатель сослагательного наклонения; ср. *raft-oš-am* — 1-е лицо ед. ч. прошедшего времени сослагательного наклонения, *me-raft-oš-am* — 1-е лицо ед. ч. длительной формы сослагательного наклонения, *raf-sod-oš-am* — 1-е лицо ед. ч. настояще-прошедшего определенного времени сослагательного наклонения; *-sod* — показатель так называемых «определенных» времен; ср. риштанские: *raf-sod-*

iyām — 1-е лицо ед. ч. настоящего определенного времени изъявительного наклонения, *rāf-sod-ūd-ām* — 1-е лицо ед. ч. прошедшего определенного времени изъявительного наклонения, *rāf-sod-ūd-iyām* — 1-е лицо ед. ч. настояще-прошедшего определенного времени аудитивного наклонения, *rāf-sod-oš-ām* — 1-е лицо ед. ч. настояще-прошедшего определенного времени сослагательного наклонения и т. п.

В каждом из говоров за той или иной формой закрепляется обычно какой-нибудь один определенный тип стяжения, реже сосуществуют два или три таких типа (последнее — преимущественно в настоящем определенном времени изъявительного наклонения). В результате этого стянутые формы всегда образуют здесь стройные парадигматические ряды. Приведем в качестве примера некоторые глагольные парадигмы из риштанского говора.

I. Преждепрошедшее время изъявительного наклонения

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>rāftūdām</i>	<i>rāftūdīm</i>
2-е л. <i>rāftūdi</i>	<i>rāftūdīt(-iton)</i>
3-е л. <i>rāftūd</i>	<i>rāftūdān</i>

II. Настоящее определенное время изъявительного наклонения

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>rāfsodīyām</i>	<i>rāfsodīm</i>
2-е л. <i>rāfsodi</i>	<i>rāfsodīt(-iton)</i>
3-е л. <i>rāfsos</i>	<i>rāfsodīyān</i>

III. Прошедшее определенное время изъявительного наклонения

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>rāfsodūdām</i>	<i>rāfsodūdīm</i>
2-е л. <i>rāfsodūdi</i>	<i>rāfsodūdīt(-iton)</i>
3-е л. <i>rāfsodūt</i>	<i>rāfsodūdān</i>

IV. Прошедшее время сослагательного наклонения

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>rāftošām</i>	<i>rāftošīm</i>
2-е л. <i>rāftošī</i>	<i>rāftošīt(-iton)</i>
3-е л. <i>rāftošāt</i>	<i>rāftošān</i>

V. Настояще-прошедшее определенное время сослагательного наклонения

Единственное число	Множественное число
1-е л. <i>rāfsodošām</i>	<i>rāfsodošīm</i>
2-е л. <i>rāfsodoši</i>	<i>rāfsodošīt(-iton)</i>
3-е л. <i>rāfsodošāt</i>	<i>rāfsodošān</i>

Любая из форм в приведенной здесь парадигме отчетливо членится на ряд составных элементов, из которых каждый несет определенную смысловую или грамматическую нагрузку: *rāft-ūd-ām* (*rāft* — основа прошедшего времени глагола *rāftān* 'идти'; *-ūd* — показатель преждепрошедшего времени, *-ām* — личное окончание 1-го лица ед. ч.); *rāf-sod-ūd-ām* (*rāf* — усеченная основа прошедшего времени смыслового глагола *rāftān*, *-sod* — показатель «определенных» времен, *-ūd* — показатель прошедшего или преждепрошедшего времени, *-ām* — личное окончание), *rāf-sod-oš-ām* (*rāf* — усеченная основа прошедшего времени смыслового глагола *rāftān*, *-sod* — показатель «определенных» времен, *-oš* — показатель сослагательного наклонения, *-ām* — личное окончание) и т. д.

В ряде говоров стяжение глагольных форм включается в сферу представлений о местной речевой норме, о правильности и культуре речи. Так, например, в Пенджикенте и Ура-Тюбе, где сосуществуют во всех «определенных» временах два вида стяжения — на *-sod* и на *-os*

(*rafsodam* || *raftosam* < *rafta istodaam*, *rafsoda budam* || *raftosa budam* < *rafta istoda budam*), первый из них считается более «хорошим», правильным, «культурным», второй относится к области просторечия.

Все сказанное свидетельствует о том, что стяжение сложных глагольных форм в таджикской диалектной речи — это не случайное спорадическое явление, порожденное небрежностью говорящих, а обусловленный внутренними факторами развития закономерно протекающий процесс, который может иметь весьма серьезные последствия. В ряде северных говоров, где этот процесс проходит наиболее интенсивно, он ведет фактически к глубокой перестройке морфологической структуры глагола с заменой всех аналитических форм синтетическими формами нового агглютинативного типа (ср. *raft-ud-am*, *raf-sod-ud-am*, *raft-oš-am*, *raf-sod-oš-am* и т. п.). Чрезмерное развитие аналитизма вызвало к жизни, таким образом, явление прямо ему противоположное — вторичный синтез.

СЛЕДЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ В ТАДЖИКСКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ МОРФОЛОГИИ

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Далеко не все в развитии таджикской диалектной морфологии может быть объяснено действием внутренних факторов. Многие явления порождены в ней внешними причинами, иноязычным влиянием. Это касается в первую очередь северных таджикских говоров.

На севере Таджикистана и в Узбекистане, как известно, таджики уже в течение многих столетий живут в постоянном бытовом контакте с узбеками. Таджикские кишлаки здесь чередуются с узбекскими, а иногда представляют собою своеобразные островки среди сплошного узбекского населения. Нередки браки между таджиками и узбеками, смешанные таджикско-узбекские семьи. Большинство таджиков, живущих в этих местах, в той или иной степени владеет узбекским языком, а в некоторых кишлаках, например в Риштане, Кассансае, Чусте, Брич-Мулле и др., двуязычие среди таджикского населения имеет массовый характер при одинаково хорошем знании обоих языков, таджикского и узбекского.

Привыкнув пользоваться в повседневной речи узбекским языком, говорящие незаметно для себя начинают переносить некоторые свойственные ему нормы и на свой родной язык. В грамматическом строе северных таджикских говоров в связи с этим появляется тенденция к общему типологическому сближению с узбекским языком, к однотипности с ним в способах выражения различных грамматических значений. В морфологии это достигается следующими способами: 1) созданием новых грамматических форм (особенно в глаголе) по типу узбекских, 2) изменением в значении и синтаксическом использовании некоторых грамматических форм, уже существовавших ранее, по линии функционального их сближения с соответствующими формами узбекского языка, 3) заимствованием отдельных морфологических элементов. В ряде случаев узбекский язык оказывается в роли своеобразного «катализатора», усиливающего и ускоряющего процессы, уже начавшиеся независимо от него.

КАЛЬКИРОВАНИЕ УЗБЕКСКИХ СОСТАВНЫХ И ОПИСАТЕЛЬНЫХ ФОРМ

Одним из основных видов заимствования из узбекского языка в области таджикской диалектной морфологии является калькирование узбекских составных или описательных грамматических форм. Так, на

пример, калькой с узбекского, по-видимому, можно считать интенсивную форму прилагательных, образуемую посредством неполной редупликации, в двух ее видах: 1) когда к первому, неполному элементу повтора присоединяется согласный *p* или *b* (см. стр. 60); ср. тадж. *sûp-sûrx* и узб. *қип-қизил* 'красный-красный', 'совершенно красный'; тадж. *sîp-siyò(h)* и узб. *қоп-қора* 'черный-пречерный', 'совершенно черный'; тадж. *zâb-zârd* и узб. *сан-сариқ* 'желтый-прежелтый', 'совершенно желтый'; 2) когда к первому, неполному, элементу повтора присоединяется сочетание звуков *-ppa* (см. стр. 60): тадж. *tâppa-tâŕrî* 'совершенно прямой', *tâppa-tâlŕ* 'горький-прегорький', 'совершенно горький', *tâppa-torîk* 'темный-претемный', 'совершенно темный', ср. узб. *тўппа-тўғри* 'совершенно прямой', *тўппа-тўк* 'совершенно отвесный', *сонна-соғ* 'совершенно здоровый'. Эти формы распространены преимущественно в северных говорах (особенно вторая), а также в байсунском и дербентском, находящихся в непосредственном узбекском окружении. Далее к югу первая из них (типа *sâp-safed*) имеется не везде, а там, где встречается, значительно менее употребительна, чем на севере; вторая (типа *tâppa-tâlŕ*) вовсе отсутствует. Обе формы не имеют прототипа в древнеиранских и среднеиранских языках и не представлены в современных живых иранских языках, не подверженных тюркскому влиянию.

Едва ли у кого-либо вызывает сомнение тот факт, что формы настоящего определенного и прошедшего определенного времени II изъявительного наклонения с вспомогательным глаголом *xoraftan* 'лежать', 'спать', имеющие распространение в ряде крайних северных таджикских говоров, являются кальками соответствующих узбекских форм, включающих в свой состав глагол *ётмоқ* 'лежать'. Настоящее определенное время II образовалось в таджикских говорах, как мы уже говорили, из деепричастия прошедшего времени основного глагола (*xonda, navišta* или *navista*) и перфекта вспомогательного глагола *xoraftan* (< *xob raftan*) 'лежать', 'спать', например: кассансайское *xondoxotakam* || *xondoxotakam*, чустское *xonda-xotakam* < *xonda xoraftakam*, верхнечирчикское *xonda-xotiyam* < *xonda xoraftiyam* < *xonda xoraftaam* 'я читаю (сейчас, в данный момент)', кассансайское *navistoxotas*, чустское *nafišta-zotas* < *navišta xoraftaast* 'он пишет (сейчас, в данный момент)'; ср. узб. *ўқиб ётибман* 'я читаю (сейчас, в данный момент)', *ёзиб ётибди* 'он пишет (сейчас, в данный момент)', где состав тот же: деепричастие прошедшего времени основного глагола (*ўқиб ёзиб*) и перфект вспомогательного глагола *ётмоқ* 'лежать' (*ётибман, ётибди*). Прошедшее определенное время II в таджикских говорах образовано из деепричастия прошедшего времени основного глагола и преждепрошедшего времени вспомогательного глагола *xoraftan* 'лежать', 'спать', например: кассансайское *xondoxotudam* || *xondoxotudam*, чустское и верхнечирчикское *xonda-xotudam* < *xonda xorafta budam* 'я читал (в определенный момент в прошлом)', кассансайское *navistoxotut* || *navistoxotut*, чустское и верхнечирчикское *navišta-xotut* < *navišta xorafta bud* 'он писал (в определенный момент в прошлом)'; ср. узб. *ўқий ётиб эдим* 'я читал (длительно, в определенный момент)', *ёза ётиб эди* 'он писал (длительно, в определенный момент в прошлом)', где состав тот же — деепричастие основного глагола (*ўқий, ёза*) и преждепрошедшее время вспомогательного глагола *ётмоқ* 'лежать' (*ётиб эдим, ётиб эди*).

Спорным является вопрос о происхождении форм настоящего определенного времени I и прошедшего определенного времени I изъявительного наклонения с вспомогательным глаголом *istodan* 'стоять', 'пребывать', а также так называемых «сложно-деепричастных глаголов». По этому поводу в существующей литературе высказаны две точки зрения. По мнению одних исследователей, они представляют собою позднее новообразование, возникшее в разговорной таджикской речи (в север-

ных говорах) под непосредственным воздействием узбекского языка¹⁸³, по мнению других исследователей грамматические формы с *istodan* продолжают линию развития среднеперсидских форм с вспомогательным глаголом *ēstātan* 'стоять', 'пребывать' (ср.-п. перфект — *raft ēstēt* и плюсквамперфект — *raft ēstāt*), сложно-деепричастные глаголы с модификаторами *istodan* и *mondan* восходят к среднеперсидским сложным глагольным образованиям с *ēstātan* и *māndan*¹⁸⁴, а с другими модификаторами — возникли в ходе общего хода развития аналитических форм глагола¹⁸⁵. Мы склоняемся в пользу первой из этих двух точек зрения. Попытаемся раскрыть причины, которые нас к этому побуждают.

Глагольная система таджикских говоров, как показывает приведенный нами сравнительный обзор диалектологических материалов, в качестве непосредственного своего предшественника, линию развития которого она продолжает, имеет глагольную систему того типа, который представлен в языке классического периода. К среднеперсидской глагольной системе она может быть возведена лишь опосредствованно, через язык классического периода, представляющий более близкий к ней промежуточный этап ее развития.

Язык классического периода, по признанию большинства современных ученых, сложился в качестве письменного, литературного языка в IX—X вв. н. э. в северных провинциях существовавшей в то время обширной Иранской империи, т. е. на территории Мавераннахра¹⁸⁶, Хорасана (северная часть Ирана) и северных частей теперешнего Афганистана. В его формировании немалую роль должны были играть диалекты таджикоязычной (персоязычной) части населения городов Самарканда и Бухары, которые были тогда крупнейшими культурными и административными центрами. Если бы в разговорной речи жителей всей этой территории и, в частности, в диалектах Бухары и Самарканда существовали в то время глагольные формы с *istodan* и сложно-деепричастные глаголы, они, вероятно, получили бы отражение в письменном языке классического периода. А между тем они там отсутствуют. Это одна из причин, заставляющая нас думать, что глагольные формы с *istodan* и сложно-деепричастные глаголы не унаследованы таджикскими говорами из среднеперсидского языка, а являются в них новообразованиями, возникшими относительно поздно, в послеклассический период.

Обращает на себя внимание территория распространения глагольных форм с *istodan* и сложно-деепричастных глаголов (см. карты на стр. 178—180). Наиболее употребительны они, как мы уже говорили, в говорах таджикоязычных селений Узбекистана и северных районов Таджикской ССР. Здесь формы с *istodan* имеются не только в изъявительном наклонении (*rafsodas*, *rafsos* или *raftos* < *rafta istodaast*, *rafsoda bud*, или *rafsodut* < *rafta istoda bud*), они проникли в системы других наклонений — аудитивного (*rafsoda budas* или *rafsodudas* < *rafta istoda budaast*), сослагательного (*rafsoda bošad*, *raftosa bošad* или *rafsodošat* < *rafta istoda bošad*), предположительного (*rafsodagis* < *rafta istodagist*), а также в область неличных форм глагола — причастий и деепричастий (*rafsodagi* < *rafta*

¹⁸³ См.: П. Е. Кузнецов. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий. «Известия Туркестанского отделения Русского Географического общества», 1915, т. XI, вып. 2, ч. 1, стр. 5—6; В. С. Расторгуева. Об устойчивости морфологической системы языка. — Сб. «Вопросы теории и истории языка». М., 1953, стр. 232—233.

¹⁸⁴ О. И. Смирнова. Глаголы *ēstātan* и *māndan* в среднеперсидском языке. «Советское востоковедение», т. 5. М., 1948, стр. 297—304; В. А. Лившиц. О внутренних законах развития таджикского языка. «Известия Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», 5. Сталинабад, 1954, стр. 93—97.

¹⁸⁵ Там же.

¹⁸⁶ Мавераннахр — Междуречье, т. е. территория, находящаяся между реками — Аму-Дарьей и Сыр-Дарьей.

istodagi, *rafsoda* < *rafta istoda*). Чем дальше к югу от Туркестанского хребта, тем менее употребительны формы с *istodan*. В говорах Матчи, Каратага, Гиссара имеются только две формы с *istodan* — настоящее определенное и прошедшее определенное время изъявительного наклонения (в каратагском в редких случаях также причастие на *-gi* — *rafsodagi* < *rafta istodagi*). В кулябских, рогских, каратегинских, дарвазских говорах также имеются только эти две формы, причем и они, по признанию всех исследователей, используются в речи значительно реже, чем на севере. В говоре Чилдары (нижнее Вахио), как утверждают сами жители этих мест, их можно встретить лишь в речи лиц, выезжавших надолго в г. Душанбе или в северные районы. В горонском говоре они вовсе отсутствуют. Южная граница той территории, где активно используются сложно-деепричастные глаголы, проходит где-то немного южнее Варзоба, Гиссара и Каратага. В муминабадском, даштакском, бальджуанском говорах они имеются, но значительно менее употребительны, чем на севере. В ховалингском, рогских, горонском, а также, по-видимому, в дарвазских и ванчских говорах они отсутствуют. Ни форм с *istodan*, ни сложно-деепричастных глаголов нет также в литературном кабули, в известных нам таджикских говорах Афганистана и в современном персидском языке. А между тем, если бы они восходили к соответствующим среднеперсидским глагольным образованиям, мы скорее могли бы ожидать, что они сохраняются именно в современном персидском языке, в кабули и южных таджикских говорах, которые территориально более близки к месту распространения среднеперсидского языка. Южные и юго-восточные говоры, где формы с *istodan* и сложно-деепричастные глаголы мало употребительны или даже вовсе отсутствуют, не имеют непосредственного контакта с узбекским языком, а северные, где они особенно широко распространены, уже в течение ряда столетий находятся под постоянным его воздействием (см. карты на стр. 178, 179, 180).

Что касается морфологического состава форм с *istodan* и сложно-деепричастных глаголов, то он с несомненной убедительностью, как нам представляется, свидетельствует об относительно позднем их образовании. Форма настоящего определенного времени изъявительного наклонения состоит из деепричастия прошедшего времени основного глагола и перфекта вспомогательного глагола *istodan*, форма прошедшего определенного времени глагола *istodan*. Перфект и преждепрошедшее время сами по себе уже аналитические, составные формы: перфект включает в себя то же деепричастие основного глагола (в данном случае — *istodan*) и недостаточный глагол бытия, глагольную связку (*istoda ast*), преждепрошедшее время — то же деепричастие глагола *istodan* и простое прошедшее время глагола *budan* 'быть' (*istoda bud*). Таким образом, настоящее определенное время (*rafta istoda ast*) и прошедшее определенное время (*rafta istoda bud*) показывает нам образцы вторичного, вдвойне усложненного типа построения аналитических форм глагола, состоящих из трех лексических элементов; в пассивном залоге они становятся даже четырехчленными: *xonda šuda istoda ast*, *xonda šuda istoda bud*. Такие формы могли возникнуть лишь на очень позднем этапе развития аналитических глагольных образований. Языку классического периода, между прочим, в активном залоге были свойственны только двухчленные аналитические формы глагола (*rafta ast*, *rafta būd*, *rafta bāšad*, *x^aāhad raft*); трехчленные образования имелись там лишь в пассиве (*x^aānda šuda ast*, *x^aānda šuda būd*, *x^aānda šuda bāšad*, *x^aāhad x^aānda šud*).

Вместе с тем формы с *istodan* поражают абсолютным сходством своей конструкции с соответствующими узбекскими формами, включающими в свой состав вспомогательный глагол *турмоқ* 'стоять', 'пребывать'.

Ср., например, таджикское настоящее определенное время с *istodan* 'стоять', 'пребывать' и узбекское так называемое «настоящее конкретное время» с вспомогательным глаголом *турмоқ* 'стоять', 'пребывать': тадж. *rafta istodaam* (при стяжении в разных говорах — *raftsodam*, *raftsodem*, *raftosam*, *raftsokam*, *raftsakam*, *raftsem* и пр.) 'я иду (в данный момент, сейчас)' и узб. *кемиб турибман* 'я иду (в данный момент, сейчас)'; тадж. *xonda istoda ast* (при стяжении — *xonsodas*, *xonsoday*, *xonsos*, *xonsas*, *xondos* и пр.) 'он читает (в данный момент, сейчас)' и узб. *ўқиб турибди* 'он читает (в данный момент, сейчас)'. Морфологический состав этих форм в обоих языках абсолютно одинаков: деепричастие прошедшего времени основного глагола (тадж. *rafta*, *xonda*, узб. *кемиб*, *ўқиб*) и перфект вспомогательного глагола 'стоять', 'пребывать' (тадж. *istoda am*, *istoda ast*, узб. *турибман*, *турибди*). То же самое мы обнаруживаем при сравнении таджикского прошедшего определенного времени изъявительного наклонения с *istodan* и узбекского прошедшего длительного времени с *турмоқ*. Обе они состоят из деепричастия основного глагола и преждепрошедшего времени вспомогательного глагола с общим для обоих языков значением 'стоять', 'пребывать' — тадж. *istodan*, узб. *турмоқ*; ср. например: тадж. *rafta istoda budam* (при стяжении в разных говорах — *raftsoda budam*, *raftosa budam*, *raftsodudam*) 'я шел (длительно, в определенный момент в прошлом)' и узб. *кемиб туриб эдим* 'я шел (длительно, в определенный момент в прошлом)', тадж. *xonda istoda bud* (при стяжении — *xonsoda bud*, *xondosa bud*, *xonsodut*) 'он читал (длительно)' и узб. *ўқиб туриб эди* 'он читал (длительно)'. Полностью совпадают, как можно видеть из приведенных примеров, эти формы в таджикском и узбекском языках и по своему значению.

Таджикские сложно-деепричастные глаголы соответственно идентичны по характеру образования узбекским сложным формам глагола, выражающим характер протекания действия¹⁸⁷, которые некоторые ученые называют узбекскими видами глагола. В первой части этих сложных образований в обоих языках представлен основной глагол в форме деепричастия прошедшего времени (тадж. *rafta*, *xonda*, узб. *кемиб*, *ўқиб*), во второй части — глагол-модификатор в спрягаемой форме, сообщающий всему сочетанию различные дополнительные смысловые оттенки, преимущественно видовые. Каждый глагол-модификатор таджикского языка имеет в узбекском языке свой двойник, частично или полностью совпадающий с ним по своему основному лексическому значению и по тому смысловому оттенку, который он придает всему сложному глагольному образованию в целом.

1) Таджикскому глаголу-модификатору *giriftan* 'брать', показывающему, что субъект совершает действие для себя, в узбекском соответствует глагол-модификатор *олмоқ* 'брать'; ср. тадж. *navišta* (или *navista*, *navisonda*) *giriftan* 'записать для себя' и равное ему по значению узб. *ёзиб олмоқ*.

2) Таджикскому глаголу-модификатору *dodan* 'давать', показывающему, что субъект совершает действие, предназначенное для кого-то другого, соответствует узбекский глагол-модификатор *бермоқ* 'давать'; ср. тадж. *xonda dodan* 'прочитать для кого-нибудь' и равное ему по значению узб. *ўқиб бермоқ*; тадж. *navišta* (*navista*, *navisonda*) *dodan* 'записать для кого-нибудь' и узб. *ёзиб бермоқ* 'записать для кого-нибудь'.

3) Таджикскому глаголу-модификатору *istodan* 'стоять', указывающему на длительность действия, соответствует узбекский глагол-модификатор *турмоқ* 'стоять'; ср. тадж. *то gazeta xonda meistem* и узб. *биз газета ўқиб туримиз* 'мы читаем газеты (постоянно, длительно)'.

¹⁸⁷ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка. М.—Л., 1960, стр. 203—208.

4) Таджикскому глаголу-модификатору *šistan* 'сидеть', также придающему действию оттенок длительности, соответствует узбекский глагол-модификатор *ўтирмақ* 'сидеть'; ср. тадж. *bisyor gap zada na-mešinam* и узб. *кўп гапириб ўтирмайман* 'я не буду много говорить'.

5) Таджикскому глаголу-модификатору *gaştan* 'вращаться', 'ходить', 'двигаться', указывающему на длительное действие, совершаемое субъектом во время движения или перемещения, соответствует узбекский глагол-модификатор *юрмоқ* 'ходить'; ср. тадж. *bozi karda gaştan* и узб. *ўйнаб юрмоқ* 'играть', тадж. *parida gaştan* и узб. *учиб юрмоқ* 'летать'.

6) Таджикскому глаголу-модификатору *šudan* 'делаться', 'становиться', 'кончаться', указывающему на законченность действия, соответствует узбекский глагол-модификатор *бўлмоқ* 'быть', 'делаться', 'становиться', 'кончаться'; ср. тадж. *man in kitóbata xonda šudan* и узб. *мен бу китобингни ўқиб бўлдим* 'я прочитал ту твою книгу'.

7) Таджикскому глаголу-модификатору *mondan* 'оставаться', 'оставлять', указывающему на законченность или внезапность действия, соответствует узбекский глагол-модификатор *қолмоқ* 'оставаться'; ср. тадж. *odat karda mondan* и узб. *ўрганиб қолмоқ (одат қилиб қолмоқ)* 'привыкнуть (к кому или чему-либо)'; тадж. *otada mondan* и узб. *келиб қолмоқ* 'неожиданно прийти (приехать)'; в тех случаях, когда глагол *mondan* указывает в таджикском языке на действие, совершаемое (или совершаемое) мимоходом, между прочим, ему соответствует узбекский глагол-модификатор *қўймоқ* 'ставить', 'класть'; ср. тадж. *gufta mond* и узб. *деб қўйди* 'он сказал (между прочим, мимоходом)'.

8) Таджикскому глаголу-модификатору *baromadan* 'выходить', указывающему на завершенность, законченность определенной стадии, фазы действия, соответствует узбекский глагол-модификатор *чиқмоқ* 'выходить'; ср. тадж. *man in kitóba xonda baromadam* и узб. *мен бу китобни ўқиб чиқдим* 'я прочитал эту книгу'.

9) Таджикскому глаголу-модификатору *raftan* 'идти', 'ехать', 'отправляться', 'уходить' соответствуют узбекские глаголы-модификаторы: а) *кетмоқ* 'уходить' — в том случае, когда глагол *raftan* в таджикском указывает на окончательность, завершенность действия; ср. тадж. *murda raftan* и узб. *ўлиб кетмоқ* 'умереть'; тадж. *havo sof šuda raft* и узб. *ҳаво очилиб кетди* 'небо прояснилось'; то же, когда *raftan*, присоединяясь к глаголам движения, указывает на то, что действие направлено в сторону удаления от говорящего; ср. тадж. *parida raftan* и узб. *учиб кетмоқ* 'улетать', тадж. *gurexta raftan* и узб. *юзуриб кетмоқ* 'убегать'; б) *бормоқ* 'идти', когда таджикский глагол *raftan* указывает на постепенное развитие, нарастание, прогрессирование действия; ср. тадж. *xib šuda raftan* или *payz suda raftan* и узб. *яхшиланиб бормоқ* 'постепенно улучшаться'.

10) Таджикскому глаголу-модификатору *firistodan* (в говорах *firison-dan*, *fison-dan*) 'посылать', указывающему на силу, интенсивность внезапного действия, соответствует узбекский глагол-модификатор *юбормоқ* 'посылать'; ср. тадж. *xanda karda firistodan (firison-dan, fison-dan)* и узб. *кулиб юбормоқ* 'рассмеяться', тадж. *giryā karda firistodan (firison-dan, fison-dan)* и узб. *ийглаб юбормоқ* 'расплакаться'.

11) Таджикскому глаголу-модификатору *partoftan* 'бросать', указывающему на действие, осуществляемое энергично, основательно, до конца, соответствует узбекский глагол-модификатор *ташламоқ* 'бросать'; ср. тадж. *gūla hāmaša kanda partoft* и узб. *гулнинг ҳамасини узиб ташлади* 'он оборвал все цветы'; тадж. *burida partoftan* и узб. *кесиб ташламоқ* 'срезать'.

12) Таджикскому глаголу-модификатору *didan* 'видеть', показывающему на то, что действие совершается с целью что-либо испытать, испробовать, соответствует узбекский глагол-модификатор *кўрмоқ* 'ви-

деть'; ср. тадж. *pāšida didan* и узб. *кийиб кўрмоқ* 'примерить', тадж. *xārda didan* и узб. *еб кўрмоқ* 'отведать (еды)' и пр.

Мы привели далеко не полный перечень совпадающих сложноподлежащих причастных глагольных образований в обоих языках, в таджикском и узбекском. Но и этого достаточно для того, чтобы видеть, как велико их сходство¹⁸⁸. И это сходство не может быть случайным, особенно если учесть территорию распространения сложноподлежащих глаголов (см. карту на стр. 180), существование абсолютного двуязычия во многих населенных пунктах на этой территории, многочисленные факты, свидетельствующие о глубокой степени влияния узбекского языка на говоры этих мест (огромное количество заимствованных слов, лексические и грамматические кальки и пр.).

Из северных таджикских говоров формы с *istodan* и сложноподлежащие глаголы в очень позднее время (в 20—30-х годах нашего столетия) проникли в современный литературный таджикский язык. Оттуда же они проникают в южные и юго-восточные говоры, частью непосредственно, через людей, выезжающих в северные районы, частью опосредствованно — через литературный язык.

Влиянию узбекского языка, по-видимому, обязана своим возникновением форма прошедшего времени предположительного наклонения (см. стр. 95), которая по характеру образования и по значению представляет собой точную копию узбекской модальной формы прошедшего перфективного времени¹⁸⁹. Обе формы, таджикская и узбекская, состоят из причастия прошедшего времени основного глагола (тадж. *xondagi, raftagi*, узб. *ўқиган, кетган*) и глагольной связки (тадж. полная форма *(h)astam, (h)asti, (h)ast* и т. д.; краткая форма *-am, -i, -ast* и т. д.; узб. *-дирман, -дирсан, -дир* и т. д.); ср. тадж. пенджикентское и байсунское *xondagistam < xondagiastam* (с полной формой глагольной связки), чувшское *xondagiym*, самаркандско-бухарское *xondagem < xondagi-am* (с краткой формой глагольной связки) 'вероятно, я прочитал' и узб. *ўқигандирман* 'вероятно, я прочитал'; таджикское, общее для всех северных говоров (кроме самаркандско-еврейского) *raftagis(t) < raftagiast* 'вероятно, он ушел' и узб. *кетгандир* 'вероятно, он ушел' и т. п.

Между прочим, если исключить узбекское влияние, то в самом таджикском языке не было предпосылок для создания специальных форм предположительного наклонения. Предположение издавна выражалось в нем описательно с помощью аориста (*ravad*) или прошедшего времени сослагательного наклонения в сочетании с модальными словами и оборотами, такими, как *boyad* 'должно быть', *ehtimol* 'вероятно', 'возможно', *tumkin ast* 'возможно', 'может быть' и т. п. (*boyad ravad* или *tumkin ast ki ravad* 'вероятно, он пойдет', *boyad rafta bošad* или *tumkin ast ki rafta bošad* 'вероятно, он ушел'). С помощью этих описательных средств (без специальных форм предположительного наклонения) прекрасно обходятся при выражении предположения и поныне все южные, юго-восточные и частично центральные (матчинские) таджикские говоры, а также современный персидский язык и кабули. Используются они до сего времени и в северных говорах (параллельно с формами предположительного наклонения). Исходя только из фактов самого

¹⁸⁸ Учитывая сходство таджикских и узбекских сложноподлежащих глагольных образований, нельзя все же считать их абсолютно совпадающими. В узбекском языке они значительно богаче и многообразнее. В качестве первого элемента в них может участвовать не только деепричастие прошедшего времени на *-иб* (*ёзиб, ўқиб*), но и деепричастие настоящего времени на *-а* и *-й* (*ёза, ўқий*). Не всегда совпадает полностью круг значений таджикских и узбекских глаголов-модификаторов и круг глаголов, с которыми они могут сочетаться. Изучить все это — дело будущего.

¹⁸⁹ См.: А. Н. Кононов. Грамматика современного узбекского литературного языка, стр. 219.

таджикского языка и собственных его внутренних закономерностей развития, трудно также объяснить, каким образом та форма, которую мы называем прошедшим временем предположительного наклонения (*raftagist*, *xondagist*), приобрела свойственный ей сейчас оттенок предположения. Это модальное значение не вытекает непосредственно из семантики ее составных элементов — причастия прошедшего времени основного глагола (*raftagi* 'ушедший', 'уход', *xondagi* 'прочитавший', 'прочитанный', 'чтение') и глагольной связки. Необходимо учесть также территорию распространения этой формы (см. карту на стр. 180).

ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СБЛИЖЕНИЕ ТАДЖИКСКИХ И УЗБЕКСКИХ ФОРМ

Исследователи уже не раз отмечали чрезвычайно большое сходство в семантике и синтаксических функциях многих грамматических форм (особенно глагольных) в северных таджикских говорах и в узбекском языке¹⁹⁰. В общем это наблюдение подтверждается фактами. Однако нужно иметь в виду, что причины этого сходства в разных случаях неодинаковы, и их нельзя целиком относить на счет двуязычия, как это склонны делать некоторые ученые. Так, например, функциональное совпадение узбекской и таджикской форм сравнительной степени прилагательных, узбекского исходного падежа с аффиксом *-дан* и таджикской предложной конструкции с *a(z)*, узбекского дательного падежа с аффиксом *-ga* и таджикской послеложной конструкции с *ba*, узбекского местного падежа с аффиксом *-da* и таджикской послеложной конструкции с *anda*, узбекского винительного падежа с аффиксом *-ni* и таджикской послеложной конструкции на *-a*, на которое обратили внимание П. Е. Кузнецов и Е. Д. Поливанов¹⁹¹, едва ли можно объяснить взаимовлиянием этих двух языков. Это совпадение возникло случайно, в результате различных внутренних процессов, протекавших в каждом из этих языков в отдельности. Даже при самом поверхностном ознакомлении с историей таджикского показателя сравнительной степени *-tar*, предлога *a(z)*, предлога и послелога *ba*, послелогов *a*, *anda* и при сравнении с аналогичными морфологическими показателями, предлогами и послелогоми других близкородственных иранских языков (и в первую очередь персидского) можно убедиться, что теперешнее их значение развилось вне какой-либо зависимости от иноязычного влияния¹⁹². Мы также не думаем, что к фактору узбекского воздействия можно свести послеложное использование служебных частиц *ba*, *anda*, *a* в северных таджикских говорах. Послелоги, как таковые, в общем ведь вовсе не чужды иранским языкам. Они имеются, кстати, и в южных говорах, не контактирующих с узбекским языком (*da*, *na*, *anda*¹⁹³ — см. стр. 115). В частности, *a* (если правильно наше предположение о его происхождении из *gā*¹⁹⁴) искони является послелогом. Древние *antar* и *patiy*, к которым восходят современные таджикские *anda* и *ba*, имели двойное использование, препозитивное и постпозитивное, а потому нет ничего удивительного в том, что в какой-то части говоров они закрепились именно в постпозиции. Изоглосса послелога *anda*, между прочим, проходит не по горизонтали (по территории северных говоров),

¹⁹⁰ П. Е. Кузнецов. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий, стр. 2—17.

¹⁹¹ Е. Д. Поливанов. Образцы несингармонистических (иранизованных) говоров узбекского языка. II. Вокализм говора г. Самарканда (глава из описания двуязычия). «Доклады АН СССР», 1928, № 14.

¹⁹² См.: Н. Д. Гарипова. Таджикские первичные предлоги в историческом освещении (Автореф. канд. дисс.). М., 1955.

¹⁹³ См. стр. 115 данной работы.

¹⁹⁴ См. стр. 116 данной работы.

а по вертикали (по восточной стороне), захватывая часть северных говоров (верхнечирчикские, ферганские), часть центральных (матчинские), часть южных (каратегинские, чилдаринский, рогские, горонский), юго-восточные (дарвазские).

Что касается глагольной системы, то здесь функционально близкие таджикские и узбекские формы можно разделить на три категории. К первой категории относятся формы, значение которых сложилось очень давно, до тесного контактирования этих двух языков и совпало случайно или в силу каких-то общих языковых закономерностей. Таковы, например: 1) таджикские и узбекские формы повелительного наклонения: тадж. *хон*, узб. *ўқи* 'читай'; 2) таджикское и узбекское настояще-будущее время изъявительного наклонения: тадж. *техонад*, узб. *ўқийди* 'он читает (обычно, постоянно)', или 'он будет читать'; 3) таджикское простое прошедшее время и узбекское прошедшее категорическое время изъявительного наклонения: тадж. *хонд*, узб. *ўқиди* 'он читал', 'он прочитал'; 4) таджикское длительное прошедшее время изъявительного наклонения и узбекский неопределенный имперфект: тадж. *техонд*, узб. *ўқир эди* 'он читал (длительно и неоднократно)'; тадж. *й теонад*, *то кино мерафтем*, узб. *у келганда (эди)*, *кинога борар эдик* 'если бы он пришел, мы пошли бы в кино'; 5) таджикское преждепрошедшее время, узбекское преждепрошедшее время изъявительного наклонения: тадж. *rafta bud*, узб. *кетиб эди* 'он ушел (прежде или давно)'; 6) таджикское настояще-будущее время сослагательного наклонения (аорист) и узбекское настояще-будущее время условного наклонения: тадж. *хонад*, узб. *ўқиса* 'если он прочитает'; 7) таджикское прошедшее время сослагательного наклонения и узбекское прошедшее время условного наклонения: тадж. *хонда бошад*, узб. *ўқиса эди* 'если он прочитал' и т. д.¹⁹⁵

Ко второй категории мы относим те таджикские глагольные формы, которые можно считать кальками с узбекского. Мы подробно разбирали их на стр. 130—136 и здесь на них останавливаться не будем.

И, наконец, к третьей категории принадлежат глагольные формы, которые нельзя считать кальками, но в развитии их значения или в их функционировании в предложении в той или иной степени сказалось влияние узбекского языка. Наиболее показательно в этом отношении таджикское причастие прошедшего времени на *-gi*. Это причастие, как мы уже говорили (стр. 97—98), в таджикском языке является новообразованием. В языке классического периода его не было. В его морфологическом составе нет ничего узбекского: оно образуется из причастия (=деепричастия) прошедшего времени (*xonda*, *rafta*) и именного словообразовательного суффикса *-i*, в словах с исходом на гласный выступающего в варианте *-gi* (*xondagi*, *raftagi*).

В современном таджикском суффиксе *-i* (после гласных *-gi*), как известно, слились два среднеиранских словообразующих элемента — суффикс абстрактности *-ih* и суффикс относительных прилагательных *-ik*. Поэтому и в настоящее время он несет на себе двойную функцию: от прилагательных и некоторых существительных более конкретного значения он образует абстрактные существительные (*safed* 'белый' — *safedi* 'белизна', *dust* 'друг' — *dusti* 'дружба'); от существительных — относительные прилагательные (*devor* 'стена' — *devori* 'стенной'). Поскольку в рассматриваемых нами формах (*xondagi*, *raftagi*) суффикс *-gi* присоединен к причастию (представляющему собою отглагольное прилагательное), мы вправе были бы ожидать, что такое сочетание даст отглагольное абстрактное существительное, т. е. имя действия. В этом

¹⁹⁵ Мы не показываем здесь значения таджикских форм сослагательного наклонения и узбекских форм условного наклонения во всем их многообразии, так как это отняло бы слишком много времени и места.

значении, между прочим, и употребляются немногочисленные именные образования такого типа в современном персидском языке, например *estadegi* 'твердость', 'упорство', 'настойчивость' (от *estadān* 'стоять'), *estadegi kārddān* 'отстаивать', 'настаивать', 'проявлять твердость'. В таджикском же языке за этой формой, помимо значения имени действия, закрепилось также и причастное значение, непосредственно из ее морфологического состава не вытекающее.

Вместе с тем при первой же попытке хотя бы поверхностного сравнения бросается в глаза поразительное семантическое и функциональное сходство таджикского причастия прошедшего времени на *-gi* (*xondagi*, *raftagi*) в северных таджикских говорах с узбекским причастием на *-ган*. То и другое по существу являются глагольными образованиями особого типа с двойным, нерасчлененным значением причастия и имени действия; например, тадж. и узб. *ўқиган* значит 'читавший', 'читанный' и 'чтение'; тадж. *raftagi*, узб. *кетган* — 'ушедший' и 'уход'. В том и другом не выражена залоговая дифференциация, т. е. в зависимости от контекста они могут иметь то активное, то пассивное значение: тадж. *odāmi xondagi* (или *xondagi odam*), узб. *ўқиган одам* 'читавший (или учившийся) человек'; тадж. *kitōbi xondagi* (или *xondagi kitōb*), узб. *ўқиган китоб* 'прочитанная книга'. В обоих формах отчетливо выражено прошедшее время; оба причастия отличаются большим многообразием функций в предложении, где могут быть использованы в качестве: 1) определения: тадж. *xondagi odam* или *odāmi xondagi*, узб. *ўқиган одам* 'читавший (или учившийся) человек'; 2) сказуемого: тадж. *уу raftagi*, узб. *у кетган* 'он ушел'; тадж. *xondagi budam*, узб. *ўқиган эдим* 'я учился (прежде)'; тадж. (*agar*) *xondagi bošad*, узб. (*агар*) *ўқиган бўлса* 'если он прочитал' и т. д.; 3) прямого дополнения: тадж. *onjo raftagiša nā-medonam*, узб. *у ерга борганини билмайман* 'я не знаю, ездил ли он туда'; 4) обстоятельства: тадж. (лен.) *тап raftagi-нда хазон буд*, узб. *мен кетганда қуз фасли эди* 'когда я уезжал (букв. при моем отъезде), была осень'.

Сходны в обоих языках способы выражения фактического субъекта действия, представленного причастием, когда само это причастие выступает в атрибутивной функции: 1) с помощью местоименных энклитик в таджикском и аффиксов принадлежности в узбекском языке: тадж. *xāti navištāgim*, узб. *ёзган хатим* 'написанное мною письмо'; 2) с помощью имени существительного или местоимения, оформленного в качестве определения (в таджикском с помощью изафетного показателя *-i*, в узбекском — с помощью аффикса родительного падежа *-нинг*): тадж. *xāti navištāgii man*, узб. *менинг ёзган хатим* 'написанное мною письмо'; тадж. *xāti navištāgii Qodir*, узб. *Қодирнинг ёзган хати* 'письмо, написанное Кодиром'; 3) с помощью неоформленного имени существительного или местоимения (в узбекском — основной падеж имени), которое выступает как бы в роли своеобразного подлежащего внутри атрибутивного сочетания: тадж. *xāti тап navištāgi kujo?*, узб. *мен ёзган хат қани?* 'где написанное мною письмо?'; тадж. *xāti Qodir navištāgi kujo*, узб. *Қодир ёзган хат қани?* 'где письмо, написанное Кодиром?'

В обоих языках существует специфический предикативный оборот, состоящий из причастия прошедшего времени, имеющего при себе в таджикском — местоименную энклитику, в узбекском — аффикс принадлежности, и отрицательной формы глагольной связки: тадж. *inʔa raftāgim ne*, узб. *у ерга борганим йўқ* 'я не ходил туда' (букв. 'туда хождения моего нет').

В ряде северных таджикских говоров наблюдаются случаи постановки личного местоимения позади причастия, употребленного в функции сказуемого, по аналогии с узбекскими аффиксами сказуемости: тадж. *in kitōba xondagi-тап* 'я прочитал эту книгу', ср. узб. *бу китобни*

ўқизганман; тадж. *in kitoba xondagi ne-man* 'я не читал эту книгу', ср. узб. *бу китобни ўқизган эмасман*.

Интересно отметить в этой связи, что причастия на *-gi* в южных говорах значительно менее употребительны, чем на севере. Их функции в предложении ограничены там только двумя — атрибутивной и предикативной, и используются они там только в качестве собственно причастий, значение имени действия им не свойственно. Южным говорам чужды также очень многие из разобранных нами выше синтаксических оборотов с причастиями, обнаруживающих особенно сильное сходство с узбекскими.

Влияние узбекского языка сказалось, по-видимому, в какой-то степени и на синтаксических функциях таджикского причастия будущего времени (*xondani* 'предназначенный для чтения', 'намеревающийся читать' — в северных таджикских говорах и частично в центральных). Первоначально оно, как всякое иное причастие, употреблялось преимущественно в качестве определения: *čizi pšidani* 'носильная вещь', 'вещь, предназначенная для надевания', *čizi xārdani* 'съедобная вещь', 'вещь, предназначенная для еды'. В дальнейшем в тех северных говорах, где это причастие существует (Бухара, Самарканд, Чуст и др.), основной его функцией стала предикативная, а основным значением — намерение. При этом обращает на себя внимание абсолютное сходство предикативных сочетаний, включающих в себя причастие будущего времени (*raftani*) с узбекскими конструкциями, содержащими в своем составе отглагольное имя типа *қилмоқчи* 'намеревающийся делать'; ср., например: тадж. *raftani hastam* и узб. *бормоқчиман* 'я намереваюсь идти (или ехать)'; тадж. *raftani budam* и узб. *бормоқчи эдим* 'я намеревался идти (ехать)'; тадж. *raftani šudam* и узб. *бормоқчи бўлдим* 'я вознамерился (решил) пойти'; тадж. *agar raftani šavam* и узб. *агар бормоқчи бўлсам* 'если я соберусь (или решу) пойти'; тадж. *raftani šudas* и узб. *бормоқчи бўлипти* 'оказывается, он вознамерился (решил) пойти'. Интересно отметить, что в тех северных говорах, где причастие будущего времени (типа *raftani*) отсутствует, в этом же значении употребляется причастие настоящего-будущего времени на *-gi*, обнаруживая то же сходство с узбекским причастием на *-gi*; ср., например, тадж. *meraftagi budam* и узб. *бормоқчи эдим* 'я намеревался идти'; тадж. *meraftagi šudam* и узб. *бормоқчи бўлдим* 'я вознамерился (решил) пойти'; тадж. *agar meraftagi šavam* и узб. *бормоқчи бўлсам* 'если я соберусь (решу) пойти' и т. д. Нужно, однако, учесть, что в данном случае узбекское влияние могло служить лишь в качестве способствующего, стимулирующего фактора, поскольку само значение намерения и принципиальная возможность использования в предикативной функции заложены уже в самой природе обоих причастий (*raftani* и *meraftagi*).

УСИЛЕНИЕ НЕКОТОРЫХ ПРОЦЕССОВ ПОД ВЛИЯНИЕМ УЗБЕКСКОГО ЯЗЫКА

Узбекское влияние, как мы уже могли видеть, оказывается продуктивным лишь в том случае, когда явление, им порожаемое, не только не чуждо по своей природе грамматическому строю самого таджикского языка, но даже имеет в нем какие-то предпосылки для своего возникновения. Так, например, калькирование узбекских форм с вспомогательными глаголами *турмоқ* 'стоять', *ётмоқ* 'лежать' оказалось возможным лишь потому, что: 1) в таджикском языке имелось деепричастие прошедшего времени (*karda, xonda*), аналогичное узбекскому деепричастию на *-иб* (*қилиб, ўқиб*), входящему в состав этих форм; 2) это деепричастие так же, как узбекское деепричастие на *-иб*, могло обозначать ситуационно не только предшествование по отношению к действию, представленному в связанном с ним глаголе, но и

одновременность с ним (тадж. *karda*, узб. *қилиб* — ситуационно значит не только 'сделав', но и 'делая'); 3) таджикский перфект от глаголов состояния *istodan* 'стоять', *xoraftan* 'лежать' подобно узбекскому перфекту глаголов *турмоқ* 'стоять', *ётмоқ* 'лежать' имеет значение настоящего времени данного момента (тадж. *istodas*, узб. *турибди* 'он стоит', тадж. *xoraftas* узб. *ётибди* 'он лежит'), а форма преждепрошедшего времени тех же глаголов в обоих языках имеет значение длительного прошедшего времени (тадж. *istoda bud*, узб. *туриб эди* 'он стоял', тадж. *xorafta bud*, узб. *ётиб эди* 'он лежал'); 4) все это вместе взятое позволило построить в таджикском языке сложную глагольную форму по модели, заимствованной из узбекского языка; ср. тадж. *xonda istodas* и узб. *ўқиб турибди* 'он читает (сейчас, в данный момент)', букв. 'читая стоит' (или 'пребывает'), тадж. *xonda istoda bud* и узб. *ўқиб туриб эди* 'он читал (длительно)', букв. 'он читая стоял' (или 'пребывал'), тадж. (чустск.) *xonda-xotas* < *xonda xoraftas* и узб. *ўқиб ётибди* 'он читает (сейчас)', букв. 'читая лежит', тадж. (чустск.) *xonda-xotut* < *xonda xorafta bud* и узб. *ўқиб ётиб эди* 'он читал (длительно)', букв. 'читая лежал'. Калькирование сложно-деепричастных глаголов было возможно потому, что в таджикском языке существовало нужное для этого деепричастие на -a (*karda*, *rafta*), а также потому, что сам принцип создания сложных глагольных образований, состоящих из двух глаголов, из которых первый имеет форму деепричастия, не чужд таджикскому языку и пр.

В ряде случаев узбекское влияние вообще не создает ничего качественно нового в таджикских говорах. Оно лишь способствует более интенсивному развитию того, что уже существует в их грамматическом строе. Таким был, например, разобранный нами в предыдущем разделе процесс закрепления преимущественно предикативной функции (с оттенком намерения) за причастием будущего времени типа *kardani*, *raftani* (см. стр. 139). В качестве другого примера можно привести особенно широкое распространение в некоторых северных таджикских говорах (кассансайском, чустском) понудительных глаголов, которые могут быть образованы даже от тех глаголов, от которых в литературном языке они не образуются, например: *istondan* 'заставлять встать', 'останавливать' от *istodan* 'стоять' (ср. узб. *турғизмоқ* 'заставить встать' от *турмоқ* 'стоять'), *benondan* 'показывать' от *didan* (основа наст. вр. *ben*, лит. *bin*) 'видеть' (ср. узб. *кўрсатмоқ* 'показывать' от *кўрмоқ* 'видеть') и пр.

Стимулирующая роль узбекского влияния, возможно, сказалась и на частом использовании деепричастия (*karda*, *rafta*) и деепричастных оборотов в северных таджикских говорах, равно как и на некоторых других синтаксических построениях, но об этом см. раздел «Основные сведения по синтаксису».

ЗАИМСТВОВАНИЕ ОТДЕЛЬНЫХ МОРФОЛОГИЧЕСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

При анализе форм, возникших в некоторых таджикских говорах под влиянием узбекского языка, бросается в глаза тот факт, что все они созданы морфологическими средствами своего языка. Чужой язык лишь дает толчок к их образованию, но реализуется оно своими средствами.

Иноязычные морфологические элементы заимствуются относительно редко, причем это преимущественно аффиксы словообразования. Так, например, буквально во всех таджикских говорах употребителен узбекский суффикс -*чи*, образующий имена деятеля: *kalxoschi* 'колхозник', *ketmanchi* 'кетменщик', *xizmatchi* 'служащий' и т. п. В большем количестве проникли узбекские словообразующие аффиксы в некоторые крайние

северные смешанные таджикские говоры, например в чустский. Здесь используются:

1) *-ča* — суффикс, образующий наречия со значением образа действия: *urusča* 'по-русски', *uzbekča* 'по-узбекски' и т. п.;

2) *-lik* — суффикс, образующий абстрактные существительные: *priyom-čilik* 'прием', *xўjalik* 'хозяйство';

3) *-gina* — суффикс, обозначающий количественное ограничение: *yak sūtgina* 'на один рубль', *yak tingina* 'на одну копейку';

4) *-la* — суффикс, образующий особого рода числительные, употребляемые при выражении совместности (только в сочетании с местоименными энклитиками): *duttalamo* 'мы вдвоем' (из *du* 'два', *-ta* — нумеративная частица, *mo* < *amon* — местоименная энклитика 1-го лица мн. ч. со значением 'наш'), *duttalaton* 'вы вдвоем' и т. д.;

5) *-lamiš* (*-la* + *-miš*) — суффикс, тоже образующий числительные совместности, но без энклитических местоимений; *čortalamiš* 'вчетвером'.

Чустский и верхнечирчикские говоры заимствовали также узбекские аффиксы исходного падежа *-dan* и дательного падежа *-ga*, но они, подчиняясь нормам таджикского языка, не имеющего падежных форм, превратились в послелоги: *yakūm klāsašdan duyūm klāsaš-ba guzaštam* 'я перешел из первого класса во второй'; *as soāti dū-dan maylis šut* 'с двух часов началось собрание' (чуст.); *dadoš ay; yitmiš-ga čiqqan* 'у нее есть отец; ему исполнилось семьдесят лет' (букв. 'он вышел в семьдесят лет' — бричмуллинское). Сочетание узбекского аффикса дательного падежа с послелогом *ča* (*gača*) было воспринято здесь как единое, неразложимое целое и превращено в отдельный самостоятельный послелог со значением предела действия: *man inja-nda to solōi siyūm-gača tarbiya gittan* 'я воспитывался здесь до тридцатых годов'.

Одновременно с послелогом *-dan* (из узбекского аффикса исходного падежа) к слову очень часто присоединяется еще и свой собственный, таджикский предлог *a(z)*, имеющий то же значение исходности: *soni az maktāb-dan buromdam* 'потом я вышел из школы'; *as soāti dū-dan maylis sar šut* 'с двух часов началось собрание'. В чустском узбекский послелог *gača* самостоятельно не употребляется вообще; помимо него при слове обязательно имеется еще и собственно таджикский предлог *to*, тоже обозначающий предельный пункт: *man inja-nda to solōi siyūm-gača tafbuya gittam* 'я воспитывался там до тридцати годов'; *to bīst-u haftūm sol-gača modaram ham man dar darhōi boyo xizmat ka gaštam* 'до двадцати седьмого года я и моя мать служили у баев в качестве батраков'. Узбекский суффикс сравнительной степени *-roq* в чустском говоре употребляется преимущественно в сочетании с таджикским суффиксом сравнительной же степени *-tar*: *teztarroq || tezroqtar* 'быстрее'. Таким образом, говорящие проявляют как бы некоторое недоверие к заимствованным аффиксам, неуверенность в их полноточности.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ВНЕШНИХ И ВНУТРЕННИХ ФАКТОРОВ

Формы, возникшие первоначально под узбекским воздействием, целиком включаются в общую грамматическую систему родного языка, и дальнейшее их развитие идет уже в полном соответствии со свойствами ему фонетическими и морфологическими закономерностями. Сложные формы глагола, например, подвергаются обычному для данных говоров стяжению и сокращению, причем сами они в конце концов превращаются из сложных в простые, а вспомогательные глаголы, входящие в их состав, — в своеобразные аффиксы. Так, из *xonda isto-daam* 'я читаю' (в северно-ферганских говорах — *xonda istodakam*) в самаркандском говоре получилось *xonsodem*, в чустском — *xonsakam*, в шайданском — *xonsokam*, в кассансайском — *xonsekam* и т. д.; из *xonda*

istoda budam 'я читал длительно' (прошедшее определенное время) в бухарском говоре получилось *xonsoda budam*, в кассансайском *xonsada budam* || *xonsadudam*, в чустском *xonsadudam* и т. д.; из *xonda xoraftaam* 'я читаю' (настоящее определенное время второго типа) в верхнечирчикских говорах получилось *xonda-xotiyam*, в чустском — *xonda-xotakam*, в кассансайском — *xondoxotakam* || *xondoxtkam*; из *xonda xorafta budam* 'я читал длительно' (прошедшее определенное время второго типа) в верхнечирчикских и чустском говорах получилось *xondaxotudam*, в кассансайском *xondoxotudam* || *xondoxtudam* и т. д.¹⁹⁶

В связи с наблюдаемой в таджикских говорах тенденцией к восполнению недостающих звеньев системы по аналогии с настоящим и прошедшим определенным временами изъявительного наклонения (*rafta istodaast* и *rafta istoda bud*) были созданы формы с вспомогательным глаголом *istodan* в аудитивном, сослагательном, предположительном наклонениях (*rafta istoda budaast*, *rafta istodagist*, *rafta istoda bošad*). В предположительном наклонении под действием той же закономерности, помимо возникшей под непосредственным узбекским влиянием формы прошедшего времени (*raftagist*), возникла форма настояще-будущего времени (*meraftagist*), не имеющая аналогии в узбекском языке, и форма настоящего определенного времени (*rafta istodagist*). Система причастий на *-gi* пополнилась формами причастия настояще-будущего времени (*meraftagi*), настоящего определенного времени (*rafta istodagi*), в некоторых говорах — преждепрошедшего времени (*rafta budagi*) и т. д.

Таким образом, внешние и внутренние факторы развития в говорах, подверженных иноязычному влиянию, оказываются в тесном взаимодействии между собой.

¹⁹⁶ Подробнее об этом см. стр. 92 данной работы.

НЕКОТОРЫЕ СВЕДЕНИЯ ПО СИНТАКСИСУ

ОСНОВНЫЕ ДИАЛЕКТНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ В ОБЛАСТИ СИНТАКСИСА

К сожалению, мы не можем заняться здесь вопросами синтаксиса в том же плане, как это делалось в разделе морфологии и фонетики, т. е. с попыткой некоторого исторического его освещения. Это объясняется тем, что, во-первых, синтаксис древнеперсидского, среднеперсидского языков и языка классического периода, опираясь на которые можно было бы представить себе ход исторического развития синтаксиса таджикского языка и его говоров, почти совершенно неизучен, во-вторых, по синтаксису таджикских диалектов в нашем распоряжении имеются лишь весьма разрозненные обрывочные сведения, так как исследователи при сборе материалов на местах уделяли ему значительно меньше внимания, чем фонетике и морфологии. Таким образом, мы вынуждены здесь ограничиться лишь освещением некоторых вопросов синтаксиса, причем таких, в которых обнаружено расхождение в таджикских говорах. Сюда относятся: связь определения с определяемым, деепричастные обороты, инфинитивные и причастные сочетания, оформление прямой речи, построение вопросительного предложения.

Обычное место определения, качественного и по принадлежности, в таджикском предложении, как известно, позади определяемого, которое принимает при этом так называемый «изафетный» показатель *-i*: *xonāi kalon* 'большой дом', *xonāi padar* 'дом отца'. Такой способ связи определения с определяемым принято называть «изафетной конструкцией». Именно это построение является нормой для современного литературного таджикского языка. Изафетный показатель *-i* возводится исторически к древнеперсидскому относительному местоимению *hwa* 'который', а прообразом современной таджикской изафетной конструкции, по-видимому, можно считать такие синтаксические сочетания древнеперсидского языка, как *kāra hwa tanā* 'мое войско', букв. 'войско, которое мое' (*kāra* 'войско', *tanā* 'мой' — родительный падеж единственного числа личного местоимения 1-го лица). В среднеперсидском языке это относительное местоимение было представлено уже в виде *i*, причем выполняло двойную функцию в предложении: 1) относительного местоимения 'который', связывающего определительное придаточное предложение с главным и 2) изафетного показателя, связывающего определяемое слово с определением.

Изафетная конструкция фактически является основным способом связи определения с определяемым и во всех таджикских говорах. Однако наряду с этим в ряде говоров, особенно в северных, имеют место другие типы атрибутивной связи с постановкой определения впереди определяемого. Наибольшее распространение имеет препозитивное использование определения по принадлежности в особой конструкции, где определяемое имеет при себе местоименную энклитику, согласующуюся в лице и числе с определяющим словом, а определе-

ние оформлено послелогом *a* или *ra*: *muallima pisāraš* 'сын учителя', букв. 'учителя сын его' (*muallim* 'учитель', *a* — послелог, *pisar* 'сын', *aš* 'его', — энклитическое местоимение 3-го лица ед. ч.), *Zaydullō-ra patinkōš* 'ботинки Зайдуллы' (*Zaydullo* — имя собственное, мужское, *ra* — послелог, *patinko* 'ботинки', *aš* — энклитическое местоимение 3-го лица ед. ч.).

Такая конструкция имеет распространение в говорах: верховец р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Шахристана, Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, Рарза, Варзоба, Байсуна (байсунский и дербентский говоры). Значительно реже она встречается в говорах Каратага. Для говоров Матчи, Гиссара, Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские), Дарваза, Горона она вообще не характерна и может быть встречена лишь в речи интеллигенции или людей, часто выезжавших в северные районы Таджикистана.

Расходятся говоры также в характере оформления предложения в тех случаях, когда к одному имени, выполняющему функцию субъекта действия, относится несколько глаголов. В одних говорах, преимущественно в южных, юго-восточных и центральных, все глаголы ставятся при этом в личной форме, образуя слитное предложение с однородными сказуемыми: *hamin asp duxtāra bardoš, girift, raft* (варз.) 'Та лошадь девушку подхватила, взяла и увезла'; *raveton, non gireton, biyoreton!* (варз.) 'Идите, возьмите хлеба, принесите!'; *du tarbuz ovarday, kuštay, har duš soz baromaday* (варз.) 'Он два арбуза принес, разрезал; оба оказались хорошими'. В других говорах, преимущественно в северных, все глаголы, кроме самого последнего, обычно ставятся в деепричастной форме, и только самый последний получает личное оформление: *jūmšūi tamom kada, šustušūy kada šuda, xona rafta zob mekunat* (лен.) 'Окончив стирку, вымывшись, уйдя домой, она ложится'; *pagohirūz kissāt-ba andoxta, qorōz-ba pečonda meburavi* 'Завтра, завернув (завтрак) в бумагу, положив (его) в карман, пойдешь'; *čoy rexta, bolōša pūšida metonam* (кан.) 'Налив чаю, закрыв его сверху, я поставлю (его)'.

Преимущественное использование слитных предложений с однородными глагольными сказуемыми наблюдается в говорах Матчи, Варзоба, Каратага, Гиссара (горный и долинный), Каратегина, Чилдары, Куляба (включая рогские), Вахио-Боло, Дарваза, Ванча, Горона. Преимущественное использование деепричастных оборотов свойственно говорам: верховец р. Чирчик, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Чуста, Кассансая, Ленинабада, Канибадама, Исфары, Риштана, Соха, Бухары, Самарканда, Ура-Тюбе, Шахристана, Байсуна, Дербента.

Специфической особенностью дарвазских верхне- и средне-зеравшанских говоров является использование архаического причастия (равного основе прошедшего времени) при выражении действия, непосредственно следующего за каким-либо другим действием, представленным обычно личной формой глагола: *yāktā mešovam xarid* (фальг.) 'пойду один (и) куплю'; *xūdam menavisam ovar* (матч.) 'я сам напишу (и) принесу'. Первый глагол в матчинских говорах, по утверждению А. Л. Хромова, ставится преимущественно в настоящее-будущее времени или реже в аористе¹⁹⁷, в фальгарских говорах он может иметь также форму длительного прошедшего времени: *ūna odam mekovād-ū yoft* (матч.) 'Человек это поищет и найдет', *xezet buraft* (матч.) 'Давай встанем, пойдем', *holi Leninobod meraftam hamun mardaka did* 'Если бы я сейчас поехал в Ленинабад, я увидел бы того мужчину'. Личный глагол и архаическое причастие могут относиться: 1) к одному подлежащему

¹⁹⁷ См.: А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района, стр. 62—63.

в простом предложении: *xūdam menavisam ovarđ* (матч.) 'Я сам напишу (и) принесу', *ūna odam mekovād-ū yoft* (матч.) 'Человек это поищет и найдет'; 2) к разным подлежащим в составе сложно-сочиненного или сложно-подчиненного (условного с оттенком ирреальности) предложения: *šumo har či megūiton burđ kitob burovard* (Зебон) 'Вы говорите разные вещи, а она повезет (записи этого) и издаст книгу'; *holi Leninobod meraftam hamūn mardāka did* (фальг.) 'Если бы я сейчас поехала в Ленинабад, я увидела бы этого человека'.

Изоглосса этого явления проходит по территории Пенджикента, Зебона, Фильмандара, Костароша, долины р. Фан-Дарьи, Матчи, Дарваза.

Большинство северных таджикских говоров (особенно верхнечирчикские и ферганские) отличаются широкой употребительностью в них особого рода сложных сочетаний слов, группирующихся вокруг причастий на *-gi* или инфинитива (причастные и инфинитивные сочетания): *vāxti sel omdāgi-nda ham hamin xel bud* (лен.) 'В то время, когда приходил сель, тоже было также...'; *Saidaxon omdāgi rūz-anda vay omdut* (кан.) 'Он приходил в тот день, когда приезжала Саидахон'; *Maskov budāgi-nda hamin soāta šikandudam* (лен.) 'Я сломал эти часы в бытность свою в Москве'; *man am-maktab omsodāgi-nda xudam tu-va marūjni mexaram* 'Идя из школы (букв. 'при приходе из школы') я сама куплю тебе мороженое'; *to man xestāna piyomnīka monit* (лен.) 'До того времени, как я встану, вы включите приемник'; *aš-šumo omdan esin man xursand šudam* (кан.) 'С тех пор, как вы приехали, я стала веселой'¹⁹⁸.

Основная территория распространения причастных и инфинитивных сочетаний — верховья р. Чирчик, Хиштона, Шайдан, Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Риштан, Сох, Ура-Тюбе, Шахристан, Байсун, Дербент. Несколько менее употребительны они в Варзобе, Каратаге. Для говоров Матчи, Гиссара, Каратегина, Чилдары, Куляба, Вахио-Боло, Дарваза, Ванча, Горона они не характерны.

Некоторые расхождения по говорам наблюдаются также в характере оформления прямой речи. Во всех говорах, распространенных к югу от Туркестанского хребта (кроме байсунского и дербентского), для этого существует только два способа: 1) прямая речь вводится при помощи союза *ki*: *bad guft ki tu jūra ist* 'Потом он сказал: ты постой, дружок'; 2) прямая речь вводится без союза *ki* и вообще без какого-либо специального оформления: *sambaqa ovoz meta ba bačaho: xūnāi ošnot meram* (кул.) 'Черепаша отвечает детям: я к приятелям своим направляюсь'. В говорах, распространенных к северу от Туркестанского хребта, а также в Байсуне и Дербенте, помимо этих двух способов, имеется еще третий, при котором прямая речь вводится в предложение с помощью деепричастия прошедшего времени от глагола *guftan* 'говорить' (*gufta* 'сказав'), став как бы частью деепричастного оборота: *rōyam mayūr šūt gufta giya sar kart* (шайд.) '(Она) начала плакать, говоря: у меня повреждена нога'; *ma,—či gap,—gufta pursidam* (чуст.) 'Я спросил: в чем дело?' (букв. 'я — в чем дело? — спросив, сказал').

Вопросительные предложения с точки зрения расположения их членов во всех говорах строятся одинаково с утвердительными. Что касается выражения самого вопроса, то здесь возможны некоторые диалектные расхождения: 1) во всех говорах, распространенных к югу от Туркестанского хребта, единственным способом выражения воп-

¹⁹⁸ Более подробно об инфинитивных и причастных сочетаниях см. «Очерки» В. С. Расторгуевой, вып. 1, стр. 127—129; вып. 2, стр. 180—195; вып. 3, стр. 103—106.

роса является интонация: *bvi xonuk andoxti?* (варз.) 'Ты налила холодной воды?'; 2) в говорах Понгаза, Хиштхоны, Шайдана, Ашта, Касанса вопрос выражается либо только интонацией, либо постпозитивной вопросительной частицей -о (после гласных -yo) или реже — *mi* (в сочетании с вопросительной интонацией): *gazet ná-yoftéd-o?* (ашт.) 'Вы не нашли газеты?'; *dósta girūn būrafti-yo?* (шайд.) 'Ты унес (отсюда) серп?'; *Maskóv-anda hamintagin angur háy-mi?* (кас.) 'В Москве есть такой виноград?'; 3) в верхнечирчикских, ленинабадском, канибадамском, исфаринском, риштанском, сохском, бухарском, шахристанском, пенджикентском, байсунском, дербентском говорах при выражении вопроса используется постпозитивная частица *mi* (наряду с чисто интонационными средствами): *domišša sunidit-mi?* (лен.) 'Вы слышали его крик?'; *xunuk xūdit?* (лен.) 'Вы озябли?'.

Вопросительные предложения с разделительным значением во всех центральных (зеравшанских), южных и юго-восточных, а также в варзобском, каратагском говорах строятся по типу утвердительных, т. е. с союзом *yo* 'или': *vay raft yo ne?* (варз.) 'Он уехал или нет?'. В северных говорах, помимо этого, существует другой способ, при котором сопоставляемые члены предложения (обычно сказуемые) ставятся рядом и к каждому из них присоединяется вопросительная частица *mi*: *onjo náyz-mi gandá-mi?* (хишт.) 'Там хорошо или плохо?'; *Mahabbat būraft-mi nē-mi?* (кас.) 'Мухаббат ушла или нет?'

К числу специфических особенностей некоторых северных говоров (ленинабадский, канибадамский, исфаринский и др.) относится оформление условных придаточных предложений с ирреальным условием с помощью глагола *budan* 'быть' в 3-м лице единственного числа простого прошедшего времени, который помещается в таких случаях позади глагольного сказуемого в аористной форме: *šumo ná-biit but jiddo diqqat mešudam* (кан.) 'Если бы вы не пришли, я очень заскучала бы'¹⁹⁹. Точно изоглосса этого явления еще не установлена.

Северным говорам (по-видимому, всем) свойственно использование деепричастия прошедшего времени глагола *didan* 'видеть' при выражении сравнения: *vay mām-ba dīda farbehtar || farbeh* 'она полнее меня'; *bnja inja-va dīda xunuktar || xunuk* (кан.) 'там холоднее, чем здесь'. В некоторых из них (например, в ленинабадском, канибадамском, исфаринском) деепричастие от *didan* 'видеть' в этой позиции может быть заменено причастием того же глагола или глагола *nigo(h) kardan* 'смотреть' в сочетании с послелогом *anda*: *tu akót-ba dīdagī-nda (|| nigo kardagī-nda) navča budi* (кан.) 'ты, оказывается, выше твоего брата'²⁰⁰. Всем южным, юго-восточным, а также центральным говорам обе эти конструкции совершенно чужды.

СЛЕДЫ ИНОЯЗЫЧНОГО ВЛИЯНИЯ В ТАДЖИКСКОМ ДИАЛЕКТНОМ СИНТАКСИСЕ

Узбекское влияние в синтаксисе северных таджикских говоров проявляется: 1) в некоторых случаях изменения порядка слов; 2) в построении некоторых словосочетаний по узбекской модели.

Так, обращает на себя внимание тот факт, что препозиционное употребление качественных определений, в целом таджикскому языку не свойственное, отмечено лишь в тех его говорах, которые в максимальной степени подвержены узбекскому воздействию, а именно:

¹⁹⁹ Подробнее об этом см.: В. С. Расторгуева. Очерки..., вып. 3, стр. 110.

²⁰⁰ Подробнее об этом см. там же, стр. 25—26, а также: Л. Бузургаода. Чорбайтҳои халқи ва хусусияти шеваи Конибодом. «Известия Таджикского филиала АН СССР», № 1. Сталинабад, 1941, стр. 20.

в чувском, кассансайском, верхнечирчикских; ср. тадж. бричмуллинское *surx qalāmat* и узб. *қизил қаламим* 'мой красный карандаш'; кассансайское *čiraylik duxtar* и узб. *чиройлик қиз* 'красивая девушка'; кассансайское *kalon čounak* и узб. *катта чойнак* 'большой чайник' и т. д.

Несколько сложный обстоит дело с препозитивным использованием определения по принадлежности в сочетаниях типа *tuallima kitōbaš* 'книга учителя'. Среди некоторых ученых уже издавна закрепились мнение, что это калька с узбекского (ср. узб. *муаллимнинг китоби*)²⁰¹. Однако найденный несколько лет тому назад И. С. Брагинским пример аналогичного построения в поэзии XI в. н. э. (*Rudakira yazalaš* 'газель Рудаки')²⁰² показывает, что такая конструкция не чужда и языку классического периода, хотя и не была, по-видимому, для него нормой. Таким образом, предположение о непосредственном калькировании в данном случае как будто снимается. И все же, если даже определенные сочетания этого типа не были непосредственной калькой, то закреплению их именно в северных говорах, несомненно, содействовало влияние узбекского языка. Иначе нельзя объяснить, почему они, получив весьма широкое распространение на севере, на юге и юго-востоке почти не употребительны. Нет их также в современном персидском языке и в кабули.

Стимулирующая роль узбекского воздействия, как мы уже говорили, сказалась, по-видимому, и в особой степени распространения в северных говорах деепричастных оборотов; ср. тадж. *istalova rafta, jarko xurda omadet?* (ашт.) и узб. *ошхона бориб жарко еб келдингиз* 'Вы сходили в столовую, съели жаркое и пришли' (букв. 'в столовую сходяв, жаркое съев, вы пришли').

Примеров построения словосочетаний и некоторых типов предложений по узбекской модели в северных таджикских говорах довольно много. Приведем основные из них: 1) причастные определительные сочетания (с причастиями на *-gi*); ср. тадж. *du ism-dan šudagi ismhoja či miguftakim?* (чувст.) и узб. *икки исмдан тузилган исмларни нима деймиз?* 'Как мы называем имена существительные, образованные из двух существительных?'; 2) обстоятельственные причастные сочетания: тадж. *hamin angur rixtagi-nda omada to dera angur xurda mešinim* (кас.) и узб. *юзим пишганда келиб кечгача узим еб ўтирамыз* 'Придя во время созревания винограда, мы до позднего времени едим виноград'; тадж. *ünja-nda du ma xondagi tām-kin tan yakūm klāsaš-dan dayūm klāsaš-va guzastam* (чувст.) и узб. *икки ой ўқиганимдан сўнг биринчи классдан иккинчи классга ўтдим* 'После двух месяцев учебы я из первого класса перешел во второй'; 3) инфинитивные сочетания: тадж. *jahak kadān-ba üninči yaltāg-anda budagi ip mibiravat* (чувст.) и узб. *жияк қилишга ўнинчи ғалмақдаги ип сарф бўлади* 'Для изготовления тесьмы идут нитки десятого номера катушки'; тадж. *kalxōs-va daromadān-bat menāta nayz kadānam-ba to rafta daromat nayz šut* (чувст.) и узб. *мен колхозга киримиш блан яхши меҳнатим учун даромад кўп яхши бўлди* 'После моего вступления в колхоз, благодаря усердному моему труду, заработок стал хороший'; 4) вопросительные предложения с разделительным значением; ср. тадж.: *onjo nāyž-mi, gandā-mi?* (хшт.) и узб. *yerda яхшими ёмонми?* 'Там хорошо или плохо?' (букв. 'хорошо ли, плохо ли?'); тадж. *Mahabbat buraft-mi, ne-mi?* (кас.) и узб. *Муҳаббат кетдими йўқми?* 'Мухаббат ушла или нет?'; тадж. *katushka-patuška xaridān-mi gūst-pūšt* (кас.) и узб. *картошка-мартюшка олдиларми*

²⁰¹ См.: П. Е. Кузнецов. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий; Е. Д. Поливанов. Несингармонизированные говоры узбекского языка. Самаркандский говор. «Доклады АН СССР», 1928, № 15, стр. 306.

²⁰² А. К. Боровков. Таджикско-узбекское двуязычие. «Ученые записки Ин-та востоковедения», IV. Лингвистический сборник. М., 1952, стр. 197.

gʻijit-pʻijit? 'Они купили картошки или мяса?'; 5) оформление прямой речи с помощью деепричастия от глагола *guftan* 'говорить' тадж. *gufta*, узб. *деб* 'сказав'; ср. тадж. *soni man* — «*čuva kûcâ-nda tûpalang*» — *gufta niga kadam* (чуст.) и узб. *сўнгра мен* «*нега кўчада тўпаланг?*» *деб қарадим* 'Затем я взглянул (на улицу), сказав: почему это на улице суматоха?'; тадж. *man* — «*či gar?*» — *gufta pirsidam* (чуст.) и узб. *мен нима ган деб сўрадим* 'Я спросил: в чем дело?' (букв. 'я — в чем дело? — сказав, спросил'); 6) оформление сравнения с помощью причастия прошедшего времени на *-gi* (с послелогом *anda*) от глаголов *didan* 'видеть', *nigo(h) kardan* 'смотреть' (*didagi-nda*, *nigo kardagi-nda*; ср. узб. *қараганда* — причастие на *-ган* от глагола *қарамоқ* 'смотреть' с аффиксом местного падежа *-да*); ср. тадж. *asal qând-ba didagi-nda* (|| *nigo kardagi-nda*) *šerin* (кан.) и узб. *асал қандга қараганда ширин* 'мед слаще сахара'.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ПО ЛЕКСИКЕ

ДИАЛЕКТНЫЕ РАСХОЖДЕНИЯ В ОБЛАСТИ ЛЕКСИКИ

Таджикская диалектная лексика в настоящее время изучена весьма недостаточно. Исследователи-диалектологи в своих работах, посвященных описанию различных говоров, обычно уделяют лексике лишь три-четыре страницы. Если даже некоторые из них и прилагают небольшие словарики, то это так называемые «словари диалектизмов», включающие только слова узкоместного употребления и не дающие возможности судить о всем лексическом составе говора в целом. Разнообразный и обширный лексический материал, содержащийся в опубликованных диалектологических записях текстов, еще ждет своей систематизации.

Отсутствие диалектологических словарей лишает нас возможности провести более или менее углубленный анализ лексики таджикских говоров. Поэтому мы вынуждены здесь ограничиться лишь некоторыми общими замечаниями.

Основу словарного состава всех таджикских говоров составляет общий лексический фонд, включающий в основном слова исконно иранские по происхождению, а также некоторые общепринятые заимствования из арабского, узбекского и русского языков. Сюда относятся:

1) из слов исконно иранских по происхождению: а) все первичные глаголы: *didan* (или *dīdan*) 'видеть', *kardan* 'делать', *xondan* (или *xūndan*) 'читать', 'учиться', *xūrdan* (или *xurdan*, *xūrdan*) 'есть', 'кушать', 'принимать пищу', *dodan* 'давать', *giriftan* 'брать' и т. д.; б) местоимения: *man* (или *mān*, *mā*) 'я', *tu* (или *tū*) 'ты', *mo* 'мы', *xud* (или *xūd*, *xūd*) 'сам' и др.; в) числительные: *yak* 'один', *du* (или *dū*) 'два', *se* 'три', *da(h)* 'десять', *bist* (или *bīst*) 'двадцать', *sad* 'сто' и т. д.; г) часть прилагательных: *xub* (или *xūb*) 'хороший', *dur* (или *dūr*, *dir*) 'далекий', *safed* 'белый', *siyo(h)* 'черный', *garm* 'теплый', 'горячий', *xunuk* (или *xūnuk*) 'холодный' и др.; д) часть существительных, в том числе некоторые термины родства: *padar* 'отец', *modar* 'мать', *xohar* (*xuar*, *xuhar*) 'сестра' и др.; название частей тела: *sar* 'голова', *dast* 'рука', *pušt* (или *pūšt*, *pūšt*) 'спина', *mū(y)* (или *māy*, *mā*) 'волосы', *rū(y)* (или *rūy*, *rā*) 'лицо', *zabon* (или *zuvon*) 'язык' и др.; названия многих растений, фруктов, овощей, злаков: *daraxt*, (или *d̄raxt*) 'дерево', *seb* (или *sev*) 'яблоко', *meva* 'фрукты', *jav* (или *jaw*, *jaṣ*) 'ячмень', *gandum* 'пшеница' и др.; названия многих животных: *asp* (или 'asp) 'лошадь', *sag* 'собака', *gov* (или *goṣ*) 'корова', *buz* (или *būz*) 'коза', *gūsfand* (или *gūspand*, *gūsfand*, *gūspand*) 'овца', *murγ* (или *m̄rγ*) 'птица', 'курица' и др.; название многих продуктов сельского хозяйства: *šir* 'молоко', *gūšt* (или *gūšt*) 'мясо', *ord* 'мука'; название различных явлений природы: *oftob* (или *oftoṣ*, *oftob*) 'солнце', *osmon* (или *ostūn*) 'небо', *mo(h)* или *ma(h)* 'луна', *zamin* 'земля', *barf* 'снег', *boron* (или *borūn*) 'дождь' и др.; название единиц измерения времени, названия времен года и пр.: *sol* 'год', *rūz* (или *rūz*) 'день', *šab* (или *šar*, *šav*) 'ночь', *bahor* (или *buhor*) 'весна', *zimiston* (или *zamiston*, *zimistun*) 'зима' и др.; названия жилища и некоторых его частей: *xona* (*xūna*) 'дом', *devor* или чаще *devol* 'стена', *dar* 'дверь' и др.; названия некоторых предметов

домашнего обихода, одежды, обуви: *libos* (или *livos*, *libos*, *levos*) 'одежда', *māza* (или *mūza*) 'сапог', *kūrpa* (или *kūrpa*) 'одеяло' и др.; названия некоторых кушаний: *non* (или *nān*) 'хлеб', 'лепешка', *šūrbo* (или *šūpro*, *šurbo*) 'суп' и многие другие;

2) из слов, заимствованных из арабского языка: а) некоторые существительные самого различного типа (преимущественно термины, связанные с культурой, наукой, общественной жизнью, религиозными мусульманскими воззрениями и обрядами, а также многие имена абстрактные): *maktab* 'школа', *ilm* (или *'ilm*, *elm*) 'наука', *muallim* (*mūallim*, *mualim* и пр.) 'учитель', *kitob* 'книга', *qozi* 'судья' ('старый мусульманский судья'), *salom* 'привет', *hosil* (или *hosil*, *osil*) 'урожай', *nikoh* 'обряд бракосочетания', *savol* 'вопрос', *javob* 'ответ', и др.; б) некоторые прилагательные (из арабских прилагательных и причастий): *oli* 'высший', *maalum* (или *ma'lum*, *ma'lum* и пр.) 'известный', *majbur* 'вынужденный', *qarib* 'близкий', 'близко' и др.; в) наречия на -*an*: *taxminan* 'приблизительно' и др.

3) из слов, заимствованных из русского языка (русские и интернациональные слова), существительные, в том числе: а) многие слова, относящиеся к общественно-политической терминологии: *partiya* 'партия', *kamsamol* 'комсомол', *kamunizm* 'коммунизм', *savet* 'совет' и др.; б) некоторые технические термины, названия машин: *mošin* 'машина', 'автомобиль', *telefon* 'телефон', *radio* 'радио', *samalot* 'самолет', *poiz* 'поезд', *traktur* (или *traktūr*) 'трактор', *iliktirik* 'электричество' и др.; в) названия некоторых предприятий, учреждений, организаций: *zavīt* (или *zavūd*, *zavod*) 'завод', *artel* 'артель', *yasli* 'ясли' (для детей), *kalkos* 'колхоз', *balnisa* 'больница', *raykom* 'райком' и др.; г) некоторые термины культуры, искусства: *kino* 'кино', *klub* 'клуб', *artist* 'артист'; д) название некоторых профессий, должностей: *duxtur* 'доктор', *šofir* (*šūfir*, *šūpil*) 'шофер', *birigad* (*birigat*) 'бригадир' (и 'бригада'), *agranom* 'агроном', *teznik* 'техник'; е) названия некоторых предметов домашнего обихода, одежды, обуви, а также названия некоторых кушаний, сладостей: *samavor* 'самовар', *čounik* (или *čounak*) 'чайник', *karavot* 'кровать', *ustal* 'стол', *palto* (или *palton*, *paltūn*) 'пальто', *tufli* 'туфли', *kanfet* 'конфеты', *xilef* 'хлеб', *šakalot* 'шоколад' и т. д.

В общий лексический фонд таджикских говоров входят также многие слова, производные от арабских и русских (или интернациональных) слов: *traktorči* (или *traktūrči*) 'тракторист', *kalkosī* 'колхозный', *kitobxona* 'библиотека' и пр.

Несмотря на наличие общего лексического фонда, словарный состав в целом все же довольно сильно различается по говорам. Расхождения идут по трем линиям.

1) Употребление разных слов для обозначения одного и того же понятия, например: 'мать', 'мама' в Каратегине, Варзобе, Хиштхоне, Шайдане — *oča*, в Аште — *bibi*, в Кассансае, Исфаре, Сохе — *bivi* (фонетический вариант слова *bibi*), в Ленинабаде, Калибадаме *biwa* (фонетический вариант слова *bibi*), в рогских говорах (Куляб) *nāna*, в Ура-Тюбе, Шахристане *apa*, в Самарканде — *oya*, *aya*, *oybi* ²⁰³; 'отец', 'папа' в Варзобе — *ota*, в Ура-Тюбе — *dada*, *dado*, в рогских говорах (Куляб) — *da*, в Сайробе (Байсун) — *bobak*; 'старшая сестра' в Кассансае, Варзобе — *apa*, в Ура-Тюбе, Шахристане — *apača*, в Аште — *biča*, в Ленинабаде — *biča*, в Исфаре — *oya*; 'морковь' в Варзобе, Ура-Тюбе, Шахристане — *savzi*, в Ленинабаде, Канибадаме, Исфаре — *bezi*; 'нитка' в Ура-Тюбе, Шахристане — *respon*, в Аште — *riška*, в Шайдане — *rišta*, в Чусте — *ip*, в Дарвазе — *voski*; 'перстень' в Хиштхоне, Шайдане — *anguštarin*,

²⁰³ Все перечисленные выше слова существуют в говорах наряду с общетаджикскими *modar* 'мать' и *padar* 'отец', но являются по своему значению более интимными, относятся к просторечию, а не к высокому стилю.

в Аште, Кассансае — *šohonak*, в Ура-Тюбе — *nigin*, в Сохе — *tovak*, в Кассансае и Чусте — *uzuk*; 'платок' (женский головной) в Исфаре — *pāmol*, *lūmol*, в Шайдане — *lingi*, в Ленинабаде, Ура-Тюбе — *qars*, в Ура-Тюбе, Гончи — *īrepča*; 'град' в Шайдане, Канибадаме, Исфаре, Ура-Тюбе, Шахристане — *jola*, в Риштане — *dūl*, в Сохе — *sangča*; 'скорпион', в Варзобе, Ленинабаде, Ура-Тюбе, Шахристане — *gaždum*, в Риштане — *gazandor*; 'шаровары' в Варзобе, Ленинабаде, Канибадаме, Ура-Тюбе, Шахристане — *ezor*, в Риштане — *tamon*; 'очаг (для огня)' в Варзобе — *degdon*, в Шайдане — *otašdon*, в Ленинабаде, Канибадаме, Ура-Тюбе — *ošton*, в Аште — *āčog*, в Брич-Мулле — *piyoda*, в Богустане — *sayrak*, в Нанае — *degsanga*; 'тарелка' в Ленинабаде, Ура-Тюбе — *tavoqča*, *tavoxča*, в Канибадаме — *talinka*, в Хиштхоне — *laganča*, в Брич-Мулле — *taxsimča*; 'крыша' в Варзобе — *bot*, в Сайробе (Байсун) — *hujra*, в Дербенте — *tom*; 'рассказ' в Варзобе — *hikoqa*, в Дербенте — *qazori*, в Сайробе (Байсун) — *šilčak*, в Пасурхи (Байсун) — *matal* и пр.

2) Употребление одних и тех же слов с разным значением; например, слово *bibi* (*bivi*, *buva*) в одних говорах значит 'бабушка', в других 'мать', 'мама', *apa* в одних говорах — 'старшая сестра', в других — 'мать', 'мама' *bobo* (*bovo*, *būvo*, *vo*) в одних говорах — 'дед' в других — 'отец', 'папа' и т. п.;

3) Различие в фонетическом облике одних и тех же слов; ср., например: ашт. *bibi*, исф. *bivi*, лен. *buva*, ришт. *būvi* или пасурхинское — *bobo*, дерб. *boba*, варз. *bovo*, лен. *būvo* и т. п.

Встречаются также слова узкоместного употребления, связанные с какой-либо специфической особенностью жизненного уклада жителей определенных районов и вовсе не имеющие эквивалентов в других говорах; например, рогские *rex* 'палочка для измерения молока', *bandinčk* 'крынка для молока' (с ручкой над широким горлышком), *sepeš* 'мера для измерения молока' (в три пальца — указательный, средний и безымянный), *revoz* 'молочная артель', *dangiča* 'пшеничная похлебка с перцем' и др.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ ИЗ ДРУГИХ ЯЗЫКОВ

Наряду с исконно иранской лексикой в таджикских говорах имеется очень много слов, заимствованных из других языков. Наиболее древний слой заимствованной лексики составляют слова арабского происхождения. Они имеются во всех говорах, многие из них вошли в общетаджикский лексический фонд (см. стр. 150).

Однако есть и такие, которые имеются только в каком-либо говоре или группе говоров. Так, например, А. З. Розенфельд выделяет особый местный слой арабских заимствований в дарвазских говорах: *zas* 'гнездо', *firja* 'досуг', 'удовольствие' *safora* 'оскудевшая земля' и др.²⁰⁴

В южные и особенно в юго-восточные (дарвазские и ванчские) говоры проникло много слов: 1) из памирских языков: дарв. *yal* 'сейчас', *daɣa* 'здесь', *ba* 'поцелуй', *katana* 'большой', *sapidan* 'сыпаться в рот'²⁰⁵; рогск. *bat* 'род пшеничного киселя', *fi* 'деревянная ложка', *loša* 'худой', 'тощий', *fɛrak* 'ополоски от молока', *nəna* 'мать'; 2) из афганского языка: дарв. *voški* 'нитка', *šand* 'оскудевшая земля', *vagav* 'младший', 'меньший'; ванч. *tanja* 'широкая кровать' (местного типа, с резными перилами)²⁰⁶; рогск. *šitala* 'ленивый', *dangal kardan* 'швырять'; 'бросать', *tangi* 'крынка', *bandinčk* 'крынка для молока' (с ручкой над широким горлышком)²⁰⁷.

²⁰⁴ См.: А. З. Розенфельд. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 223.

²⁰⁵ Там же, стр. 222.

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ См.: Ю. И. Богорад. Рогские говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI, 1956, стр. 161—162. О заимствованиях из памирских языков — там же, стр. 162.

В ванчских говорах сохранилось некоторое количество слов местного, ванчского субстрата: *aspalang* 'конюшня', *kitr* 'камень' и др.²⁰⁸ В матчинских говорах имеются слова, сохранившиеся от местного, согдийского субстрата: *vaṇṇiṣ* — название растения (низкорастущее растение со съедобными плодами), *kürt* — название растения (кустарник с очень твердой древесиной), *parmičak* 'вялый', *rova* — название кормовой травы и др.²⁰⁹

Во всех северных говорах в изобилии представлены слова, заимствованные из узбекского языка. Общее количество узбекских слов в разных говорах неодинаково. Особенно много их в говорах верхнечирчикских, чувтских, кассансайском, байсунском, дербентском, несколько меньше — в аптском, шайданском, хиштхонинском, риштанском, ленинабадском, канибадамском, исфаринском, еще меньше — в бухарском, самаркандском, уратюбинском, шахристанском, пенджикентском.

В говорах, наиболее подверженных узбекскому влиянию (верхнечирчикские, кассансайский, чувтский, дербентский, байсунский) узбекские элементы проникают в самые различные области лексики, захватывая даже самые устойчивые ее слои, такие, как числительные и местоимения. Приведем некоторые примеры: 1) термины родства: *ako* (чувт., кас.), *aka* (байс., дерб.) 'старший брат'; *uko* (чувт.), *uka* (байс., дерб.), *iko* (кас.) 'младший брат'; *apo* (чувт.), *apa* (кас., брич.-мул., байс., дерб.) 'старшая сестра'; *qaynato* (кас.), *qaynota* (байс., дерб.) 'свекор'; *qaynsingil* (кас., байс., дерб.) 'золовка' и др.; 2) части тела: *qoş* (во всех говорах) 'бровь', *yelka* (брич.-мул., дерб.) 'плечо', *quloṣ* (брич.-мул., чувт., кас.) 'ухо', *ilik* (кас.) 'палец', *suṣyak* (брич.-мул.) 'кость' и др.; 3) некоторые наименования людей по их профессии или внешним и внутренним признакам: *tergovči* (байс., чувт.) 'следователь', *qışni* (чувт., кас., байс.) 'сосед', *ega* (брич.-мул.) 'хозяин', *yuldoş* (брич.-мул.) 'товарищ'; 4) названия некоторых животных и птиц: *tuṣa* (брич.-мул.) 'верблюд', *ilon* (брич.-мул.) 'змея', *čāčka* (чувт., кас., байс.) 'свинья', *eşak* (кас.), *eşşak* (чувт.) 'осел', и др. 5) названия некоторых предметов домашнего обихода, одежды и др.: *tūppi* (чувт.), *dūppi* || *dūpi* (кас.) 'тюбетейка', *ip* (чувт.) 'нитка', *ipak* (чувт., кас.) 'шелк', *kiyim* (чувт.) 'одежда', *uzuk* (чувт., кас.) 'перстень'; 6) названия некоторых продуктов сельского хозяйства: *qatiq* (брич.-мул., кас., чувт.) 'кислое молоко', *tamizgi* (брич.-мул.) 'сыворожка', *qovip* (кас.) 'дыня'; *jun* (чувт.) 'шерсть'; 7) названия некоторых орудий производства: *bolya* (чувт., уратюб., брич.-мул.) 'молоток', *egov* (чувт.) 'напильник', *piçog* (чувт.) 'нож' и др.; 8) названия некоторых видов оружия: *qilič* (кас., брич.-мул.) 'сабля', *uq* (брич.-мул.) 'пуля'; 9) некоторые сельскохозяйственные термины: *ikin* (брич.-мул.) 'посев', *uṣu* (брич.-мул.) 'семя' и др.; 10) названия некоторых растений: *térag* (брич.-мул.) 'тополь', *tol* (брич.-мул.) 'ива', *butok* (брич.-мул.) 'сучок'; 11) наименования некоторых отвлеченных понятий: *turmuş* (чувт.) 'жизнь', *tiriklik* (чувт.) 'жизнь', *miya* (чувт., кас.) 'мозг', 'рассудок', *ṣu* (чувт., кас.) 'дума', 'мысль', *şiz* (чувт.) 'слово' и др.; 12) некоторые другие существительные разных категорий: *yalyon* (чувт., кас.) 'ложь', *čog* (чувт.) 'время', *yon* (чувт.) 'сторона' и др.; 13) некоторые прилагательные: *tuzuk* (чувт., кас.) 'правильный', 'правильно', 'хорошо', *yurqa* (чувт.) 'тонкий', *teng* (байс., дерб.) 'равный', *tiqin* (байс., дерб.) 'полный', *boşqa* (чувт., кас.) 'другой', *qoq* (чувт., кас.) 'сухой', *keksa* (чувт., кас.) 'старый' и др.; 14) некоторые наречия: *jim* (брич.-мул.) 'тихо', *soniki* (брич.-мул.) 'еще', *sal* 'немного'; 15) отглагольные имена на *-miş* (только в сочетании с глаголом *kardan* 'делать'): *başqarmiş kardan* (дерб.) 'проводить', *jānamiş kardan* (дерб.) 'путешествовать', *qiymiş kardan* (дерб.) 'резать', *tekşirmiş kardan* (дерб.) 'расследовать', *bağarmiş*

²⁰⁸ А. З. Розенфельд. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI, 1956, стр. 277.

²⁰⁹ А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района, стр. 75.

kardan (чуст., кас.) 'выполнять', *bitirmiş kardan* (чуст., кас.) 'заканчивать' и др.; 16) глаголы: *ičidan* (чуст., кас.) 'пить' *čolidan* (кас.) 'играть на музыкальном инструменте', *čočidan* (кас.) 'разливать', 'расплескивать' и др.; 17) некоторые местоимения: *sa* (чуст., брич.-мул.) 'что', *qanča* (брич.-мул.) 'сколько', *kim* (чуст.) 'кто', *üz* (чуст.) 'сам'; 18) порядковые числительные (в чустском, кассансайском, бричмуллинском, байсунском говорах): *birinči* 'первый', *ikkinči* 'второй', *bešinči* 'пятый', *oltinči* 'шестой' и т. д.; 19) количественные числительные до ста (в чустском, бричмуллинском говорах): *bir* 'один', *ikki* 'два', *uč* 'три', *ün* 'десять', *yetmiş* 'семьдесят' и т. д.

Узбекские слова обычно не вытесняют соответствующие слова родного языка, а сосуществуют параллельно с ними: узб. *ički* || тадж. *buz* 'коза', узб. *yulduz* || тадж. *sitora* 'звезда' узб. *yil* || тадж. *sol* 'год', узб. *qarindoš* || тадж. *xeš* 'родственник', узб. *qışni* || тадж. *hamsoya* 'сосед' и т. д. В составных числительных узбекские слова сочетаются с таджикскими: чустск. *nu sād-u yitmiş beš* 'девятьсот семьдесят пять', *yak hazór-u nu sād-u yigirma beš* 'одна тысяча девятьсот двадцать пять'.

Одним из видов заимствований из узбекского языка является калькирование сложных слов и составных глаголов: *giron raftan* (кас., чуст.), *gifta raftan* (чуст.) 'уносить', 'увозить', букв. 'беря уйти' (ср. узб. *олиб кетмоқ*), *giron omadan* (кас., чуст.), *gitta omadan* (чуст.) 'приносить', 'привозить', букв. 'беря (или 'взяв'), прийти' (ср. узб. *олиб келмоқ*) и др.

Из северных говоров узбекские слова просочились в небольшом количестве в говоры центрального и южного Таджикистана; например: рогск. *butun* 'целиком' *tūyri* 'правильно', *garang* 'растерянный', *salqin* 'прохладный', *qoq* 'сухой', *čiqur* 'глубокий', *qin* 'трудный' и др.

Заимствований из русского языка, как мы уже говорили, в целом довольно много. Это главным образом имена существительные из области общественно-политической, хозяйственной, производственной, технической терминологии, а также наименование некоторых профессий, должностей и тех предметов домашнего обихода, одежды, обуви, домашней утвари, которые стали употребительны у таджиков лишь в послеоктябрьский период. В большинстве своем они являются частью общего лексического фонда таджикских говоров, поэтому о них см. стр. 150.

ОПЫТ КЛАССИФИКАЦИИ ТАДЖИКСКИХ ГОВОРОВ

Наша работа подходит к концу. В предыдущих разделах мы пытались: 1) выявить характер диалектных расхождений в таджикском языке, 2) установить изоглоссы отдельных диалектных явлений и 3) на основе сравнения говоров между собой и с их общим прототипом проследить, насколько это возможно, ход развития как отдельных фонетических и грамматических явлений, так и всей языковой системы в целом. Последнее, что нам хотелось бы сделать, это внести некоторые коррективы в существующую классификацию таджикских говоров на базе тех диалектных изоглосс, которые были нами установлены.

Попытки классификации таджикских говоров делались уже неоднократно. Первое, что привлекло к себе внимание — это расхождение в языке горных (южных) и равнинных (северных) таджиков. Так, П. Е. Кузнецов еще в 1915 г. писал, что «таджикское наречие можно разделить на два говора: первый свойствен горным таджикам Каратегина, Дарваза, Рушана, Шугнана и пр., словом таджикам бассейна верхнего Аму, второй таджикам равнин, включая сюда Фергану и Ташкентский уезд»²¹⁰. И далее: «таджики верхнего Аму лучше сохранили свое наречие, чем их равнинные сородичи: у них меньше тюркских слов и предлоги употребляются как таковые, не превращаясь в послелог»²¹¹.

Позднее, в 30-х годах нашего столетия, М. С. Андреев говорит уже не о двух говорах в таджикском языке, а о двух больших группах говоров — северо-западной и юго-восточной. Основные отличительные признаки юго-восточной группы, по мнению М. С. Андреева: 1) краткое *и* (а иногда и *и*) произносится как *ы*; 2) имеются звуки *ħ* и *ɛ*; 3) отсутствует *й*; 4) личное окончание в 3-м лице ед. ч. *-а*; 5) отсутствует личное окончание 2-го лица мн. ч. *-eton*; 6) отсутствует атрибутивная конструкция типа *muallima pisáraš*; 7) отсутствует вопросительная частица *mi*. Основные отличительные признаки северо-западной группы: 1) краткое и долгое *и* сохраняют свое качество (произносятся как *и*); 2) отсутствуют *ħ* и *ɛ*; 3) имеется гласный *й*; 4) личное окончание 3-го лица ед. ч. *-at*; 5) имеется *-eton*; 6) имеется конструкция типа *muallima pisáraš*; 7) имеется вопросительная частица *mi*²¹².

Несмотря на многочисленные недостатки, неточности и несовершенство методов сбора материала, работа М. С. Андреева имела большое значение в истории таджиковедения, а предложенное им деление таджикских говоров на две группы, северную и южную, надолго укоренилось в среде иранистов.

²¹⁰ П. Е. Кузнецов. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий, стр. 26.

²¹¹ См. там же.

²¹² М. С. Андреев. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (Материалы). Сталинабад—Ташкент, 1930, стр. 60—63.

Необходимость внести известные уточнения и дополнения в принятую классификацию таджикских говоров впервые возникла в связи с анализом варзобских диалектных материалов. В варзобском говоре было обнаружено смешение черт, свойственных южным и северным говорам. На основании этого было высказано мнение о возможности выделения третьей группы говоров — центральной²¹³ с включением в нее наряду с варзобским говором «вилояти» («сугути»), распространенного в ряде районов, расположенных вблизи г. Душанбе. Эту мысль поддержала впоследствии А. З. Розенфельд, которая считала возможным отнести к центральной группе говоры гиссарские, варзобский, говоры окрестностей Душанбе и, может быть, — говоры, распространенные к югу от Душанбе до пределов Оби-Гармского района²¹⁴.

По мере накопления диалектных материалов все более отчетливо выявлялась недостаточность и неточность существующей классификации говоров, даже с этой поправкой. Прежде всего сами признаки, на которых она базировалась, оказались несостоятельными. Исторически краткое и сохранилось в виде и не во всех говорах, отнесенных М. С. Андреевым к северной группе; в северноферганских (понгазском, шайданском, хиптхонинском), южноферганских (риштанском, сохском), фальгарских, матчинских оно перешло в *ü*, качественно противопоставляемое гласному *ä* (устойчивому), восходящему к старому *ö* (*vävi majhāl*) и реже — к *ā* (*vävi ma'rāf*). Гласный *ä*, включенный М. С. Андреевым в число признаков северной группы, имеется и на юго-востоке (в Дарвазе), а на севере в ряде говоров отсутствует, например в северноферганских (понгазском, шайданском, хиптхонинском), в южноферганских (риштанском, сохском), в верхнечирчикских, фальгарских и матчинских. Согласные *h* и *ç*, являющиеся по классификации М. С. Андреева признаками южной группы, имеются и на севере — в самаркандско-еврейском говоре, а в ряде южных говоров отсутствуют, например в южнокулябских, рогских, горонском, *ç* — также в дарвазских. Что касается остальных четырех классификационных признаков (характер глагольного окончания в 3-м лице единственного числа, наличие или отсутствие глагольного окончания 2-го лица множественного числа *-eton*, наличие определительной синтаксической конструкции *muallima pisāraš*, вопросительной частицы *mi*), то они не могут быть приняты в качестве таковых в силу своей малой значимости в общей сложной системе таджикских диалектных расхождений.

Несомненно также то, что при классификации таджикских говоров в настоящее время нельзя уже ограничиться разделением их на две, четыре большие группы. Необходимо установить также внутреннее членение этих групп на более мелкие единицы. В течение последних двух десятилетий почти все исследователи-диалектологи в своих работах упоминают те или иные крупные диалектные массивы, представляющие известное единство, но вместе с тем распадающиеся на группы, подгруппы, говоры, подговоры. Так, Л. Бузургзода говорит о самаркандско-бухарской, ленинабадско-канибадамской группах говоров и о говорах полосы Апт—Чуст—Кассансай²¹⁵ А. З. Розенфельд выделяет говоры каратегинские, дарвазские, ванчские²¹⁶, В. С. Соколова, Р. Л.

²¹³ См.: В. С. Расторгуева. К характеристике варзобского говора таджикского языка. «Вестник МГУ», № 6, 1948, стр. 39; Она же. Очерки..., вып. 1, стр. 114.

²¹⁴ А. З. Розенфельд. Некоторые вопросы таджикской диалектологии. «Вестник ЛГУ», 1951, № 7, стр. 35—36.

²¹⁵ См.: Л. Бузургзода. Чорбатҳои халқӣ ва хусусиятиҳои шеваи Конибодом.

²¹⁶ См.: А. З. Розенфельд. Говоры Каратегина. — Сб. «Иранские языки», II. М—Л., 1950, стр. 145—168; Она же. Говоры Каратегина. Сталинабад, 1960;

Неменова и Ю. И. Богорад²¹⁷ — говоры севернокулябские, южнокулябские, рогские, В. С. Расторгуева — говоры северноферганские, западноферганские, южноферганские, ура-тюбинские²¹⁸, Н. С. Аделунг и К. Т. Тагирова — говоры верхнечирчикские²¹⁹, Х. Хамрокулов — говоры байсунские²²⁰, А. Л. Хромов — говоры матчинские²²¹. Все это непременно должно быть учтено при классификации.

При построении любой классификации, в том числе и диалектологической, особенно важным является подбор основного классификационного признака, на котором она базируется. В докладе, прочитанном нами на XXV Международном конгрессе востоковедов (Москва, 1960) и впоследствии напечатанном²²², мы предложили принять в качестве такого признака для таджикских говорів характер отражения в них группы исторических гласных заднего ряда *u*, *ū*, *ō*. Этот признак и до сего времени представляется нам наиболее удобным по следующим причинам: 1) он показывает основной ход развития в таджикских говорах такой важной части системы языка как вокализм, 2) он представлен в большом количестве слов и морфем, а потому наиболее заметен при первом же знакомстве с говором, 3) он дает вполне четкие изоглоссы.

На основании этого признака все таджикские говоры отчетливо делятся на четыре группы.

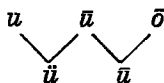
1) Северная группа, дающая *u*, (*ū*), *ǎ* или *u*, *ǎ* на месте старых (среднеперсидских и классических) *u*, *ū*, *ō*. Схемы соответствий:

Примеры: *surx* < ср.-п. *suxr* 'красный', *buz* < кл. *buz* 'коза', *dud* < ср.-п. *dūt* 'дым', *dur* < ср.-п. *dūr* 'далекий', *xūbi* (или *xubi*) < ср.-п. *xūpīh* 'добро', *xūnin* (или *xunin*) < ср.-п. *xūnīn* 'кровавый', *rūz* < ср.-п. *rōz* 'день', *gūš* < ср.-п. *gōš* 'ухо'.

Территория распространения: Ашт, Чуст, Кассансай, Ленинабад, Канибадам, Исфара, Бухара, Самарканд, Ура-Тюбе, Шахристан, Пенджикент, Байсун, Дербент.

2) Центральная (верхнезеравшанская) группа, дающая *ū*, *ū* на месте старых *u*, *ū*, *ō*. Схема соответствий:

Она же. Дарвазские говоры таджикского языка, стр. 273—280; Она же. Ванчские говоры, стр. 49—53.

²¹⁷ См.: В. С. Соколова. Итоги кулябской диалектологической экспедиции. «Труды Таджикского филиала АН СССР», т. XXIX. История, археология, язык и литература. Сталинабад, 1951; Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956; Ю. И. Богорад. Рогские говоры таджикского языка, стр. 134—195.

²¹⁸ См.: В. С. Расторгуева. Очерки по таджикской диалектологии, вып. 2, 3, 4.

²¹⁹ См.: Н. С. Аделунг. Бричмуллинский диалект таджикского языка. (Автореф. канд. дисс.). Сталинабад, 1953; Он же. Фонетический строй богустанского говора таджикского языка. «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1959, № 1/19, стр. 35—44; К. Т. Тагирова. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР.

²²⁰ Х. Хамрокулов. Шевахон тоҷикони райони Бойсун.

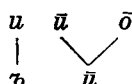
²²¹ А. Л. Хромов. Говоры таджиков Матчинского района.

²²² См.: В. С. Расторгуева. Опыт классификации таджикских говоров. М., 1960; то же на английском языке: V. S. Rastorgueva. An essay at clas-

Примеры: *sŭrx* < *surx*, *bŭz* < *buz*, *dŭd* < *dat*, *dŭr* < *dar*, *xabŭ* < *xabŭ*, *xŭnŭn* < *xŭnŭn*, *rŭz* < *rōč*, *gŭš* < *gōš*.

Территория распространения: Фальгар, долина р. Фан-Дарья, Матча.

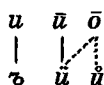
3) Южная группа, дающая *ʔ*, *ā* на месте исторических *u*, *ū*, *ō*.
Схема соответствий:

Примеры: *sŭrx* < *surx*, *bŭz* < *buz*, *dŭd* < *dat*, *dŭr* < *dar*, *xabŭ* < *xabŭ*, *xŭnŭn* < *xŭnŭn*, *rŭz* < *rōč*, *gŭš* < *gōš*.

Территория распространения: часть Варзоба (говоры «кулобӣ» и «каротегинӣ»), часть Гиссара (долинный говор), Каратегин, Чилдара (нижнее Вахио), Куляб, Горон, Нют.

4) Юго-восточная (дарвазская) группа, дающая *ʔ*, *ū*, *ǎ* на месте исторических *u*, *ū*, *ō*. Схема соответствий:

Примеры: *sŭrx* < *surx*, *bŭz* < *buz*, *dŭd* < *dat*, *zŭ(d)* < *zūt*, *rŭz* < *rōč*, *gŭš* < *gōš*.

Территория распространения: прииянджская часть Дарваза, т. е. кишлаки Джорф, Кырговат, Пошхарв, Пшихарв, Умарак, Зинг, Дуробак, Паткиноу, Ширговат, Ягид, Шкев, Равноу и др.

Это деление, основанное на фонетическом признаке, находит подтверждение также: 1) в системе глагола (см. северный, центральный, южный, юго-восточный типы глагольной системы, стр. 102—114); 2) в некоторых синтаксических особенностях, таких, как препозитивное определение по принадлежности типа *tuallŭma kitōbaš* 'книга учителя', разнообразные инфинитивные и причастные сочетания (в северных говорах), выражение непосредственного будущего действия с помощью архаического причастия прошедшего времени (в юго-восточных и центральных говорах с соответствующим противопоставляемым отсутствием всех этих явлений в южных говорах); 3) в лексике (см. карту на стр. 184).

Каждая из групп делится на крупные диалектные единицы (диалекты), которые в свою очередь распадаются на более мелкие группы говоров, говоры и подговоры. Изоглоссы отдельных диалектных явлений обычно не совпадают, поэтому выделение этих основных диалектных единиц (диалектов), говоров и подговоров может быть произведено лишь по совокупности признаков, по специфическому их сочетанию. Границы между отдельными диалектными единицами не абсолютны, так как говоры незаметно переходят один в другой.

Внутри северной группы выделяются:

1. Самаркандско-бухарский диалект, включающий говоры — бухарский, самаркандско-таджикский. Основные признаки: 1) северный тип вокализма, различение устойчивого и неустойчивого *ī* и *i*, 2) консонантизм из 23 согласных с отсутствием *h* и *ç*, 3) северный тип глагольной системы (самаркандская разновидность — в самаркандско-таджикском говоре и основная разновидность — в бухарском²²³), 4) формы перфекта в 1-м лице ед. ч. типа *raftem* < *raftaam*, в 3-м лице мн. ч. *raf-*

sification of tadjik dialect. М., 1960 (отдельная брошюра в серии «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов»).

²²³ См. стр. 108—109 данной работы.

ten < *raftaand*, 5) постпозитивное *ba* (последлог), 6) отсутствие последлога *anda*, 7) наличие атрибутивных сочетаний — типа *muallíma písáras*²²⁴, 8) широкая распространенность деепричастных оборотов, 9) широкая распространенность и специфическое (отличное от западно- и восточно-ферганского, см. ниже) построение причастных и инфинитивных сочетаний, 10) вопросительная частица *mi* (*omad-mi?* 'он пришел?').

2. Самаркандско-еврейский диалект. Отличается от самаркандско-бухарского: 1) наличием *ɛ* и *h*, 2) отсутствием устойчивого *ĩ*, 3) типом окончаний перфекта — в 3-м лице ед. ч. *rafte* < *raftaast* (вместо самаркандско-бухарского *raftas*), в 1-м лице мн. ч. *raftim* < *raftaam*, в 3-м лице мн. ч. *raftin* < *raftaand*, 4) типом глагольной системы в целом (самаркандско-еврейская разновидность северного типа глагольной системы), некоторыми особенностями лексики.

3. Западноферганский диалект, включающий: ленинабадский, канибадамский, исфаринский говоры. Основные признаки: 1) северный тип вокализма с различием устойчивого и неустойчивого *ĩ* и *i*; 2) консонантизм из 23 согласных с отсутствием *h* и *ɛ*, 3) северный тип глагольной системы (канибадамская разновидность в канибадамском говоре, ленинабадская разновидность — в ленинабадском говоре, исфаринская разновидность — в исфаринском говоре²²⁵), 4) формы перфекта в 1-м лице ед. ч. *raftiyam* < *raftaam*, в 3-м лице мн. ч. *raftiyan* < *raftaand*, 5) постпозитивное *ba* (последлог), 6) наличие последлога *anda*, 7) наличие атрибутивных сочетаний типа *muallíma písáras*, 8) широкое распространение деепричастных оборотов, 9) широкая распространенность и своеобразие (отличное от самаркандско-бухарского) построение причастных и инфинитивных сочетаний, 10) лексические особенности, 11) вопросительная частица *-mi*.

4. Восточно-ферганский диалект, включающий аштский, чустский, кассансайский говоры. Основные признаки: 1) северный тип вокализма с различием устойчивого и неустойчивого *ĩ* и *i*, 2) консонантизм из 23 или 22 согласных с отсутствием *ɛ* и *h*, 3) северный тип глагольной системы (чустская разновидность — в чустском говоре, кассансайская разновидность — в кассансайском говоре, аштская разновидность — в аштском говоре)²²⁶, 4) формы перфекта в 1-м лице ед. ч. *raftakam*, в 3-м лице ед. числа *raftas*, в 3-м лице мн. ч. *raftakan*, особый тип настоящего определенного времени (в чустском и аштском говорах — *rafsakam* в кассансайском — *rafsekam* < *rafta istodakam*), 5) постпозитивное *ba* (последлог), 6) наличие последлога *anda*, 7) наличие последлогов, заимствованных из узбекского языка (*dan*, *gača*, *učin* — в чустском говоре, *dak*, *kein*, *kin* и др. — в чустском и кассансайском говорах), 8) наличие атрибутивных сочетаний типа *muallíma písáras*, в чустском и кассансайском говорах также возможность препозитивного качественного определения (*kičkina bačaho* или *bačkon* 'маленькие дети', *kalon čoynak* 'большой чайник'), 9) широкое распространение деепричастных оборотов, 10) широкая распространенность и своеобразие в построении причастных и инфинитивных сочетаний, 11) лексические особенности (в частности, обилие лексических заимствований из узбекского языка, особенно в чустском и кассансайском говорах), 12) вопросительные частицы *-o* || *-mi* (*omad-o?* || *omad-mi?* 'он пришел?').

5. Уратюбинский диалект, включающий собственно уратюбинский, гончинский и шахристанский говоры. По основным признакам сближается с самаркандско-бухарским: северный тип системы вокализма,

²²⁴ См. стр. 143—144 данной работы.

²²⁵ См. стр. 111—112 данной работы.

²²⁶ См. стр. 112—114 данной работы.

различение устойчивого и неустойчивого $\bar{i}$ и i , 2) система консонантизма из 23 фонем без ε и h , 3) северный тип глагольной системы (основная разновидность, как в бухарском говоре), 9) постпозитивное использование *ba* (последлог), 5) отсутствие последлога *anda* и пр. Отличается от него: 1) типом перфекта — в 1-м лице ед. ч. *raftiyam* (вместо самаркандско-бухарского *raftem*), в 3-м лице мн. ч. *raftiyan* (вместо самаркандско-бухарского *raften*), 2) типом стяжения форм с *istodan*: *raftosiyam*, *raftostiyam* || *rafsodiyam* 'я иду' вместо самаркандско-бухарского *rafsodem* || *rafsem* (< *rafta tstodaam*); *raftosa* (или *raftosta*) *budam* 'я шел' вместо самаркандского *rafsodudam*, бухарского *rafso(d)a budam* < *rafta istoda budam*, 3) особенностями лексики и др.

6. Пенджикентский городской диалект (г. Пенджикент и некоторые близлежащие кишлаки). По основным особенностям сближается с самаркандско-бухарским и ура-тюбинским: 1) северный тип вокализма с различием устойчивого и неустойчивого $\bar{i}$ и i , 2) северный тип глагольной системы (по-видимому, основная разновидность, как в бухарском, ура-тюбинском и шахринском говорах), 3) постпозитивное использование *ba* (последлог), 4) отсутствие последлога *anda* и пр. Отличается от обоих диалектов: 1) наличием ε и h (консонантизм из 25 согласных фонем), 2) некоторыми особенностями лексики. Тип перфекта такой же, как в самаркандско-бухарском диалекте — в 3-м лице ед. ч. *raftas*, в 1-м л. ед. ч. *raftem* (< *raftaam*), в 3-м лице мн. ч. *raften* (< *raftaand*). Тип стяжения форм с *istodan* близок к уратюбинскому: *raftosem* || *rafsodem* < *rafta istodaam* (в уратюбинском *raftosiyam* || *raftostiyam* || *rafsodiyam*), *raftosa* || *rafsoda budam* < *rafta istoda budam*).

7. Пенджикентский сельский диалект (кишлаки южной части Пенджикентского района — Зебон, Фильмандар, Костарош), включающий зебонский, фильмандарский, костарошский говоры. Основные признаки: 1) фонетическая система такая же, как в городском пенджикентском диалекте: северный тип вокализма с различием устойчивого и неустойчивого $\bar{i}$ и i , консонантизм из 25 согласных фонем, включая ε и h ; 2) северный тип глагольной системы с включением некоторых особенностей центрального типа (наличие архаического причастия прошедшего времени, равного основе прошедшего времени и употребляемого при выражении непосредственного будущего времени: *meravam dūxt* 'пойду и сошью'), 3) употребительность деепричастных оборотов, причастных и инфинитивных сочетаний. Специфическая особенность, отличающая от всех остальных диалектов — спряжение перфекта со вставным (или восстановленным) согласным g : *ramtagam* || *raftem* вместо пенджикентского *raftem* < *raftaam*, *raftagi* || *rafti* вместо пенджикентского *rafti* < *raftai*, *raftagan* || *raften* вместо пенджикентского *raften* < *raftaand* и т. д.; то же в настоящем определенном времени: *rafsagam* || *rafsodem*, *rafsagi* || *rafsodi*, *rafsagan* || *rafsoden* и т. д.

8. Варзобско-гиссарский диалект, включающий варзобский, горный гиссарский и каратагский говоры. Основные особенности: 1) северный тип вокализма, но с отсутствием противопоставления устойчивого и неустойчивого $\bar{i}$ и i (шесть гласных фонем)²²⁷, 2) консонантизм из 25 согласных фонем, включая h и ε , 3) северный тип глагольной системы (каратагско-гиссарская и варзобская разновидности), 4) в варзобском и горном гиссарском наличие последлога *ga* || *a*, 5) препозитивное употребление *ba* (предлог), 6) широкое использование предлога *da(r)* вместо ферганского последлога *anda* (в варзобском и горном гиссарском *da* может быть и последлогом); 7) малая употребительность деепричастных оборотов; 8) некоторые лексические особенности.

²²⁷ См. стр. 33 данной работы.

9. Байсунский диалект (кишлаки Байсун, Пасурхи, Кучкак, Сариосие, Авлод). Основные особенности: 1) северный тип вокализма, но без различения устойчивого и неустойчивого $\bar{i}$ и i , 2) консонантизм из 23 согласных фонем без ε и h , 3) северный тип глагольной системы (основная разновидность), 4) формы перфекта в 3-м лице ед. ч. *raftay*, в 1-м лице ед. ч. *raftem* < *raftaam*, в 3-м лице мн. ч. *raften* < *raftaand*, 5) специфический тип стяжения: в преждепрошедшем времени (*raftoudam* < *rafta budam*), в прошедшем определенном времени (*raftsoudam* < *rafta istoda budam*), настояще-прошедшем перфекте (*raftsoudem* < *rafta istoda budaam*); 6) постпозитивное использование *ba* (послелог), 7) наличие послелогов, заимствованных из узбекского языка: *dan*, *dak*, *day*, *uĉun*, *ĉa*; 8) широкое употребление деепричастных оборотов, причастных и инфинитивных сочетаний, атрибутивной конструкции типа *muallima kitobaš*; 9) лексические особенности.

По многим признакам сближается с бухарским говором, но имеет и серьезные отличия от него: тип стяжения преждепрошедших времен, формы предположительного наклонения (*raftagistam* || *rattagem*; в бухарском говоре только *raftagem*), 3-е лицо ед. ч. в перфекте — *raftay* < вместо бухарского *raftas* и др.

10. Дербентский диалект (кишлаки — Дербент, Сайроб, Панджоб). По многим признакам сходен с байсунским: 1) северный тип вокализма (с шестью гласными фонемами, без различения устойчивого и неустойчивого $\bar{i}$ и i); 2) северный тип глагольной системы (основная разновидность), 3) постпозитивное *ba* (послелог), 4) широкое использование деепричастных оборотов, причастных и инфинитивных сочетаний, атрибутивной конструкции типа *muallima kitobaš* и др. Вместе с тем он имеет много особенностей, сильно отличающих его от байсунского диалекта. К их числу относятся: 1) наличие согласных ε и h (консонантизм из 25 согласных фонем), 2) малая степень стяжения сложных глагольных форм (*rafta budam* вместо байсунского *raftoudam*, *raftsoda budam* вместо байсунского *raftsoudam* и др.), 3) наличие послелога *ra* (|| *a*), 4) отсутствие узбекских послелогов *dan*, *dak*, *uĉun*, *day*, *ĉa*, 5) употребление местоименных энклитик при глаголе в функции прямого и косвенного объекта, 6) предположительное наклонение только с полной формой глагольной связки (*raftagistam*, *raftagisti* и т. д.); см. карты на стр. 184 и 185.

Внутри центральной (верхнезеравшанской) группы выделяются:

1. Матчинский диалект, включающий нижнематчинский и верхнематчинский говоры. Отличительные особенности: 1) центральный (верхнезеравшанский) тип вокализма (см. стр. 35—36), 2) консонантизм из 25 согласных (с наличием h и ε), 3) центральный тип глагольной системы (см. стр. 106—107), 4) малая употребительность деепричастных оборотов, 5) малая употребительность причастных и инфинитивных сочетаний, 6) употребление архаичной формы причастия, равного основе прошедшего времени для обозначения непосредственного будущего времени (*ina odam mekovad-ū yoft* 'человек это поищет и найдет'), 7) наличие послелога *ra* (|| *a*), 8) препозитивное *ba* (предлог), 9) наличие послелога *anda*, 10) лексические особенности;

2. Фальгарский диалект, включающий в себя ряд говоров (урметанский, дар-дарский, рарзский и др.), общее количество которых пока еще не установлено. Рядом признаков сближается с матчинским диалектом: 1) центральный тип вокализма, 2) наличие ε и h (консонантизм из 25 согласных фонем), 3) препозитивное *ba* (предлог), 4) употребление архаичной формы причастия для выражения непосредственного будущего времени (*merawam-ū dāxt* 'пойду и сохью'). Отличается от матчинского тем, что в нем представлен северный тип системы глагола, а не центральный (имеются формы предположительного наклоне-

ния), а также некоторыми другими морфологическими и лексическими признаками (см. карты на стр. 184 и 185).

Внутри южной группы выделяются:

1. Каратегинский диалект, включающий собственно каратегинский или правобережный каратегинский говор (правобережная часть среднего Каратегина) и вахинско-каратегинский или левобережный каратегинский говор (бассейн нижнего течения р. Хингоу), примерно от кишлака Тавильдара до впадения Хингоу в Сурхоб (верховья и левый берег р. Сурхоб). Отличительные признаки: 1) южный тип вокализма, 2) наличие ε и h , 3) регулярный переход o в $\bar{a}$ перед носовыми согласными ($n\bar{u}n < non$ 'хлеб'), 4) спирализация интервокального и поствокального b ($xo\bar{u} < xob$ 'сон', $xavar < xabar$ 'известие'), 5) южный тип системы глагола (кулябско-каратегинская разновидность)²²⁸, 6) личное окончание 2-го лица мн. ч. $-e(d)$, 7) отсутствие сложноподлежащих глаголов, 8) наличие послелога $anda$, 9) препозитивное $ba || bay$ (в вахинско-каратегинском также bey, be), 10) особенности лексики.

2. Севернокулябский диалект, включающий в себя несколько мелких групп говоров: 1) восточную (северная и центральная часть Даштиджумского района), 2) центральную (муминабадский, ховалингский, сарихасорский и шуробдарачинский говоры), 3) западную (бальджуанский, дарачинский и даштакский говоры). Основные особенности: 1) южный тип вокализма, 2) наличие h и ε (консонантизм из 25 согласных фонем), 3) переход o в $\bar{a}$ перед носовыми (степень распространения этого явления неодинакова по говорам), 4) спирализация согласного b в интервокальном положении, 5) южный тип глагольной системы (кулябско-каратегинская разновидность)²²⁹. Эти черты у него общие с каратегинским диалектом. Признаки, отличающие его от каратегинского: 1) личное окончание во 2-м лице мн. ч. $-en$ вместо каратегинского $-e(d)$ ($b\bar{t}raven$ 'идите' вместо каратегинского $b\bar{t}rave(d)$), 2) личное местоимение 3-го лица ед. ч. $\bar{a}$ 'он' мн. ч. — uho, uvo 'они' вместо каратегинского $vay, havay$ 'он' — в единственном числе, $vayo, havayo$ 'они' — во множественном; 3) отсутствие послелога $anda$.

3. Рогский диалект (юго-восточная часть Шуроабадского района на территории с/с Ходжагалтон)²³⁰. По ряду признаков сближается с севернокулябским диалектом: 1) южный тип вокализма, 2) переход o в $\bar{a}$ перед носовыми ($n\bar{u}n < non$ 'хлеб'), 3) спирализация согласного b в интервокальном и поствокальном положении ($xo\bar{u} < xob$ 'сон', $xavar < xabar$ 'известие'), 4) личное окончание 2-го лица мн. ч. $-en$ ($b\bar{t}raven$ 'идите'). Признаки, отличающие его от севернокулябского диалекта: 1) отсутствие всех фарингальных согласных — $h, \bar{h}, \varepsilon$ (консонантизм из 22 согласных фонем), 2) отпадение согласного y в начале слов перед гласными ($anga < yanga$ 'невестка', $asli < yasli$ 'детские ясли'), 3) губно-губное w (вместо севернокулябского v), 4) наличие послелога na ($kalx\bar{o}z-na raft\bar{u}m$ 'я пошел в колхоз'), 5) рогская разновидность южного типа глагольной системы²³¹ (в севернокулябском диалекте — кулябско-каратегинская разновидность²³²), 5) некоторые лексические особенности.

4. Южнокулябский диалект, включающий несколько говоров (далатабадский, тагнобский, кулябский, даштиджумский и др.). По основным своим признакам занимает промежуточное положение между севернокулябским и рогским диалектами²³³.

²²⁸ Подробнее об этих группах и территории их распространения см.: Р. Л. Неменова. Кулябские говоры таджикского языка, стр. 66—77.

²²⁹ См. стр. 106 данной работы.

²³⁰ О территории распространения рогского диалекта см. стр. 6 данной работы.

²³¹ См. стр. 106 данной работы.

²³² См. стр. 106 данной работы.

²³³ Из неопубликованных материалов Р. Л. Неменовой.

5. Бадахшанский диалект, включающий горонский говор и говор кишлака Нют. Основные признаки: 1) южный тип вокализма, 2) переход *o* в *ū* перед носовыми, 3) полное отсутствие фарингальных согласных (консонантизм из 22 согласных фонем), 4) спирализация согласного *b* в интервокальном положении, 5) южный тип глагольной системы (горонская разновидность — с полным отсутствием форм с *istodan* и перфекта II), 6) малая употребительность деепричастных оборотов, 7) лексические особенности (см. карты на стр. 184 и 185).

Внутреннее деление юго-восточной группы пока еще точно не установлено. Р. Л. Неменова предполагает, что в ней можно, по-видимому, выделить: а) говор кишлака Джорфа; б) говор кишлаков Кырговата, Пошхарва; в) говор кишлаков Умарака, Зинга, г) говор Се-дийа (кишлаки Сангеви дароз, Дуробак, Паткиноу), д) говор Шекаи (кишлаки Ширговат, Ягид, Шкев, Равноу). Отличительных признаков каждого из говоров она не называет.

Вне упомянутых четырех групп остаются: 1) верхнечирчикские говоры (Брич-Мулла, Нанай, Узун, Пскем; Богустан), северноферганские говоры (Понгаз, Хиштхона, Бобоидархон, Шайдан) и южноферганские говоры (Риштан, Сох), представляющие три типа переходных говоров между центральной и северной группами (фонетическая система, в частности вокализм — центрального типа, глагольная система и синтаксис — северного типа); 2) вахио-болинский или вахинско-дарвазский — переходный между южной и юго-восточной группами (вокализм южный, глагольная система юго-восточного типа); см. карты на стр. 184 и 185.

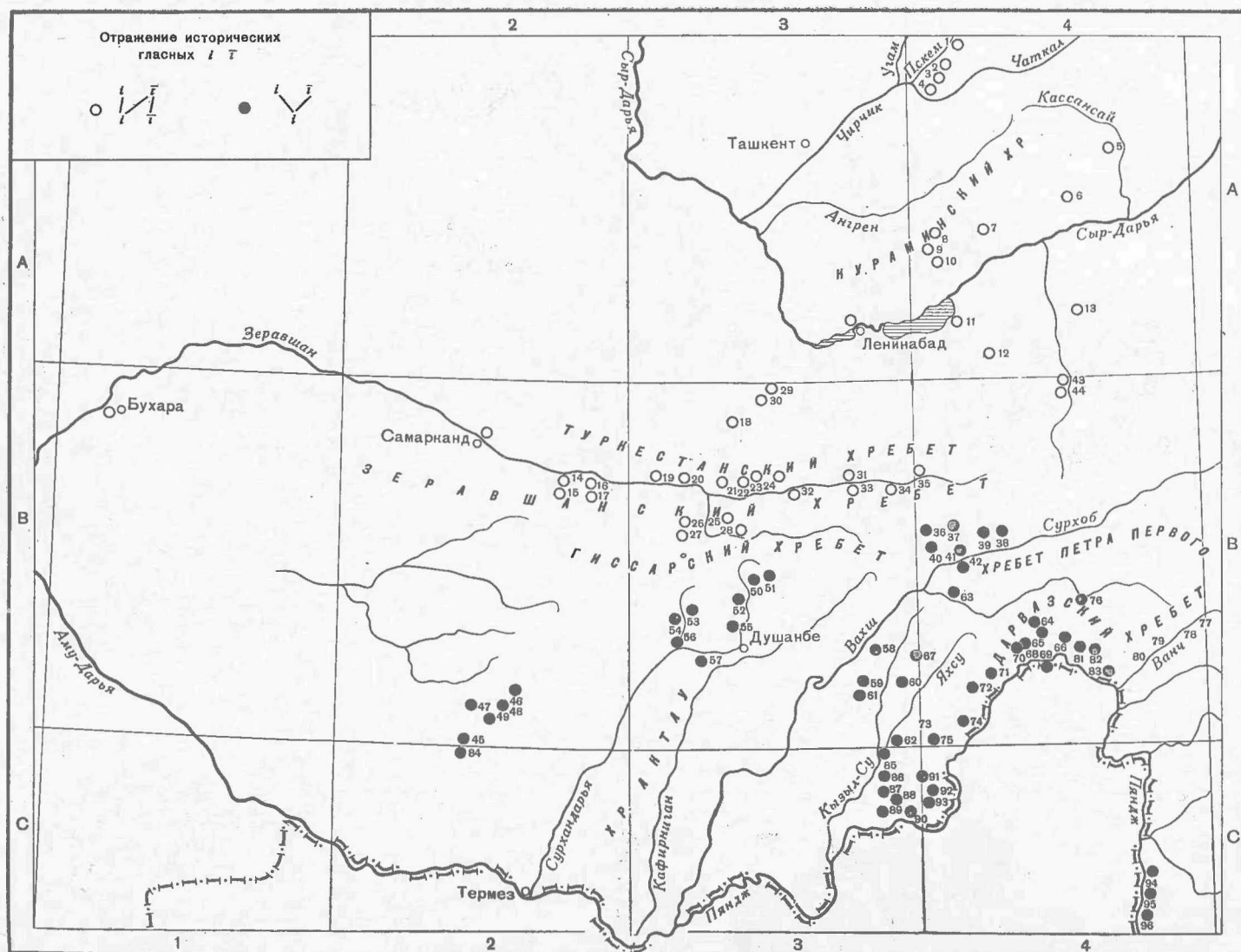
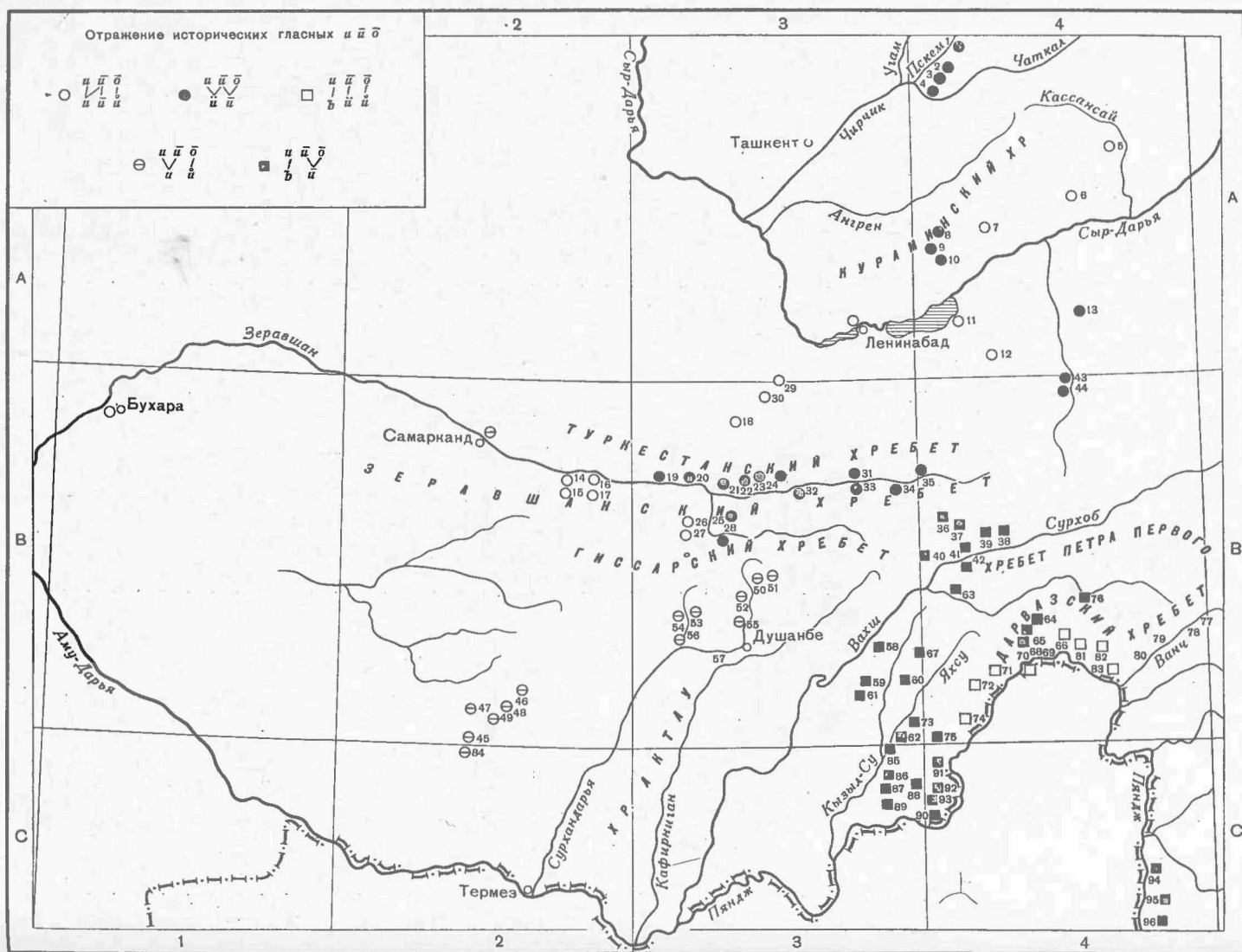
Изоглоссы отдельных диалектных явлений выходят далеко за пределы Советского Союза, находя свое продолжение в Афганистане и в северной части Ирана (в Хорасане). Например, свойственное нашим кулябским и рогским говорам глагольное окончание 2-го лица множественного числа *-en* имеется также в ряде говоров афганских таджиков, в частности, в кабульском просторечии. Там же употребительны личные местоимения 3-го лица множественного числа *wo*, *yo* 'они', характерные для наших дарвазских говоров и пр.

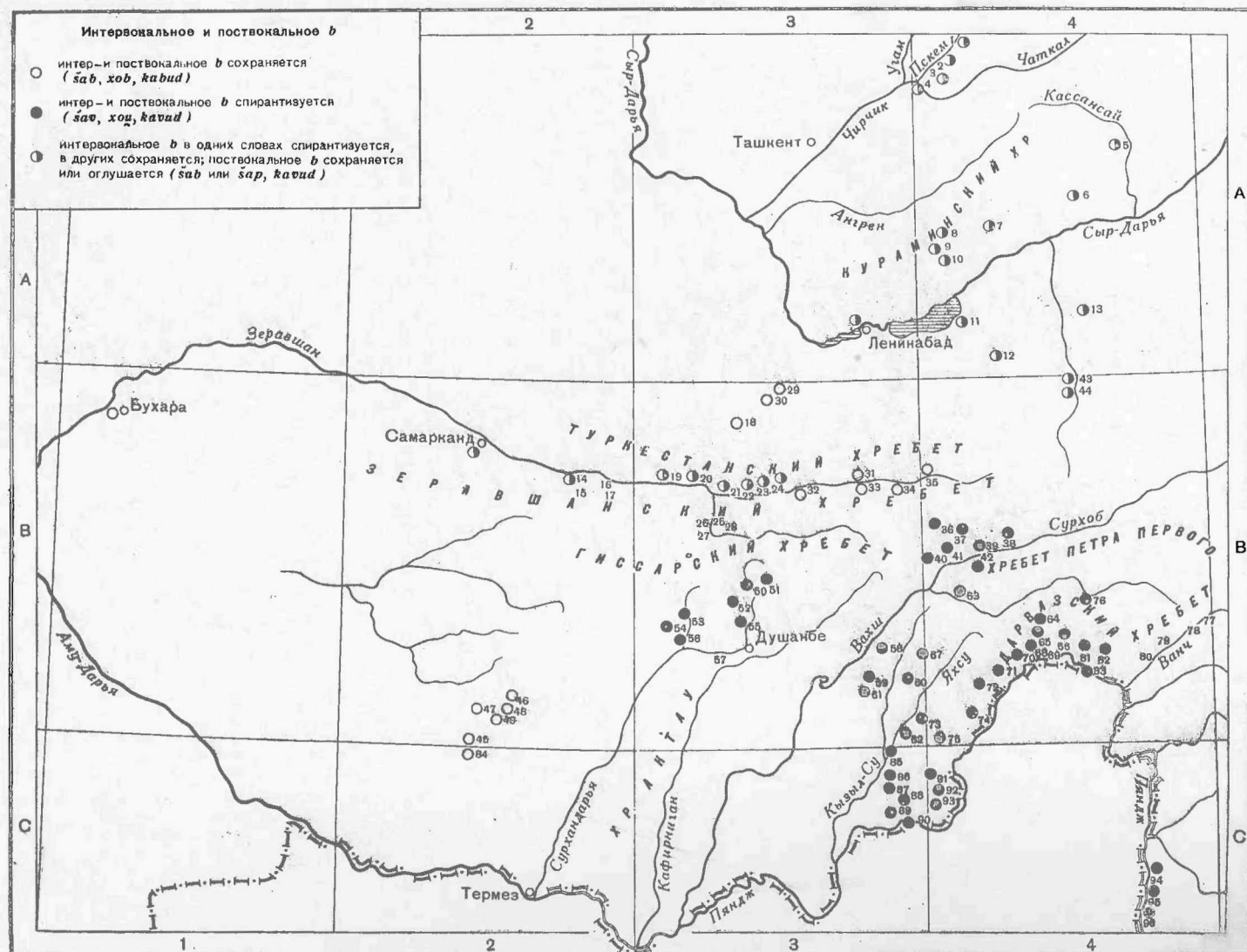
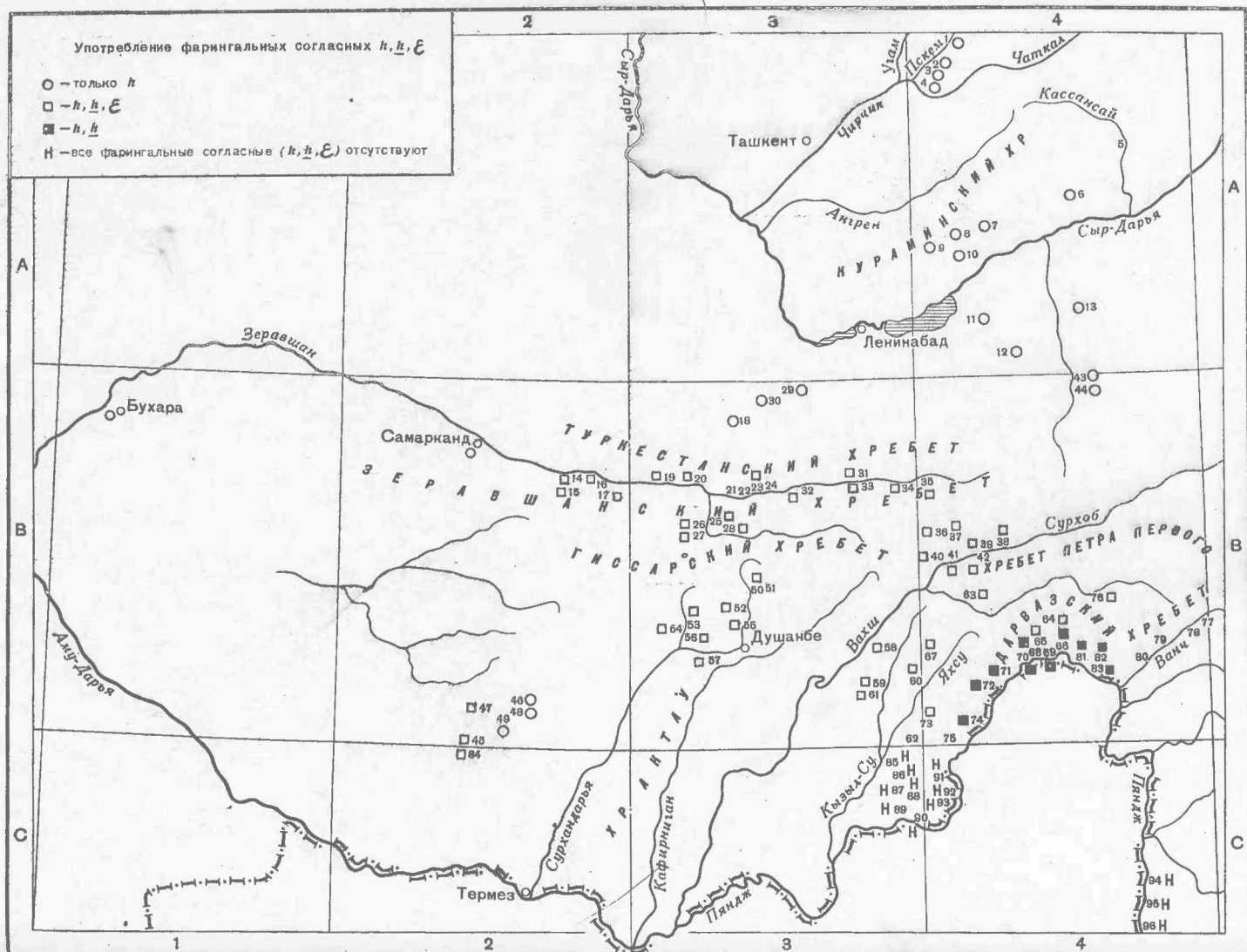
Представленная нами классификация таджикских говоров носит предварительный характер. С накоплением диалектологических материалов в нее несомненно придется внести известные уточнения.

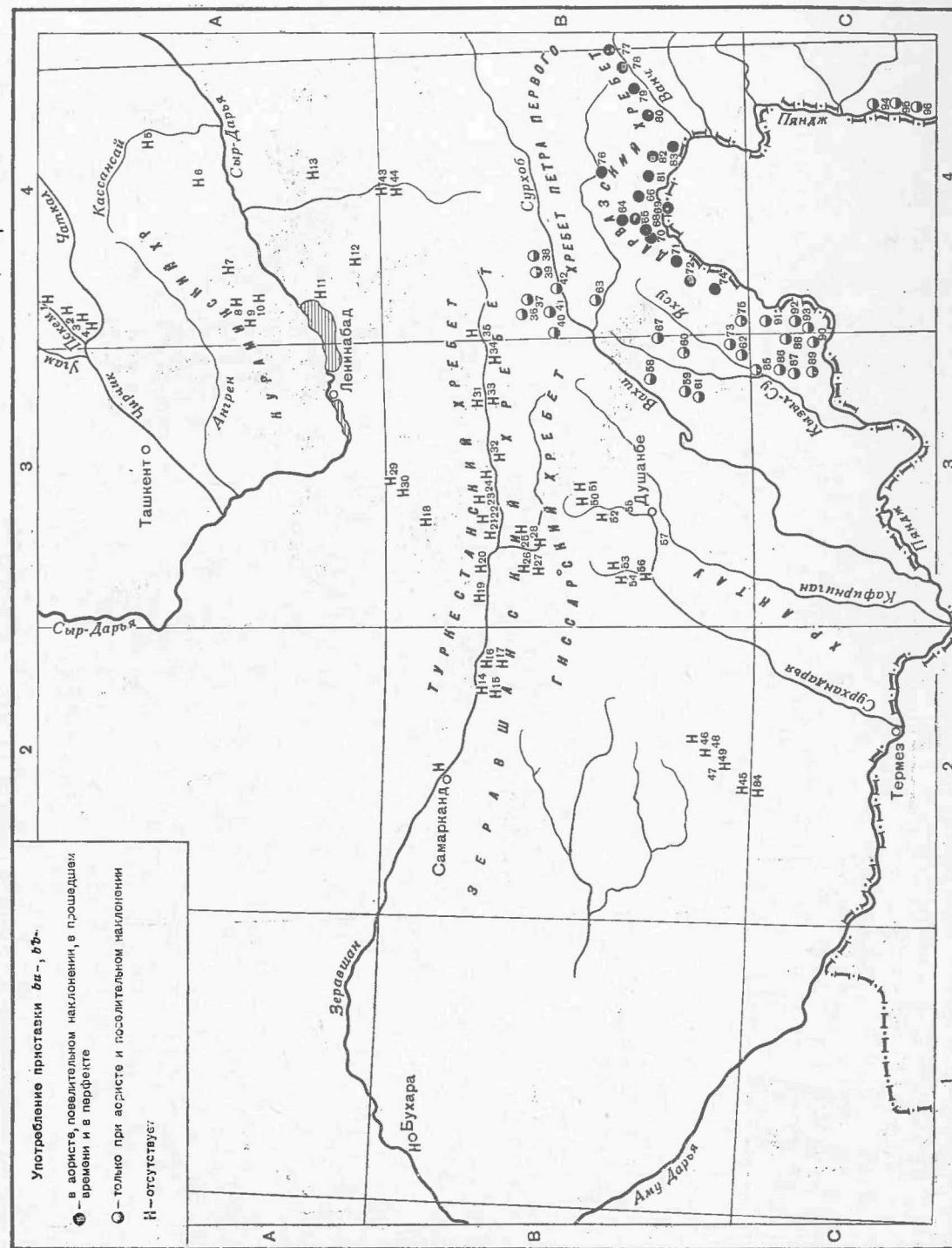
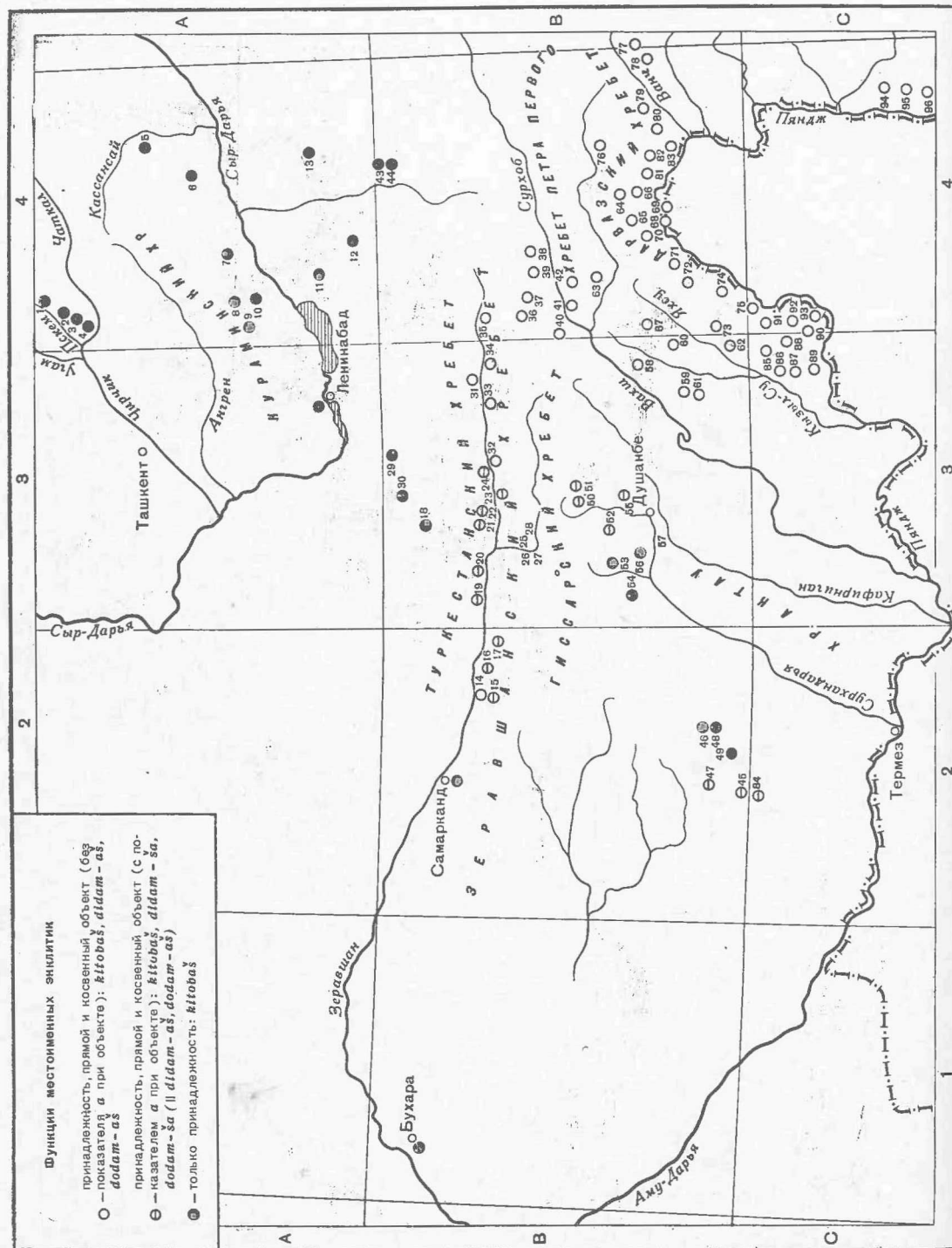
КАРТЫ

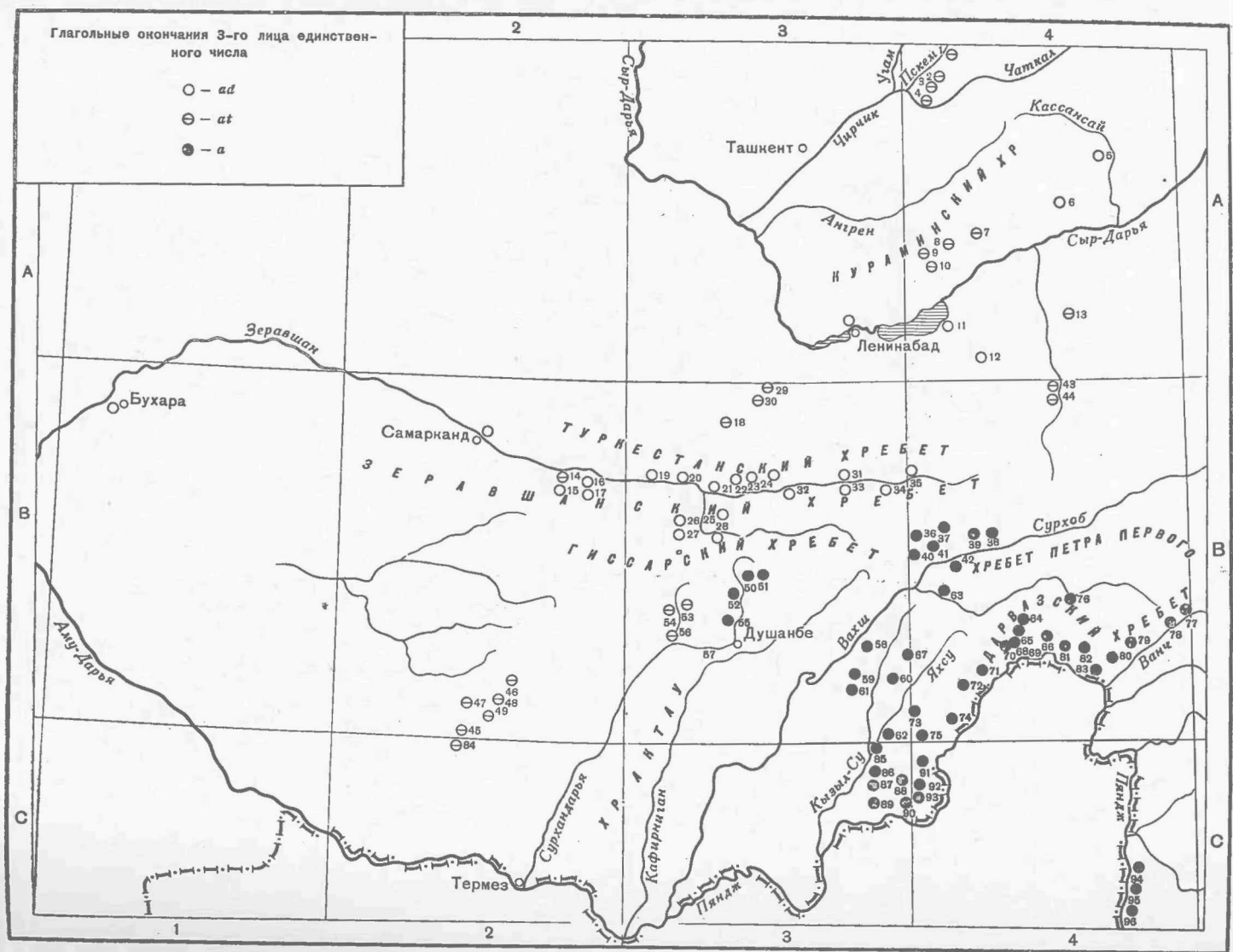
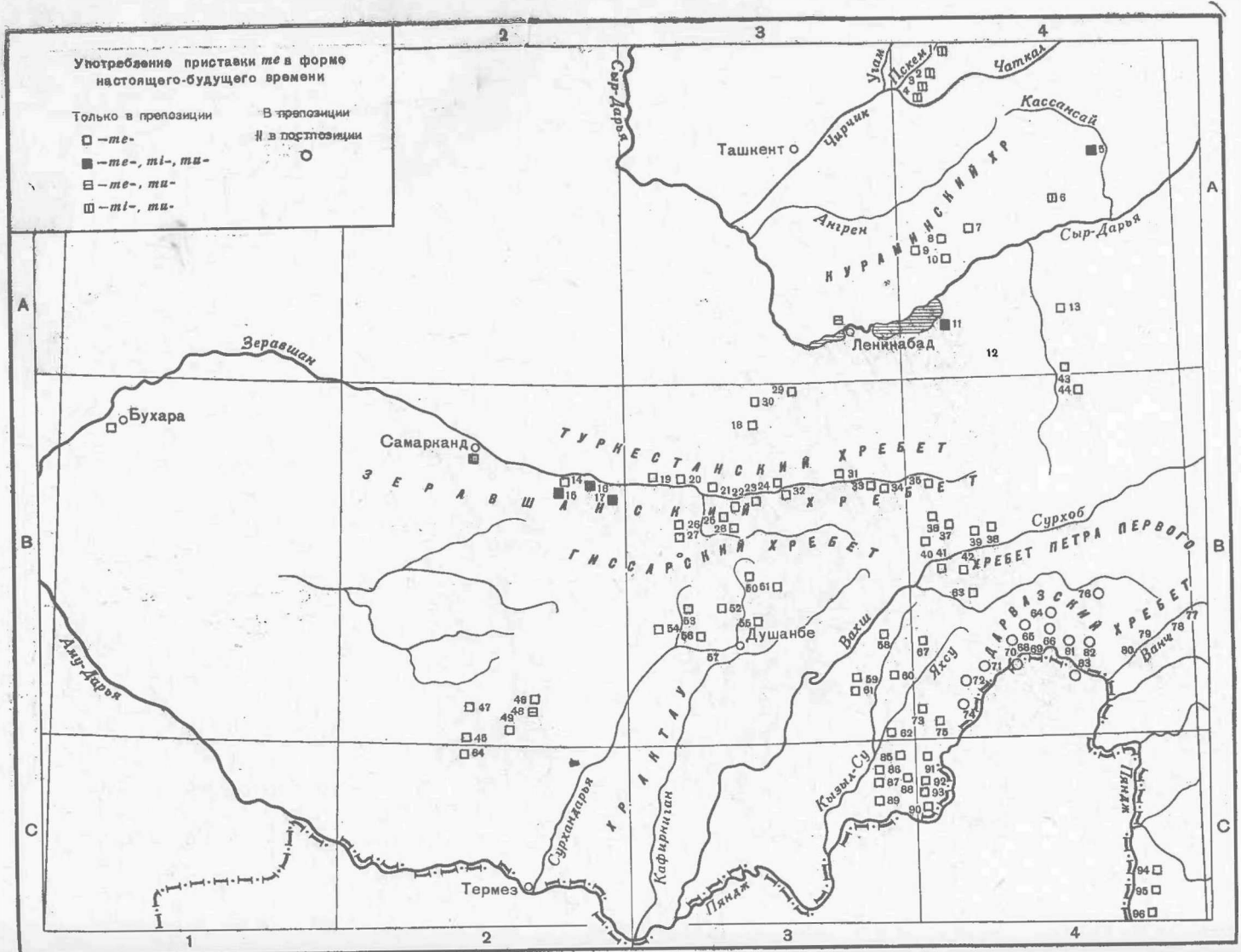
СПИСОК НАСЕЛЕННЫХ ПУНКТОВ, ОБОЗНАЧЕННЫХ НА ДИАЛЕКТОЛОГИЧЕСКИХ КАРТАХ

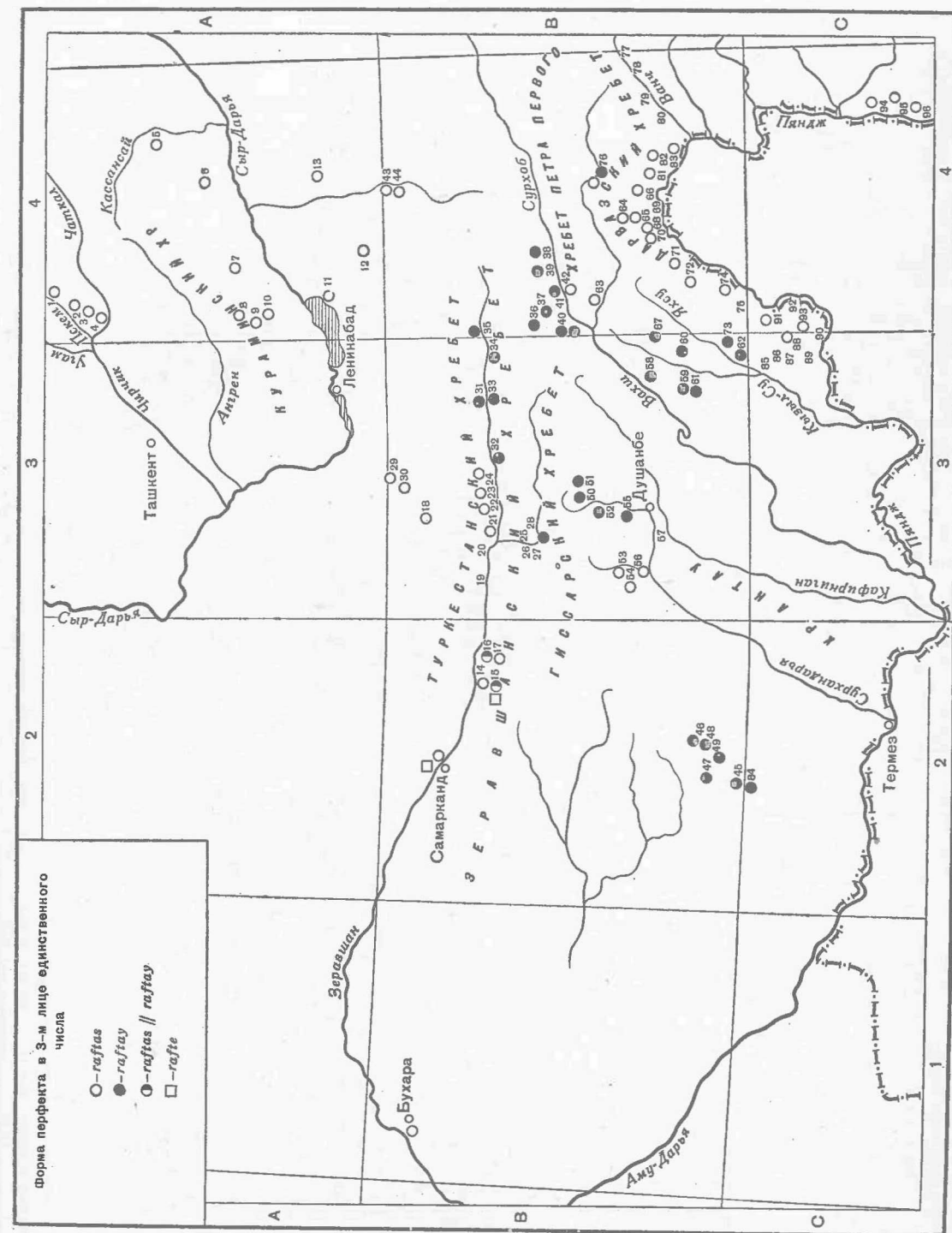
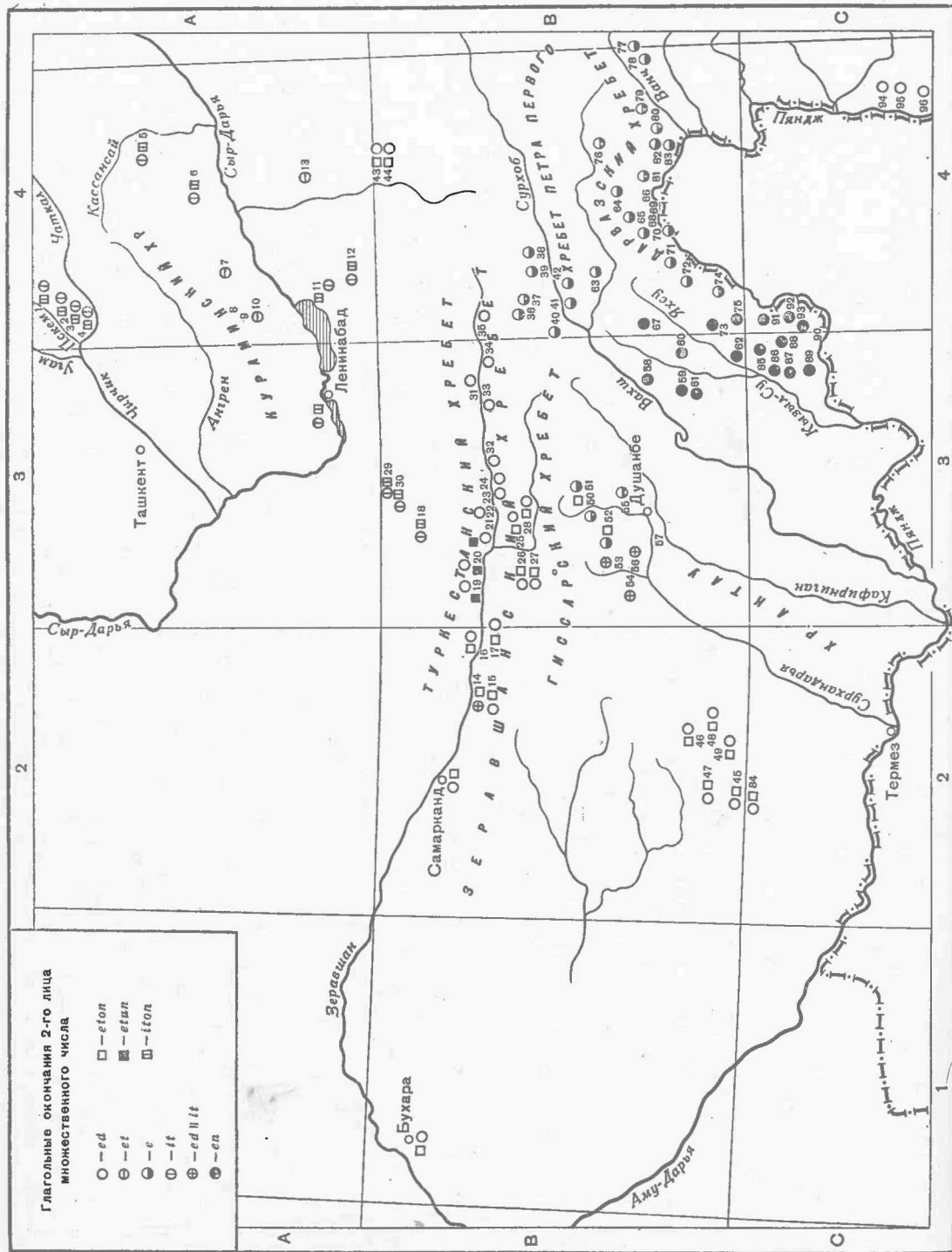
1. Пскем	A-4	32. Пастигав	B-3	64. Гишун	B-4
2. Нанай	A-4	33. Падаск	B-3	65. Хост	B-4
3. Богустан	A-4	34. Польшдорак	B-3	66. Джарф	B-4
4. Брич—Мулла	A-4	35. Рог	B-4	67. Султанмазор	B-4
5. Кассансай	A-4	36. Шинглич	B-4	68. Кадай—Хумб	B-4
6. Чуст	A-4	37. Пингон	B-4	69. Кеврон	B-4
7. Ашт	A-4	38. Джарф	B-4	70. Умарак	B-4
8. Понгаз	A-4	39. Каланак	B-4	71. Егит	B-4
9. Бобоидархон	A-4	40. Новабад	B-4	72. Сангев	B-4
10. Шайдан	A-4	41. Казнок	B-4	73. Муминабад	B-4
11. Канибадам	A-4	42. Яхакпаст	B-4	74. Зыгар	B-4
12. Исфара	A-4	43. Сох	B-4	75. Даштиджум	B-4
13. Куйбышево (Риштан)	A-4	44. Сары Канда	B-4	76. Сангвор	B-4
14. Пенджикент	B-2	45. Сайроб	B-2	77. Поймазор	B-4
15. Зебон	B-2	46. Сарисийе	B-2	78. Рованд	B-4
16. Филмандар	B-2	47. Дербент	B-2	79. Техарв	B-4
17. Костарош	B-2	48. Байсун	B-2	80. Бунай	B-4
18. Шахристан	B-3	49. Пасурхи	B-2	81. Кырговат	B-4
19. Урмитан	B-3	50. Пугус	B-3	82. Пишхарв	B-4
20. Дар-Дар	B-3	51. Деамалик	B-3	83. Пшихарв	B-3
21. Рара	B-3	52. Варвоб Кала	B-3	84. Панджоб	C-2
22. Пахурд	B-3	53. Пуштимина	B-3	85. Куляб	C-3
23. Шаватки боло	B-3	54. Шурхак	B-3	86. Чогамина	C-3
24. Вешаб	B-3	55. Чорбог	B-3	87. Сары-Чашма	C-3
25. Пети	B-3	56. Каратог	B-3	88. Зарчахо	C-3
26. Пийон	B-3	57. Гиссар	B-3	89. Джильга	C-3
27. Шурмашк	B-3	58. Сары-Хосор	B-3	90. Бог	C-3
28. Такфон	B-3	59. Сатамуш	B-3	91. Ходжагалтон	C-4
29. Гончи	B-3	60. Ховалинг	B-3	92. Йол	C-4
30. Ура-Тюбе	B-3	61. Бальджуан	B-3	93. Афтобзамин	C-4
31. Матча	B-3	62. Кипчак	B-3	94. Андероб	C-4
		63. Чилдара	B-4	95. Вогда	C-4
				96. Казиди	C-4

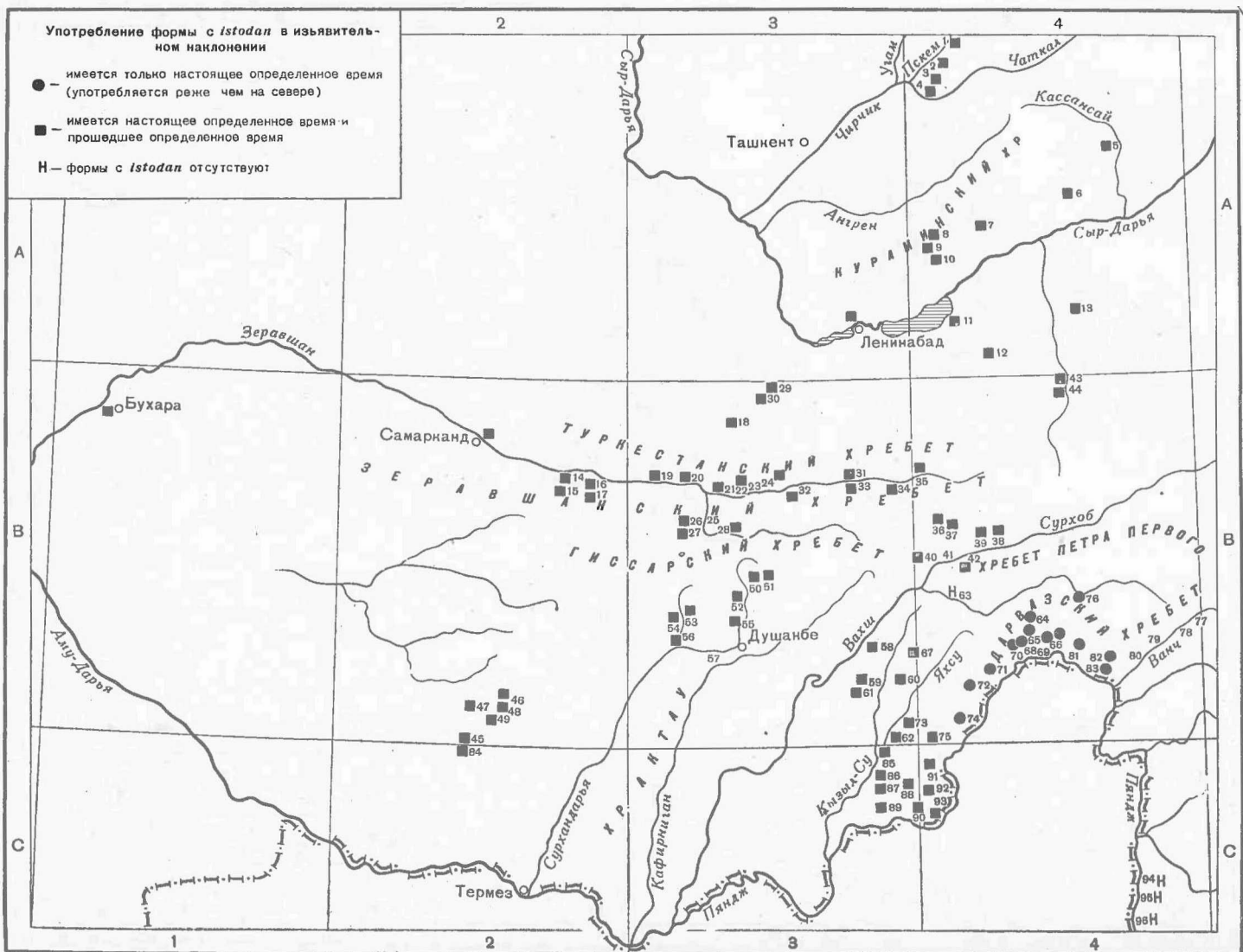
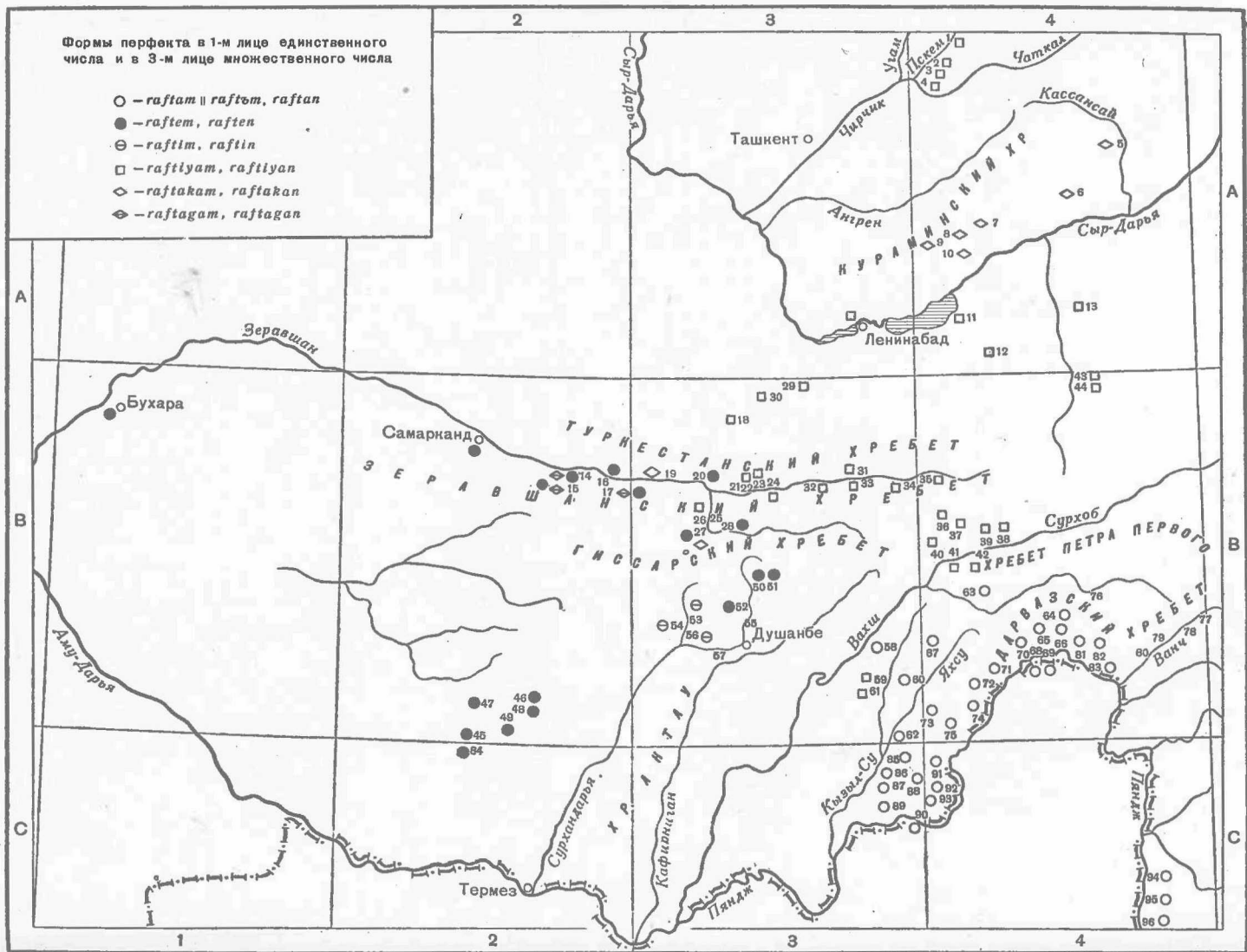

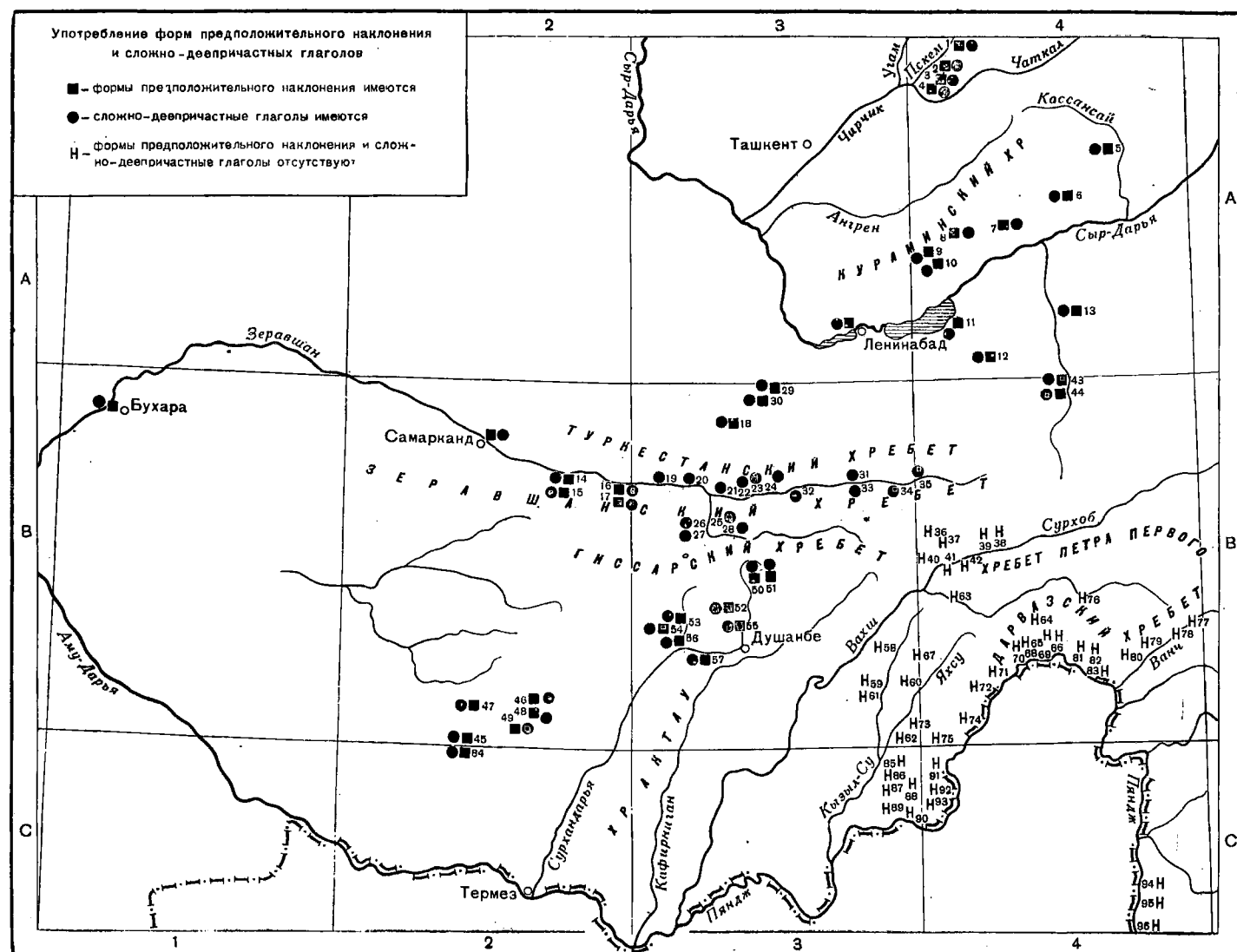
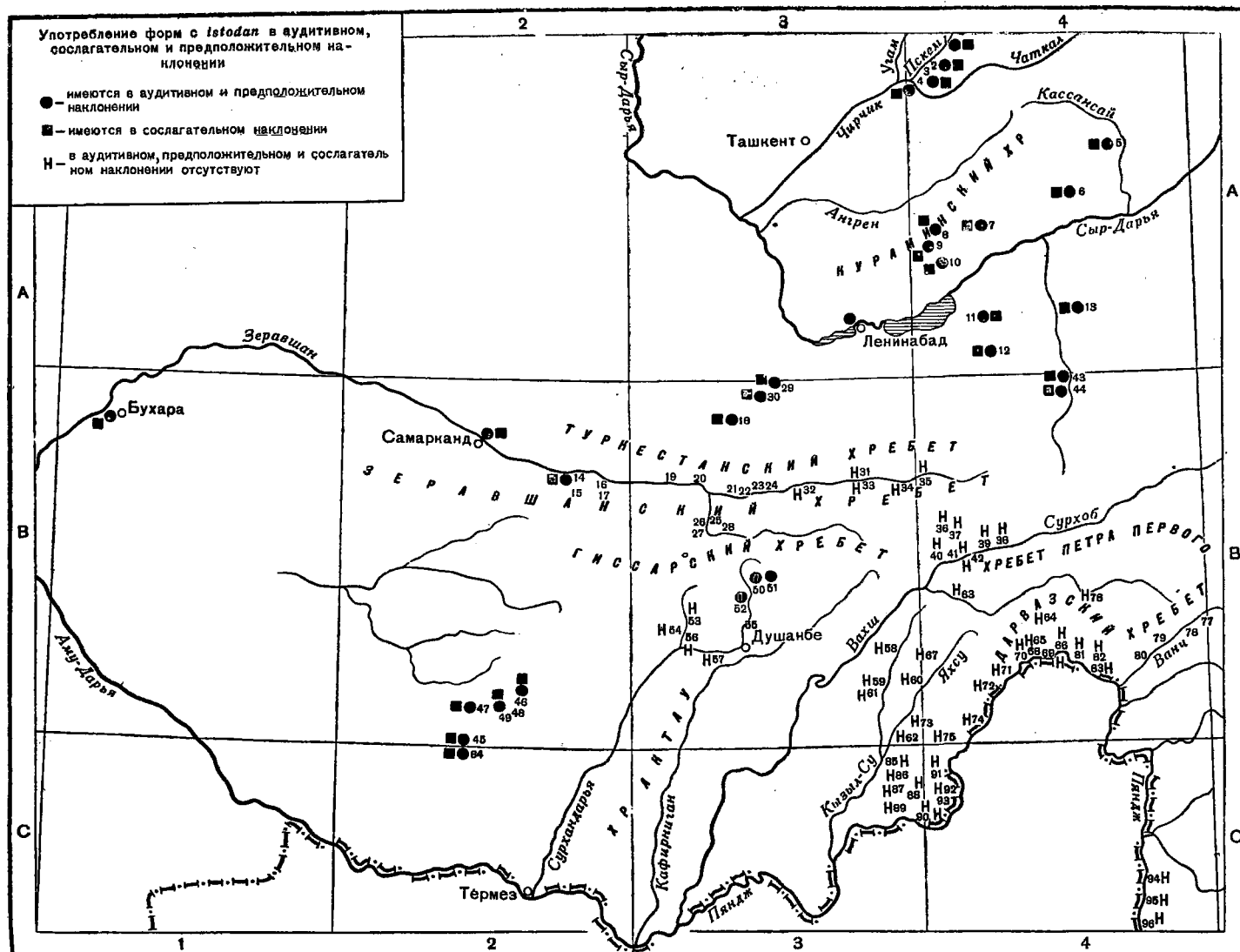

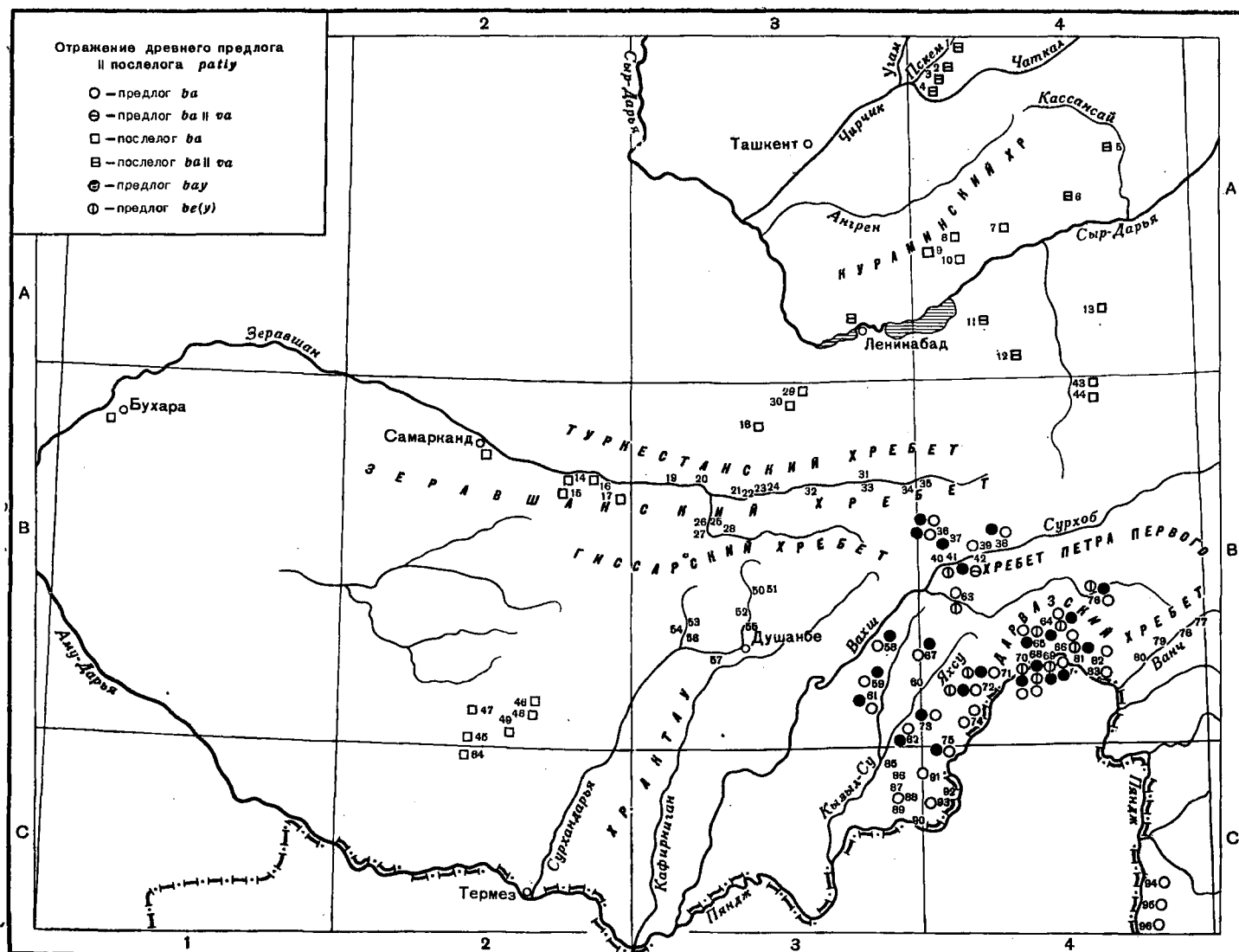
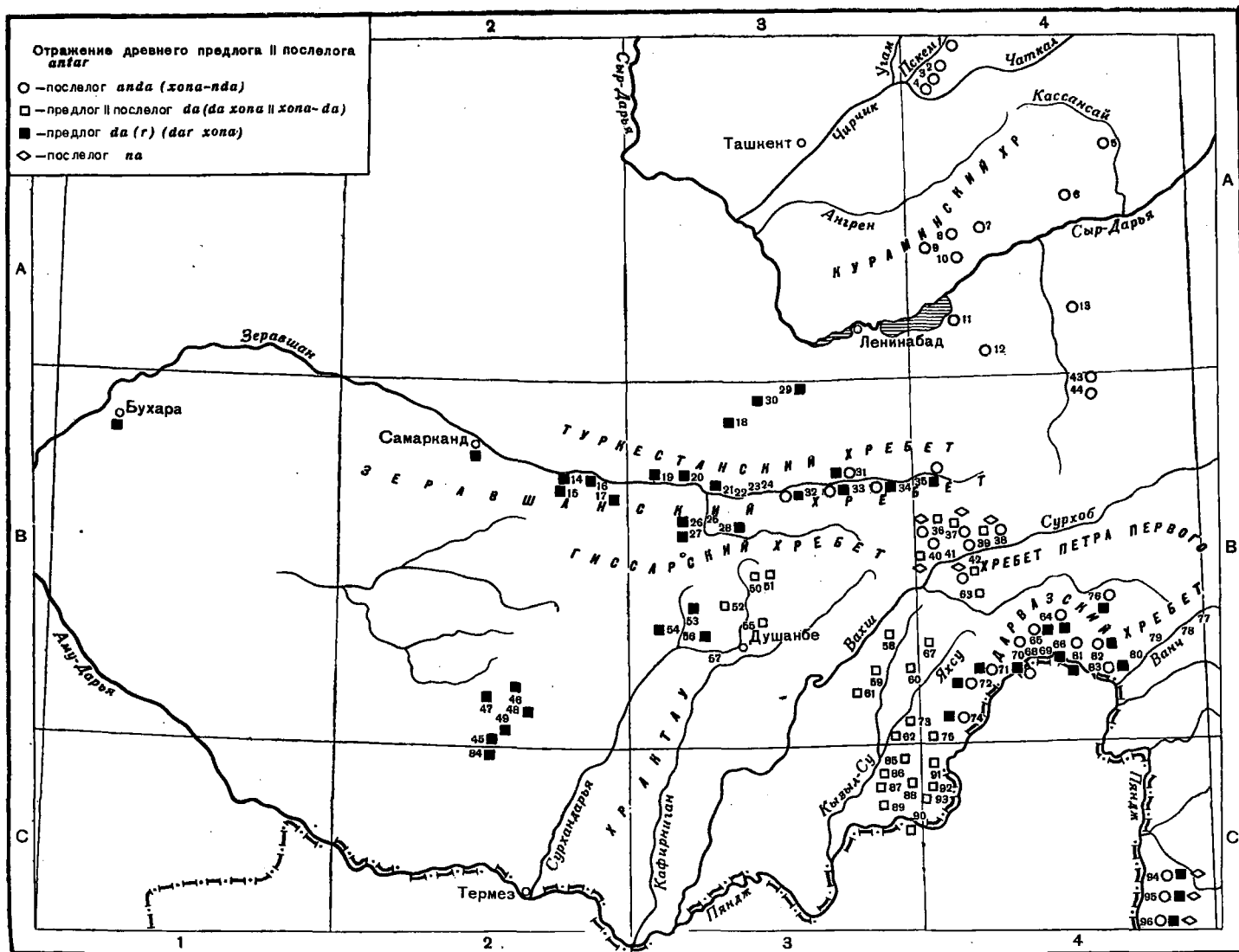

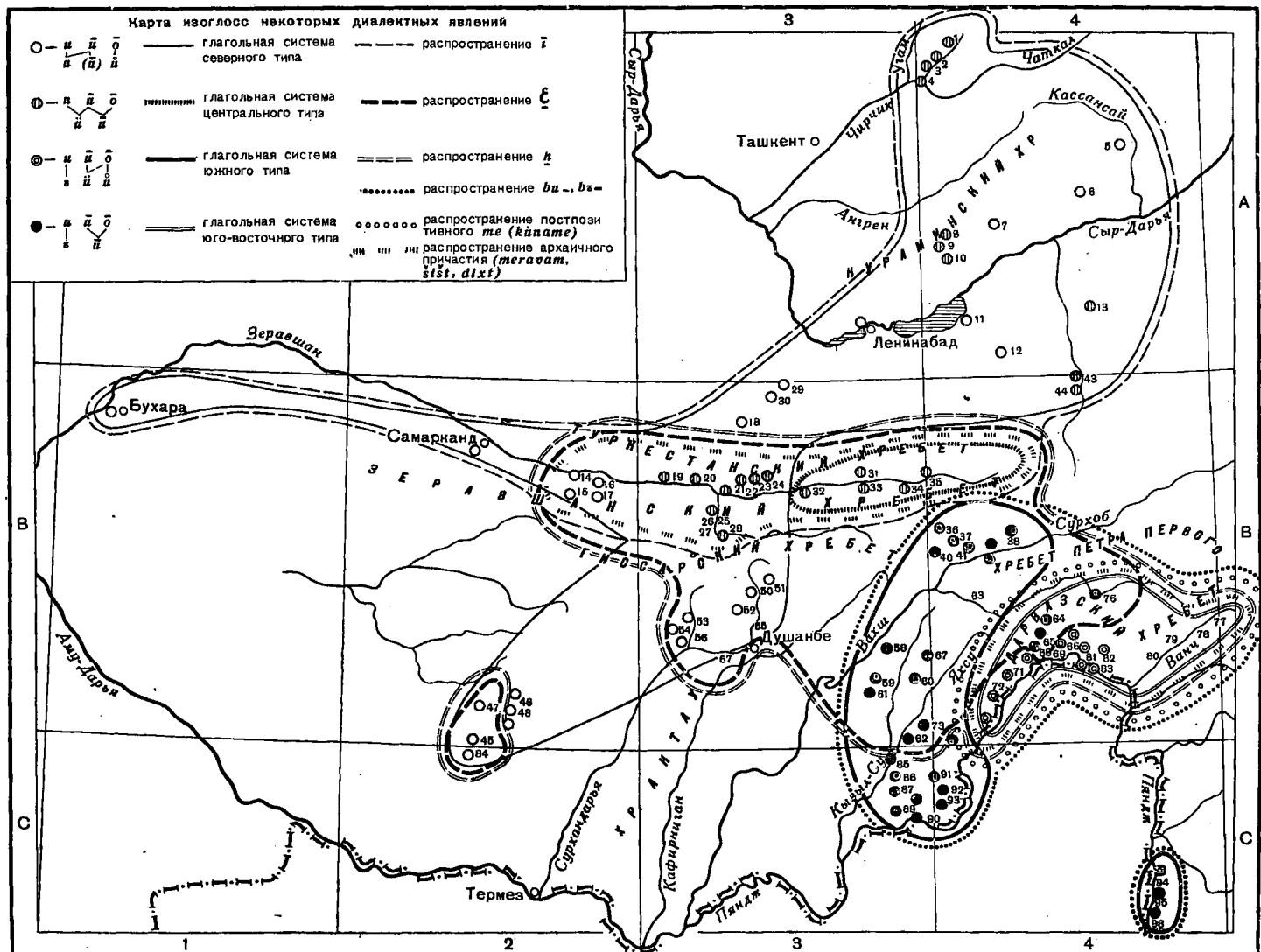
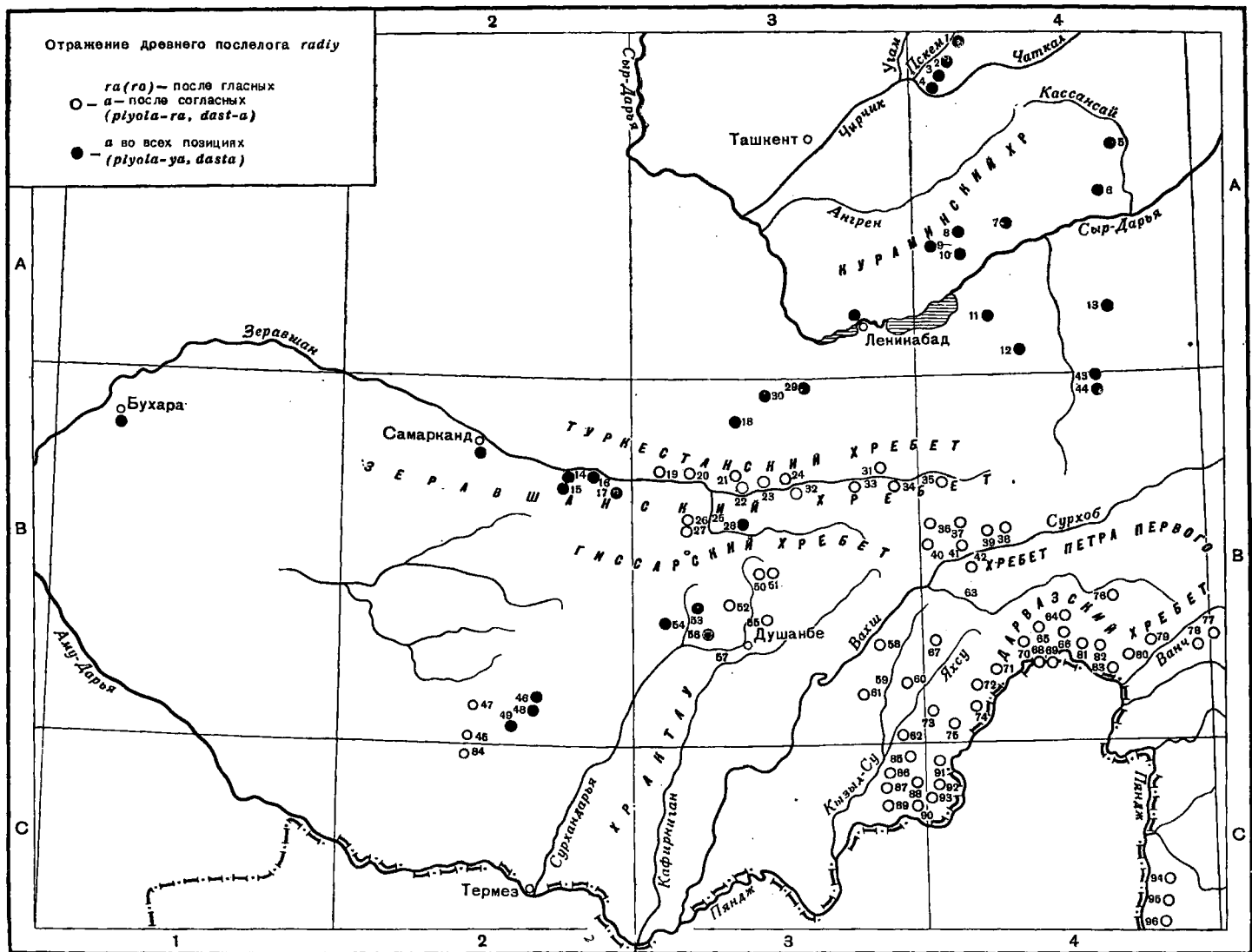

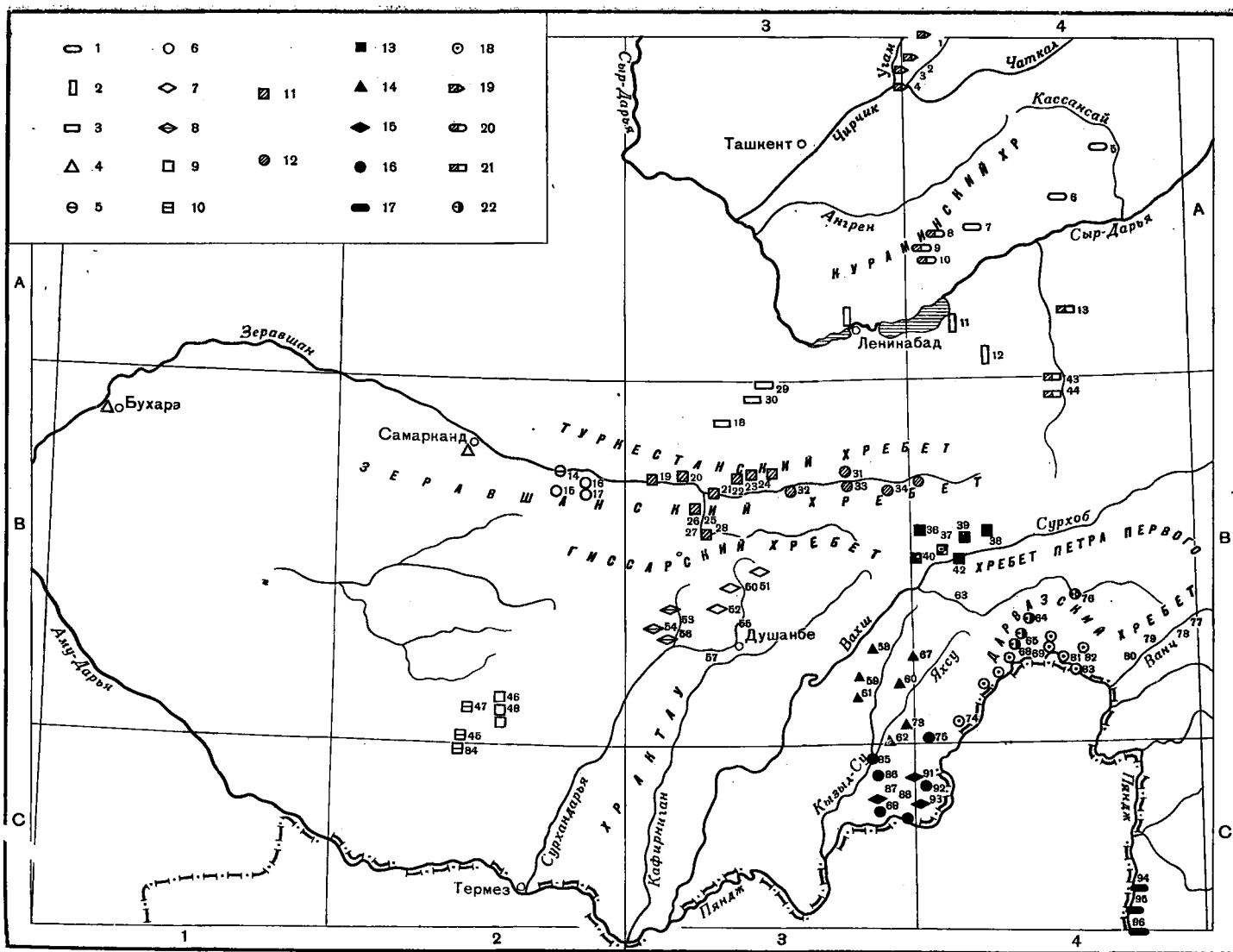

Деление таджикских
говоров на группы

- Северная группа
- 1. Восточноферганские го-
воры
 - 2. Западноферганские гово-
ры
 - 3. Ура-тюбинские говоры
 - 4. Самаркандско- бухарские
говory
 - 5. Пенджикентский город-
ской говор
 - 6. Пенджикентский сель-
ский говор
 - 7. Варзобский говор
 - 8. Каратагский говор
 - 9. Байсунские говоры
 - 10. Дербентские говоры
- Центральная
(верхнезеравшанская) группа
- 11. Фальгарские говоры
 - 12. Матчинские говоры
- Южная группа
- 13. Каратегинские говоры
 - 14. Северокулябские говоры
 - 15. Южнокулябские говоры
 - 16. Рогские говоры
 - 17. Вадахшанские говоры
- Юго-восточная
(дарвазская) группа
- 18. Припанджские говоры
- Говоры переходного типа
- 19. Верхнечирчикские гово-
ры
 - 20. Североферганские говоры
 - 21. Южноферганские говоры
 - 22. Вахинско-дарвазские
говory

БИБЛИОГРАФИЯ ПО ТАДЖИКСКОЙ ДИАЛЕКТОЛОГИИ

- Аделунг Н. С. Бричмуллинский диалект таджикского языка. Автореф. канд. дисс. Сталинабад, 1953.
- Аделунг Н. С. Некоторые особенности баксунского говора таджикского языка. «Известия АН Узбекской ССР», № 5. Ташкент, 1956.
- Аделунг Н. С. Фонетический строй богустанского говора таджикского языка. «Известия Отд. обществ. наук АН Таджикской ССР», № 1 (19). Сталинабад, 1959.
- Андреев М. С. Краткий обзор некоторых особенностей таджикских говоров (материалы). Сталинабад—Ташкент, 1930.
- Бабаев А. С. Основные различия между туземно-(бух-)-еврейским и таджикским языками. Сборник трудов Узбекского НИИ культурного строительства, т. I, вып. 2. Ташкент, 1934.
- Бегбуди Н. М. Говор самаркандских таджиков. Автореф. канд. дисс. М., 1956.
- Богоград Ю. И. Рогские говоры таджикского языка. Автореф. канд. дисс. Л., 1953.
- Богоград Ю. И. Рогские говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VI. М., 1956.
- Богоград Ю. И. Горонский говор таджикского языка. «Иранский сборник». М., 1963.
- Болдырев А. Н. Бадахшанский фольклор. «Советское востоковедение», т. V. М.—Л., 1948.
- Боровков А. К. Таджикско-узбекское двуязычие и вопрос о взаимовлиянии таджикского и узбекского языков. «Ученые записки Ин-та востоковедения АН СССР», т. IV. М., 1952.
- Бузургзода Л. Чорбайтҳои халқи ва хусусиятҳои шеваи Конибодом. «Известия Таджикского филиала АН СССР», № 1. Сталинабад, 1941.
- Воҳидов З. Мақоми «ӯ» ва «у» дар лаҳҷаи Дарво. «Сборник студенческих научных работ Таджикского гос. ун-та», вып. 1. Сталинабад, 1954.
- Джалалов О. Д. Отношение чувствского диалекта к таджикскому литературному языку. Сталинабад, 1949.
- Зарубин И. И. Этнологические задачи экспедиции в Таджикистане. «Известия АН СССР», 1926.
- Зарубин И. И. Отчет об этнологических работах в Средней Азии летом 1926 г. «Известия АН СССР», 1927.
- Зарубин И. И. Очерк разговорного языка самаркандских евреев. Сб. «Иран», т. II. Л., 1928.
- Иванова С. Ю. Говор таджиков г. Пенджикента. Автореф. канд. дисс. М., 1952.
- Иванова С. Ю. Материалы по пенджикентскому говору таджикского языка. «Труды Ин-та языкознания АН СССР», т. VI. М., 1956.
- Керимова А. А. Говор таджиков Бухары. М., 1959.
- Керимова А. А. Особенности говора кишлака Рарва. «Иранский сборник». М., 1963.
- Кисляков Н. А. Описание говора таджиков Вахио-Боло. Труды Таджикстанской базы АН СССР, т. III. Лингвистика. Сталинабад, 1936.
- Климичик С. И. Дарвазские фохлавийот. «Труды Таджикской базы АН СССР», т. IX. Сталинабад, 1940.
- Кузнецов П. Е. Сравнительный грамматический очерк таджикского и сартовского наречий. «Известия Туркестанского отд. Русского геогр. об-ва», т. X, вып. 2, ч. 1. Ташкент, 1915.
- Мелех Н. А. Таджикские говоры и их распространение. «Вестник МГУ», 1960, № 14. Серия истории, языка и лит-ры, вып. 3.
- Неменова Р. Л. Некоторые особенности балджуанских говоров таджикского языка. «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1954, № 5.

- Неменова Р. Л. Изучение юго-восточных таджикских говоров. «Ученые записки Таджикского гос. ун-та», т. II. Серия гуманитарных наук. Сталинабад, 1954.
- Неменова Р. Л. Кулябские говоры таджикского языка (северная группа). Сталинабад, 1956.
- Неменова Р. Л. Вокализм таджикских говоров Дарваза. «Иранский сборник». М., 1963.
- Ниязмухамедов Б. Канибадамское наречие таджикского языка. Сталинабад, 1954.
- Расторгуева В. С. К характеристике варзобского говора таджикского языка. «Вестник МГУ», 1948, № 6.
- Расторгуева В. С. Очерки по таджикской диалектологии. Вып. 1. Варзобский говор таджикского языка. М., 1952; вып. 2. Северные таджикские говоры полосы Шайдан—Ашт—Чуст—Кассансай. М., 1952; вып. 3. Ленинабадско-канибадамская группа северных таджикских говоров. М., 1956; вып. 4. Южноферганские говоры (Риштан, Сох) и говоры ура-тюбинской группы. М., 1961; вып. 5. Таджикско-русский диалектный словарь. М., 1963.
- Расторгуева В. С. Опыт классификации таджикских говоров. Брошюра в серии «Доклады делегации СССР на XXV Международном конгрессе востоковедов». М., 1960; то же на английском языке «An Essay of Classification of Tajik Dialects». Брошюра в серии «Доклады делегации на XXV Международном конгрессе востоковедов». М., 1960; то же в книге «Труды двадцать пятого Международного конгресса востоковедов. Москва, 9—16 августа 1960», т. 2. М., 1963.
- Розенфельд А. З. Каратегинские говоры. Сб. «Иранские языки», I. М.—Л., 1950.
- Розенфельд А. З. Говоры Каратегина. Сталинабад, 1959.
- Розенфельд А. З. Некоторые вопросы таджикской диалектологии. «Вестник МГУ», 1951, № 7.
- Розенфельд А. З. Ванчские говоры. «Доклады АН Таджикской ССР», вып. V. Сталинабад, 1952.
- Розенфельд А. З. К вопросу о памирско-таджикских языковых отношениях. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI. М., 1956.
- Розенфельд А. З. Таджикоязычное население Северного Бадахшана. «Советская этнография», 1963, I.
- Розенфельд А. З. Дарвазские говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», т. VI. М., 1956.
- Семенов А. А. Материалы для изучения наречия горных таджиков Центральной Азии. Вып. 1—М., 1900; вып. 2—М., 1901.
- Соколова В. С. Фонетика таджикского языка. Л., 1949.
- Соколова В. С. Итоги кулябской диалектологической экспедиции. «Труды Таджикского филиала АН СССР», т. XXIX. История, археология, этнография и литература. Сталинабад, 1951.
- Соколова В. С., Неменова Р. Л., Богорад Ю. И. Новые сведения по фонетике иранских языков. I. Юго-восточные говоры таджикского языка. «Труды Ин-та языковедения АН СССР», М., 1952.
- Тагирова К. Т. Таджикские говоры Бастандыкского района Казахской ССР. Автореф. канд. дисс. М., 1952.
- Тагирова К. Т. Таджикские говоры Бастандыкского района Узбекской ССР. Сталинабад, 1959.
- Успенская Л. В. Каратагский говор таджикского языка. Автореф. канд. дисс. М., 1949.
- Успенская Л. В. Каратагский говор таджикского языка. Сталинабад, 1956.
- Успенская Л. В. Говоры таджиков Гиссарского района. Душанбе, 1962.
- Хамроқулов Х. Пешоянд ва пасояндҳои шеваи Дарбанд (аз ғуруҳи шеваи Бойсуз). «Очеркҳои оид ба филологияи тоҷик. Маҷмӯаи илмии аспирантҳо». Ҷилди IV. Сталинабад, 1958.
- Хамроқулов Х. Шеваҳои тоҷикони райони Бойсуз. Душанбе, 1961.
- Хромов А. Л. Особенности вокализма матчинских говоров. «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1958, № 1.
- Хромов А. Л. Некоторые грамматические особенности говоров Матчи. «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1959, № 1 (19).
- Хромов А. Л. Говоры таджиков Матчинского района. Душанбе, 1962.
- Эшниево М. Баъзе қайҳо доир ба лексикаи забони тоҷикони хардурӣ. «Известия АН Таджикской ССР». Отд. обществ. наук, 1959, № 1 (19).
- Юсупов К. Языковые взаимоотношения узбекского и таджикского народов (на материалах ферганского говора таджикского языка). Автореф. канд. дисс. Ташкент, 1957.
- Яблонская В. Я. Особенности даштиджумского говора таджикского языка. «Ученые записки Сталинабадского пед. ин-та». Серия филол., 1954, т. 4.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ав. — авестийский
ар. — арабский
ашт. — аштский
варз. — варзобский
дерб. — дербентский
др.-ир. — древнеиранский
др.-п. — древнеперсидский
исф. — исфаринский
кан. — канибадамский
кас. — кассансайский
кл. — классический
кул. — кулябский
лен. — ленинабадский
матч. — матчинский
н.-п. — новоперсидский
общетадж. — общетаджикский
пендж. — пенджикентский
паз. — павендский

ришт. — рипшанский
рогск. — рогский
сам. — самаркандский
санскр. — санскрит
сев. — северные говоры
ср.-п. — среднеперсидский
сам.-евр. — самаркандско-еврейский
сам.-тадж. — самаркандско-таджикский
тадж. — таджикский
узб. — узбекский
фальг. — фальгарский
ферг. — ферганский
хипт. — хиптхонинский
центр. — центральные говоры
чуст. — чустский
шайд. — шайданский
шугн. — шугнанский
южн. — южные говоры

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Степень изученности таджикских говоров	3
Условия формирования таджикских говоров	11
Задачи данной работы	14
Фонетика	17
Вокализм	17
Из истории таджикского вокализма	17
Отражение гласных исходной системы в таджикских говорах	19
Гласные <i>a, ā, ē</i>	19
Гласные <i>i, ī</i>	20
Гласные <i>u, ū, ō</i>	23
Отклонения от основных линий исторических соответствий гласных	28
Эволюция всей системы вокализма в целом	31
Общие замечания	31
Северный тип вокализма	31
Южный тип вокализма	34
Центральный (или верхнезеравшанский) тип вокализма	35
Юго-восточный (или дарвазский) тип вокализма	37
Внутренние закономерности развития таджикского диалектного вокализма	38
Следы междиалектного взаимодействия в вокализме	39
Следы иноязычного влияния в таджикском диалектном вокализме	40
Консонантизм	42
Из истории таджикского консонантизма	42
Консонантизм таджикских говоров	44
Согласные, унаследованные от исходной системы	44
Согласные, заимствованные из других языков	51
Типы таджикского диалектного консонантизма	52
Морфология	54
Именные части речи	54
Из истории именных частей речи в таджикском языке	54
Множественное число имен в таджикских говорах	56
Показатель единичности и неопределенности в таджикских говорах	59
Степени сравнения и интенсивная форма прилагательных в таджикских	
говорах	59
Личные местоимения 1-го и 2-го лица	60
Формы, унаследованные от исходной системы	60
Новообразования	62
Личные местоимения 3-го лица	63
Местоименные энклитики	65
Указательные местоимения	67
Указательные местоимения, унаследованные от исходной системы	67

Новообразования в области указательных местоимений	68
Вопросительные местоимения	69
Местоимения, унаследованные от исходной системы	69
Новообразования и заимствования из узбекского языка	70
Возвратное и притяжательное местоимение <i>xud</i>	70
Числительные	71
Количественные числительные	71
Порядковые числительные	71
Числительные, заимствованные из узбекского языка	71
Глаголы	72
Из истории таджикского глагола	72
Глагольные основы	75
Личные окончания (первичные)	76
Глагольная связка и вторичные глагольные окончания	77
Приставки	79
Формы, унаследованные от классического периода	80
Повелительное наклонение, аорист, настоящее-будущее время	80
Простое прошедшее время и длительное прошедшее время изъявительного наклонения	81
Формы 3-го лица единственного числа на -ак в прошедших временах глагола	82
Преждепрошедшее время изъявительного наклонения	82
Формы перфекта (перфект I и II, преждепрошедший перфект)	84
Формы сослагательного наклонения	87
Инфинитив и деепричастие	88
Формы, возникшие на таджикской диалектной базе	88
Длительное преждепрошедшее время	88
Формы с <i>istodan</i>	88
Формы с <i>xoraftan</i>	92
Новые формы перфекта	92
Новые формы сослагательного наклонения	94
Предположительное наклонение	95
Причастия на -gi	97
Причастия будущего времени	99
Деепричастия настоящего определенного времени	100
Сложнодеепричастные глаголы	101
Парные глаголы	101
Эволюция всей системы глагола в целом	102
Общие замечания	102
Юго-восточный (дарвазский) тип таджикской диалектной системы глагола	102
Южный тип таджикской диалектной системы глагола	104
Центральный (матчинский) тип таджикской диалектной системы глагола	106
Северный тип таджикской диалектной системы глагола	107
Наречия	114
Предлоги и послелоги	114
Предлоги и послелоги, унаследованные от исходной системы	114
Вторичные (отыменные) предлоги и послелоги	117
Послелоги, заимствованные из узбекского языка	118
Внутренние закономерности развития таджикской диалектной морфологии	119
Дальнейшее усиление аналитизма	119
Унификация дублирующих морфологических элементов	120
Восполнение недостающих звеньев внутри системы	121
Явления вторичного синтеза	126
Следы иноязычного влияния в таджикской диалектной морфологии	129
Общие замечания	129
Калькирование узбекских составных и описательных форм	129

Функциональное сближение таджикских и узбекских форм	136
Усиление некоторых процессов под влиянием узбекского языка	139
Заемствование отдельных морфологических элементов	140
Взаимодействие внешних и внутренних факторов	141
Некоторые сведения по синтаксису	143
Основные диалектные расхождения в области синтаксиса	143
Следы иноязычного влияния в таджикском диалектном синтаксисе	146
Краткие сведения по лексике	149
Диалектные расхождения в области лексики	149
Лексические заимствования из других языков	151
Опыт классификации таджикских говоров	154
Карты. Список населенных пунктов, обозначенных на диалектологических картах	163
Библиография по таджикской диалектологии	183
Список сокращений	185

Вера Сергеевна Расторгуева

Опыт сравнительного изучения таджикских говоров

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Редактор Издательства *Е. А. Поцелуевский*. Художник *А. П. Николаев*.
Технический редактор *Ф. М. Хенох*

Сдано в набор 27/II 1964 г. Подписано к печати 22/VI 1964 г. Формат 70 × 108^{1/16}. Печ. л. 11,75
Усл. печ. л. 16,09. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 1000 экз. Изд. № 2412. Тип. зак. № 640.
Темплан № 405 1964 г.

Цена 1 р. 05 к.

Издательство «Наука», Москва, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука», Ленинград, В-34, 9 линия, дом 12

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
19	24 св.	<i>māta</i>	<i>matar-</i>
23	12 сн.	<i>rōy</i>	<i>rod</i>
23	11 сн.	ср.-п. <i>surx</i>	ср.-п. <i>suxr</i>
26	2 сн.	О. И. Богорад	Ю. И. Богорад
41	2 св.	<i>tireb</i>	<i>fireb</i>
48	27 св.	др.-п. <i>svafna</i>	др.-п. <i>svapna</i>
112	19 св.	шесть	семь
112	11 сн.	наличных ;	неличных
139	22 сн.	<i>-ri</i>	<i>-чи</i>
141	27 св.	<i>gittan</i>	<i>gittam</i>
141	20 сн.	<i>tafbuya</i>	<i>tarbiya</i>
146	2 сн.	<i>xalxi</i>	<i>xalxi</i>

В. С. Расторгуева. Опыт сравнительного изучения таджикских говоров